

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3 (18)

Киров
2007

ББК 74.58 я 5

В 38

Главный редактор

В. С. Данюшенков

Редакционная коллегия:

В. Т. Юнгблуд (зам. главного редактора),
М. С. Судовиков (отв. секретарь),
К. С. Лицарева, Л. А. Мосунова,
Н. И. Поспелова, В. Н. Оношко,
Т. Я. Ашихмина, Г. И. Симонова,
М. И. Ненашев, Е. В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (Издательский центр)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

ISBN 978-5-93825-486-2

© Вятский государственный гуманитарный университет, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Данюшенков В. С. Система стратегического управления качеством профессионального образования в Вятском государственном гуманитарном университете 6

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Останина О. А. Знак, символ, текст в историческом познании 12

Моторина Л. Е. Фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера 19

Ефимова Н. М. Живой телесный космос Андрея Платонова. Смерть как возвращение 26

ИСТОРИЯ

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Р. Ю. Виппер и развитие теории исторического познания 33

Костин А. А. Американско-югославские противоречия

по вопросу использования воздушного пространства ФНРЮ (1946 г.) 44

Машиковцев А. А. Вятская ссылка епископа Адама Красинского 50

Далина О. А. Реформа Временного правительства в области городского самоуправления 56

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Тихонова А. Ю. Влияние культурологических факторов

на развитие регионального менталитета 64

Голенок М. П. Дизайн в культуре русского авангарда:

самоопределение, функционирование, дискурс идентичности 68

Колобова Ю. И. Культурология личности: к проблеме статуса понятия 75

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Стахов А. И. О систематизации и унификации административно-юрисдикционных мер обеспечения безопасности 81

Фольгерова Ю. Н. Становление и развитие

институтов несостоятельности в римском праве 86

Перминов А. В. Организация индивидуальной профилактики

структурными подразделениями исправительного учреждения

поступления запрещенных предметов осужденным 90

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кудреватых А. П. Типы семантических отношений в слове 95

Кожина Н. С. Фактор продуцента персуазивного сообщения в речевом воздействии 99

Краузе М. Субъективная частотность во внутреннем лексиконе:

методы и результаты 102

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Яновская М. Г.</i> Эмоциональное стимулирование как педагогическая технология образовательного процесса	109
<i>Помелов В. Б.</i> Вклад В. М. Бехтерева в отечественную педагогику и психологию	117
<i>Корчагина Г. И.</i> Позиция самоутверждения как показатель потенциала самоутверждения личности	124
<i>Сафаева Е. В.</i> Профессиональные самопрогнозы студентов с разным уровнем самооценки	129

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Калинина Д. А.</i> Законодательная база регулирования жизни и деятельности политических ссыльных на примере Вятской губернии	133
<i>Киселева Е. П.</i> Психологические особенности взаимосвязи направленности мотивации учебной деятельности и самоотношения студентов вуза	138
<i>Смифнова С. И.</i> Проблема перехода учащихся с задержкой психического развития в среднюю школу	142
<i>Ленина С. В.</i> Языковое пространство немецкой культуры в срезе англоязычного влияния	145
<i>Березина Ю. В.</i> Факторы русско-немецкого языкового взаимодействия (на материале речи российских немцев Кировской области)	149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Байкова О. В., Сапток К., Сметанина З. В.</i> «Русская региональная речь Вятки: лингвистический и социолингвистический аспекты»	153
<i>Судовиков М. С.</i> Конференция по истории земского самоуправления	156
<i>Вахрушева Л. Н., Савинова С. В.</i> Вхождение ребенка дошкольного возраста в систему российского образования: позиции ребенка, родителя и педагога	156

РЕЦЕНЗИИ

<i>Козлихин И. Ю.</i> О канадском федерализме	158
<i>Охорзин Н. Д.</i> Новая монография о свойствах и истории становления серых лесных автоморфных и полугидроморфных полигенетических почв Вятского Прикамья	159

CONTENTS

- Данюшенков V. S. ??????????*
Ostanina O. A. Sign, symbol, text in the historical cognition
Motorina L. E. Fundamental ontology of Martin Heidegger
Efimova N. M. Andrey Platonov's alive corporal space. Death as returning
Новиков, Перфилова
Kostin A. A. The American-Yugoslavian contradictions concerning use of air space of the FPRY (1946)
Машковцев
Далина
Tikhonova A. Yu. The influence of cultural factors on the development of regional mentality
Golenokh M. P. Design in the culture of Russian avant-garde: self-definition, functioning, discourse of identity
Kolobova Yu. I. Cultural dimension of personality: problems of conception status
Stakhov A. I. About systematization and unification of administrary-juridiciary measures of guaranteeing security
Folgerova Yu. N. Establishing and developing competition process in Roman law
Perminov A. V. The organization of individual preventive measures by the structural departments of the correctional institution of the entrance of prohibited articles to the convicts
Kudrevatykh L. P. Types of Semantic Relations in a Word
Kozhina N. S. Persuasive communication and its source
Krause M. Subjective word frequency in inner lexicon: methods and results
Yanovskaya M. G. Emotional Stimulation As Educational Technology
Pomelov V. B.
Korchagina G. I. Position of self-affirmation as indicator of self-affirmation potential of the person
Saraeva E. V. Self-forecast of students with different level of self-estimation regarding professional future
Kalinina D. A. Legislative base of the political's life and activity control in Vyatka gubernia
Kiseleva E. P. Psychological peculiarities of high school student's learning activity motivation and self-conciseness on correlation
Smirnova S. I. Transition problem of pupils with psychological growth trouble to a secondary school
Lenina S. V. The lingual expanse of the German culture under the influence of English
Berezina Yu. V. Aspects of the Russian-German language interaction (on the base of the speech of the Russian-Germans in the Verhnekamsky region)
Baykova O. V., Sappok K., Smetanina Z. V. About international research project "The Russian regional speech of Vyatka: linguistic and social-linguistic aspects"
Судовиков...
Вахрушева, Савинова...
Козлихин...

**СИСТЕМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ВЯТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Под «качеством профессионального образования» нами понимается: качество выпускника вуза – специалиста сферы профессионального обучения, определяемое развитием его социальных, культурно-духовных и профессионально-деятельностных способностей на уровне профессии данной специальности; «качество выпускника вуза» формируется как интегральная характеристика – единство социальных, профессиональных и личностно значимых свойств, не сводимых ни к одному из них.

Вятский государственный гуманитарный университет как модель классического университета фокусирует стратегию деятельности на совершенствование образовательного процесса, расширение спектра образовательных услуг и углубление фундаментальных исследований гуманитарной направленности. Университет такого типа выполняет особую роль в подготовке кадров для научных учреждений широкого социального профиля, преподавателей по общенаучным дисциплинам для вузов и других учебных заведений.

В организационно-образовательную систему входят научно-образовательные центры, комплексы, колледжи, факультеты, кафедры, профессорско-преподавательский состав и студенты. Кроме этого созданы особые административные группы, осуществляющие организацию учебного процесса. Это учебно-методическое управление, отдел дистанционного обучения, центры для дополнительного образования. Взаимоотношения и взаимосвязи между данными элементами, определяющие структуру ВятГГУ, служат основой организации иерархического управления в нем.

Каждая из перечисленных выше составляющих вуза представляет собой подсистему управления, которая в иерархии всей системы управления соответствует определенному уровню.

Нами в системе управления качеством профессионального образования в ВятГГУ выделяется пять уровней управления: университет, факультет, кафедра, преподаватель, студент.

Мы считаем, что качество образовательного процесса складывается из следующих компонентов:

- уровень дипломированных специалистов (ППС);
- уровень учебно-материальной базы (УМБ);
- уровень библиотечного фонда (БФ);
- уровень организации учебно-научной деятельности подразделений (УНД П);
- уровень информатизации вуза (ИВ);
- уровень организации воспитательного процесса.

**Уровень системы управления качеством –
университет**

Направления, *обеспечивающие качество деятельности* университета на данном уровне, определяются исходя из необходимости реализации государственных образовательных стандартов по специальностям высшего образования в ВятГГУ, а также программы развития университета. Для реализации данных документов необходимо обеспечить соответствующее функционирование университета как образовательной системы. Направления такой деятельности представляются по схеме: «вход» —> «функционирование» —> «выход».

На «входе» университет как субъект управления:

- обеспечивает четкость организационной структуры функционирования вуза;
- определяет специальности (направления) и специализации подготовки, а также уровень реализации образовательных программ;
- разрабатывает содержание образовательных программ в соответствии с требованиями ГОС;
- определяет структуру образовательного процесса, качественный состав профессорско-преподавательского корпуса, материальные и педагогические условия обеспечения образовательного процесса, основные направления и содержание деятельности факультетов по реализации приня-

той концепции развития высшего профессионального образования в вузе, программы развития университета и качественный прием абитуриентов.

В плоскости «функционирование» реализуются образовательная, научная и научно-методическая, организационно-управленческая и контрольно-оценочная деятельность университета, каждая из которых наполнена соответствующим содержанием.

Образовательная деятельность включает в себя реализацию образовательного процесса, оперативный и системно-итоговый анализ и оценку достижения его качественных параметров по результатам сессий, защиты выпускных работ и текущих контрольно-оценочных испытаний. Кроме того, осуществляется общая координация деятельности факультетов по обеспечению нормального функционирования образовательного процесса, обобщенный анализ и оценка соответствия создаваемых на факультетах педагогических условий требованиям Государственного образовательного стандарта.

Научная и научно-методическая деятельность состоит из следующих основных видов:

- организация исследований по актуальным проблемам профессионального и социально-гуманитарного образования, а также в предметных областях, соответствующих профилю подготовки специалистов;
- организация исследований по выявлению состояния качества образовательного процесса;
- разработка критериальной, нормативной и инструментальной базы оценки качества образовательного процесса;
- координация научных исследований в подразделениях университета;
- обеспечение научно-методического сопровождения образовательного процесса;
- подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации через аспирантуру, докторантуру и соискательство;
- обеспечение процесса повышения научно-педагогической квалификации преподавателей университета;
- организация научных конференций по актуальным проблемам, исследуемым в университете;

– создание исследовательских лабораторий, центров, институтов.

Организационно-управленческая и контрольно-оценочная деятельность предполагает сопровождение образовательного процесса через создание и обеспечение функционирования Ученого и Учебно-методического советов университета, определение функционально-управленческих полномочий и координацию деятельности в организационной структуре вуза. Данная деятельность включает мероприятия, связанные с анализом и оценкой выполнения принимаемых в вузе решений, эффективности деятельности его организационных структур.

На «выходе» университет осуществляет анализ и оценку качества подготовки специалистов по специальностям и специализациям, а также деятельность университета по реализации Государственного образовательного стандарта и программы развития университета на ближайшие годы.

Второй уровень управления качеством в ВятГГУ – факультет

Основная задача, решаемая на данном уровне, заключается в обеспечении и развитии качества процесса подготовки специалистов по соответствующим специальностям и специализациям.

Обеспечение качества процесса подготовки на факультете реализуется в нескольких направлениях и включает следующие основные виды деятельности: учебно-воспитательную, учебно-научно-методическую, научно-исследовательскую, организационную, в подборе квалифицированного профессорско-преподавательского состава и соответствующей материально-технической базы для учебного процесса.

В содержание учебно-воспитательной деятельности входит:

- определение перечня специальностей и специализаций, реализуемых на факультете;
- обеспечение гуманитарного, общепрофессионального, специального и других циклов подготовки соответствующими учебными планами специальностей и специализаций;

– реализация всех форм лекционных, лабораторно-практических учебных занятий, практик, экзаменов, зачетов и др.;

– общая координация деятельности кафедр по обеспечению нормального функционирования образовательного процесса;

– постоянное отслеживание соответствия кафедральных образовательных систем требованиям ГОС и принятой в университете концепции образования;

– оценка качества результатов учебной деятельности кафедр;

– организация системы предметной воспитательной работы и выпуска интеллигента-специалиста.

Учебно-научно-методическая деятельность на уровне факультета предусматривает:

– организацию научно-методических исследований по проблеме обеспечения качества учебного процесса;

– разработку комплекса учебно-программной документации для всех специальностей и специализаций, по которым ведется подготовка;

– организацию разработки и обновления учебно-методического обеспечения всех дисциплин, преподаваемых на кафедрах, а также издания учебно-методической литературы;

– обеспечение функционирования методических комиссий и советов.

Научно-исследовательская деятельность, обеспечивающая научный фундамент образовательного процесса, включает:

– определение тематики научных исследований в рамках научных направлений, разрабатываемых в университете;

– активное привлечение профессорско-преподавательского состава и студентов к участию в научных исследованиях по грантам разного уровня, по проблемам прикладного и фундаментального характера;

– анализ и оценку эффективности научных исследований и уровня использования их результатов в учебном процессе;

– организацию научно-методических конференций, научных семинаров и т. п.

Организационная деятельность на данном уровне управления предполагает:

– общую координацию функционирования кафедр;

– определение и обновление содержания управленческо-функциональных полномочий организационных структур факультета;

– анализ и оценку эффективности деятельности организационных структур факультета;

– обеспечение работы Ученого совета и других организационных структур.

Обеспечение качества профессорско-преподавательского состава осуществляется путем реализации планов повышения квалификации и подготовки кадров через аспирантуру и докторантуру, составленных с учетом результатов анализа и оценки фактического уровня научно-педагогической квалификации преподавателей.

Материально-техническое обеспечение учебного процесса на основе анализа и оценки качества аудиторного фонда предполагает:

– оснащение учебных лабораторий и аудиторий современными техническими средствами;

– создание новых аудиторий и лабораторий.

Содержание деятельности факультетов по развитию качества образовательного процесса осуществляется по направлениям, включающим разработку концепции, программы развития факультета или планов развития образовательных услуг; в деятельности по открытию подготовки по новым профессионально-педагогическим специальностям (специализациям), обновлению содержания образования и совершенствованию образовательного процесса. На развитие качества подготовки специалистов направлено также расширение тематики научно-исследовательской деятельности, стремление к уровню научно-педагогической квалификации преподавателей, совершенствование организационно-управленческого взаимодействия структур факультета и др.

Третий уровень управления качеством в ВятГГУ – кафедра университета

На уровне кафедры осуществляются следующие виды деятельности: учебно-воспитательная, учебно-научно-методическая, научно-исследовательская и организационная, деятельность по

комплектованию профессорско-преподавательского состава и обеспечению материально-технического оснащения учебного процесса.

В обобщенном виде содержание деятельности кафедры по обеспечению качества преподавания учебных дисциплин представляется следующим.

В части учебно-воспитательной деятельности осуществляется определение содержания образования по преподаваемым учебным дисциплинам и проведение различных форм учебных занятий, запланированных в системе их преподавания. Предусмотрена реализация комплекса дополнительных образовательных услуг, мониторинг качества деятельности преподавателей кафедры, организация выпуска специалистов, анализ и оценка качества их подготовки на кафедре (для выпускающих кафедр) и т. д.

В учебно-научно-методическую деятельность входит обеспечение полного методического оснащения преподаваемых дисциплин, разработка системы комплексной оценки качества учебного процесса, методический анализ системы преподавания дисциплин и проведения учебных занятий, организация работы методических семинаров по обсуждению новых технологий, форм и методов обучения, реализующих основные положения концепции развития образования в университете.

Научно-исследовательская деятельность на кафедре связана с реализацией тематических планов научных исследований университета, привлечением студентов к научно-исследовательской работе и ее обеспечением, участием в научных конференциях и семинарах разного уровня и т. д.

Организационная деятельность на кафедре включает общую координацию ее функционирования.

Обеспечение необходимого уровня научно-педагогической квалификации преподавателей на кафедре осуществляется путем обучения на факультетах повышения квалификации, стажировки в научных центрах и других образовательных учреждениях, а также при выполнении диссертационных исследований в рамках аспирантуры, докторантуры и соискательства.

Кафедра также обеспечивает материально-техническую оснащенность учебных дисциплин необходимым лабораторным оборудованием, педагогическими средствами, учебными классами с компьютерной техникой, учебной, методической и справочной литературой.

По каналу управления развитием качества преподавания учебных дисциплин деятельность кафедры связана с осуществлением инноваций в образовательном процессе, с развитием тематики научных исследований и системы дополнительных образовательных услуг, с повышением уровня научно-педагогической квалификации преподавателей кафедры и т. п.

Четвертый уровень управления качеством в ВятГГУ – преподаватель

На этом уровне деятельность системы управления качеством подготовки будущих специалистов профессионального обучения включает реализацию функций, связанных с выполнением учебной, учебно-методической, научно-исследовательской, организационно-методической и воспитательной работы. Основным объектом управления качеством для преподавателя является система преподавания учебной дисциплины.

По каналу *обеспечения качества* профессионального образования содержание деятельности преподавателя определяется следующим образом. В части учебной работы это реализация всех форм учебных занятий в системе преподавания дисциплины, организация качественной учебно-познавательной деятельности студентов на каждом занятии, включая их мотивацию и обеспечение активности учения, контроль знаний и умений на занятиях, своевременное корректирование качества усвоения знаний для достижения целей обучения.

Учебно-методическая работа преподавателя складывается из разработки педагогических основ системы преподавания дисциплины (целей и задач дисциплины, системы знаний и умений, формируемых дисциплиной, принципов построения содержания и технологии обучения, общей струк-

туры педагогического процесса на занятиях) с учетом концепции образования и требований Государственного образовательного стандарта.

К данному направлению также относятся:

– разработка полного методического обеспечения используемых технологий обучения (конспектов лекций, методики и содержания лабораторно-практических занятий, экзаменационных билетов, тематики и содержания курсовых, дипломных работ и проектов, различных задач, заданий и др.);

– разработка необходимого дидактического материала для студентов (методических рекомендаций, указаний, алгоритмов, деятельностных программ и др.);

– дидактическое и техническое оснащение лабораторий и специализированных учебных аудиторий;

– участие в методических конференциях, семинарах и т. п.

Научно-исследовательская деятельность преподавателя связана с исследованиями по проблемам предметной области кафедры и образования, с активным привлечением студентов к научному творчеству и руководством работой научных студенческих кружков и школ, с повышением научной квалификации через докторантуру и аспирантуру, стажировку в научно-исследовательских центрах и лабораториях, с участием в российских, региональных и внутривузовских научных конференциях и семинарах, с написанием научных трудов различного уровня.

В организационно-методическую деятельность преподавателя входит профориентационная работа, участие в заседаниях кафедры в деятельности советов и комиссий различных уровней и направлений, взаимодействие с образовательными учреждениями при проведении предметных олимпиад, конкурсов для учащихся школ, учебных заведений начального профессионального образования и студентов, выполнение работ по поручению кафедры, деканата, ректората.

Воспитательная работа преподавателя включает реализацию воспитательных функций в процессе преподавания учебной дисциплины, посто-

янную работу, направленную на формирование индивидуальности студента, развитие в нем педагогических качеств, личностного мировоззрения, нравственно-этических сторон личности, участие в воспитательных мероприятиях со студентами, работу в качестве куратора учебной группы и т. п.

По каналу *развития качества* подготовки педагогов профессионального обучения преподаватель планирует, проектирует и реализует освоение новых образовательных концепций и теорий, в русле которых возможно развитие нового качества учебной дисциплины; разрабатывает новые педагогические основы преподавания учебной дисциплины (новые цели и задачи преподавания, принципы отбора содержания дисциплины и построения технологии обучения); осуществляет поиск путей модернизации лаборатории или специализированной аудитории, разработку нового содержания методического обеспечения дисциплины, подготовку учебников, учебных пособий и монографий, способствующих повышению качества профессионально-педагогического образования.

Пятый уровень управления качеством в ВятГГУ – студент

На пятом уровне управления объектом является качество учебно-познавательной деятельности и самостоятельной работы студента. В этом случае особое значение имеет личная заинтересованность студента в обеспечении и развитии качества своей подготовки как педагога профессионального обучения. Данное качество определяется усвоением содержания профессионального образования, заключенного в учебных планах и программах учебных дисциплин.

Для усвоения знаний студенту необходимо изучить учебные дисциплины, относящиеся к соответствующим циклам: гуманитарному и социально-экономическому, математическому и естественнонаучному, общепрофессиональному, отраслевому; пройти все предусмотренные учебным планом формы подготовки: лекционные, лабораторно-практические и семинарские занятия, кур-

совое и дипломное проектирование, различные виды учебных практик, зачеты и экзамены. Качество учебно-познавательной деятельности студента складывается из совокупности качеств его работы по освоению учебных дисциплин на различных формах подготовки.

Канал *обеспечения качества* учебно-познавательной деятельности студента на этих формах подготовки включает: мотивацию к учению, подготовку к занятиям, активную мыслительную деятельность по осмыслению, осознанию учебного материала, его применению в новой ситуации при решении более сложных профессионально ориентированных задач и проблем, самоанализ, самооценку и самокоррекцию учебно-познавательной деятельности на последующих этапах обучения, участие в научно-исследовательской работе, активную учебно-профессиональную деятельность в процессе проведения всех видов практики, участие во внутривузовских, региональных и всероссийских предметных олимпиадах, конкурсах студенческих работ.

Канал *развития качества* предполагает деятельность студента по совершенствованию качества своей учебной работы. Такая работа может включать в себя следующие виды деятельности студента: повышение рейтинга по конкретной дисциплине и по формам занятий, дополнительное освоение новых методов и технологий профессиональной деятельности, получение дополнительных образовательных услуг, посещение факультативных занятий, участие в научно-исследовательской работе и т. д.

Реализация субъектами управления качеством подготовки педагогов профессионального обучения перечисленных выше соответствующих видов деятельности направлена на обеспечение и совершенствование образовательного процесса в вузе, что позволяет поддерживать необходимый уровень качества профессионально-педагогического образования в вузе и повышать его.

В характеристике содержания деятельности субъектов управления качеством профессионально-педагогического образования в вузе проявляются:

– во-первых, этапы управленческого цикла (прогнозирование, планирование, оперативное управление, контроль, анализ и коррекция), этапы жизненного цикла производства конечного продукта, в данном случае – подготовки специалиста (формирование контингента студентов, их обучение и воспитание, выпуск специалистов);

– во-вторых, компоненты образовательной системы (цели, содержание и технология образования, научно-педагогические кадры, педагогические и материально-технические средства).

Объектом управления в каждой подсистеме является преимущественно процесс, в котором участвует сам субъект управления. Другими словами, объектом управления выступает качество деятельности самого субъекта на своем уровне.

Другой плоскостью управления качеством профессионального образования в университете является *управление между подсистемами качества*, относящимися к разным уровням иерархии образовательной системы.

Управление между подсистемами вуза (университет – факультет; факультет – кафедра; кафедра – преподаватель; преподаватель – студент) осуществляется посредством функций: информационно-аналитической, мотивационно-целевой, планирования, организационно-исполнительской, контрольно-диагностической и регулятивно-коррекционной.

Данная модель функционирования вуза ориентируется на экономию использования ресурсов всех уровней, усиление конкурентоспособности университета классического типа и создает условия для реализации долгосрочных инновационных стратегий в учебно-воспитательном процессе.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

О. А. Останина

ЗНАК, СИМВОЛ, ТЕКСТ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

В статье рассмотрены методологические аспекты исторического познания, связанные с текстом. Текст является источником для исторического познания и результатом исторического исследования. Методы работы с текстом сложились в гуманитарных науках, поэтому история использует опыт данных наук и основные модели гуманитарного познания – семиотическую, герменевтическую, феноменологическую, которые взаимодополняют друг друга.

Философский анализ значения текста в историческом познании предполагает рассмотрение «знака» и «символа». Их исследование – этап работы с текстом.

Особое внимание обращено на важную для исторического познания проблему взаимоотношения объяснения и понимания. Становление методологии исследования текста (нарратива) позволяет снять противоречие, разрешить конфликт между объяснением и пониманием, обосновать объективность исторического познания. В статье раскрыты два основных подхода к названной проблеме: «радикальный», отказывающийся от классической эпистемологии, и герменевтико-феноменологический.

Основные модели социально-гуманитарного познания – семиотическая, герменевтическая, феноменологическая – объединяются интересом к тексту в связи с обоснованием специфики исторического познания. «История – первая дисциплина, которая приходит на ум, если мы размышляем о науках, пытающихся дать правдивое описание сложной картины реальности посредством сложного текста» [1]. Такое направление исторического познания было во многом обусловлено онтологическим и лингвистическим поворотами в философии. Следствием лингвистического поворота стало более широкое использование методов гуманитарных наук, в частности литературоведения, в истории и теории исторического познания.

Текст (нарратив) – это не только способ исторического изложения, форма репрезентации знания. Понятие текста может быть отнесено и к социальному действию, и к миру культуры в целом [2]. Речь идет о текстуализации познания. Концепция текстуализации применяется для ос-

мысления всех сторон процесса познания, прежде всего субъектной и предметной. Текст немалым без знаков и символов.

История, как процесс и как вид знания, связана с пониманием, «уразумением». По словам Г. Шпета, она не довольствуется внешностью предметов, а начинает с утверждения: то, что ей дано, есть только знак. Раскрытие этого знака – ее задача. Документ и разнообразные памятники обладают предметным содержанием, они рассматриваются как знаки, требующие уразумения некоторых действий, которые сами тоже знаки, выражающие некоторые исторические факторы, постигаемые путем того же уразумения. Понимание составляет самую суть социально-исторического бытия, коллективности; в процессе совместной жизнедеятельности людей формируются то или иное отношение к вещам, их смыслы. Объекты природы становятся в результате практики вещами потому, что включены в социальное взаимодействие людей и наделяются смыслами. Понятно, что условия жизнедеятельности людей исторически меняются, меняются и смыслы вещей и действий, способы их выражения. Вещь, действие обладают значением, смыслом, они и интерпретируются как знак. Действие формируется с помощью знаков, или правил, норм-значений [3].

Мы видим, что обоснование интерпретативной природы истории опирается, в принципе, на положение гегелевской философии об объективации идей, объективированных идеях, которые и образуют исторический мир. Исследуя особенности языка, искусства, нравов, обычаев и так далее, мы выходим на изучение содержания деятельности, действий, их организацию, на структуры и отношения, воспроизводя более или менее целостную картину исторической жизни изучаемого периода, исторического события или явления.

Следовательно, познание происходит через понимание некоторой системы знаков, их «расшифровку» и интерпретацию. Знаки являются не только приметами вещей, но и сообщениями о них; знаки служат не только указанием на вещи, но выражают также некоторое значение. Показать, в чем состоит это значение, и есть не что иное, как раскрыть соответствующий предмет с его содержанием. Миф, нравы, науки, искусство, религии, профессии, язык могут быть рассмотрены как знаки. Особое значение имеет, ко-

нечно, язык как наиболее близкий прототип и репрезентант всякого выражения, прикрывающего собою значение.

Языковая модель мира – один из факторов, регулирующих национальную картину мира, а отсюда – и модели поведения. Например, древнерусский тип сознания обращает мысль не к концу – результату, а к началу – истоку. Последующие события разворачиваются как эманация каких-то первичных, исходных состояний. В древнерусском сознании прошлое было где-то впереди, в начале событий, «задние» события были событиями настоящего и будущего. Такое представление о «переднем» и «заднем» оказывалось возможным потому, что время не было ориентировано на воспринимающего его субъекта. Время мыслили как объективно и независимо существующее [4]. В архаической модели мира пространство не противопоставлялось времени: время могло «сгущаться» и становиться формой пространства, а пространство было способно «заражаться» внутренне интенсивными свойствами времени. Эта пространственность восприятия времени объясняется отсутствием у субъекта чувства длительности: прошедшее и будущее мало чем отличались в древней наррации одно от другого; оба они вторгались в настоящее подобно физическим телам – неподвижные, законченные, «плотные» [5].

М. Бахтин называл прикрепленность жизни и ее событий к месту важным фактором пространственно-временного синкретизма, который как особенность мышления находит воплощение в сакральном поведении, ритуальных обрядах. Речь идет об известном понятии «хронотоп».

Космологическое сознание предполагает, что в процессе времени повторяется один и тот же онтологически заданный текст, историческое сознание предполагает линейное и необратимое время [6].

В «культурной парадигме» носителей языка с преобладанием понятия циклического времени связаны идеи природных циклов, бесконечных возвратов и повторов одних и тех же событий, общности человеческих судеб на всех кругах бытия. С понятием линейного времени ассоциируются такие характеристики, как «неповторимость», «уникальность», «единичность» событий, необратимость самого жизненного процесса. Циклическое сознание настроено на типизацию (отождествление того, что есть, с тем, что не однажды уже было), а линейное – на индивидуализацию. Дихотомия циклического и линейного времени находит отражение в языке. Этому способствует наличие в речевом обиходе носителей языка близких по смыслу слов, квазисинонимов, способных «рассредоточиться» по соответствующим моделям времени. Например: время, преж-

ний, прошлый, нынче – «циклические» понятия; пора, минувший, сейчас – линейные [7].

Письменные и дописьменные цивилизации базируются на различных типах памяти. Один тип памяти ориентирует на сохранение эксцессов и происшествий. Здесь письменность необходима. Для дописьменных цивилизаций характерно стремление сохранить сведения о порядке, а не о нарушениях, о законах, а не об эксцессах. Здесь на первый план выступает не летопись или газетный отчет, а календарь, обычаи, которые фиксируют этот порядок, а также ритуал, хранящий все это в коллективной памяти.

Следовательно, изучение и анализ способа описания, изложения событий, употребляемых слов и их сочетаний позволяют выяснить своеобразие отношения людей к миру, друг к другу в рамках исследуемой культуры, адекватно прочитывать исторический текст.

Говоря о знаках и текстах, невозможно не рассмотреть символы и так называемое «символическое» познание. Оно основано на признании символической природы культуры; человек обладает способностью к образованию символов, благодаря которым конституируются значения действия.

Особенность символа заключается в том, что он основан на живом созерцании действительности и представляет собой такую конструкцию, которая функционирует не изолированно, не дискретно, а всегда обязательно как указатель на нечто иное, чем она сама. Как заметил А. Ф. Лосев, «символ вещи в основе своей есть отражение вещи, но не просто отражение, а такое, которое, будучи обработано средствами абстрактного мышления, вновь возвращается к этой вещи, но уже дает эту вещь в переделанной для целей человека форме и преображенной форме» [8]. Символ является своеобразным обобщением и указывает на то единичное, которое под него попадает. Данное свойство обусловило роль символа и в культуре (как кумулятора культурно значимой информации), и в познании.

За символом всегда «стоит» живая действительность, и он содержит в себе смысл. Символ является обобщением целого множества психологических и социальных моментов (символика социальных институтов), содержит в себе идею, благодаря которой происходит упорядочение образа, знака. Символ – это знак знака, он выводит за пределы знаковости и отличается от конвенционального знака наличием иконического (образного) элемента. Иначе говоря, идея символа не имеет непосредственной связи с содержанием символа (например, цвет как выражение, идея некоторого качества человека).

С точки зрения феноменологического анализа образование символа связано с определенными

ми актами сознания. Для знака необходим акт полагания того, что обозначается. Но то, что обозначается, имеет значение для мысли; этот мысленный акт полагания есть тетиический акт, он обеспечивает сумму необходимых понятий для предложения и возможность самого предложения («нечто» есть, существует).

Но мысль, взятая сама по себе или выраженная в слове, изображении и тому подобное, еще не указывает на свою объективность, точнее, на объективное содержание. Поэтому необходим объективирующий акт сознания, устанавливающий ответственность знака к реальным, объективным вещам.

Одного объективирования также недостаточно, так как оно может быть в ощущении и восприятии. Для знака же необходимо, чтобы его предмет был именно его предметом. Следовательно, нужна специальная направленность сознания на данный предмет с целью его выделения из других предметов, с целью его фиксации как такового. Речь, стало быть, идет об интенциональном акте сознания, о специальной направленности объективирующего акта именно на данный предмет.

Интенциональный акт сознания фиксирует только самый факт существования предмета, но ничего не говорит о смысловом содержании этого факта. Поэтому, далее, необходим ноэматический акт – мысль о предмете. Он, в свою очередь, связан с ноэтическим актом, определяющим значение предмета (акт означивания). Кроме того, для получения знака нужен сигнификативный акт, в процессе которого, собственно, обозначение и осуществляется. В сигнификации вещи отождествляется то, что по своему непосредственному содержанию не имеет ничего общего между собою, а именно символизирующее и символизируемое. Идеиное единство символа обретает конкретность в семиотическом акте. Завершающим является семантический акт, который объединяет все перечисленные акты в единое целое; он не может быть ни обозначаемым, ни обозначающим, а есть само значащее. Значащее можно применять к тому или иному предмету. Поэтому разные предметы могут сливаться в символе, в том числе противоположные, в силу амбивалентности символа. Знак вещи или события – это указание на их смысл. В символе смысл одного предмета переносится на другой, так как символ базируется не на том субстрате, который он символизирует. Смысл, перенесенный с одного предмета на другой, сливается с этим вторым предметом, и их невозможно отделить один от другого. А смыслы рождаются в процессе взаимодействия людей, их коммуникации и конвенций в некоторых исторических ситуациях. С этой точки зрения, они объективны.

Нетрудно догадаться, что если акты сознания, относящиеся к символизации, рассмотреть

в обратном порядке, то мы придем от символа к самой действительности, которая за ним стоит. Это важный содержательный момент феноменологической редукции. Благодаря такого рода процедуре, понимание становится конкретным, выявляется сущность переживания действительности, причем «следование» от символа к действительности, «к самим вещам» предполагает интерпретацию, а она так или иначе связана с семиотическим анализом, исследованием. Так, феноменология, герменевтика и семиотика взаимодополняют друг друга.

Любая система в истории культуры дает определение своего символа. В плане выражения и в плане содержания символ представляет собой некоторый текст, то есть обладает некоторым единым значением, замкнутым в себе. Поэтому теория символа может быть интегрирована в теорию текста и его интерпретацию.

Каждая культура содержит пласт текстов, выполняющих функцию архаики. В дописьменную эпоху заметно «сгущение» символов, когда определенные знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов, сюжетов, хранившихся в устной памяти того или иного коллектива. Будучи включенным в иную культурную ситуацию, символ, как правило, сохраняет и структурную самостоятельность. Можно сказать, что память символа длиннее, чем его несимволическое текстовое окружение; являясь одним из наиболее устойчивых элементов культуры, символы переносят тексты из одного пласта культуры в другой, обеспечивая тем самым культурную преемственность, историческую память. Природа символа двойственна: с одной стороны, он реализуется в своей инвариантной сущности и выступает как свидетельство других эпох. С другой стороны, он коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием. Обе стороны важны в историческом познании. Возьмем для примера доктрину «Москва – третий Рим». Рим как родина христианства символизирует истину, правду, осевое время истории и ее центр. В доктрине Рим в качестве символа остается, но его содержание переносится на Москву.

Известно, что наиболее активные символы характеризуются содержательной неопределенностью и конкретный смысл символа зависит от его текстового окружения. Существует понятие смысловой валентности, смыслового резерва, с помощью которого символ может менять и свою сущность, и свое окружение. Чем элементарнее символ, тем больший культурно-смысловый объем его характеризует (так, крест, круг, пентаграмма обладают высокой степенью культурной валентности). Именно «простые» символы образуют символическое ядро культуры, и насыщенность ими позволяет судить о символизирующей и десимво-

лизирующей роли культуры в целом. Символизирующее чтение текстов означает, что тексты читаются как символы, хотя в своем естественном контексте на это не рассчитаны; десимволизирующее чтение превращает символы в простые сообщения [9]. Учет данной особенности, несомненно, важен для адекватности исторического познания: не искать символы там, где их нет, и не упрощать или модернизировать насыщенный символами текст. Здесь уместно вспомнить роман У. Эко «Маятник Фуко», полный иронии по отношению к «символическому познанию».

Как знак, сообщающий значение, может быть рассмотрено слово. Оно может выполнять функции любого знака, и любой знак может выполнять функции слова. Получается, что то, с чем мы имеем дело в историческом познании (документы, памятники, другие источники), может быть рассмотрено как слово, как текст, сообразно его структуре, структурным уровням, их взаимодействию и целостности. Слово соотносится со смыслом и контекстом; понимание направлено на постижение смысла. К слову применима та же методология познания, что и к символу. Историческое познание вскрывает смыслы деятельности исторических субъектов, выраженные в слове. Как пишет Г. Шпет, эмпирически-историческое бытие смысла происходит в процессе исторического познания через «расшифровку», «декодирование» смыслов, наполнение их вещным содержанием. Вещь включается в культуру, становясь мыслимой; наличие же вещи в культуре как таковой, в чувственно-предметной данности, еще ничего не говорит о ее культурном и историческом значении [10].

Проблема символа, слова неразрывно связана с проблемой текста и контекста. Между событием, как оно было, и историком всегда стоит текст. Если одна и та же реальность кодирована разными способами, то она даст различные тексты. Извлечение из рассказа о событии самого события представляет собой операцию, процедуру дешифровки, интерпретации, феноменологической редукции.

Именно текст влияет на наше представление исторических связей событий. Историк, как правило, исходит из того, что в разных культурах одно и то же событие может быть письменно закреплено (и стать текстом), а может и не быть.

Текст организован по законам структур данного языка, построение текста предполагает сюжетность, о событии рассказывается (это и есть наррация). Кроме того, текст кодируется идеологически. Историк на основе изучаемого текста реконструирует особенности, связанные с политикой, религией, философией, учитывает канон написания текста, характерный для той или иной эпохи или культуры. (Известно, что в Средние

века применялось различие четырех смыслов буквального, аллегорического, морального, анагогического, а следовательно, четырех слоев, языков текста. К аллегорическому смыслу нужно было приходиться от образов буквального изложения, моральный смысл был применением и поучением, а анагогический предполагал понимание изложенного в свете вечной, божественной, истины.)

Существует понятие «порог декодирования». Это разница в уровнях сознания между автором и читателем текста. Предполагается, что историк должен уметь овладеть культурным кодом текста, чтобы адекватно прочесть его; при этом выясняется возможность и наличие интертекста, создающего условия хотя бы минимального понимания, своеобразный «мост» между автором и читателем. Более того, возможность понимания, соотнесения себя с автором или содержанием текста образует исторический опыт личности.

В процессе перемещения текста из культуры в культуру он может значительно измениться, принимая в себя новые образы и мысли, толкования и объяснения. Поэтому в историческом исследовании возникает задача не только определить истинность или подложность документа и тому подобное, но первоначальный смысл источника, отделив его от последующих наслоений, искажений, то есть вновь появившихся смыслов и способов их выражения.

Исторический текст является самописанием изучаемой системы, события, но язык данного текста не используется как метаязык, применяется перевод с одного языка описания на другой. При появлении новой системы описаний возникает новый текст и, соответственно, новая история, не та, которая была представлена в первоначальном тексте.

Так, имеет место двойная деформация: внетекстовая реальность деформируется по мере превращения в текст (источник для историка) и по мере интерпретации текста. Интерпретант смотрит ретроспективно и видит реализованные пути исторического развития в окружении «пучков» нереализованных возможностей; и это, кстати, тоже своего рода исторический опыт.

Более того, самописание трансформирует описываемый объект, отбрасывая то, что не произошло, как невозможное и осмысляя то, что произошло, как единственно возможное и закономерное; так, исторический процесс может быть описан в терминологии закономерного и предсказуемого развития [11].

Текст имеет системные и внесистемные элементы, ядро и периферию, которые могут меняться местами в ходе работы с текстом. Нередко это определяется именно интерпретантом, перемещающим периферийные элементы в центр,

в результате чего дается новое толкование событиям, перестраивается их значение и последовательность.

Работа с текстом оказывается многоуровневой. Прежде всего, текст включается в контекст, происходит движение в герменевтическом круге (текст интерпретируется через контекст, а контекст становится понятным через текст). Интерпретируя текст через его диалог с контекстом, историк определяет интертекст (те слова, символы, которые в изучаемый период были распространены или приняты), сравнивает интертекст с историческим текстом, выясняя особенности авторской речи и, соответственно, авторского восприятия, делает выводы об авторской позиции. Но текст помещается историком и в контекст интерпретанта, так же выясняя наличие или отсутствие интертекста, пытаясь выявить точки соприкосновения текста и нового для него контекста. Данная процедура приводит либо к переводу текста в культуру интерпретанта с той или иной степенью трансформации, либо делает перевод невозможным, если код интерпретации утрачен, интертекст отсутствует.

Далее, в процессе интерпретации текста происходит внутренний диалог («внутри» интерпретанта). Он направлен на понимание текста сообразно его контексту и культурному коду и, одновременно, на выражение его (пока «для себя», внутри себя) на своем языке. Способ выражения имеет не только индивидуально-личное значение – для историка – но и ориентирован на другого. При переводе текста из одной культуры в другую или при включении его в историческую картину, историческое повествование, нарратив историк подразумевает своего адресата: описание, объяснение текста кому-то адресовано, кем-то должно быть понято. Этот момент внутреннего диалога оказывает непосредственное влияние на способ выражения, способ представления исторического знания, на выбор семантических средств выражения.

Наконец, происходит непосредственный диалог с текстом, когда ему ставятся вопросы, ответы на которые непосредственно в тексте присутствуют, и вопросы, которые сама себе изучаемая культура, эпоха и тому подобное не ставили. Историк обнаруживает то, о чем автор, возможно, не знал или не стремился сознательно выразить, но неявно то или иное сообщение присутствует, в том числе особенности рефлексии исторического субъекта (заметим, что рефлексирующий субъект способен рефлексии не осознает). О таком сообщении мы узнаем через интертекст, подтекст, манеру построения текста, его структурирования, употребляемые выразительные средства. Как говорится, «идеи витают в воздухе», они проникают в текст, и автор, не будучи сознательно сто-

ронником политической или религиозной идеологии, «проговаривается», неявно выдает себя, выражает определенные идеалы.

Хотелось бы обратить особое внимание на проблему связи текста и обоснования объективности исторического знания. Существует противоречие между историческим объяснением и нарративностью (описательностью, повествовательностью) изложения, и разрешение этого противоречия имеет принципиальное значение.

Известна дискуссия между представителями постпозитивистского направления, отстаивающими научный статус только объяснения, и представителями герменевтики, настаивающими на специфике исторического познания и ведущей роли интерпретации и понимания.

К первой группе можно отнести сторонников «модели охватывающего закона», К. Поппера, К. Гемпеля. Они утверждали, что история методологически тождественна естественным наукам, так как в ней есть объяснение на основе закона. Объяснение основано на наличии универсального закона и специфических условий, в которых данный закон применим. С точки зрения К. Гемпеля, историки, работающие с текстами, не замечают законов, поскольку они «рассыпаны, рассосредоточены» в тексте и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Основное возражение против «модели охватывающего закона» заключалось в том, что историки в данной модели, по сути, не работают, то есть «не ищут подходящей закон».

Представители герменевтики, Э. Бетти, Е. Д. Хирш, говоря об объяснении, строили его на интерпретации, а ее основывали на интуиции, эмпатии («поставить себя на место другого»), что воспринималось как нечто ненадежное, нерациональное ввиду сложности доказательства достоверности интуиции.

В конце XX в. обнаружилось стремление снять противоречие между названными направлениями, между объяснением и пониманием. Для этого философы обратились именно к тексту, полагая, что в нем противоречие и разрешается. Но подходы к анализу места и роли текста в историческом познании различны. Назовем, по меньшей мере, два их них.

Первый подход можно определить как «радикальный» (Х. Уайт, Ф. Анкерсмит), так как он ориентирован на пересмотр классической парадигмы и отказ от нее. В рамках данного подхода предлагается исследование исторического текста в целом, при этом обращается внимание на смысловые и прагматические моменты повествования. Речь идет, прежде всего, о формировании идентичности через обращение к тексту, об организации исторического опыта субъектов. «Как символическая структура, исторический нарратив не

реконструирует события, которые описывает; он сообщает, в каком направлении следует думать об этих событиях, и наполняет наши мысли об этих событиях различной эмоциональной валентностью. Исторический нарратив не воображает вещи, на которые указывает, таким же образом, как это делает метафора... метафора не воображает вещи, которые стремится охарактеризовать, она указывает направление для отыскания множества образов, которые ассоциируются с этими вещами» [12]. Главное значение для философии и методологии истории имеет анализ языка как средства интерпретации, язык оформляет исторический опыт, предлагает и выражает точку зрения на историческое событие, для чего важен интерес к тексту в целом, а не к его деталям. И интерпретативная задача историка – это обнаружение целостности в разбросанных точках текста [13]. В тексте есть элементы, которые относятся к событию, и элементы, которые только приписывают черты без точной референции к событию, поэтому в историческом тексте есть общее с художественным произведением, и отношение к нему родственно с отношением к изобразительному искусству. Отсюда – и стремление к обнаружению целостности, что составляет исторический (эмпирический) опыт.

Основные положения нарративной философии истории (понимаемой прежде всего как ее методология) сводятся к следующему: 1. Исторические нарративы – это интерпретации прошлого, которые более адекватны, чем описания и объяснения. Так как «историческое время» – это культурологическое, а не философское понятие, притом изобретение западной цивилизации, то на концепции времени нельзя основывать нарративизм. 2. Нарративизм принимает прошлое таким, как оно есть (имеется в виду то, что несомненно в прошлом), различая, тем не менее, историческое исследование и историческое письмо. 3. Интерпретации борются за единство, которое является характерным для вещей. Это смысловое единство, единство сюжета, наличие «концептуальной сетки». 4. Язык нарратива не соответствует прошлому, которое он интерпретирует. Но нарратив дискурсивен: одно событие в нем отделено от другого, есть событийная схема, используются определенные понятия, связи между которыми образуют целостность нарратива, текста. 5. Утверждения исторического нарратива имеют двойную функцию: описание прошлого и определение специфической для данного текста нарративной интерпретации прошлого. 6. Корни историчности нужно искать в идентичности, которая предшествует индивидуальности [14]. Иначе говоря, значение истории как знания и, следовательно, исторического текста – в определении идентичности личности, группы, народа; здесь и

обнаруживается объективность истории. Так, текст оказывается связанным с жизнью. Варианты идентичности и идентификации различны, поэтому различны исторические интерпретации и роли текста, как в процессе познания, так и в самой жизни.

Второй подход представлен феноменологической герменевтикой (П. Рикер), которая ближе к классической эпистемологии и более четко и определенно ставит вопрос о взаимосвязи и взаимодополнении объяснения и понимания, которые присутствуют в тексте и при работе с ним. Текст представляет собой совокупность и организацию знаков, а знаки доступны объяснению, причем не только в рамках психологии, лингвистики, социологии, но и математики, информатики, физики. Как известно, в точных и естественных науках достаточно давно разрабатывается методология работы с текстами, когнитивными моделями и пр. Смысловое содержание текста предполагает понимание.

Как замечает П. Рикер, «открытие» текста сделало возможным сближение объяснения и понимания, поскольку текст приобрел относительную «семантическую автономию», его стало возможным рассматривать на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения. Понимание – это искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение, то есть это переход к интенции знака, к чужому сознанию, здесь предполагается интуиция. А интерпретация относится к пониманию зафиксированных знаков (а не сознания), которые имеют материальную основу. Она не может быть понята без этапа объяснения, хотя объяснение не может быть основой понимания.

Общий момент с первым подходом заключается в утверждении, что рассказ о событиях и интерпретация соединяются в наррации. Поэтому проблема истории – изучение двойной реальности, состоящей из перечисленных событий и нарративной формы представления знаний.

С точки зрения феноменологической герменевтики история представляет собой особый вид объективности. Объективные данные – результаты археологических исследований, памятники, документы – являются ключами к чему-то еще, что находится вне непосредственной очевидности, то есть к интенциям субъектов. Объективность в истории достигается через интерпретацию, а не через прямое свидетельство о событии, так как переданное свидетельство уже есть интерпретация.

Объективность исторического знания вытекает, тем не менее, из событий, так как они не выдуманы, не фантастичны, имели место. И фено-

менологическая редукция их в конце концов обнаруживает.

Анализируя и интерпретируя текст, мы, как правило, предполагаем, что историк или свидетель, описывающий события, сознательно хотел бы быть объективным (за редкими исключениями), поэтому фиксировал то, что действительно было. Вопрос в том, как он видел это и почему так интерпретировал. Поиски ответа на данный вопрос приводят к феноменологическому анализу актов сознания, поскольку повествование зависит от интенциональности историка; историк стремится не только к изложению событий, но и к определению перспективы их будущей интерпретации. Поэтому интерпретация не просто рациональная познавательная операция, она требует определенной нравственной ответственности и принятия моральных обязательств историком. Кроме того, самой интерпретации присущ ценностный, этический момент. Обратим внимание, что тесная связь с ценностями, моральная ответственность также доказывают объективность исторического познания.

Далее, в тексте субъективное намерение обозначить соединяется с дискурсом на основе кодов коммуникации, имеющих более или менее четкую структуру (коды же коммуникации объективны для субъекта, он использует наиболее подходящий для его целей). Дискурс воспринимается, читается другим субъектом, который определяет отношение «обозначающее – обозначаемое – соотносящее» тоже на основе выбранного кода коммуникации. Так, получают разные интерпретации в зависимости от контекста и культурных кодов. Коды обладают объективностью, так как возникли в некоторых реальных жизненных ситуациях, обладают общественным характером. Они характеризуются нормативностью, что вполне соотносится с объективностью. Интерпретация на основе «расшифровки» кодов коммуникации предполагает интерсубъективность, интертекст, о чем шла речь выше и что также согласуется с требованием объективности.

Кроме того, возможность понимания и интерпретации основана на существовании общей концептуальной сети (схемы), смысловой сети, она есть и в тексте и в социальном взаимодействии людей. В принципе, это еще один аспект интерсубъективности (и объективности). В тексте такие схемы могут быть представлены фабулами, сюжетами. А социальное действие, деятельность могут быть представлены как текст. Более того, концептуальные схемы текста, его сюжетные линии совпадают, как правило, с принятым, установленным порядком деятельности в обществе в данный период, с его сюжетными линиями («законы жизни», по словам Г. Зиммеля). Текст в той или иной степени их воспроизводит и, в этом

смысле и отношении, созвучен реальности, действительности, адекватен ей.

По словам П. Рикера, люди, вовлеченные в социальное взаимодействие, располагают в отношении себя описательной компетенцией. Они могут описать, что, зачем делают, у них есть идея проекта, идея мотива, идея автора (агента) и идея вмешательства, или инициативы. Поскольку описательная компетенция присуща всем участникам социального взаимодействия или работающим с текстом, они оказываются способными к пониманию чужого сознания, его направленности. «Понимание предваряет объяснение путем сближения с субъективным замыслом автора текста, оно создается опосредованно через предмет данного текста», через его концептуальную схему (схемы) [15].

Действие, событие, о котором рассказывает в тексте, присутствует в нем не случайно: оно вписывается в ход вещей, в систему значений, в некий порядок повествования. С точки зрения П. Рикера, это не что иное, как своеобразная детерминация, а поскольку интенциональный (смысловой) и системный («силовой») моменты оказываются взаимосвязанными, переплетенными, то можно говорить о взаимодополнении объяснения и понимания.

Если подвергнуть историческое повествование феноменологической редукции, то вскроются базовые структуры и схемы текста. Важным тексторганизирующим принципом является время, которое здесь выступает в качестве специфической формы осознания порядка и смысла событий в их целостности. В тексте выражены модели времени (циклическая, линейная, спиралевидная) и памяти.

Историк, применяя феноменологический метод, способен раскрыть то, что явно в тексте не обнаруживается – ценности, интенции и т. п. И в этом состоит своеобразие истории как вида знания, так как она нацелена на осознание смысла и смыслов, их обнаружение и «прочитывание». Данная особенность делает историю не схематичной, а реалистичной, тесно связанной с экзистенциальностью человека.

Безусловно, философское, методологическое исследование значения текста в историческом познании актуализирует проблему рациональности и в целом ставит вопрос о значении философии истории, предполагая его положительное решение. Во-первых, философия и методология истории проясняют связь текста и деятельности историка с «живой историей», с прошлым. Во-вторых, философия истории как предпосылка исторического познания и содержание фундаментальных понятий текста неявно в нем присутствует, формируя интертекст, основу для понимания и интерпретации, а также идентичность научного сообщества.

Примечания

1. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры [Текст] / Ф. Р. Анкерсмит. М., 2003. С. 71.
2. См.: Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа [Текст]. М., 1994; Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика [Текст] / П. Рикер. М., 1995.
3. См.: Рикер, П. Указ. соч. С. 10–11; Шпет, Г. Г. История как проблема логики: критические и методологические исследования [Текст] / Г. Г. Шпет. М., 2002. С. 23.
4. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е. С. Яковлева. М., 1994. С. 76.
5. Там же. С. 35.
6. См.: Рикер, П. Память, история, забвение [Текст] / П. Рикер. М., 2004; Успенский, Б. А. История и семиотика [Текст] / Б. А. Успенский // Избранные труды. Т. 1. М., 1996.
7. Яковлева, Е. С. Указ. соч. С. 100–101.
8. Лосев, А. Ф. Логика символа [Текст] / А. Ф. Лосев // Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 250.
9. См.: Актуальные проблемы семиотики культуры [Текст] / Лотман Ю. М. (отв. ред.) и др. М., 1987. С. 13–19.
10. См.: Шпет, Г. Г. Эстетические фрагменты [Текст] / Г. Г. Шпет // Шпет Г. Г. Соч. М., 1989. С. 345–472.
11. См.: Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. С. 355–382.
12. Анкерсмит, Ф. Р. Указ. соч. С. 163.
13. Там же. С. 150.
14. См.: Там же. С. 117–130.
15. См.: Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика. С. 7–11.

А. Е. Моторина

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

В статье дается систематическое изложение основных идей о бытии крупнейшего современного немецкого философа Мартина Хайдеггера. Излагается его понимание герменевтики в сравнении с Шлейермахером, Дильтеем и Гуссерлем.

Мартин Хайдеггер родился в 1889 г. в Мескирхе (Земля Баден) на юге Германии, отец Хайдеггера – ремесленник и одновременно причетник и звонарь местного католического храма. Мать – крестьянка. Будущий философ получил первоначальное образование в гимназии иезуитов в Констанце.

МОТОРИНА Любовь Евстафьевна – кандидат философских наук, профессор по кафедре философии Московского авиационного института (Государственного технического университета)
© Моторина А. Е., 2007

С 1909 по 1914 г. он изучал теологию и философию в университете во Фрейбурге, знакомясь с текстами Гуссерля, Риккерта, Ницше, Кьеркегора, Достоевского, Рильке и других. Тем или иным образом Хайдеггер испытал на себе влияние трех наиболее влиятельных в то время философских школ: феноменологии, неокантианства и неомомизма. Вместе с тем Хайдеггер считал себя верным учеником Гуссерля и продолжателем его дела. На протяжении многих лет он широко сотрудничает с Гуссерлем, а в 1928 г. наследует кафедру Гуссерля во Фрейбурге.

Академическая карьера Хайдеггера была успешной: в 1913 г. защищает сразу две диссертации и с 1915 г. начинает работать приват-доцентом на теологическом факультете Фрейбургского университета; в 1922 г. становится профессором в Марбурге, где преподает до 1928 г. – года возвращения во Фрейбург на место ушедшего в отставку Гуссерля; там читает лекции и публикует свои работы раннего периода: «Бытие и время» (1927), «Что такое метафизика?» (1929), «Кант и проблема метафизики» (1929), «О сущности оснований» (1929); в 1933 г. соглашается стать ректором Фрейбургского университета. Ректорские речи Хайдеггера 1933–1934 гг., вся его деятельность в этот период вызывает ярые споры относительно его связи с нацизмом. Бесспорным является то, что иллюзии относительно нацистского режима Хайдеггер быстро утратил: он оставляет пост ректора и отходит от всякой политической деятельности. Он не преподает до 1951 г. И хотя в это время Хайдеггер не читает публичных лекций, он продолжает писать и публиковать свои замечательные работы позднего периода: «Лесные тропы» (1950), «Доклады и статьи» (1954), «На пути к языку» (1959), «Ницше» (1961) и др. В течение этих лет решительным образом изменились и философские интересы Хайдеггера: его стиль становится менее академическим, его работы создаются в жанре публицистики, он все более интересуется проблемами языка, поэзии, искусства и переходит к мифопоэтическому учению о бытии и языке как «доме бытия».

Философ умер 26 мая 1976 г., но до сих пор продолжается издание его неопубликованных трудов.

Воздействие М. Хайдеггера на европейскую, а затем и на мировую философию было и остается весьма ощутимым. Часто в литературе имя Хайдеггера связывается с экзистенциализмом, что является верным лишь отчасти и в известных пределах, причем сам Хайдеггер себя экзистенциалистом не считал, несмотря на то, что постоянно говорил об «экзистенции». Хайдеггер является основателем фундаментальной онтологии и создателем целого направления в герме-

невтике. Своей философией он разрушает границы отдельных течений и направлений, создавая тем самым более широкое проблемное поле культурфилософской мысли. Хайдеггер принадлежит к разряду мыслителей, которые сформировали философский и этико-политический горизонт нашего столетия своим стремлением понять общую трагедию культуры XX в., переживаемую как кризис принципов. Хайдеггер не предложил новую философскую программу, он скорее поставил вопрос о мотивах философствования.

Работы Хайдеггера написаны чрезвычайно сложно. У Хайдеггера специфичны не только лексика, но и синтаксис, а в более поздних работах присутствует и своя орфография. Все это создает трудности для прочтения Хайдеггера в Германии и делает почти невозможным его перевод. Несмотря на это его работы переведены на многие языки, и у нас в стране в последнее время также стали появляться переводы работ Хайдеггера. Тексты Хайдеггера нуждаются в читателях терпеливых и неторопливых. Один из переводчиков Хайдеггера отмечает, что его тексты выводят мысль из камер на простор, их смысл всегда очищающий, исправляющий нагромождения сознания. В качестве нашей главной работы Хайдеггер предлагает не умственные упражнения, а выход к самому бытию.

Наиболее значительной работой раннего периода является его трактат «Бытие и время». Это была его первая достаточно дискуссионная книга, поставившая на повестку дня ниспровержение западной философской традиции, идущей от Аристотеля через Декарта до настоящего времени. Считая себя верным учеником Гуссерля, Хайдеггер посвящает ему свое сочинение в «знак уважения и дружбы». Однако учителя это не только не растрогало, а напротив, огорчило: он заключил, что Хайдеггер недостаточно четко обосновал принципы феноменологии, что и привело его к некоторым ошибочным трактовкам. Так, Гуссерль косвенно признал новизну работы Хайдеггера. Таким образом, «Бытие и время» — не только критическая книга, в ней содержится много оригинальных философских идей, развиваемых Хайдеггером на протяжении всей последующей жизни.

Во введении книги «Бытие и время» Хайдеггер ставит вопрос о предмете, методе и основных понятиях философии через выяснение вопроса о бытии. По мнению Хайдеггера, *фундаментальная онтология должна начать с вопроса о бытии, то есть о смысле бытия*, который был отодвинут классической европейской философией на второй план в область абстракций и логических разработок. Бытие, по Хайдеггеру, было и остается главным делом философской мысли, поскольку именно вопрос о бытии является

наиболее важным для человеческого существа. Содержание понятия бытия, утверждает Хайдеггер, только кажется самоочевидным и принимается за бессодержательное.

На почве греческих подходов к пониманию бытия, пишет Хайдеггер, сложилась догма, объявляющая вопрос *о смысле бытия* излишним. Согласно этому традиционному подходу, бытие есть наиболее общее понятие, а потому не поддается никакой попытке определения. В связи с этим Хайдеггер разбирает три «заблуждения» в вопросе о бытии.

1. *Бытие есть наиболее общее понятие.* «Всеобщность» бытия, пишет Хайдеггер, превосходит всякую родовую всеобщность, которая со времен Аристотеля лежит в основе определения. Эту проблему обсуждала и средневековая схоластика, но, выражаясь словами Хайдеггера, «без того, чтобы прийти к принципиальной ясности». И когда Гегель определяет бытие как «неопределенное непосредственное» и кладет это определение в основу своей логики, он держится того же взгляда, что и античная онтология, разве что упуская из рук уже поставленную Аристотелем проблему единства бытия. Хайдеггер заключает, что положение «Бытие есть наиболее общее понятие» не только не делает данное понятие наиболее ясным, но без дальнейшего разбора скорее делает его самым темным.

2. *Понятие бытия неопределимо.* Разбирая данную точку зрения, Хайдеггер отвечает, что известный способ определения сущего — «дефиниция» традиционной логики, имеющая свои основания в античной онтологии, к бытию неприменим. Хайдеггер утверждает, что неопределимость бытия в рамках формальной логики не только не освобождает от вопроса *о смысле бытия*, а напротив, к нему принуждает.

3. *Бытие есть само собой разумеющееся понятие.* Мы действительно живем в некоей усредненной и смутной понятности бытия, говорит Хайдеггер. Но эта бытийная понятность, по его мнению, лишь демонстрирует непонятности, ибо *смысл бытия* в ней окутан тьмой. Здесь лежит загадка, которая доказывает необходимость проникновения в тайну бытия.

Рассмотрение основных «заблуждений» в вопросе о бытии подводит его к задаче построения новой онтологии. Бытие, по его мнению, не должно «предпосылаться» анализу сущего как нечто «само собой разумеющееся». Вопрос *о смысле бытия* как фундаментальный вопрос должен быть поставлен во всей своей прозрачности. Поскольку бытие всегда есть бытие сущего, то сущее здесь как бы спрашивается на тему бытия. Каково же это особое сущее, которое спрашивает бытие, всматривается в него, понимает и концептуально схватывает смысл бытия?

Это *сущее*, которое *мы сами всегда суть* и которое обладает бытийной возможностью спрашивания, Хайдеггер обозначает термином «*Dasein*». Он использует этот термин для обозначения *человеческого бытия*. При этом Хайдеггер делает интересное замечание, что «*Dasein*» лучше, чем «а *Dasein*», то есть использует это слово без артикля, ибо индивидуальность человека, по его мнению, глубже и имеет совсем другую природу, нежели просто какой-либо отдельный экземпляр рода «человек». Хайдеггер продолжает здесь философскую традицию, ключевой фигурой которой он считает Кьеркегора. Именно Кьеркегор впервые выступил против Гегеля, подчинившего индивидуальное всеобщему, противопоставляя ему другой подход, согласно которому «существование человека индивидуально». Для Кьеркегора бытие человека есть *задача*, которую он призван решать, проживая автономную человеческую жизнь, а не по инструкциям от какой-нибудь надиндивидуальной системы. Хайдеггер берет у него эту главную идею: *существование предшествует сущности*.

Другая важная сторона хайдеггеровской аналитики человеческого бытия – это те семантические возможности, которые слово «*Dasein*» предоставляет. Для более глубокого понимания данного термина обратимся к примечаниям В. Бибикина, который является одним из переводчиков текстов Хайдеггера на русский язык. Он отмечает, что в западных переводах этот ключевой термин обычно остается как есть. Разные применявшиеся у нас способы передать смысл «*Dasein*» ведут к искусственным формам. Поэтому из всех имеющихся переводов этого слова: *существование, здесь-бытие, бытие-вот, наличное бытие, наше (человеческое) бытие, присутствие*, – В. Бибикин использует термин «*присутствие*». Окончательный выбор данного термина определила, по его словам, фраза православного священника на проповеди: «Вы должны не словами только, но самим своим присутствием нести истину». При всех этих оговорках он замечает, что размах немецкого «*Dasein*» остается полностью недостижимым. Когда Хайдеггер использует данный термин, он имеет в виду многое: не только физическое место «здесь», но и образ жизни, отношения, настроение и даже расположение духа. В. Бибикин использует термин «*бытие-вот*», только когда Хайдеггер делит «*Da-sein*» дефицитом. По его мнению, в русском «*вот*» слышится открытость, очевидность, фактичность, указание.

Итак, хайдеггеровская аналитика бытия начинается с особого вида бытия – *человеческого бытия*. Вместе с тем Хайдеггер критически относился к философской антропологии [1], считая, что проблема человеческого бытия не может быть решена антропологически. Он полагал,

что «человеческий мир» есть только часть мира, которая может иметь «доступ к бытию» (быть со-участна бытию). Высказывание, что «Хайдеггер начинает с «*Dasein*», имеет следующий смысл: «*Dasein*» (присутствие) есть сложное и постоянно ускользающее бытие; кто достигает «*Dasein*» (присутствия), тот способен затем понять и другие виды бытия. Нельзя сводить «*Dasein*» (присутствие) к содержанию сознания, как это делал Декарт, отделяя человеческое бытие от мира.

Хайдеггер начинает с другой установкой: он начинает с *присутствия*, вовлеченного в мир повседневной работы и действия. В мире работы вещи (орудия, материалы, пространство работы) и люди являются соработниками, для которых работа не рассматривается как нечто замкнутое в себе, а они – как изолированные субстанции, все это принадлежит сложной системе взаимоотношений. Онтология Хайдеггера исходит, таким образом, из вещей, взаимосвязанных друг с другом, и людей, тесно связанных с вещами. Он предлагает рассматривать мир работы (действия) как некий мир, сконструированный на основе вещей путем применения определенных субъективных ценностей.

Согласно хайдеггеровской аналитике бытия, человек может быть понят в двух модусах: *индивидуальности*, которая есть благо, бытие и так далее, и *безликости* (*das Man*), которая сама по себе не является ни плохой, ни хорошей, но выступает злым роком для личности, заставляет ее сбиваться с пути, пульсировать и доказывать себя каждый раз заново, то расширяясь до пределов целого, то сужаясь исключительно до «Я». Осознание своей индивидуальности и есть реальное бытие (присутствие). Присутствие есть тот пункт, вокруг которого все структурируется и отмечается как время. Хайдеггер определяет *время как горизонт понятности бытия*. Добытое таким образом понятие времени он предлагает отличать от расхожего понимания времени, сложившегося от Аристотеля до наших дней.

Итак, понятие «*бытие*» у Хайдеггера означает следующее:

- то, что уже целиком сбылось;
- то, что происходит только сейчас;
- то, что никогда не есть (ничто) [2];
- то, что существует как «полнота возможностей».

Присутствие (*Dasein*) – средоточие этой бытийственно-исторической драмы. Отличительная особенность присутствия заключается в том, что оно имеет *бытийное отношение* к самому бытию. Присутствие каким-то образом *понимает* в своем бытии. Через присутствие бытие становится разомкнутым и понятным. Понятность бытия есть бытийственная определенность присутствия. Другими словами, *присутствие* (*Dasein*) *способно к*

теоретическому вопрошанию о смысле бытия как смысле целого. Этим смыслом целое обращает среду существования в осмысленный мир.

Осмысленность бытия собрана в языке. Он являет собой то самое понимание, которое есть голос самого бытия.

Присутствие – это единственное сущее, которое способно испытывать затруднения, приходиться в замешательство, заблуждаться, ставить вопросы вплоть до вопроса относительно сущего в целом. Присутствие (Dasein) само уже есть вопрос, поскольку *озадаченность своим бытием есть модус человеческого бытия* (а не только область его теоретических интересов). Само бытие, к которому присутствие всегда как-то относится, Хайдеггер называет *экзистенцией*. Человек понимает себя из своей экзистенции, понимает возможности его самого быть самим собой или не самим собой. Человек либо выбирает одну из возможностей, либо в нее «включается», либо из нее «вырастает». В меру того, насколько конкретные условия жизни формируют человека, настолько онтологическая аналитика присутствия требует предварительного исследования жизненного поведения человека. Экзистенциалы (настроенность, заботу, любовь, страх, ужас, тревогу и другие) Хайдеггер рассматривает как язык бытия.

Бытие-в-мире переживается непосредственно, и именно по этой причине «невидимо». Оно становится видимым только тогда, когда возникает «метафизика познания» с теоретической проблематикой и субъектно-объектными отношениями. В этом «мире» каждая вещь выступает как «знак иного»; и весь «мир» оказывается «знаковой сетью», которая выступает как *универсальный способ связи сущего*. Для Dasein (присутствия) моменты «мира» обладают *смыслами*.

Трудности интерпретации бытия, считает Хайдеггер, лежат в образе бытия человека, а не связаны с недостаточностью наших познавательных средств. Поскольку понятность бытия формируется с тем или иным *образом бытия* самого присутствия, оно располагает большими возможностями истолкования. Психология, антропология, этика, поэзия, историография на своих разных путях и в меняющемся мире расследуют поведение, силы, возможности и судьбы присутствия.

Проблему структуры целого, то есть взаимоотношение Dasein и других форм бытия, Хайдеггер решает посредством термина *забота*. Он использует при этом немецкое слово *Sorge*, которое имеет широкий спектр значений: ментальные образования, культурные ситуации, взаимосвязь эмоций, межличностные отношения и «мир работы». «Забота», или «озабоченность», создает экзистенциальное пространство, в котором жи-

вет человек. Хайдеггер раскрывает смысл «заботы», приводя следующую басню.

Забота, переходя реку, слепила из глины существо, которому Юпитер по ее просьбе даровал дух. Затем Забота, Юпитер и Земля начали спорить о том, чьим именем наделить слепленное существо. Они взяли судьей Сатурна, который рассудил следующим образом: после смерти этого существа Юпитер должен получить дух, Земля – тело, а так как Забота первая создала это существо, то, пока оно живет, оно принадлежит Заботе.

Забота представляет собой единство трех моментов: бытия-в-мире, «забегания вперед» и бытия-при-внутримировом-сущем. Важнейшей стороной человеческого бытия является *бытие-в-мире*. Бытие-в-мире означает принадлежность внутри-мирового содержания человеку, то есть существует неразрывная связь между человеческим бытием и миром. Соответственно бытие-в-мире означает раскрытие мира как *нечто*, существующее в человеческом бытии, а не наряду с ним. Хайдеггер провозглашает *бытие-в-мире внутренним, априорным определением человека*.

Второй момент заботы – «забегание вперед» – означает, что человеческое бытие, постоянно убегающее от себя и ускользающее вперед, всегда есть бытие, проектирующее само себя в нечто большее, чем есть в данный момент. Тем самым оно не пребывает только в той точке пространства и времени, в которой находится его физическое тело, ибо *сфера бытия человека – это историчность*, где время есть целостность трех его моментов.

Определяя заботу как бытие-при-внутримировом-сущем, Хайдеггер подчеркивает тем самым *специфический способ отношения к вещам* как к спутникам человека в его жизни, как к чему-то близкому, согретому человеческим теплом и потому отдающему это тепло назад человеку. Он противопоставляет это интимное отношение к вещам современному способу орудования вещами, при котором вещественное начало понимается как сырье и техника (*предметное бытие*).

Таким образом, *забота* является целостной структурой, в которой каждый ее момент есть определенный модус времени: *бытие-в-мире* – модус прошлого, «забегание вперед» – модус будущего (проект, постоянно на нас воздействующий), а *бытие-при-внутримировом-сущем* – модус настоящего (обреченность вещам).

Причем «беззаботность» представляет собой лишь вид «заботы». Если забота – это проявление некоторого «неудобства», отсутствие полноты бытия, то «беззаботность» выражает «полное бытие Dasein». Беззаботное бытие неактивно, а потому незаметно. В этом случае для человека нет и «мира», который в экзистенциальном

смысле всегда неполон, окружен «иным», «чем-то еще».

Тип толкования присутствия должен быть таков, чтобы явить сущее так, как оно есть ближайшим образом в его «средней повседневности». В последней надо выявить не произвольные и случайные, но сущностные структуры. Такой сущностной структурой является *временность*. Все структуры присутствия представляют собой модусы временности. Понятием *временности* Хайдеггер фиксирует тот факт, что наше присутствие и понимание мира не являются постоянными. Они изменяются и часто даже самым радикальным образом. На примере истории философии Хайдеггер демонстрирует эти фундаментальные разрывы. Он обращается к философии Парменида, Аристотеля, Декарта. Каждый из них создавал новую онтологию, которая не могла быть описана в терминах прежней. Хайдеггер приходит к выводу, что мы не просто реконструируем одну и ту же реальность, от которой мы изолированы, а скорее мы сами есть присутствие, одна из частей этой реальности. Мы переосмысливаем сами себя путем изменения нашей онтологии.

Когда эта *историчность* бытия открывается человеку и делается объектом его *заботы*, возникает *традиция*. Хотя традиция и возникает на почве глубокой событийности, она может «заслонить» последнюю и лишить человека способности самоопределения, его ответственности за собственный выбор. В такой ситуации человек лишает себя своей собственной идентичности. Это, по Хайдеггеру, и явилось причиной кризисного состояния «европейского человека», который, догматически освоив древнегреческую философию, трансформировал ее в метафизические системы. Поэтому прежние онтологические концепции не были действительной онтологией, считает Хайдеггер. Чтобы увидеть действительные превращения человеческого Я, необходим феноменологический метод, который помогает проникнуть к самим вещам, избавиться от «мнимых» вопросов, уводивших в сторону от проблем бытия.

Понятие феномена у Хайдеггера мало чем отличается от гуссерлева понимания. Феномен – это «открытость», это «себя-в-самом-себе-показывающее». Но феномен способен «показаться» не так, как он есть «сам по себе». Феноменология и есть средство проникновения к онтологии сквозь многочисленные наслоения толкований и «кажимостей». Присутствие (Dasein) во всех своих модификациях есть именно феномены. «Позади» феноменов нет ничего другого, хотя вполне может быть и так, что то, чем феномен должен стать, сокрыто. Сокрытость, «потаенность» есть понятие, противоположное феномену.

Человеческое бытие никогда не выступает как изолированный субъект; существование других, себе подобных, изначально известно ему, ибо составляет один из моментов его собственной бытийной структуры. Бытие среди других Хайдеггер характеризует как *повседневность, обыденность*. Но бытие-с-другими может быть неподлинным, когда прехоты других начинает распространяться на повседневные бытийные возможности человеческого бытия. Одна личность становится вполне заменимой другой личностью. Данная взаимозамещаемость, при которой происходит некая фикция среднего человека, приводит к превращению его личности в нечто безличное – das Man. По сути дела, это *отчужденный человек* повседневности. Процесс утилизации проникает также и в язык, который вырождается в господствующее мнение, пустословие. Успокоившаяся в праздной болтовне, индивидуальность исчезает в тумане недомолвок. Созвучно Ницше, Хайдеггер бескомпромиссно обнажает структуры повседневной усредненности духа. Истокованность сегодняшнего дня, говорит он, представлена молвой открытого и усредненного духа.

Своеобразие, самость человека противятся растворению в Man. Экзистенция может осуществляться в совместном бытии-с-другими уже потому, что самость проявляется только в отличие от других. Следовательно, *отношение к другим* является главным конституирующим моментом Dasein. Если Dasein потеряно в людях, ему необходимо себя найти, засвидетельствовать способность быть самостью. Таким свидетельством, согласно Хайдеггеру, является голос совести. «Совесть вызывает самость присутствия из потерянности в людях» [3]. Зов совести не планируется, не подготавливается, не осуществляется волевыми усилиями. Совесть «говорит в тревожном модусе молчания. И этим способом лишь потому, что зовет призываемого не в публичные толки людей, но от них назад к умолчанию экзистенцирующего умения быть» [4]. Таким образом, совесть взывает к *подлинному существованию*, экзистенциальному плану, где уместны *поиски смысла бытия*.

Еще одно понятие, чрезвычайно важное для всей экзистенциальной онтологии, это понятие *Ничто*. Непосредственное переживание «Ничто», по Хайдеггеру, порождает у человека состояние *ужаса* (тревоги), которое отличается от обычного чувства страха, вызванного конкретными определенными предметами. *Ужас – это знак некой экзистенциальной реальности*. Ничто открывает человеку его бытие в *максимальной освобожденности от «фактического наполнения»* этого бытия. Бытие как таковое, в освобождении от всех конкретных предметов, привязанно-

стей и стремлений вдруг становится ощутимым, и это ощущение есть ощущение экзистенциального ужаса. Перед лицом *Ничто* бытие человека становится «пустым», «освобожденным», что является *онтологическим основанием свободы* человека. Это «свободное отпущение себя в «Ничто» позволяет человеку дистанцироваться от любого сущего и самому решать: принимать его или не принимать. Не будь человек «выдвинутым в «Ничто» – не было бы свободы и ее проявлений: творчества и всего мира культуры. Собственно, нельзя было бы вообще говорить о человеческом мире.

Фундаментальная онтология Хайдеггера может быть понята во всей ее полноте только в связи с его работой в области *герменевтики*, в развитие которой он вносит существенный вклад, продолжая развивать идеи своих предшественников.

Можно сказать, что современная философская герменевтика обязана своим рождением немецкому классическому-филологу и теологу Ф. Шлейермахеру (1768–1834). Помимо простой техники понимания и толкования разных сочинений (например, священных текстов) он разработал саму структуру *интерпретации*, характеризующую понимание как таковое [5]. Суть данного подхода заключается в следующем: следует сначала понять целое, чтобы затем стали ясны части и элементы.

Согласно Шлейермахеру, необходимо, чтобы интерпретируемый объект и интерпретирующий субъект принадлежали одному *горизонту*, были в одном *круге*. Последователи Шлейермахера отмечали, что он был первым, кто заговорил о «герменевтическом круге». В своей основе проблема круга заключалась в удержании целостности операции понимания, охватывающей как объект, так и субъект. Шлейермахер выделил два фундаментальных свойства этого круга:

- *необходимое предзнание целостности интерпретативного действия;*
- *необходимость принадлежности действия и понимания к более широкому горизонту.*

Надо отметить, что у Шлейермахера герменевтика мыслилась прежде всего как искусство понимания чужой индивидуальности.

Заслуга систематического развития тезиса, согласно которому «понимание» есть не частный аспект теории познания, но фундамент всего гуманитарного знания, принадлежит В. Дильтею. Он считал, что «понимание» надо рассматривать как *единственно адекватное средство передачи целостности*, т.е. ее прояснения и осмысления. В. Дильтея занимал вопрос: каким образом можно проникнуть в сущность жизни? Постигнуть, что такое жизнь, а именно она, по его мнению, составляет сущность человека, мож-

но лишь через историю или жизнь другого человека. Необходимость общезначимости познания требовала выхода за пределы психологической трактовки индивидуальности. По этому пути пошла феноменология, основанная Гуссерлем. Анализируя «чистое сознание» (освобожденное от всякого психологизма), Гуссерль выделил в нем неосознаваемый фон интенциональных актов сознания, тот «нетематический горизонт», который дает «предварительное знание» о предмете [6].

Поясним, в каком смысле Гуссерль употребляет термины *тематическое* и *нетематическое* содержание сознания. Нетематическое содержание сознания выступает у него аналогом понятия бессознательного. Но поскольку Гуссерль пытался избежать всякого психологизма, он обращается к аристотелевской традиции, различающей актуальное и потенциальное содержание сознания. У Гуссерля тематическое (актуальное) содержание сознания означает все то, что является содержанием интенционального акта; нетематическое (потенциальное) – то, что в данный момент не находится в поле сознания, а составляет некий «фон», горизонт, который можно тематизировать слой за слоем, но никогда нельзя актуализировать до конца. Гуссерль был убежден, что сознание не может до конца тематизировать предмет, что всегда остается нетематизированный «горизонт», «фон восприятия», принципиально до конца неустраиваемый. Горизонты отдельных предметов сливаются в единый тотальный горизонт, который Гуссерль впоследствии назвал «жизненным миром». Это область исконно человеческих «смысловых формаций», предшествующих рождению науки и не исчезающих с ее развитием. Согласно Гуссерлю, жизненный мир задает возможности для взаимопонимания индивидуумов. Поэтому, чтобы возникло взаимопонимание, необходимо реконструировать жизненный мир индивида или культуры в целом.

Хайдеггер, являясь учеником Гуссерля, продолжает его традиции, но переводит «понимание» в *онтологическую плоскость*.

Что это означает? «Онтологическое понимание» Хайдеггер трактует как основу и предпосылку всех установок человеческого сознания, которая остается непроясненной обычными средствами теоретического мышления. Обнажить онтологические основания предметности и тем самым расшифровать изначальный смысл мира – вот задача экзистенциально-феноменологической герменевтики. Хайдеггер хочет раскрыть и описать структуры, которые изначально нашего сознаваемого *Я* и которые можно назвать бессознательными. В этом пункте Хайдеггер идет вслед за Гуссерлем: структура человеческого

бытия отождествляется им не с «бессознательным» психоанализа, а с «нетематическим» полем переживания Гуссерля. Однако отправным пунктом анализа Хайдеггер избирает не сознание (как у Гуссерля), а бытие, вернее, *человеческое бытие (тут-бытие)*, ибо оно есть такое сущее, которому бытие *открыто*. Понимание у Хайдеггера тождественно открытости тут-бытия. Быть-в-мире, быть открытым и обладать изначальным пониманием, то есть быть герменевтичным – это, по Хайдеггеру, одно и то же.

Как же описывает Хайдеггер эту изначальную открытость? Прежде всего она есть *настроенность*. Изначальная настроенность человеческого бытия, которая и есть его исходная открытость, предшествует всякой рефлексии, всякому самосознанию и тем отличается от обычного настроения как психического состояния. Нastroенность – это первичная форма открытия реального вообще. По Хайдеггеру, бытие-в-мире как целое всегда уже открыто для настроенности. Нastroенность впервые делает возможной направленность на что-то. Согласно Хайдеггеру, настроенность есть основной экзистенциал, бытийственная характеристика человеческого бытия. Она первичнее всякого «переживания». Нastroенность предшествует рефлексии, а потому ее нельзя отождествить ни с каким внутренним состоянием, которое мы можем открывать в себе путем самонаблюдения. *Нastroенность* – это *дологическое (допредикативное) понимание*. Она имеет экзистенциальную структуру проекта. *Проект* как экзистенциал отличается от конкретно-эмпирического плана. Изначальный проект есть выражение специфики человеческого бытия, которое никогда не тождественно себе и выступает как возможность (заданность). В этом смысле *понимание есть открытость через возможности*. Понимать, по Хайдеггеру, значит вкладывать себя в некоторую возможность, проектировать себя. В свете проекта, который есть намерение и предвосхищение, впервые конституируется *изначальный смысл* сущего. Смысл, по Хайдеггеру, это направленность проекта; следовательно, смысл – это не свойство сущего, а экзистенциал человеческого бытия. И в этом опять состоит его герменевтичность.

Интерпретация, по мнению Хайдеггера, не является стороной субъекта, а представляет собой *специфический род бытия*. Отсюда, понимание есть форма первичной данности мира человеку. Оно лежит в основе всех его *отношений* вообще. Поскольку мы не в силах до конца понять ни мир, ни историю, ни себя самих, постольку герменевтика представляет собой скорее искусство (понимания, проникновения в Другого) нежели науку. Бытие, по Хайдеггеру, говорит прежде всего через поэтов, слово которых многозначно.

Теперь посмотрим, каким образом Хайдеггер решает традиционную для герменевтики проблему – проблему «круга» в понимании. Хайдеггер отмечает, что «круговой» структурой обладает не только историческое познание, но всякое познание вообще. Круг понимания образуется всякий раз оттого, что бытие есть временная структура. Движение в круге понимания, считал Хайдеггер, никогда не приводит к ситуации выхода из этого круга. В «герменевтическом круге» происходит слияние горизонтов понимания – «горизонта» текста и «горизонта» интерпретатора. Образуется как бы «общий горизонт», который собственно и составляет фундамент понимания интерпретируемого, с одной стороны, и понимания интерпретатором самого себя – с другой.

Хайдеггер различает *первичное* понимание, тождественное открытости, настроенности, и *вторичное*, которое уже есть не способ бытия, а один из видов познания. Таким вторичным пониманием, по Хайдеггеру, является филологическая интерпретация текстов как вид научного познания, но она коренится, конечно, в изначальном понимании. Первичное понимание Хайдеггер называет *пред-пониманием*, оно составляет тот горизонт, от которого никогда нельзя освободиться. Хайдеггер рекомендует не избегать герменевтического круга, а научиться правильно в него входить. А для этого необходимо выделить ту сферу, в которой наиболее непосредственно и наиболее адекватно выражается пред-понимание. Такой сферой Хайдеггер считает стихию языка. По Хайдеггеру, язык не продукт человеческого бытия, а его жилище, его дом. Он пишет, что речь также изначальна как настроенность и понимание. Речь как живое говорение есть онтологический фундамент языка. Речь есть артикуляция понятности. Герменевтика того, что говорит сам язык, по убеждению Хайдеггера, есть единственный способ «прислушаться» к бытию. Язык не продукт субъективной деятельности и сознания, а «дом бытия». Это значит, язык дарует нам ту открытость, благодаря которой нам является всякое сущее. Однако язык открывает сущее очень своеобразно, как говорит Хайдеггер: он столько же открывает, сколько скрывает. Здесь хайдеггеровская характеристика языка сближается с мыслью Гуссерля о том, что сознание никогда не может до конца тематизировать предмет, что всегда остается некоторый нетематизированный горизонт. У Хайдеггера также «открытое» всегда окружено, оттенено «сокрытым». Слово *хранит* в себе бытие, а хранит – значит одновременно и являть, и таить хранимое. Именно многозначность и «объемность» естественно-го языка и является причиной того, что язык одновременно открывает и скрывает то, о чем говорит. Поэтому к раскрытию смысла бытия

невозможно подойти с помощью логики. Только герменевтика как интерпретация языка есть адекватный путь к раскрытию смысла бытия сущего, она есть искусство правильного вступления в извечный круг языка.

Тема герменевтики проходит через все творчество Хайдеггера. «Однако в разные периоды характер и смысл герменевтики у него различны: если герменевтику раннего Хайдеггера можно назвать исторической, то герменевтика второго периода – онтологическая. Историческая идет от человека и его существования, последним горизонтом которого является историчность; герменевтика онтологическая идет от бытия и предлагает толковать историю как “судьбу бытия”» [7].

Хайдеггер был философом бытия, а не человека. Но он сделал очень много для того, чтобы ответить на вопрос: что есть человек в его соотношении с бытием? Он завершил переход от вопросов бытия, как оно есть «в-себе», от попыток раскрыть тайны этого бытия к вопросу *о смысле бытия*, то есть к человеческому бытию: культуре, свободе, истории, политике. Проникновение в глубины хайдеггеровской онтологии должно стать важнейшей компонентой мышления современного человека, призванного преодолеть глобальный кризис культуры и раскрыть перспективы собственного бытия.

Примечания

1. Сам Хайдеггер отрицал свою причастность к философской антропологии и не желал, чтобы его учение рассматривалось в этом качестве. Однако многие авторы самых весомых работ по философской антропологии включают его в один ряд с ее основателями, выявляя при этом антропологическое содержание в его столь радикально неантропологической установке.

2. Понятие «Ничто» раскрывается Хайдеггером в работе «Что такое метафизика?».

3. *Хайдеггер, М.* Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. Харьков, 2003. С. 311.

4. Там же. С. 313.

5. Интерпретация – истолкование, разъяснение.

6. Интенциональность – направленность (устремленность) сознания на предмет; непрерывное динамическое выхождение за собственные границы.

7. *Гайденко, П. П.* Прорыв к трансцендентному [Текст] / П. П. Гайденко. М., 1997. С. 377.

Н. М. Ефимова

ЖИВОЙ ТЕЛЕСНЫЙ КОСМОС АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА. СМЕРТЬ КАК ВОЗВРАЩЕНИЕ

В статье на примере произведений «Чевенгур», «Афродита», «Сокровенный человек» рассматривается своеобразие прозы Андрея Платонова, его языка, разбираются представления писателя о природе жизни и смерти, анализируется платоновский принцип универсальной телесности.

За художественными произведениями Андрея Платонова, а точнее, за языком его прозы стоит особое мировоззрение (буквально – воззрение на мир). Особенность соотношения платоновской прозы и присутствующего в этой прозе мировоззрения состоит в том, что оно, это мировоззрение, в своих действительно существенных чертах может не обязательно совпадать или иметь мало общего с тем, что писатель сам формулировал в своих статьях и письмах в качестве своего сознательного взгляда на мир, общество и человеческую жизнь. На это, в частности, указывает М. К. Мамардашвили:

«...Ведомый своим фантастическим слухом, самим гением языка, Платонов в писании постигал и показывал нечто, чего “не знал” на уровне собственного рефлексивного сознания, что могло даже противоречить его “убеждениям”» [1].

Таким образом, зафиксируем, что именно анализ и разбор своеобразия прозы А. Платонова, особенностей его языка и стиля должны будут подвести нас к специфическим чертам его мировоззрения. Но прежде чем непосредственно перейти к этому анализу и разбору, выскажем еще одно соображение. Мировоззрение, которое нам сейчас предстоит определить и найти, по-видимому, не будет выглядеть стройным и единым, сознательно продуманным и систематизированным. Не исключено, что, разбирая одни фрагменты прозы Платонова, мы получим картину мира, несколько отличную от той, которую даст нам разбор других фрагментов. Мы имеем дело с писателем, ведомым «гением языка», а не приводящей все в единую систему сознательной рефлексией.

Например, в разных произведениях Платонова мы можем встретить неодинаковые представления о жизни и смерти. Но в то же время какая-то определенная содержательная общность, несомненно, должна обнаружиться.

Не претендуя на полный разбор всех данных представлений, мы дадим лишь их ряд, опираясь

ЕФИМОВА Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент по кафедре политологии ВятГУ
© Ефимова Н. М., 2007

на произведения «Чевенгур», «Афродита» и «Сокровенный человек», которые являются произведениями разных периодов творчества писателя.

Сначала покажем, обращаясь к роману Платонова «Чевенгур», что часть метафор и сравнений в этом романе может быть понята лишь в контексте некоторого особого понимания жизни и смерти как характеристик человеческого бытия; затем мы перейдем к описаниям смерти в двух других произведениях Платонова. Наконец, мы попробуем снова через разбор фрагментов из «Чевенгура» получить общие характеристики платоновского взгляда на мир в целом.

В романе «Чевенгур» Платонов описывает смерть машиниста-наставника и употребляет следующие выражения: «будто купался в горячих обнаженных соках своих внутренностей», «слишком большой старый рост», «теснота внутри его матери». Платонов пишет: «нежной тьме» и «тихой горячей тьме». Эти выражения обращают на себя внимание своей странной поэзией и образностью, и в то же время ясно, что взятые сами по себе они не могут быть поняты. Чтобы уяснить смысл этих выражений, рассмотрим фрагмент о смерти машиниста-наставника в целом.

«Машинист-наставник закрыл глаза и подержал их в нежной тьме; никакой смерти он не чувствовал – прежняя теплота тела была с ним, только раньше он ее никогда не ощущал, а теперь будто купался в горячих обнаженных соках своих внутренностей. Все это уже случилось с ним, но очень давно, и где – нельзя вспомнить. Когда наставник снова открыл глаза, то увидел людей, как в волнующейся воде. Один стоял низко над ним, словно безногий, и закрывал свое обиженное лицо грязной, испорченной на работе рукой.

Наставник рассердился на него и поспешил сказать, потому что вода над ним уже смеркалась:

– Плачет чего-то, а Гераська опять, скотина, котел сжег...

...Наставник вспомнил, где он видел эту тихую горячую тьму: это просто теснота внутри его матери, и он снова всовывается меж ее расставленных костей, но не может пролезть от своего слишком большого старого роста...

...Здесь наставник втянул воздух и начал что-то сосать губами, он толкался плечами и силился навсегда поместиться.

– Просуньте меня поглубже в трубу, – прошептал он опухшими детскими губами, ясно сознавая, что он через девять месяцев снова родится...» [2].

Мы видим, что смерть воспринимается наставником как возвращение в лоно матери, в материнское тело, причем это возвращение описывается как процесс рождения, взятый в обратной последовательности. На эту обратную последо-

вательность указывает, в частности, деталь про «опухшие детские губы». Итак, смерть осознается как возвращение в материнское тело.

В таком случае становятся понятными приведенные вначале метафоры и сравнения. Они и есть не что иное, как физиологически точное описание того, что и должно ощущаться при продвижении внутрь материнского тела: «будто купался в горячих обнаженных соках своих внутренностей», «горячая тьма» и т. д.

Можно поставить вопрос, насколько такое понимание смерти связано лишь с данным героем и не является ли оно общим и для других персонажей «Чевенгура», и больше того – не характеризует ли это понимание в конечном счете самого автора?

Мы встречаем в романе место, где Саша Дванов разговаривает со своим умершим отцом: «Папа, меня прогнали побираться, я теперь скоро умру к тебе» (С. 43). Выражение «умру к тебе» говорит о том, что и в этом случае, теперь уже другим героем, смерть тоже воспринимается как своеобразное возвращение, только речь идет уже о воссоединении с отцом.

Эта смерть как воссоединение с умершим отцом воспроизводится при описании реальной смерти Саши Дванова в конце романа, причем это описание дается уже не через восприятие героя, а через авторское изложение. Таким образом, мы имеем дело с устойчивой чертой мироощущения, которая характеризует самого Платонова как писателя и художника.

Рассмотрим описание смерти Саши Дванова. Дванов, уцелевший после боя с казачьим отрядом, возвращается в родную деревню и заходит в озеро, в котором раньше утонул его отец. Здесь мы обнаруживаем снова, что смерть предстает как последовательность «рождения наоборот» (С. 397–398).

Дванов въезжает в деревню, где когда-то родился. Все так же «на завалинке ближней хаты сидел горбатый старик – Петр Федорович Кондаев». Все так же звонит знакомый колокол, и его звук «Дванов услышал как время детства». То есть речь идет не просто о возвращении в деревню, где Дванов когда-то родился, а о возвращении во время детства, эта деталь переключается с «опухшими детскими губами» умирающего машиниста-наставника.

«Дванов не пожалел родину и оставил ее». Он подъезжает к урезу воды озера. «Он в ней купался и из нее кормился в ранней жизни». Мотив воды мы уже встречали: «Когда наставник снова открыл глаза, то увидел людей как в волнующейся воде», «...вода над ним уже смеркалась». Ясно, что вода выступает как символ смерти, но в данном конкретном случае вода ассоциируется с околоплодной жидкостью в утро-

бе матери, в которую возвращаются умирающие наставник и Дванов.

Саша Дванов подъезжает к урезу воды, останавливается на границе бытия и небытия, жизни и смерти. Еще раз нужно подчеркнуть, что все происходит не в настоящем времени, а во времени детства. Об этом же говорит деталь про удочку: «Дванов узнал, что это была его удочка, забытая здесь в детстве». Время идет вспять, и Саша Дванов у края воды – это Саша Дванов в момент своего рождения.

Далее идет крайне интересное и в то же время сложное место, одно из ключевых для уяснения платоновского понимания не только смерти, но и ее противоположности – жизни.

«Он (Дванов. – Н. Е.) оглядел все неизменное, смолкшее озеро и насторожился, ведь отец еще оставался – его кости, его жившее вещество тела, тлен его взмокавшей потом рубашки, – вся родина жизни и дружелюбия. И там есть тесное, неразлучное место Александру, где ожидают возвращения вечной дружбой той крови, которая была однажды разделена в теле отца для сына».

Здесь мы снова обнаруживаем метафоры и сравнения, которые, если их рассматривать отдельно, сами по себе не могут быть поняты: «родина жизни и дружелюбия», «жившее вещество тела», «тесное, неразлучное место», «возвращение вечной дружбой той крови, которая однажды была разделена в теле отца для сына». Эти выражения станут ясными только в контексте определенного понимания смерти как возвращения в тело родителей. Укажем также, что выражения «в ранней жизни», «родина жизни и дружелюбия» перекликаются с выражением «детская родина» из другого фрагмента романа: «Захару Павловичу сильно захотелось раскопать могилу и посмотреть на мать – на ее кости, волосы и на все последние пропадающие остатки своей детской родины» [3].

Эти выражения «детская родина», «ранняя жизнь», «родина жизни и дружелюбия» тоже указывают на определенное понимание смерти и жизни героями Платонова и самим писателем.

Попробуем выразить это понимание в общей форме. Согласно ему жизнь не начинается с момента рождения, то есть отделения или, лучше сказать, отпадения от материнского тела, она включает в себя и нахождение в утробе матери (детская родина), то есть период физической нераздельности с родителями.

Возможно, жизнь вообще не начинается, она всегда есть, она длится, но проходит различные состояния. Поэтому жизнь конкретной личности в привычном смысле – от рождения до смерти – является одним из преходящих состояний жизни в более широком смысле, которая включает в себя, с одной стороны, также и жизнь в

утробе матери в качестве эмбриона, а до этого жизнь как присутствие в крови родителей, до того как эта кровь «была разделена в теле отца для сына», и в конечном счете речь идет о присутствии данной конкретной личности с самого начала в крови или в телах всей череды сменяющихся друг друга предков, уходящих в прошлое.

А с другой стороны, эта жизнь «в более широком смысле» включает в себя также возвращение после так называемой смерти (в обыденном значении этого слова) в единое тело человечества как генетически связанную цепь поколений.

Не случайно Платонов не показывает момента собственно смерти Саши Дванова.

«...Дванов... *продолжая свою жизнь* (курсив мой. – Н. Е.), сам сошел с седла в воду – в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти, а Дванов шел в чувстве стыда жизни перед слабым, забытым телом, остатки которого истомились в могиле, потому что Александр был одно и то же с тем еще не уничтоженным, теплящимся следом существования отца».

Здесь обрывается повествование о Дванове, и дальше речь идет о Пролетарской Силе – коне, на котором приехал к озеру Дванов, и о других героях «Чевенгура».

При таком понимании жизни как вечной длительности, а смерти как «возвращения» жизнь в обычном значении этого слова, или промежутков времени между рождением и смертью, предстает как временное отпадение, отрыв от «тела всего человечества», «уходящего вглубь веков родства всех по единым предкам» (выражения С. Г. Семеновской). Это отпадение и отрыв и характеризуется поэтому состоянием «сиротства», которому, в свою очередь, соответствуют ощущения «скуки», «тоски», «скорби».

Мы рассмотрели некоторые фрагменты из романа Платонова «Чевенгур» и путем их анализа выявили определенное понимание жизни – как череды форм пребывания, или присутствия, в совокупном генетическом теле человечества, причем жизнь конкретной личности в обычном смысле этого слова предстает как временное существование вне этого генетического тела, а смерть как возвращение в него.

В то же время, обращаясь к другим произведениям Платонова, мы можем обнаружить несколько иное изображение и, соответственно, понимание человеческой смерти. Смерть в этих фрагментах предстает уже не как возвращение в генетическое тело человечества, но как растворение или рассеяние частиц человеческого тела теперь уже в общем бесконечном природном кругообороте. Однако это рассеяние или растворение в бесконечном природном кругообороте опять же не означает совершенно бесследное исчезно-

вание самой личности или превращение ее в ничто. Сохраняется присутствие личности в «общем хозяйстве» мира в виде телесных следов или знаков, через которые в принципе может расшифровать и распознать данную конкретную личность другая – любящая и равнодушная – личность. Такое изображение смерти мы находим в рассказе «Афродита», написанный в более поздний, так называемый третий период творчества писателя.

Назар Иванович Фомин возвращается в освобожденный от немцев город. В мирное время он жил в этом городе со своей любимой женой Афродитой, пропавшей в годы войны без вести и теперь, по-видимому, умершей. Рассказ строится на воспоминаниях Назара Фомина о своей жене.

Фомин видит перед собой дом, «раскрошенный в щебень и мусор, убитый и умерший, выдуваемый ветром в пространство» и представляет смерть своей Афродиты. «Не так ли где-то в дальнем, заглушем поле лежит теперь холодное большое любимое тело Афродиты, и его снесают трупные твари, оно истает в воде и в воздухе, и его сушит и уносит ветер, чтобы все вещество жизни Афродиты расточилось в мире равномерно и бесследно, чтобы человек был забыт» [4].

«Фомин смотрел вдаль, на плывущие над горизонтом, сияющие чистым светом облака и думал, что оттуда с высоты, пожалуй, можно было бы увидеть, где находится сейчас Афродита. Он верил, что в природе есть общее хозяйство и по нему можно заметить грусть утраты или довольство от сохранности своего добра, и он хотел разглядеть через общую связь всех живых и мертвых в мире еле различимую, тайную весть о судьбе своей жены Афродиты – о жизни ее или смерти» [5].

«Где бы она ни была сейчас, живая или мертвая, все равно здесь, в этом обезлюдившем городе, до сих пор еще таились следы ее ног в земле и в виде золы хранились вещи, которые она когда-то держала в руках, запечатлев в них тепло своих пальцев, здесь повсюду существовали незаметные признаки ее жизни, которые целиком никогда не уничтожаются, как бы глубоко мир ни изменился. Чувство Фомина к Афродите удовлетворялось в своей скромности даже тем, что здесь когда-то она дышала и воздух родины еще содержит рассеянное тепло ее уст и слабый запах ее исчезнувшего тела, – ведь в мире нет бесследного уничтожения» [6].

Суммируя все три фрагмента вместе, мы обнаруживаем оба выделенные выше момента. Смерть как рассеяние в равнодушной природе, причем кругооборот природы стремится растворить тело человека без следа, «чтобы все вещество жизни Афродиты расточилось в мире рав-

номерно и бесследно, чтобы человек был забыт». И одновременно – человеческое чувство любви к умершей сопротивляется, противостоит распыляющему действию природы, отыскивает физические следы ее былого существования – «рассеянное тепло ее уст и слабый запах ее исчезнувшего тела», и тем самым благодаря этому человеческому чувству «в мире нет бесследного уничтожения».

Сама смерть или акт смерти Платоновым также часто изображается как результат физического проникновения мертвого постороннего тела в человеческое тело, разрушающего, таким образом, его живую целостность и самую жизнь. Так показывается смерть в повести «Сокровенный человек».

Революция и гражданская война изображаются здесь как некий безличный космический процесс разрушения и смерти – историческое время и злые силы мирового вещества совместно трепали и морили людей» [7]. Приведем соответствующие описания смерти из этого рассказа.

«В будке лежал мертвый помощник. Его бросило головой на штырь, и в расшившийся череп просунулась медь – так он повис и умер, поливая кровью мазут на полу. Помощник стоял на коленях, разбросав синие беспомощные руки и с припиленной к штырю головой» [8].

«Шрапнель визжала низко и, останавливаясь на лету, со злобой рвала себя на куски. Эти куски вонзались в головы и тела рабочих, и они, повернувшись с живота навзничь, замирали навсегда» [9].

«Отряд бросился на бронепоезд, зачумленный последним страхом, превратившимся в безысходное геройство. Но железнодорожников начал резать пулемет, заработавший с молчка. И каждый лег на рельсы, на путевой балласт или на ржавый болт, некогда оторвавшийся с поезда на ходу. Ни у кого не успела замереть кровь, разогнанная напряженным сердцем, и тело долго тлело теплотой после смерти. Жизнь была не умерщвлена, а оторвана, как сброс с горы» [10].

А вот как показывает Платонов человеческую смерть изнутри, через внутренний опыт сознания.

«Мир тихо, как синий корабль, отходил от глаз Афонина: отнялось небо, исчез бронепоезд, потух светлый воздух, остался только рельс у головы. Сознание все больше средоточилось в точке, но точка сияла спрессованной ясностью. Чем больше сжималось сознание, тем ослепительней оно проницало в последние мгновенья явления. Наконец, сознание начало видеть только свои тающие края, подбираясь все больше к узкому месту, и обратилось в свою противоположность.

В побелевших открытых глазах Афонина ходили тени текущего грязного воздуха – глаза,

как куски прозрачной горной породы, отражали осиротевший одним человеком мир» [11].

Обратим внимание, что смерть каждый раз описывается именно как результат механического столкновения одного тела с другим и нарушение в результате этого столкновения физического процесса жизни в человеческом теле. И даже само сознание постепенно гаснет, сужаясь от периферии к центральной точке, как бы остывая, наподобие прерванного, но еще по инерции действующего физического процесса.

Необходимо подчеркнуть прежде всего телесность акта смерти. Невозможно вообразить, чтобы Платонов описал смерть так, как, например, ее описывает Гоголь – как результат не только разрушения целостности живого человеческого тела, но и оставления его, тела, божественной бестелесной душой, которая при жизни в нем находилась. Приведем для сравнения несколько описаний смерти в бою, которые дает Гоголь в «Тарасе Бульбе».

«Не к добру повела корысть козака: отскочила могучая голова, и упал обезглавленный труп, далеко вокруг оросивший землю. (Вот на этом Платонов бы остановился. – Н. Е.) Понеслась к вершинам суровая козацкая душа, хмурясь, негодую, и вместе с тем дивясь, что так рано вылетела из такого крепкого тела» [12].

Смерть Мосия Шило: «И зажмурил ослабевшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела» [13].

Смерть Кукубенко: «И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам» [14].

Здесь мы выходим на новый аспект платоновского видения мира – в этом видении мир предстает как совокупность прежде всего телесных процессов, совокупность движущихся, физически осязаемых живых тел. Перейдем к специальному рассмотрению этой универсальной телесности платоновского мира.

Платонов описывает только внешнее положение, движение тел, физические события. Как пишет В. А. Подорога, Платонов «о-страняет (т. е. делает странным. – Н. Е.), о-внешняет любое из событий, претендующих на то, чтобы являть собой внутреннее переживание состояний мира и человеческих существ». Персонажи Платонова поэтому напоминают природные автоматы, «чье сознание “течет” по поверхности собственного тела и вещей, не зная внутреннего». Они могут наблюдать собственную физиологию мысли, но не могут управлять ею. Платоновские персонажи, пишет В. Подорога, «пойманы в ловушку «внеотносительного объективного наблюдения». Платонов же безучастно описывает все происходящее, и создается впечатление, что у Платонова одна задача – это скрупулезно описывать

физические события, не упуская главных мгновений их действия [15].

Подорога приводит пример из романа «Чевенгур», где показан расстрел чекистами буржуев: «Чекисты ударили из нагана по безгласным, причастившимся вчера буржуям – и буржуи не ловко и косо упали, вывертывая сальные шеи до повреждения позвонков. Каждый из них утратил силу ног еще раньше чувства раны, чтобы пуля попала в случайное место и там заросла живым мясом».

Убийство людей дается именно о-страненно как взаимодействие двух механических сил – «тело» человека с «телом» пули. Но читатель понимает, что это все же не обыкновенный механический процесс, а убийство. В этом отчуждении читателя от читаемого – буквально читаю одно, но понимаю другое – и заключается, по Подороге, эффект платоновской прозы.

Итак, эффект строится на том, что человеческие действия и ситуации, наполненные смыслом и внутренним содержанием, Платонов изображает о-страненно, как некоторое внешнее событие, движение тел, механическое действие. Подорога для подтверждения своей мысли приводит сцену расстрела, но можно привести также следующее за этой сценой описание похорон убитых. «К утренней заре чекисты отделались и свалили в яму всех мертвецов с их узелками. Жены убитых не смели подойти близко и ожидали вдалеке конца земляных работ» (С. 233). Мы видим, что страшное событие описывается как будничная земляная работа, некоторое заурядное действие, от которого именно «отделались» и после которого чекисты «затем воткнули лопаты и закурили».

Обратим внимание теперь на следующее. Что бы изображать и описывать человеческие действия и поступки как телесное, чисто внешнее движение, Платонов должен каким-то образом противодействовать инерции обычного читательского восприятия, которое привычно вкладывает в действия и поступки людей определенное внутреннее содержание – то, что должны думать, хотеть, испытывать (какие-то мысли, страдание, боль, страх, радость) – люди при совершении данных действий. Это преодоление привычки приписывать «внутреннее» может достигаться кроме всего прочего добавочным подчеркиванием телесной стороны действия, вводом деталей и уточнений, которые в обычном (не платоновском) языке выглядели бы явно избыточными, лишними, в какой-то степени назойливым напоминанием того, что само собой разумеется и поэтому в обычном языке просто опускается. Но, фиксируя такого рода детали в платоновской фразе и потом мысленно их убирая, мы будем получать обычный, нормальный язык, лишенный аромата платоновского стиля [16].

Приведем фрагмент, где Платонов описывает, как Дванов целует женщин, привезенных в Чевенгур Прокофием.

«Дванову досталось первым целовать всех женщин: при поцелуях он открывал рот и зажимал губы каждой женщины меж своими губами с жадностью нежности, а левой рукой он слегка обнимал очередную женщину, чтобы она стояла устойчиво и не отклонилась от него, пока Дванов не перестанет касаться ее» (С. 379–380).

Мы видим, что Платонов описывает именно телесную механику поцелуя, поцелуй как касание тел. Чтобы подчеркнуть телесность поцелуя, Платонов вводит такие уточняющие детали, как «зажимая губы каждой женщины меж своими губами», «чтобы стояла устойчиво», «касаться» и т. д. Ясно, что эти детали при обычном описании поцелуя были бы именно сами собой разумеющимися и в этом смысле лишними, избыточными. Но Платонову необходимо перенести внимание читателя с внутренней на внешнюю сторону человеческого действия.

Приведем еще примеры платоновских фраз, где эта избыточность уточнений бросается в глаза, будем выделять курсивом те части, которые были бы лишними в обычном, неплатоновском, языке.

«Чепурный обнял Прокофия *кругом груди*» (С. 376).

«Он (Захар Павлович. – Н. Е.) обнял Сашу и заплакал, его любовь к приемному сыну все больше увеличивалась. И Дванов, *держа за тело* Захара Павловича, думал: что нам делать в будущем коммунизме с отцами и матерями» (С. 177).

«Женщина слабо жевала пищу и жалела одной рукой приютившегося у *ее тела* трехлетнего сына» (С. 94).

«Никита сидел на кухне Волошинской школы и ел *тело* курицы» (С. 117).

«Феклуша потрогала Дванова за руку. Тот быстро заговорил от сонного испуга и *показался лицом*» (С. 121).

Описание сна Саши Дванова: «Свой страх он сознавал неясно и пугался *на шею матери* увидеть другое лицо – такое же любимое, но не родное» (С. 140).

«Все подняли руки – одновременно и *вертикально*, обнаружив хорошую привычку» (С. 143).

«..Лежат *лежа* и спят» (С. 205).

«...дорога им дальняя, а из родного дома они ничего, *кроме своего тела*, не берут» (С. 206).

«Солнце еще не зашло, но его можно теперь разглядывать *глазами* – неутомимый круглый жар» (С. 245).

При анализе текста романа «Чевенгур» мы обнаруживаем у Платонова универсальность метода телесного, физически зримого описания. Подобным образом он описывает не только дей-

ствия людей, но и чувства, внутренние состояния, абстрактные понятия, действия животных, явления из мира неодушевленной природы. Вот характеристики таких понятий, как «вечность», «красота», «коммунизм».

«...горячие вычищенные купола, робко зовущие человека из тени деревьев в пустоту круглой вечности» (С. 203) [17].

«...трогательной, но твердой и нравоучительной красоты среди природы» (С. 209).

«Коммунизм ведь теперь в теле у меня – от него не денешься» (С. 236).

«...человек с давлением в сердце идет по траве к коммунизму» (С. 246).

Мы видим, что у Платонова вечность пустая, но круглая, красота твердая, а коммунизм может помещаться в теле как некоторая вещь, или это – место, до которого можно дойти по траве.

Характеристика чувств и состояний:

«Конь, зная, что Копенкин близок, начал бусевать в сарае, сваливая на стены и запоры тяжесть громадных чувств, будто именно он любил Розу Люксембург, а не Копенкин» (С. 195).

«Конь разбрасывал теплоту своих сил в следах копыт и спешил уйти в открытое пространство» (С. 136).

«Где же мой покой? – подумал он (Копенкин. – Н. Е.) и увидел в своем сердце усталость» (С. 211).

Итак, усталость описывается как вещь, которую можно увидеть, а чувства лошади могут непосредственно свалиться на стены и запоры, как тяжелые предметы. Платонов описывает также движение лошади по земле как физическое воздействие одного тела на другое.

«Лошадь чувствовала благодарность и с усердием вдавливала попутную траву в ее земную основу», и ниже: «Пролетарская Сила начала осиливать почву дальше» (С. 119).

Эти выражения – «вдавливала попутную траву», «осиливать почву» – по своей образности перекликаются с описанием Платоновым того, как люди тащат домой тяжелые предметы, оставшиеся разбросанными после войны: «На улице шуршали по земле люди, возвращаясь с трудов по разоружению войны. Иногда они волокли тяжести и спаживали траву до почвы» (С. 123–124).

А вот как Платонов изображает действие солнца на землю.

«Солнце сияло над городом и степью, как единственный цвет среди бесплодного мира, и с раздраженным давлением перезревшей силы нагнетало в землю светлую жару своего цветения» (С. 312).

Таким образом, солнце не просто освещает и греет землю, оно физически давит на землю, его «светлая жара» нагнетается в землю как некото-

рая плотная жидкость. Речь опять же идет о непосредственном, телесном взаимодействии солнца и земли. Это непосредственное, физическое взаимодействие является постоянным мотивом в описании солнца.

«Солнце ушло и отпустило из воздуха влагу для травы» (С. 245).

« – Дави! – еще раз радостно сжал свои кулаки Пиюся – в помощь давлению солнечного света в глину, в камни и в Чевенгур.

Но и без Пиюси солнце упиралось в землю сухо и твердо – и земля первая, в слабости изменения, потекла соком трав, сыростью суглинков и заволновалась всею волосистой расширенной степью, а солнце только накалялось и каменело от напряжения сухого нетерпения» (С. 257).

«Над домами, как поверх лесов, восходило солнце, и свет его упирался в заплаканное лицо Дванова» (С. 242).

Обзор процитированного позволяет, как нам кажется, сделать неожиданный вывод, что для Платонова характерно такое описание поступков людей, действий животных, физических явлений, абстрактных понятий и качеств, которое уравнивает их как звенья или части одного единого ряда явлений. Поэтому речь идет не только об особом видении именно действий и поступков людей, но и об особом видении мира в целом. В этом мире самые различные и, казалось бы, разнопорядковые явления соседствуют друг с другом на равных и выстраиваются в единый живой, осязаемо телесный космос. Это выстраивание Платоновым в один ряд того, что, казалось бы, по определению является существенно различным, проиллюстрируем следующим фрагментом из романа «Чевенгур».

«Солнце ушло и отпустило из воздуха влагу для трав. Природа стала синей и покойной, очистившись от солнечной шумной работы для общего товарищества утомившейся жизни. Сломленный ногою Чепурного стебель положил свою умирающую голову на листовное плечо живого соседа; Чепурный отставил ногу и прилягнул – из глуши степных далеких мест пахло грустью расстояния и тоской отсутствия человека» (С. 245–246).

Здесь мы видим в одном ряду «общего товарищества» природы жизнь и смерть растения, только что зашедшее солнце, физически осязаемый запах грусти и тоски – и человека как часть этого природного ряда. Сам город Чевенгур предстает у Платонова как живой и телесный микрокосм, включающий в себя на равных разнопорядковые явления. «По чевенгурским дворам процветало множество трав, а трава давала приют, пищу и смысл жизни целым пучинам насекомых в низинах атмосферы, так что Чевенгур был

заселен людьми лишь частично – гораздо гуще в нем жили маленькие взволнованные существа, но с этим старые чевенгурцы не считались в своем уме» (С. 203–204).

Но если человек включен в качестве одной из частей наряду и вместе с другими «взволнованными существами» в этот всеобщий телесный, живой космос, то свойства, которые противопоставляют человека остальным звеньям этого космоса – такие, как сознание, мышление, способность понимать смысл своих поступков и действий, – должны самим Платоновым быть представлены как что-то побочное, параллельное, не затрагивающее суть происходящего. В таком космосе человек и должен действовать как именно тело и характеризоваться прежде всего своими телесными действиями наряду и вместе с другими телами.

Поэтому не случайно Подорога называет платоновских персонажей природными автоматами, «чье сознание “течет” по поверхности собственного тела и вещей, не зная внутреннего». Но он объясняет эту особенность платоновского стиля особым видением человеческих действий и поступков, нам же представляется – если принять во внимание более широкий контекст, – что речь идет об особом видении мира как такового.

Примечания

1. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию [Текст] / М. К. Мамардашвили. М., 1992. С. 134.
2. Платонов, А. П. Чевенгур [Текст] / А. П. Платонов. М., 1991. С. 68. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.
3. Платонов, А. П. Государственный житель: Проза. Ранние соч. Письма. [Текст] / А. П. Платонов. М., 1988. С. 57.
4. Платонов, А. П. Живя главной жизнью: Повести, рассказы, пьеса, сказки. Автобиографическое [Текст] / А. П. Платонов. М., 1989. С. 377.
5. Там же. С. 395.
6. Там же. С. 308.
7. Платонов, А. П. Государственный житель... С. 71.
8. Там же. С. 43.
9. Там же. С. 92.
10. Там же. С. 95.
11. Там же.
12. Гоголь, Н. В. Тарас Бульба [Текст] : собр. соч.: в 7 т. Т. 2 / Н. В. Гоголь. М., 1996. С. 97.
13. Там же. С. 114.
14. Там же. С. 116.
15. Подорога, В. А. Евнух души (Позиция чтения и мир Платонова). Андрей Платонов – писатель и философ [Текст] : материалы дискуссии / В. А. Подорога // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 21–26.
16. Разумеется, мы не претендуем все своеобразие платоновского стиля свести к такого рода деталям-уточнениям. Но мы считаем, что к особенностям платоновского стиля кроме всего прочего можно отнести и это.
17. Отметим, что наш разбор платоновского языка совершенно оставляет в стороне его поэзию.

ИСТОРИЯ

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Р. Ю. ВИППЕР И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье рассказывается о научной деятельности историка Р. Ю. Виппера (1859–1954). Авторы обращают особое внимание на теоретико-методологические взгляды ученого, взявшего в качестве исследовательских ориентиров идеи эмпириокритицизма Р. Авенариуса и Э. Маха. Основная заслуга Виппера, по мнению авторов, заключается в том, что он одним из первых российских историков поставил проблему специфики исторического познания, являющуюся весьма актуальной и в наше время.

Научное наследие Р. Ю. Виппера, его философские взгляды, историческое мировоззрение неоднократно привлекали внимание специалистов. Одних интересовало влияние исследователя на развитие дореволюционной научной исторической мысли [1], другие посвящали свои труды анализу многочисленных сочинений Р. Ю. Виппера [2], третьи видели своей задачей выяснение специфики его творческой лаборатории [3], эвристических технологий, восхождения к научным открытиям [4]. На современном этапе развития отечественной исторической науки, находящейся в теоретическом отношении в состоянии кризиса, наиболее востребованными могут оказаться теоретико-методологические взгляды Р. Ю. Виппера и его вклад в теорию исторического познания, о чем и пойдет речь в данной статье.

Уже в начале своей научной деятельности Р. Ю. Виппер начал интересоваться психологическими основами организации труда историка, что впоследствии позволило ему связать вопросы гносеологии с психологией исторического творчества. Наиболее интересные, на наш взгляд, выводы и суждения были сделаны Р. Ю. Виппером именно в этой области, ставшей ведущей в его теоретическом дискурсе начала XX в.

В первые десятилетия XX в. Р. Ю. Виппер по-прежнему с увлечением занимался разработ-

кой тех методологических проблем, которые он вскользь затрагивал в своих многочисленных публикациях по отдельным вопросам всеобщей истории в предшествующий период: прогресс и регресс в истории, закономерности и случайности, взаимодействие человека и исторической среды. Однако теперь он начал связывать их рассмотрение с решением новых задач: выяснением границ познавательных возможностей истории и изучением специфики научной деятельности историка, взяв в качестве методологических ориентиров в своих исследованиях идеи эмпириокритицизма Р. Авенариуса и Э. Маха.

Основоположники эмпириокритицизма, Р. Авенариус и Э. Мах, продолжая традицию очищения знания от метафизики, не противопоставляли обществу познание природоведению, пытались преодолеть ограниченность материализма и идеализма. Э. Мах считал единственной функцией науки описание: «Описание есть построение фактов в мыслях... Наша мысль составляет для нас почти полное возмещение факта». Он утверждал, что всякое научное знание является эмпирическим; научные теории и идеи в его представлении – это особым способом организованная эмпирия, логическое обобщение фактов [5].

Р. Авенариус особый акцент в своих исследованиях делал на «живом созерцании», которое противопоставлял рациональным началам. Познание и опыт он приписывал к предметной области психологии.

Провозглашая основными идеями своей доктрины эмпиризм и относительность, Р. Авенариус и Э. Мах апеллировали в своих выводах к процессу организации научной деятельности и технологии открытий в физико-математических науках. Но, призывая освободиться от догматизма в точных науках, они дали толчок к появлению релятивистских настроений и в исторической науке, где под влиянием кризиса «фундаментальной» теории прогресса, расширения горизонтов общественности в связи с накоплением этнографического материала и других причин (например, крушения либерально-демократических идеалов) росло недоверие к умозрительным выводам, авторы которых пытались «вместить» в них реальный ход истории.

Р. Ю. Виппер с удовлетворением воспринял эмпириокритицизм как идеологическую установку для проведения ревизии в теории исторического познания и методах исследовательской деятель-

НОВИКОВ Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международному сотрудничеству Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского

ПЕРФИЛОВА Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, профессор по кафедре всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского

© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2007

ности историка. Он называл эмпириокритицизм «теоретико-познавательным критицизмом» – новым критическим направлением в философии, которому, по его мнению, было суждено вызвать появление нового направления и в области исторической мысли [6].

Р. Ю. Виппер мотивировал свой выбор «нового критицизма» несовершенством всех предшествовавших ему теорий исторической науки, которые зарождались по мере изменения «социально-политических судеб культурного общества», становясь одновременно проекцией общечеловеческих движений [7]. Развивая эту мысль, он кратко прослеживает наиболее важные этапы эволюции философской и исторической мысли на протяжении XVIII–XIX вв.

С середины XVIII в. историческая наука формировалась в лоне «философии истории» – той общей системы воззрений, которая положила начало всемирно-исторической концепции развития человечества, получившей свое наиболее яркое воплощение в трудах Гегеля. Идея философии истории, обоснованная в сочинениях этого мыслителя, заключалась в том, что человечество как органическое целое развивалось по одному закону и направлялось к одной цели: совершенствованию личности, выработке свободы, развитию гуманности. «Исторические народы», в определенной последовательности вступавшие на мировую арену истории, вместе накапливали общую сокровищницу культуры, тем самым обеспечивая прогрессивное поступательное движение истории. При этом история отдельного народа представлялась не самостоятельным кругом явлений, а лишь необходимой промежуточной ступенью для того, чтобы гений человечества, или, в гегелевском олицетворении, «абсолютный дух», мог подняться на новую ступень и следовать дальше в силу predeterminedного плана. Только народы, которые «делали историю», то есть подходили под распланированную систему осуществления прогресса, принимались историками в среду «человечества», вследствие чего появилось деление народов на «исторические» и «неисторические». К избранным, «историческим» народам были отнесены древние жители Средиземноморья, греки и римляне, которые «жили не столько для себя, сколько для того, чтобы совершить... культурные завоевания для будущего» [8], проявившиеся в эпоху Средних веков и Возрождения.

Всякий факт всемирной истории считался подготовительной ступенью, необходимым средством для достижения того результата, в котором философия истории видела главное предназначение всей эпохи. Люди прошлого тоже будто бы руководствовались этими ориентирами и оценкой, приспособлявая к ним свои поступки и мысли.

Телеологичность исторического процесса не допускала никаких потерь. В самой тяжелой поре, в «самых удручающих сцеплениях» пытались найти важное приобретение для будущего: период умственного упадка открывал прогресс в области государственного управления, гибель народа уравнивалась торжеством принципа – неотвратимостью наступления следующего по порядку момента культурного успеха.

Объяснение хода исторических событий как сплошной цепи действий, направленных к достижению отдаленных целей общечеловеческого развития, привело к тому, что хронологическую последовательность стали воспринимать и как логическую: в порядке смены явлений усматривали их смысл, в замене одного «исторического» народа другим отыскивали проявление нового принципа общечеловеческого развития.

Сторонники всемирно-исторической концепции выработали тяжеловесную, торжественную оценку исторических событий, культурных изменений, деятельности выдающихся лиц: в русле этой концепции факты повседневного существования приобретали всемирно-историческое значение.

Философско-исторические построения, претендующие на универсальность, были лишены причинной связи, закономерности явлений в этой умозрительной схеме были излишни.

Второй период развития исторической науки начался в первой четверти XIX в. Европейские ученые, пережившие периоды революций и реакций, неожиданно для себя обнаружили в исторических судьбах народов немало «возвратов, падений, социальных смертей», что пошатнуло в историках веру в непрерывное и неизменное шествие прогресса. Вместо нерасчлененного целого – человечества – их стали привлекать составные части этого универсума – отдельные нации и общества, при изучении которых появилась и новая цель: отыскать пути их развития, найти сходства, выявить аналогичные ступени существования, с тем чтобы путем сравнительного изучения понять причины явлений, выявить законы их движения, обнаружить факторы их развития.

Эта цель вызвала к жизни социологическое направление науки, востребованность которого определялась успехами в эволюционной теории естественных наук и популярностью материалистической философии. Социологическое направление, считает Р. Ю. Виппер, дало возможность выделить в историческом процессе действие факторов хозяйственного, культурно-идеологического, политико-правового уровней, классифицировать их и показать их изменения [9].

Но и социологическое направление, более совершенное по сравнению с философией истории, не было свободно от недостатков: неоправ-

данной веры в наличие жестких законов смены и движения исторических новообразований, потребности в «резкой классификации» понятий с «твердыми очертаниями», настойчивого выделения «объективных фактов», дождавшихся установления между ними связи [10].

Этих недостатков лишено новое направление историософии, имевшее своими истоками идеи эмпириокритицизма Р. Авенариуса и Э. Маха, – теоретико-познавательный критицизм. В этом был убежден Р. Ю. Виппер.

Теоретико-познавательный критицизм мыслится Р. Ю. Виппером третьим периодом развития исторической мысли, который был вызван к жизни появлением критического направления в философии, успехами в практической психологии, что и позволило обнаружить несовершенство научно-познавательных методов позитивизма, разувериться в достоинствах социологизма.

Основная цель этого нового направления кристаллизации исторической мысли, замечает Р. Ю. Виппер, заключается в изучении способа образования исторических и социологических категорий с «точки зрения психических условий». Осуществление этой цели предполагает, в свою очередь, выделение тех элементов психики историка, которые определяют его толкование исторических явлений, осуществление комбинаций фактов и их классификацию, влияют на разработку терминологии.

Актуальность новых исследовательских перспектив объясняется Р. Ю. Виппером двояко. С одной стороны, теоретико-познавательный критицизм позволит избавиться от умозрительных выводов, которые ранее трактовались как отражение объективной реальности, а на деле представляли собой волюнтаристские выходки историков разных поколений, считавших позволительным произвольно препарировать факты в своем сознании, а полученные результаты выдавать за воссоздание адекватных картин прошлого.

С другой стороны, новый критицизм дает возможность выявить, какие психические механизмы задействованы при организации научных запросов историков, интегрированных в научные сообщества с едиными идеями, традициями и представлениями о будущем науки [11], и, познав их, усовершенствовать методы постижения истории.

«Общее философское настроение в настоящее время становится иным, – замечает Р. Ю. Виппер. – Оно хочет определить, какова во всем нашем знании о мире доля необходимых и неизбежных предрасположений нашей мысли. Оно хочет знать те психические условия, в которых образуются наши представления о реальном мире, в котором происходят установление фактов и классификация их. Оно хочет знать, каков психический смысл наших заключений о взаим-

ной связи явлений реального мира, об их закономерности» [12]. Новая «теория исторического познания» позволит порвать с наследием позитивизма, который не придавал значения «научно мыслящему субъекту», полагая, что его ум служит только для фиксации данных – «чистого отражения внешних фактов».

Историк-позитивист, продолжает рассуждать Р. Ю. Виппер, был склонен отождествлять определения понятий с сущностью явлений. В схемах и классификациях пытался увидеть истинный порядок вещей и их соотношение. В выявленных им повторениях он был готов обнаруживать отражение созданных им же законов движения.

Следовательно, теоретико-познавательный критицизм воспринимался Р. Ю. Виппером самым радикальным средством очищения истории от сохранивших свою живучесть пережитков метафизики в виде умозрительности суждений и схематизма научных построений. Его критика философии истории и социологизма выглядит в связи с этим справедливой и обоснованной. Однако не трудно заметить, что предлагаемая им теория изучения исторического процесса отождествляется с методами исторического познания и растворяется в них, так как весь цикл исследования, начиная с постановки проблемы и заканчивая ее осмыслением, сводится им к психологическим конструктам организации мыслительной деятельности историка механизмам регулирования мотивации и целеполагания, а также формирования убеждений и умозаключений.

Искреннее убеждение Р. Ю. Виппера в совершенстве познавательных возможностей теоретико-познавательного критицизма позволяет ему приписать этому новому направлению развития историко-философской мысли решение сложнейших методологических задач: «пересмотр установившихся в истории социологии рубрик и терминов, схем и подразделений, приемов и методов» [13].

Выделение в качестве первоочередных задач истории создание нового научного фундамента и осуществление кардинальных перемен в технологии исследований может свидетельствовать о заявке Р. Ю. Виппера стать основоположником новой гносеологии истории.

Для того чтобы обосновать неотложность задачи изменения научно-методологической парадигмы истории, Р. Ю. Виппер подробно анализирует традиционную организацию мыслительной деятельности историка, которая с фатальной неизбежностью приводит к искажению прошлого человечества.

Деятельность каждого историка начинается с обработки фактов: их выявления, описания, определения сущности, систематизации, установления соотношения между ними. В отличие от обы-

вателя, полагающего, что «факты существуют вне нас в отчетливых очертаниях» [14], Р. Ю. Виппер убежден в том, что исторический факт – это продукт субъективного сознания изучающего его историка (в чем, кстати, явно прослеживается причастность ученого к эмпириокритицистам, утверждавшим принадлежность факта только области сознания, а не объективной реальности).

Группы и ряды фактов представляют собой «умственные разрезы», «умственные опыты» историков, то есть сложную комбинационную и творческую мыслительную деятельность, которая, в свою очередь, считал Р. Ю. Виппер, определяется «предрасположениями мысли», «представлениями», то есть теми субъективными психологическими началами, которые неизменно присутствуют при изучении предмета истории.

В зависимости от «угла зрения» историка факты приобретают способность переставляться, исчезать и появляться вновь. Эти операции, называемые манипуляцией, не воспринимаются историком с предосудительностью, так как он с самого начала их изучения придерживается определенной позиции, соответствующей его убеждениям. Именно поэтому нередко получается, что «факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого» [15], – утверждает Р. Ю. Виппер.

Каждый историк, кроме того, находится в «плёну» определенных теоретических установок, кажущихся ему универсальными, научных подходов, современных концепций, традиций научной школы. Эта научная среда, в которой вырос историк, диктует ему «руководящий чертеж», «образец», с которого он обязан «копировать свои картины» [16]. Приступая к работе с «определённым планом действия», историк невольно производит подбор фактов, соответствующих выбранному ориентиру. Он устанавливает значимость фактов, опускает одни и выдвигает на первый план другие, предлагает иерархию фактов, создает связи и сцепления между фактами. «Под влиянием такого плана [действий. – Т. П.] происходит... создание фактов в уме нашем... Наша работа движется в рамках традиции, готовых схем, которые направляют, регулируют наше дело, но вместе с тем стесняют свободу нашей мысли» [17].

Для иллюстрации своих наблюдений о процессе создания «образа истории» Р. Ю. Виппер приводит принятые в научных кругах правила изучения истории Древнего Рима в свете теории «исторического круговорота» и концепции прогресса.

Теория «исторического круговорота» предлагала рассматривать исторические судьбы человечества как смену двух движений: сначала вверх до некоторого исходного пункта, затем – вниз,

к исходному положению, снова – вверх и т. д. В соответствии с этой заранее определенной перспективой «Рим шел от монархии через аристократию и демократию опять к монархии» [18]. Варварство сменялось общественной организацией, культурностью, которая заменялась моральным упадком и созданием условий для одичания – нового варварства.

Истолкование фактов производилось при помощи понятий «повышения и понижения, цельности и дробления, гармонии и анархии» [19].

Когда перед историками встала другая исследовательская задача: рассматривать историю Рима с точки зрения идеи прогресса, «бесконечного и последовательного», – они вынуждены были сознательно группировать факты, соответствующие критериям «улучшения», «усовершенствования», и игнорировать факты, где использование подобных критериев было неприемлемым. Если положительные признаки открывались не сразу, историкам следовало искать «скрытые» положительные стороны.

Для концепции прогресса не могло быть полных потерь в движении человечества. «Вместо потерь новая теория видела выступление новых свежих начал, дополнение старой несовершенной культуры элементами, которые должны были привести ее к новой, высшей ступени» [20]. Поэтому, отживая свой век, римская культура, основанная на рабстве, подчинении личности государству, уступила место не варварству, а «великим положительным данным»: германской свободе, морали христианства, церковной организации.

Деятельность историка сковывают не только идеологические клише и рамки научной традиции. Любому исследователю, приступающему к работе, обращается к терминам, научным классификациям, схемам в виде хронологических периодов. Он воспринимает эти «символы живых комбинаций мысли» как данность, как освященные авторитетом его предшественников незыблемые догмы, не задумываясь о потребностях породившего их контекста и уповая лишь на магический неизменный смысл комплекса сложившихся идей и представлений. Культ имени кумиров иной эпохи и абсолютизация результатов их научных достижений нередко позволяли сохраняться в сознании многих последующих поколений ложным, ошибочным выводам. Такие категории исторической науки, как реакция, возрождение, индивидуализм – «неясные и растяжимые» во времени, «не только давали рамки, но и вызывали известные ассоциации, возбуждали поиски в известном направлении или задерживали, напротив, развитие мысли в другом направлении» [21]. Мысль молодого исследователя невольно «робеет и сбивается», когда он по привычке руковод-

ствуется известным именем и общепризнанным символом [22]; он становится не в меру осторожным в своей работе и из страха разрушить каноны начинает тенденциозно относиться к тем новым фактам, предположениям и открытиям, которые появляются в науке.

К числу ошибочных научных представлений, закрепленных в категориальном аппарате истории Древнего мира, Р. Ю. Виппер относит термин «античное мировоззрение». Под этим названием скрывалась «весьма произвольная характеристика понятий и настроений» античного грека: представления о его жизнерадостности, гармоничности сознания, равновесии тела и духа, особом значении культа красоты. Эта фиктивная картина являлась результатом механического соединения разновременных «лоскутов» сведений: поэтических изображений богов гомеровского периода, художественных тенденций времен Фидия, картин воспитания в гимназиях, примеров полисного патриотизма греков. Допуская правдивость этих представлений и близость к реалиям греческой жизни V в. до н. э., Р. Ю. Виппер вместе с тем выражает недоумение в связи с превращением этих взглядов в обобщающую неподвижную характеристику «грека вообще всех времен, а потом и римлянина» на одном лишь основании, что римляне читали греческую литературу, имели греческих учителей и отождествляли своих богов с греческими.

Несмотря на условность, неисторичность, произвольность характеристик термина «античное мировоззрение», он прижился в науке, оказывая свое угнетающее давление на сознание новых поколений историков, которым в процессе кропотливой работы удалось обнаружить ряд исторических явлений, противоречащих не только идеализированному образу человека античности вообще, но и даже отлакированному портрету грека V в. до н. э. «Вглядываясь» в те же источники, которые дали начало хождению термина «античное мировоззрение», новые историки стали замечать у греков проявления мистицизма, пессимизма, аскетизма, сектантства, ранее либо не обнаруживавшиеся, либо игнорировавшие. Поначалу, когда эти факты считались единичными, они классифицировались как «курьезы эпохи», «странности», второстепенные и добавочные явления. Исследователи пытались обходить их стороной, не замечать, чтобы не разрушить мнения кумиров и закрепленный в истории догмат. Когда же возросшее количество этих «аномальных» фактов скрывать уже стало невозможно, научное сообщество согласилось их признать на второстепенных правах: не избавляясь от прижившегося термина «античное мировоззрение», в научном лексиконе появилось его уточнение под рубрикой «упадок античного мировоззрения».

Орфики, киники, Сократа и Платона – всех, кто не соответствовал критериям греческого оптимизма, жизнерадостности, гармоничности мировосприятия, окрестили предшественниками падения язычества и подготовки христианства, а всю эпоху от второй половины V в. до н. э. до IV в. н. э. (Юлиана Отступника) стали классифицировать как «кризис античного мировоззрения». На людей кризисной эпохи были перенесены те устойчивые психологические комбинации, которые обычно ассоциируются с болезнью, страданием, тяжелым ощущением, душевным сомнением [23].

На примере термина «античное мировоззрение» Р. Ю. Виппер показал механизм конструирования лженаучных представлений в истории, от которых почти невозможно избавиться: так велик авторитет ученого или научной школы, породивших заблуждения.

Анализируя другое понятие, «античное хозяйство», Р. Ю. Виппер подтвердил свою мысль о гипнозе «унаследованных рубрик», которые регулируют работу историка и направляют его рассуждения в определенное русло.

Понятие «античное хозяйство» поглотило все «хозяйственные признаки и образы... от времен Приама и Одиссея до вступления в пределы империи варваров в IV и V вв... рабский труд, презрение свободных к индустриальной работе, слабость обмена и самодовление домашних хозяйств... ойкосов» [24]. Совершенно очевидно, замечает ученый, что эта обобщенная «ложная картина», не соответствующая «определенному географическому и хронологическому месту», упрощала представления о социально-экономической жизни греков и римлян и лишала ее жизнеспособности, так как не предусматривала способности к развитию. Характерные черты и явления разновременных эпох были сдвинуты будто на одну плоскость и сцементированы в неподвижную картину. Если поначалу причина феномена «сдвинутости» – «стянутости» фактов и явлений, не привязанных ни к определенному пространству, ни к конкретным временным рубежам, заключалась в отсутствии достаточного количества источников для производства полновесных достоверных суждений, то впоследствии, даже при условии заметно расширившейся источниковой базы, сохранилась тенденция подгонять под устоявшуюся трафаретную схему все новые факты.

В XIX в. начался процесс разрушения мифа о существовании неподвижного «античного хозяйства». Благодаря усилиям Эд. Мейера и его авторитету в немецкой исторической науке, картина «стянутости» античной производственной жизни начала разрушаться. Факты были разъединены и локализованы по месту и времени, было

восстановлено своеобразие натурального ойкоса, показаны причины его разрушения, освещены разнообразные формы рабства [25].

Пытаясь понять природу возникновения заблуждений, предвзятых комбинаций мысли, устойчивых научных суждений, Р. Ю. Виппер называет (кроме уже упомянутых преклонения перед научными авторитетами и традицией, инерционности и тенденциозности мышления) также «объективированные моменты психики» – психологические *idola*, которыми руководствуется исследователь при изучении социальных или политических процессов. К их числу он относит психологический параллелизм и историческое уравнивание, перенося тем самым шаблоны в организации мыслительной деятельности историков исключительно в область психологии.

Прием психологического параллелизма, по Випперу, обязывает исследователя искать психологические аналогии в «явлениях разных рядов», логически не связанных между собой. Это приводит к подмене причин и следствий. К примеру, христианизацию Римской империи рассматривают причиной появления колониальных отношений, которые характеризовались положительно, как факт социального прогресса и связывались с «ростом социальной справедливости», по сравнению с предшествовавшими им рабовладельческими отношениями.

Р. Ю. Виппер разоблачает эту распространенную точку зрения, объясняя ее натяжки: колониат не заменил рабовладельческие отношения, а сосуществовал с ними; колониат не мог являться фактом социального прогресса, так как представлял собой новую форму эксплуатации и зависимости для свободного населения от крупных земельных собственников. Общий его вывод сводился к тому, что типичная схема умозаключений, выводящая якобы более мягкий и гуманный строй (по сравнению с языческой эпохой) из утверждавшейся новой, христианской этики, глубоко ошибочна [26].

Другой прием – исторического уравнивания – используется в исторических трудах для создания эффекта компенсации, сбалансированности фактов негативного порядка прямо противоположными по эмоциональному смыслу явлениями. Так, развитию социальной иерархии сеньората и патроната в раннесредневековой Европе находили противовес в существовании христианской церкви, которую характеризовали как «демократическую структуру», «великую университетальную» военно-аристократического феодального государства. При этом, замечает Р. Ю. Виппер, совершенно игнорировался тот факт, что «церковь... воспроизводила и повторяла в своей среде современное ей общество в его экономических и культурных чертах» [27].

Приемы психологического параллелизма и исторического уравнивания Р. Ю. Виппер называет своеобразными «психическими комбинациями», «длительными психическими привычками» историков [28], хотя их можно было бы квалифицировать иначе: ошибками в организации исторического исследования прошлого. Он не был склонен связывать их с «политическими и социальными течениями и воздействием определенных эпох», в то время как детерминированность приводимых им примеров «запросами и установками», то есть популярными теориями и идеологическими концепциями, очевидна.

Р. Ю. Виппер считает, что названные им приемы мыслительной деятельности могут быть иногда полезны историку, если использовать их как «известные толчки к наблюдению, к классификации, как способность совершать разрезы материала». Вместе с тем, предостерегает он, обращение к этим приемам чревато появлением искажений ошибочного синтеза, так как «мыслительные опыты» историка нередко уведут его от «реального отношения самих вещей» [29].

Проанализировав наиболее типичные ошибки историков, возникающие при изучении фактов и их «сцеплений», при помощи выявленных им «психических комбинаций» параллелизма и уравнивания, Р. Ю. Виппер счел своим долгом рассмотреть и другие ошибки, тоже, по его мнению, психологические, которые появятся на более высокой ступени обобщения исторического материала, при выявлении закономерностей в истории. В связи с этим он подробно остановился на освещении проблем «истории событий и состояний», степени организованности и сознательности в социальной эволюции.

Отношение Р. Ю. Виппера к «истории событий» и «истории состояний» имеет для нас важное значение, так как при написании учебников по истории Древнего мира он руководствовался теми своими соображениями на этот счет, которые приобретали все более устойчивые очертания по мере его отказа от позитивизма и приобщения к постулатам эмпириокритицизма.

«История состояний», по Випперу, представляет собой картину, созданную из разрозненных, одновременных или «стянутых» к одновременности явлений: к примеру, «средневековая церковь», «крепостное право». «История событий» создается из фактов, структурированных в их последовательности (например, история первого крестового похода). Основное место среди фактов занимают «великие события» [30].

Р. Ю. Виппер не противопоставлял, в отличие от многих своих коллег, события и состояния, а, напротив, объединял их, доказывая их сосуществование в реальной жизни, так как нет динамики без статики и, наоборот, не существу-

ет и законов, отдельно предназначенных для истории социальных состояний и политических действий. Обособленное рассмотрение «истории событий» и «истории состояний» возможно лишь исключительно в научных целях на стадии изучения материала, так как это искусственно созданная ситуация иерархии нерасторжимых фактов исторической действительности. Историк сознательно создает два мысленных разреза нерасчлененных в истории явлений для того, чтобы их лучше изучить, понять их природу, классифицировать. Однако, заявляет Р. Ю. Виппер, события нельзя противопоставлять состояниям, а состояния – событиям, так как они представляют собой сугубо «результаты двух способов нашего наблюдения» [31], в то время как историки нередко ищут между ними причинную связь, спрашивая, «почему и как такое-то состояние вызвало такое-то событие» [32], забывая при этом, что они пытаются установить причинную связь между результатами двух способов изучения материала.

Следовательно, резюмирует Р. Ю. Виппер, события и состояния, подобно всем другим историческим фактам, являются продуктом сознания историка. Волей историка, то есть его воображением, явления могут быть превращены в цепочку фактов или в плоскость состояний. Обнаружение между ними каузальных отношений – это ошибка, являющаяся следствием обобщающей, абстрактной деятельности историка.

Отношение Р. Ю. Виппера к «истории состояний» и «истории событий» как равнозначным и взаимодополняющим «разрезам истории» не оставалось неизменным. Исследователи его мировоззрения считают, что поворот ученого к более детальному изучению «истории событий», а следовательно, и постулирование «истории событий» более важным «мысленным разрезом», чем «история состояний», произошел в 1913 г. [33]. Об этом может свидетельствовать второе издание учебника по истории Древней Греции, появившееся в 1916 г. Если раньше, по собственным признаниям Р. Ю. Виппера, он был уверен в превосходстве внутренней истории над внешней, «длительные состояния» считал самым важным моментом в изучении прошлого, сводил крупные факты к действию масс, мало значения придавал личности, то после революционных катастроф и мировой войны у него появилась необходимость «прежде всего знать события, роль личности, сплетение идей» [34].

Рецензенты «Истории Греции в классическую эпоху. IX–IV вв. до Р. Х.» заметили смещение интересов Р. Ю. Виппера в ракурсах исследования и отреагировали на это следующим образом. К. Н. Успенский отметил, что «прежнее изложение курса выросло почти вдвое... Социаль-

но-экономическая история, бывшая главным содержанием лекций-разрезов, растворилась в более всестороннем процессуальном изображении истории греческого мира, где на видный план выдвинулись моменты политического устройства и международных отношений...» [35]. К. Н. Успенский также обратил внимание на замену в новом издании привычных рубрик: «Пятидесятилетие», «Век Перикла», что, – по его мнению, «знамену-ет и отказ от ветхоклассических представлений, и поворот к свежему, здоровому реализму, которым проникнута вся работа профессора Виппера» [36].

Д. Н. Егоров не поспешил на более резкие оценки. Он выделил переключение интересов Р. Ю. Виппера с социально-экономической истории на политическую: «...пересказ событий, не исключая иногда анекдота, занимает неожиданно много места, чем и объясняется, прежде всего, значительное разрастание книги» [37]. Автору рецензии также не пришлось по вкусу то, что анализ не занимает прежнего места, что он «заглушен большими партиями догматического и изобразительного рассказа» [38].

Выдвижение на первый план «истории событий» заставило Р. Ю. Виппера меньше внимания уделять изучению типичных, повторяющихся, устойчивых состояний в жизни народов. Гораздо больше его начинают привлекать не органичные и медленные изменения в формирувавшемся веками укладе жизни, а переломные эпохи, кризисные явления в материальной и духовной сферах, быстрая, скачкообразная ломка давно сложившихся отношений. Феноменальное, единичное, индивидуальное начинают формировать сферу научных интересов Р. Ю. Виппера. Именно в таком контексте мировоззренческой эволюции следует рассматривать взгляды историка на роль выдающейся личности и переоценку значения места исторических героев.

В 1900 г., когда он впервые приступил к обоснованию необходимости перемен в методологии познания истории, вопрос о влиянии крупной личности на эпоху решался им однозначно: он считал, что «понятие о великих чудодеях», заимствованное из старых религиозных и философских систем, является пережитком сознания исследователей и сохраняется в «исторических схемах» для того, чтобы самым доступным и незатейливым способом объяснить смену важных эпох и повороты в истории [39].

Без тени сомнения он утверждал, что в подобных мифологемах скрывается «привычка отыскивать для сложной действительности одну простую и притом живую олицетворенную причину» [40]. Он был уверен в том, что за творящей личностью скрываются «массовое дело, совокупность идей, поступков, учреждений» вре-

мени жизни героя, и он превращается в наиболее характерный продукт эпохи, в выразителя общественных течений, настроений, идей только в восприятии историков под тенденциозным влиянием исторических свидетельств [41]. Р. Ю. Виппер обвиняет авторов источников в создании иллюзорного, превратного отношения к отдельным индивидуумам. Отрывочные указания источников, как правило, выстраиваются вокруг выдающейся персоны, которая и формирует «исторические впечатления» исследователя. Он, в свою очередь, начинает приписывать личности творящее, воздействующее начало, а остальную, обезличенную, неизвестную массу людей превращает в пассивный объект воздействия героя.

Отвергая историю героев, Р. Ю. Виппер приводит объяснения некоторых неизбежных ошибок историков, которые он помещает в область психологии научного познания.

Прежде всего, он ссылается на прием интроекции, открытый в школе Р. Авенариуса. Суть его сводится к тому, что группа воспринимаемых историком «моментов» всегда расчленяется на творящие и творимые элементы, на активные и пассивные начала, на материю и дух. «В видимых нам, отрывочно данных актах и моментах мы предполагаем результаты действия некоторой силы и по этим результатам заключаем о невидимом, но необходимо существующем, как нам кажется, факторе» [42]. В свете приема интроекции творящая историю личность воспринимается как активное начало, которое организует элементы, пассивно ожидающие этого воздействия. Историк, придерживающийся подобных убеждений, дважды эксплуатирует одни и те же свидетельства истории, сам не замечая этого: сначала он приспособливает факты к одной, наиболее выдающейся личности, затем, напротив, элиминирует оригинальные характеристики героя, с тем чтобы «из суммы стертых фигур» получить «среду» приложения его творческой энергии [43].

Второе объяснение искажения истории заключается в том, что историк неосознанно смещает акценты, исключительно доверяя своим чувствам или полагаясь на интуицию. Он принимает за главное вовсе не то, что является таковым, а то, что случайно оказалось в поле его зрения первым, внезапно бросилось ему в глаза на фоне однородных, однопорядковых фактов. Это невольно приводит к смещению перспективы видения целого. «Внимание сосредоточивается на случайной частности, одной из многих одинаковых, из сотен или тысяч, и эта частности воцаряется впоследствии над другими. Мы игнорируем все другие, равные ей, потому что внимание фиксировано на одной точке» [44].

Ошибки в исследованиях могут происходить также из-за произвольных операций историков со

свидетельствами иных эпох. У многих историков есть склонность при создании картины прошлого «сокращать и сгущать далекие, удаленные от нас периоды в компактные психические массы; в результате жизнь нескольких поколений... стягивается как бы в одну человеческую жизнь» [45].

Явление «стягивания истории» – аберрации – позволяет длительный процесс, проходивший неорганизованно, спонтанно, в высшей степени хаотично, превращать в логичный, осмысленный, закономерный план действий. Реальная история в сознании ученого превращается в историческую фикцию. Бессмысленной и бесформенной истории нередко придают целесообразный характер, подключив к описываемой эпохе незаурядную личность. Качества и свойства этой личности начинают проецировать на всю эпоху, к которой она принадлежала, не обращая внимания на наличие других личностей с иными личностными параметрами [46].

Склонность исследователей непременно персонифицировать историю, сводить все многообразие процессов и явлений к произвольно выбранному символу эпохи, формулировать идеи времени, ссылаясь на взгляды наиболее заметных представителей общества, воспринимается Р. Ю. Виппером как опасное заблуждение, возникающее под воздействием неизжитых в сознании историков пережитков первобытного сознания. Только тот, кто не порвал с первобытным анимизмом, смело заявляет Р. Ю. Виппер, может повсюду (в предметах, явлениях, группах людей) обнаруживать душу – «внутреннюю сознательную направляющую силу» [47], невидимый двигатель истории, который ведет общество к прогрессу.

Общий вывод Р. Ю. Виппера сводится к тому, что популярная в научной среде теория героев лженаучна, она не выдерживает проверки средствами эмпириокритицизма. Историческое движение не может происходить по воле выдающейся личности или под воздействием скрытых сверхъестественных сил, воплощенных в символе эпохи. Абсолютизация волевого фактора возникает вследствие ошибок историков в организации познавательного процесса.

Работая уже в советской России, Р. Ю. Виппер перестает игнорировать рассмотрение вопроса о роли личности. Он начинает признавать равные права на существование и истории героев, и истории масс. Столь заметные перемены в своих научных взглядах и подходах он объяснял «постоянно обновляемыми точками зрения», «живой, двигающей и организующей силой общественных наук», «новыми впечатлениями, настроениями, запросами» [48]. Однако обратит внимание на то, что даже в самых поздних по времени выхода в свет учебниках (к их числу относятся «Очерки

истории Римской империи») инверсии во взглядах ученого на роль личности не наблюдается. Более радикального вывода, чем признания за выдающейся личностью способности приспосабливаться «к сильным общественным течениям» и к «сложившимся общественным организациям» [49], он сделать не смог. В учебных изданиях отношение Р. Ю. Виппера к проблемам телеологичности (целесообразности исторического процесса) и каузальности (причинности) также не было подвергнуто кардинальной редукции.

В дореволюционный период обе научные категории, телеологичность и каузальность, воспринимались Р. Ю. Виппером как «результат наивного самонаблюдения человека» [50], стремящегося наполнить осмысленностью окружающую его действительность. И телеологизм, и каузальность, утверждал он, «исходят из приложения понятий личной человеческой воли к массовым явлениям» [51].

Обычная схема толкования исторических событий сводится к реализации задуманного кем-то плана, к осуществлению сознательных, волевых, планомерных действий по отношению к стихийно протекающей, неорганизованной действительной истории с целью привести ее в порядок, организовать в упорядоченную систему.

Эта искаженная картина истории, претендующая на выражение истинной закономерности развития, – продукт сознания историка, иллюзия правдивости. Роль человека в процессе исторического генезиса на самом деле ничтожна, возможности ограничены, влияние на будущее неощутимо. Р. Ю. Виппер был уверен в том, что «большинство наших движений и поступков совершается без участия... ясно сознанных мотивов или даже без участия какой бы то ни было сознательной мысли» [52], поэтому он отрицал существование «социально-исторических целесообразностей», считая их бесплодной выдумкой марксистов, а если и допускал мысль о целесообразности, то только в пределах ограниченного отрезка времени и только применительно к конкретным событиям [53].

Психологические истоки телеологичной идеи, по его мнению, заключались в феномене антиципации – склонности человека наделять прошлое предвосхищением современного. Антиципация возникает в процессе рефлексии человека, обобщающего результаты пройденного. В процессе осмысления достигнутых рубежей в сознании человека зарождается иллюзия, перевоплощаемая в убеждение, будто он «переживал предварительно в уме» всю систему своих поэтапных целенаправленных действий, прежде чем она была приведена в исполнение [54].

Позднейшие поколения, прибегая к аналогичному заблуждению, могли приписывать своим

предкам инициирование идей, воодушевлявших их на сознательные действия в строго определенном направлении, хотя в реальной жизни шел процесс медленного приспособления социальной системы к среде обитания.

Процесс, состоящий из ошибок, возвратов, задержек, случайностей, интенсивных, «острых и тягучих» моментов, позже стал восприниматься «достижением постоянно меняющихся целей» [55].

Телеологичность присуща и организации научного труда историка, когда он, руководствуясь результатами сознательной деятельности одного человека: созданными им политическими программами, экономическими, государственными, религиозными учениями, – отождествляет с ними характеристики целых социальных групп и приспособливает к идеям личностей движения коллективов. Собирая лишь схожее, однородное «в общие полосы» и обходя нетипичное – «несогласные частности», историк вновь преувеличивает степень сознательности участников социальных движений, доказывая изначально присущую людям устремленность к ясным целям [56].

В отношении исторической причинности Р. Ю. Виппер полностью следовал за Р. Авенариусом и Э. Махом. Он относил причину исключительно к психической сфере познающего субъекта. Он полагал, что в «новый период научной мысли» не актуально задавать вопрос «почему?»; напротив, следовало недоверчиво относиться к категории причинности, которая «связывает мысль». Он пытался заменить термин «причина» на более нейтральные научные понятия: «условие», «зависимость», в которых, по его мнению, был относительно скрашен «оттенок творчества, духовности, производящей силы» [57].

Таким образом, Р. Ю. Виппер отказывался использовать термин «причина» из-за того, что обнаруживал в нем «скрытую волю, скрытый замысел, которые потом осуществляются в делах, в следствиях» [58].

Р. Ю. Виппер старался не замечать различий между целеполаганием в истории и исторической причинностью: и то, и другое воспринималось им как «скомпонованные» субъективные психологические явления, связанные с намеренным перенесением на объективно происходящие процессы человеческой сознательности, волевой активности, а также обусловленные присвоением истории несвойственного ей творческого начала.

Однако, отрицая причинность, а следовательно, и причинно-следственные связи, Р. Ю. Виппер ставит под сомнение правильность своих прежних убеждений в возможности выявления закономерностей в процессе исторического движения. Пытаясь исправить свои амбивалентные взгляды, он заявляет о признании «правильной смены, правильной повторяемости многих явле-

ний» [59], не подверженных волюнтаристским подходам, а также говорит о наличии «групп постоянных сцеплений, образующих механические повторяющиеся единства» [60].

Целеполагание и причинность в истории Р. Ю. Виппер воспринимает явлениями одного порядка, так как обе эти научные категории присущи не истории, а сознанию историка, его «мысленным разрезам». Р. Ю. Виппер не может очевидный для него хаос исторического процесса воспринимать организованным лишь только потому, что его предшественники наделили выдающуюся личность свободой воли и осознанием целей предстоящего общественного развития. Схемы: «план – исполнение, толчок – рациональная реакция на него, притягательная цель и устремление к ней» [61] – были для него неприемлемы, так как причинная связь генетически родственна телеологизму. «Причинность в большей степени облачена в одежды онтологичности лишь по причине “правдоподобного обмана”, связанного с хронологическим расщеплением реального исторического явления. Причинность в итоге сводится к длительности, протяженности во времени, более или менее удачно препарированной на причины и результаты, которые на самом деле связаны между собой только исследовательской волей» [62].

Подобные рассуждения позволяли Р. Ю. Випперу усомниться в необходимости изучать причинно-следственные связи. Он провозглашает целью «новой исторической науки», очищенной от остатков метафизики, описание явлений [63], а не их интерпретацию, так как «хорошее меткое описание явления составляет лучшее научное понимание и оценку его» [64].

Выяснение отношения Р. Ю. Виппера к категориям «цель», «причина», «следствие», «закономерность» позволяет нам понять методологические подходы ученого к содержательной стороне его учебных курсов по истории Древнего мира. Но исследователю не удалось полностью отказаться от использования этих понятий. Более того, в самой логике изложения событий и в их оценке он показывает и «воздействие, и влияние, и стремление, и толчок» [65] – те умозрительные начала, укорененные в психологических привычках научной деятельности историка, которые он пытался критиковать в своих «Очерках теории исторического познания». Однако, справедливости ради, заметим, что отличительной особенностью учебных изданий Р. Ю. Виппера, особенно появившихся в XX в., является почти полное отсутствие выводов по главам и разделам. Это создает эффект дискретности истории, бессистемности происходящих в ее недрах процессов, непредсказуемости ее дальнейшего развития, что можно расценивать как приспособле-

ние ученого к принципам создания исторических сочинений, принятым в эмпириокритицизме.

Переломным в осмыслении многих своих воззрений Р. Ю. Виппер считал второе десятилетие XX в. Тогда он пересмотрел свое отношение к «истории событий», преодолел категоричность в отношении исторических героев. Объясняя отказ от прежних своих однозначных суждений, Р. Ю. Виппер отмечал, что раньше он отдавал дань социальной истории, потому что не сомневался «в превосходстве внутренней истории над внешней» [66]. «Конституции, личности правителей, дипломатические переговоры, военные действия казались явлениями поверхностными, под которыми кроются “истинные”, “реальные”, глубинные внутренние процессы... Мы придавали мало значения личности, мы сводили факты к действию масс» [67]. Р. Ю. Виппер открыто признавался и в том, что идеи и теории интересовали его, как и иных его коллег, только как последствия комбинаций интересов, сплетений жизненных мотивов, которые не оказывали влияния на течение жизни.

Сам исследователь считал, что пересмотр его прежних взглядов произошел потому, что он стал свидетелем крупных войн, социальных катаклизмов, которые вывели мир из прежнего равновесия и покоя. «Теперь мы все видим, что уже существуем среди всеобщей войны» [68], поэтому независимо от личных научных интересов историков их внимание невольно оказывалось сфокусированным на войнах. «Мы теперь хотим прежде всего знать события, роль личности, сплетение идей» [69]. Интерес к личностям вождей, организаторов, идейных вдохновителей, командиров, правителей, ораторов, проповедников Р. Ю. Виппер также объяснял влиянием современной ему эпохи [70], которая породила смену «больших полос настроений», заставила идейно переориентироваться «умственные партии», вызвала к жизни новые направления в исторических исследованиях [71].

Возможности относительно легкой замены научных ориентиров, а также принципов и приемов организации научных студий историков, безусловно, сказывались на престиже истории как науки, порождая сомнения в достоверности и непредвзятости ее выводов. Это хорошо осознавал и сам Р. Ю. Виппер. Уже в 1903 г. он попытался обосновать гибкость истории, подвижность ее выводов, субъективизм ее подходов и оценок. «Постоянно обновляемые точки зрения – вовсе не досадный прилагательный, – утверждал он, – вовсе не “зло” субъективизма. Они составляют живую, двигающую и организующую силу общественной науки» [72]. Новые исторические перспективы появляются в связи с запросами общества, которые пытаются найти в прошлом «familialное сход-

ство», – аргументировал он неизбежность тенденциозных перестановок в направлениях исследований. Кроме того, научные открытия могут быть откорректированы сменой «общественных впечатлений», «настроений». Потребность следовать новым идеям в истолковании истории может возникнуть и в связи с саморазвитием исторической науки, в ходе обнаружения новых, не известных ранее «углов зрения», или «разрезов» [73].

Отвечая на вопрос, «приближаемся ли мы путем таких поворотов, наклонений и отклонений к истине» [74], Р. Ю. Виппер дает уклончивый ответ. С одной стороны, безусловно, да, потому что новый взгляд на историю, новые точки зрения постоянно открывают неведомые ранее картины жизни прошлого. С другой стороны, истина в истории не может быть неподвижной величиной: она всегда будет приспосабливаться к «умственному зрению» ученого, его научной добросовестности, но, кроме того, всегда будет находиться в зависимости от готовности общества принять или отклонить ее. «Если истина составляет возможно точное приспособление доступных данных к возможно развитому умственному зрению при возможно постоянной постановке вопросов, тогда мы идем постоянно к истине и постоянно ее достигаем... в меру чуткости и вдумчивости того общества, которое творит и вырабатывает для себя науку» [75]. Каждое новое поколение – продукт иной исторической эпохи – будет руководствоваться своими «общественными программами», будет выставлять «другую, своеобразную концепцию всей истории» [76], будет заново переписывать историю, считал Р. Ю. Виппер.

Это утверждение московского профессора оказалось пророческим. Кризисы обновления истории [77] продолжаются; мы вновь и вновь устремляемся к «объективной истине», задаем истории все новые вопросы в соответствии с современными научными ориентирами и по-прежнему, как В. И. Герье и Р. Ю. Виппер, полагаем, что научная добросовестность – это единственный путь преодоления субъективизма в восприятии и интерпретации исторических свидетельств [78].

Заслуга Виппера-ученого заключается, на наш взгляд, в том, что он одним из первых отечественных историков поставил проблему специфики исторического познания, которая в наши дни является в высшей степени «злободневной» [79]. Он пытался ответить на вопрос, как правильно писать историю. Его, как и современных историков, волновала возможность осуществления задачи исторического синтеза: соединения истории структур и истории событий [80]. Он не побоялся заявить, что история – это конструк-

ция ума ученого, процесс организации эмпирического материала, в который внесен смысл и в котором расставлены акценты только благодаря мыслительным способностям ученого, а также методологическим установкам представителей того научного сообщества, к которому историк причислял себя.

Примечания

1. *Могильницкий, Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х годов [Текст] / Б. Г. Могильницкий. Томск, 1969; *Хмылев, А. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. [Текст] / А. Н. Хмылев. Томск, 1978; *Шапиро, А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года [Текст] / А. Л. Шапиро. Л., 1993.
2. *Бузескул, В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века [Текст] : ч. 1–2 / В. П. Бузескул. Л., 1929–1931; *Данилова, А. П.* Р. Ю. Виппер как историк античности [Текст] / А. П. Данилова // ВДИ. 1984. № 1. С. 160–174; *Мехтиев, Т. С.* Античные войны в лекционных курсах по истории Древней Греции Р. Ю. Виппера [Текст] / Т. С. Мехтиев // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.) : сб. науч. ст. Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 46–53 и др.
3. *Сафронов, Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время [Текст] / Б. Г. Сафронов. М., 1976.
4. *Володихин, Д. М.* Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Виппера [Текст] / Д. М. Володихин // Вопросы истории. 1999. № 2.
5. *Философия и методология науки* [Текст] / под ред. В. И. Купцова. Ч. 1. М., 1994. С. 131–133.
6. *Виппер, Р. Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания [Текст] / Р. Ю. Виппер // Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций. 1900–1912. М., 1912. С. 60.
7. Там же. С. 57.
8. *Виппер, Р. Ю.* Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука [Текст] / Р. Ю. Виппер. С. 24, 25.
9. *Виппер, Р. Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 59, 60.
10. Там же. С. 59–61.
11. Там же. С. 60, 61.
12. Там же. С. 27.
13. Там же. С. 28.
14. Там же. С. 28.
15. Там же. С. 32.
16. Там же. С. 30.
17. Там же. С. 33.
18. Там же. С. 29.
19. Там же. С. 30.
20. Там же.
21. Там же. С. 36, 37.
22. Там же. С. 38.
23. Там же. С. 37–39.
24. Там же. С. 40.
25. Там же. С. 40.
26. Там же. С. 45.
27. Там же. С. 46.
28. Там же. С. 49.
29. Там же. С. 49.

30. Там же. С. 50.
 31. Там же. С. 51.
 32. Там же. С. 50.
 33. Сафронов, Б. Г. Указ. соч. С. 193.
 34. Виппер, Р. Ю. Кризис исторической науки [Текст] / Р. Ю. Виппер. Казань, 1921. С. 13, 14.
 35. Успенский, К. Н. Проф. Р. Виппер. История Греции в классическую эпоху. IX–IV вв. до Р. Х. М., 1916 [Текст] / К. Н. Успенский // *Голос минувшего: журнал истории и истории литературы*. 1917. Ноябрь – декабрь. № 11ю–12. С. 353.
 36. Там же. С. 354.
 37. Егоров, Д. Н. Проф. Р. Виппер. История Греции в классическую эпоху. IX–IV вв. до Р. Х. М., 1916 [Текст] / Д. Н. Егоров // *Исторические известия, издаваемые Историческим Обществом при Императорском Московском Университете*. М., 1916. № 2. VI. Греческий мир. 1046 (№ рецензии). С. 177.
 38. Там же.
 39. Виппер, Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 41, 42.
 40. Там же. С. 42.
 41. Там же. С. 55.
 42. Там же. С. 54.
 43. Там же. С. 55.
 44. Виппер, Р. Ю. Очерки теории исторического познания [Текст] / Р. Ю. Виппер. М., 1911. С. 258, 259.
 45. Там же. С. 129, 130.
 46. Там же. С. 130.
 47. Там же. С. 131.
 48. Виппер, Р. Ю. Новые направления в философии общественной науки [Текст] / Р. Ю. Виппер // *Две интеллигенции...* С. 142, 145.
 49. Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 336.
 50. Там же. С. 139.
 51. Там же. С. 166.
 52. Там же. С. 139.
 53. Там же. С. 155, 156.
 54. Там же. С. 146–152.
 55. Там же. С. 163.
 56. Виппер, Р. Ю. Очерки теории исторического познания. С. 160.
 57. Там же. С. 168, 169.
 58. Там же. С. 166.
 59. Виппер, Р. Ю. Реакционный идеализм и новая наука [Текст] / Р. Ю. Виппер // *Две интеллигенции...* С. 267.
 60. Там же. С. 268.
 61. Виппер, Р. Ю. Очерки теории истории познания. С. 163.
 62. Володихин, Д. М. Указ. соч. С. 158.
 63. Виппер, Р. Ю. Очерки теории истории познания. С. 220.
 64. Виппер, Р. Ю. Реакционный идеализм и новая наука. С. 278. Это положение близко мнению Л. Ранке о том, что история должна описывать прошлое, а не объяснять его. Следовательно, позитивизм и эмпириокритицизм имели сближающие их постулаты. На это обращает внимание и сам Р. Ю. Виппер. См. указ. соч.
 65. Виппер, Р. Ю. Очерки теории истории познания. С. 173.
 66. Виппер, Р. Ю. Кризис исторической науки. С. 4.
 67. Там же.
 68. Там же. С. 7.
 69. Там же. С. 13.
 70. Там же. С. 10.
 71. Там же. С. 13.
 72. Виппер, Р. Ю. Новые направления в философии общественной науки. С. 142.
 73. Там же. С. 142–145.
 74. Там же. С. 144.
 75. Там же. С. 144, 145.
 76. Виппер, Р. Ю. Либерализм и первая историческая формула борьбы классов [Текст] / Р. Ю. Виппер // *Две интеллигенции...* С. 63.
 77. Гуревич, А. Я. Культура Средневековья и история конца XX века [Текст] / А. Я. Гуревич // *История мировой культуры. Наследие Запада* / отв. ред. С. Д. Серебряный. М., 1995. С. 223, 245, 273.
 78. Там же. С. 259.
 79. Там же. С. 223.
 80. Там же. С. 273.

А. А. Костин

АМЕРИКАНО-ЮГОСЛАВСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПО ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА ФНРЮ (1946 г.)

В статье исследуются действия Вашингтона, направленные на сохранение американского контроля за воздушным пространством ФНРЮ. Рассмотрены инциденты с американскими самолетами в Югославии и передача югославской стороне американской радиолокационной станции в Земуне. Проанализированы различные аспекты противодействия Соединённых Штатов усилиям Белграда по «вытеснению» американцев из страны.

1946 год стал первым мирным годом после окончания Второй мировой войны. Нацистская Германия и её союзники были повержены. Человечество возвращалось к мирной жизни. Однако не всё было так безоблачно. Пока победители в ходе заседаний Совета министров иностранных дел сообща решали вопросы послевоенного урегулирования в Европе, в небе над Югославией произошли первые вооружённые столкновения между союзниками по антигитлеровской коалиции.

9 и 19 августа югославские истребители атаковали два военно-транспортных самолета США, оказавшихся в воздушном пространстве Югославии. В результате один из них разбился, другой был поврежден [1]. Глава правительства Федеративной Народной Республики Югославия Иосип Броз Тито заявил, что за последний месяц воздушное пространство Югославии было нарушено американскими самолетами больше сотни раз. Инцидент, который в мемуарах государственного секретаря Джеймса Бирнса называется «на-

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ

© Костин А. А., 2007

падением», стоил жизни пяти американским лётчикам и офицеру турецкой армии, который был пассажиром. Остальные пассажиры и члены экипажа были арестованы и поселены под охраной в белградской гостинице [2].

Данный инцидент, по мнению государственного секретаря Бирнса, продемонстрировал отношение югославского лидера Тито к Соединенным Штатам [3]. Вашингтон не считал произошедшее нарушением воздушного пространства ФНРЮ. Американские транспортные самолеты, курсировавшие между Австрией и городом Удине в северной Италии, нередко пересекали северо-западную часть Истрийского полуострова, территориальная принадлежность которого в тот момент ещё не была юридически определена и обсуждалась на заседаниях СМВД в ходе подготовки мирного договора с Италией. Тем не менее к августу 1946 г. уже была достигнута договорённость о том, что большая часть полуострова отойдёт Югославии. Спорным оставался вопрос о принадлежности города Триеста и окружающей его области, находящихся на западе Истрии. Но атакованные югославскими ВВС американские самолёты, отклонившись от курса, вошли в югославскую зону оккупации полуострова Истрия.

Госсекретарь объяснял действия американской авиации тем, что пилоты просто пытались снизить риск столкновения с альпийскими горными пиками, высота которых от запада к востоку постепенно уменьшается. Из-за этого пилоты брали курс восточнее. При этом госсекретарь называет высоту затруднявших перелёт гор в 18000 футов [4], что составляет 5486 м. Однако самая высокая точка Альп – гора Монблан на западе гряды во Франции – достигает только 4807 м, а на северо-западе Истрийского полуострова – всего 2864 м. Поэтому данные Бирнса явно завышены, что, правда, не снимало полностью риска горного перелёта.

Применение югославами вооружённой силы в отношении американских самолётов не было следствием отсутствия точного территориального разграничения между Италией и ФНРЮ и не может рассматриваться как единичный негативный момент в американо-югославских отношениях. По данным А. В. Потехина, с февраля по август 1946 г. самолеты США, совершая полеты между военными базами в Италии и Австрии, 1070 раз нарушали воздушное пространство Югославии [5].

Инцидент не был случайностью. Он стал закономерным результатом развития отношений между США и ФНРЮ. Ещё 2 апреля американское посольство в Белграде получило от югославского Министерства иностранных дел ноту с требованием передать Югославии радиолокационную станцию в Земуне [6]. МИД напомнил,

что в конце 1944 г. было заключено устное соглашение о том, что ВВС США могут установить на аэродроме Земун радиолокатор для безопасности воздушного движения на условиях передачи его белградским властям после подготовки квалифицированного югославского персонала. Теперь, по мнению югославской стороны, персонал был готов.

В конце 1945 г. югославы установили собственные радиолокационные сооружения, необходимые для безопасной воздушной навигации и способные обслуживать в том числе и иностранную авиацию. Белград заявил, что устное соглашение 1944 г. было обусловлено военными потребностями, а так как теперь используются только гражданские самолеты и связь для безопасности полетов соответствует международному кодексу, югославские военные власти больше не видят надобности в специальной американской станции в Земуне [7].

Несмотря на требования удалить американский персонал и передать радиолокационную станцию белградским властям, тон данной ноты был благожелательным. Нота заканчивалась благодарностью югославского Генерального штаба американским вооружённым силам за услуги, оказанные югославской авиации. Тем не менее вполне вероятно, что этой нотой Белград пытался «уколоть» Вашингтон за вынужденные уступки в вопросе о признании ФНРЮ. Дело в том, что после провозглашения создания новой югославской государственности госдепартамент 22 декабря 1945 г. заявил о сохранении дипломатических отношений между двумя странами де-факто, обусловив юридическое признание выполнением новым режимом всех международных соглашений, заключённых предыдущими югославскими правительствами [8]. Именно 2 апреля 1946 г., когда югославы потребовали передать им радиолокационную станцию в Земуне, Белград согласился признать обязательства прежних югославских правительств [9]. Таким образом, Белград в ответ на американские условия выдвинул взаимную претензию, чтобы Вашингтон также выполнил существовавшие договорённости о передаче навигационного оборудования.

9 апреля госсекретарь Бирнс в телеграмме поверенному в делах в ФНРЮ Гарольду Шанцу обозначил основные моменты американского ответа на югославские требования:

«Зависимость американских представителей в СКК по Венгрии и Румынии, так же, как и американского посольства в Белграде, от службы авиапоставок по каналам воздушных коммуникаций, которые были разграничены совместно с правительством СССР, обуславливает необходимость использования американскими самолетами аэродрома Земун, который является важным

звеном в обозначенной системе коммуникаций. Использование Земун в свою очередь зависит от обслуживания американским персоналом навигационного оборудования, установленного им.

Правительство США полностью признает приглашение с югославскими властями о передаче Югославии средств обслуживания навигации, установленных Соединёнными Штатами в Земуне, как только югославы смогут эффективно обслуживать это оборудование. Американское правительство подтверждает своё намерение выполнить взятые обязательства, как только согласованные условия будут выполнены. К сожалению, в отношении последнего между нами и югославами будут различия в понимании...

Однако до тех пор, пока должное обслуживание полетов американских самолетов не будет обеспечено, они будут нуждаться в услугах американских техников. Кроме того, условия службы в вооруженных силах США требуют периодической замены персонала. Отказы югославской стороны, начиная с прошлой осени, предоставить необходимое разрешение на замену персонала представляют серьёзную угрозу дальнейшему обслуживанию навигационного оборудования в Земуне. Американское правительство уверено, что ясное понимание правительством ФНРЮ этих трудностей будет достаточным для того, чтобы согласиться на дальнейшую работу американского персонала, назначенного в Земун, и на его замену в случае необходимости» [10].

Государственный секретарь ничего не рекомендовал относительно судьбы посольского самолёта. Его нота содержала только установки Шанцу для формулировки ответа югославам, не давая американскому поверенному ни одного весомого козыря. Между тем телеграмма Бирнса крайне важна для понимания причин заинтересованности американцев в сохранении контроля за воздушным сообщением через Югославию. Речь идёт о каналах авиасообщений с Венгрией и Румынией. Основным инструментом противодействия установлению советского влияния в странах Восточной Европы Вашингтон считал оказание материальной помощи для восстановления этих государств и деятельность в них Информационной службы Соединённых Штатов для пропагандистского сопротивления распространению советской идеологии. Именно соперничество Белого дома и Кремля стало определяющим фактором в эскалации американско-югославского конфликта вокруг использования Соединёнными Штатами воздушного сообщения через Югославию.

25 апреля Шанц в соответствии с инструкциями государственного департамента довёл американскую позицию до сведения югославского МИДа. Никакого ответа не последовало, о чём Вашингтон резюмировал своему послу в Вели-

британии Авереллу Гарриману 1 июня. Кроме того, Бирнс сообщил в Лондон, что «более чем год назад (то есть в апреле 1945 г.) американское правительство отправило югославскому правительству ноту, содержащую некоторые предложения относительно гражданской авиации, но до сих пор югославское правительство не сочло целесообразным ответить на эту ноту» [11]. К сожалению, текст американских предложений не опубликован. Тем не менее югославская сторона отреагировала на заявление Шанца, сделанное белградскому МИДу 25 апреля. Через месяц, 24 мая, американский поверенный в Югославии получил ноту Министерства иностранных дел ФНРЮ, содержание которой он передал в государственный департамент 27 мая:

«Когда необходимые коммуникации в результате военного ущерба отсутствовали в Югославии, югославские власти согласились, что посольство может иметь собственный самолет на аэродроме Земун. Поскольку теперь необходимые коммуникации восстановлены, использование иностранными миссиями в Югославии специального самолета перестало быть оправданным.

Начиная с 1 июня самолет посольства не может больше использоваться на югославской территории. Вместо него посольство может использовать восстановленную связь по железной дороге или по воздушной трассе, как это делают другие миссии союзнических и дружественных стран. Посольство должно подготовить изъятие специального курьерского самолета и всего персонала, который его обслуживает и управляет им, к сроку, предложенному посольством [12].

Министерство обращает внимание на его ноту от 2 апреля относительно отзыва американского персонала и изъятия средств обслуживания навигации в Земуне и «настаивает, чтобы осуществление мер по передаче началось немедленно» и штат был отозван к 1 июня, что позволит югославским властям принять сооружения к установленной дате и начать реорганизацию обслуживающей аэродром службы» [13].

Неизвестно, кто – Шанц в его изложении югославской ноты или сам белградский МИД – теперь сосредоточил основное внимание на вопросе использования американским посольством курьерского самолёта. Но ясно одно: отныне вопросы о передаче навигационного оборудования и прекращении использования посольского самолёта югославская сторона беспелеционно считала закрытыми. Срок был объявлен, и все доводы американской стороны игнорировались. Как показали дальнейшие события, Вашингтон вынужден был уступить, обменявшись мнениями по поводу этих событий с англичанами. Государственный департамент особенно сокрушался о

том, что югославы требуют прекратить авиасвязь посольства с правительством «без замены её какой-либо американской гражданской авиаслужбой» [14].

Британская сторона выразила «желательность возмездия в форме запрещения полетов югославских самолетов по английской территории и английским зонам оккупации, а также транспортировки югославских должностных лиц, грузов и почты британскими самолетами». Государственный департамент отнёсся к этому предложению скептически, понимая, кто стоит за спиной у Белграда: «Карательные меры, предложенные Великобританией, мы считаем неэффективными, поскольку югославские самолеты могут летать через советские зоны оккупации в Германии и Австрии, а советские самолеты могут транспортировать основную массу югославских грузов и почты через всю Европу» [15]. Предложение Лондона во многом явилось результатом эмоциональной реакции и не сулило ничего хорошего, кроме дальнейшей конфронтации между Белградом и Вашингтоном. Последнему же было важно сохранить воздушные коммуникации через Югославию с Венгрией и Румынией. Поэтому государственный департамент, наоборот, решил призвать новый югославский режим к «гуманности», предложить американскому и английскому посольствам в ФНРЮ сделать совместное заявление.

«Безапелляционный характер требований югославов и их заявление, что посольский самолет не может использоваться в Югославии после 1 июня, говорит о том, что югославское правительство не желает обсудить вопрос, который американское правительство считает жизненно важным для эффективного функционирования американского посольства в Белграде... Вопреки мнению югославского правительства, американское правительство считает, что использование американским посольством курьерского самолета особенно необходимо, по крайней мере пока отсутствуют адекватные американские гражданские воздушные средства обслуживания. В отсутствии таких средств обслуживания посольство зависит от собственного самолета, необходимого для связи и транспортировки его официальных поставок и персонала.

Отношение югославского правительства к этому вопросу пусть невольно, но, по мнению США, неизбежно приведёт к потере того искреннего сотрудничества, которого Соединённые Штаты с их стороны желают добиться. В признании и установлении отношений с теперешним югославским правительством американское правительство исходило из того, что никаких непреодолимых препятствий для установления сердечных и взаимовыгодных отношений между США и Югославией нет, если существу-

ет взаимная добрая воля и готовность уладить разногласия откровенной и дружественной консультацией. Добрая воля американского правительства и народа к югославам была проявлена многими способами, в первую очередь вкладом США в деятельность ЮНППА [16] в Югославии, о чём югославское правительство прекрасно знает.

Американское правительство надеется, что югославская нота на самом деле не отражает намерение правительства сделать невозможным нормальное функционирование американского посольства в Белграде. Американское правительство, стремясь к взаимному удовлетворительному решению этого вопроса, предлагает как можно скорее провести переговоры между МИДом и американским посольством в Белграде по всем аспектам полётов американских самолётов над Югославией, особенно в отношении американской гражданской авиации и посольского самолета. США также предлагают, чтобы такие переговоры состоялись до конца текущего месяца и были завершены до срока, установленного югославским правительством в его ноте от 24 мая. Соединённые Штаты надеются, что эта проблема будет решена в том духе сотрудничества, которого достаточно, чтобы внести вклад во взаимовыгодное развитие отношений между государствами» [17].

Трудно оценить это американское заявление. По результативности оно было нулевым. С одной стороны, никаких уступок со стороны Белграда Вашингтон не добился. Югославы просто вновь проигнорировали это предложение. Вероятно, государственный департамент ожидал такого исхода, не питая призрачных надежд. Но, с другой стороны, американские призывы к проявлению «доброй воли», достижению «искреннего сотрудничества» и установлению «сердечных и взаимовыгодных отношений» позволили Соединённым Штатам в той непростой ситуации «сохранить лицо» и возложить всю ответственность за происходящее на режим Тито. В моральном плане и в аспекте поддержания своего имиджа государственный департамент одержал победу.

Но моральная победа мало что давала. В конце мая Командование воздушного транспорта Соединённых Штатов, обеспокоенное действиями югославской стороны, наложило запрет на полёты личного состава американской армии на самолётах, доставлявших в Югославию помощь от Объединённых наций. Кроме того, на случай задержания югославской стороной американских пилотов были введены ограничения на состав экипажей и использование на самолётах новейшего оборудования. Наконец, к началу июня еженедельные рейсы на Белград были приостановлены [18].

Таким образом, события апреля – мая 1946 г. показывают, что принудительная посадка и применение оружия в отношении американских транспортных самолётов в небе над Югославией в августе того же года были закономерным результатом столкновения американской заинтересованности в сохранении неподконтрольного Белграду воздушного сообщения с Венгрией и Румынией и советско-югославского противодействия подобному стремлению США. Августовский инцидент явился апогеем этого, по сути, американо-советского соперничества. Тогда югославы продемонстрировали готовность с оружием в руках препятствовать американским попыткам путём оказания материальной помощи предотвратить установление советского влияния на страны Юго-Восточной Европы. И хотя Вашингтон не сумел сохранить свободное авиасообщение с Венгрией и Румынией через Югославию, государственному секретарю всё же удалось одержать очередную моральную победу.

В связи со свершившимся в августе 1946 г. столкновением Бирнс пригласил в свой офис вице-преьера Югославии Эдварда Карделя, возглавлявшего югославскую делегацию на Парижской мирной конференции. Последний сказал, что не имеет никакой информации о произошедшем. Госсекретарь тем не менее настаивал на объяснениях. Также Бирнс послал телеграмму своему первому заместителю Дину Ачесону с инструкцией официально через американское посольство в Югославии потребовать освобождения заложников в течение сорока восьми часов, уведомив югославы, что в противном случае США поставят вопрос перед Советом Безопасности для принятия решительных мер. В американском заявлении произошедшее трактовалось как нарушение принципов международного права и прав человека, а также Устава ООН. В дополнение к подробному объяснению и освобождению незаконно удерживаемых, Вашингтон потребовал выплатить 350 тысяч долларов семьям погибших лётчиков и компенсацию за потерю самолетов [19].

Вскоре после того, как американские требования были выдвинуты официально, в Париже Бирнс застал Карделя что-то горячо обсуждавшим с советским министром иностранных дел В. М. Молотовым, по предположению госсекретаря – как раз этот инцидент. Первоначально правительство ФНРЮ отказалось от выплаты компенсации. Судя по всему, именно под давлением Москвы югославы изменили свою позицию. В течение обусловленного времени американцы были освобождены, и югославское правительство объявило, что погибшим будут отданы военные почести. Белград также согласился заплатить требуемые компенсации. После долгого обсуждения в Вашингтоне решили не просить Совет

Безопасности о принятии мер против ФНРЮ. Но при этом Бирнс заявил Карделю, что американцы не скоро забудут этот недружественный акт югославского правительства [20].

Вряд ли можно назвать произошедшее американской провокацией. Скорее всего, это действительно была ошибка пилотов или их осознанное стремление избежать горного перелёта, к тому же окончательного разграничения между двумя южно-европейскими государствами не было проведено. Тем не менее инцидент продемонстрировал готовность нового югославского режима Тито отстаивать свои права. Ведь в условиях острого дипломатического противостояния между Вашингтоном и Белградом ошибка американских пилотов могла спровоцировать вооружённый конфликт.

Взаимоотношения двух стран были крайне напряжёнными [21]. Достаточно вспомнить американское противодействие в СМВД требованиям Белграда передать Югославии весь полуостров Истрия, особенно его западную часть с городом Триест, а также поддержку, оказанную Вашингтоном арестованному в ФНРЮ бывшему четническому генералу Драже Михайловичу. Наконец, состояние дипломатических контактов между США и Югославией в тот период оставляло желать лучшего. Признание Соединёнными Штатами новой югославской государственности проходило с трудом и затянулось с 10 декабря 1945 г. до 16 апреля 1946 г. В Белграде не было полномочного американского посла Ричарда Паттерсона. Он находился в отпуске, и его приезд в Югославию постоянно откладывался. Аналогично государственный департамент препятствовал отъезду в США назначенного Белградом югославского посла Савы Косановича [22]. Американский поверенный в делах в ФНРЮ Гарольд Шанц в конце мая 1946 г. оценил американо-югославские отношения не иначе как «жёсткая дипломатия» [23].

6 июня в телеграмме государственному секретарю Шанц вскрыл американское видение противоречий между Белградом и Вашингтоном: «Сейчас нашей работе препятствуют многочисленные изнуряющими проблемами, большинство которых могло быть легко улажено или вообще никогда не возникло, если бы югославское правительство было искренне настроено на сотрудничество в духе доброй воли. Очевидно, что власти страны настроены сделать наше присутствие неэффективным. Хотя возвращение посла должно восприниматься как свидетельство доброй воли и желания достигнуть урегулирования проблем, югославские власти показали, что они не понимают добрую волю, не желают урегулирования проблем, которые они в значительной степени сами создали, и будут рассматривать его возвра-

щение как свидетельство нашей слабости и повод для новых нападков. Мы заранее предвидели их требования, чтобы лишить посольство воздушного сообщения и радиосвязи, и я уверен, что закрытие Информационной службы США – это всего лишь вопрос времени» [24].

Сообщение Шанца демонстрирует, что инцидент с американскими самолётами не был обыденным сюжетом в отношениях двух государств. Он явился одним из первых конфликтов в зарождавшейся блоковой конфронтации. В 1946 г. Югославия для Соединённых Штатов ещё не представляла интереса сама по себе, а во многом воспринималась как государство, находящееся во власти режима подконтрольного Кремлю. Поверенный в делах США в Югославии продолжал: «Американское и британское посольства помогли достичь цели, ради которой режим [Тито. – А. К.] первоначально желал их присутствия; а именно, показать, что мы потворствуем подчинению страны, приданию ей статуса рабской провинции. Теперь, когда мы помогли реализовать эту цель, мы клеймимся как враги народа и делается всё, чтобы ускорить наш отъезд. Мы считаем, что должны оставаться максимально долго...» [25].

Вашингтону было важно не допустить расширения советского влияния на юго-восток Европы. Соединённые Штаты заботило, чтобы над восточным Средиземноморьем не была спущена «железная завеса» со стороны стран, ориентированных на Советский Союз [26]. А для этого надо было «приоткрыть завесу» над Югославией, что требовало противодействия режиму Тито и поддержки сил, оппозиционных ему. Именно поэтому американцы развернули кампанию в защиту Михайловича. Помимо арестованного главы четников, были и другие, например бывший премьер-министр югославского эмигрантского правительства в Лондоне, а затем министр иностранных дел в югославском временном правительстве Тито Иван Шубашич. Последний в начале июня 1946 г. заявил американскому консулу в Загребе Теодору Гогенталю, что власти у Тито не больше, чем у советского офицера в ранге маршала [27].

В результате в произошедшем инциденте выразилось не столько столкновение американских и югославских интересов, сколько стремление США противодействовать утверждению в Югославии позиций формировавшегося советского блока. Американо-югославские противоречия, проявившиеся в атаке на авиатранспорт США в воздушном пространстве ФНРЮ, отразили общую атмосферу начинавшегося глобального противостояния.

Примечания

1. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке [Текст]. М., 2005. С. 272.
2. Foreign Relation of United States: Diplomatic Papers [Далее – FRUS] [Text]. 1946. Vol. VI: Eastern Europe, the Soviet Union. Washington, 1969. P. 933–934; *Byrnes, J.* All in One Lifetime [Text]. N.Y., 1958. P. 364.
3. *Byrnes, J.* Op. cit. P. 364.
4. Ibid.
5. *Потехин, А. В.* Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. [Текст] / А. В. Потехин. Киев, 1991. С. 77.
6. Земун – центральный аэропорт ФНРЮ, город-сателлит Белграда, отделённый от столицы рекой Сава, впадающей в Дунай.
7. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 885.
8. *Larson, D.* United States' Foreign Policy Towards Yugoslavia. 1943–1963 [Text] / D. Larson. Washington, 1979. P. 84–85; *Kovrig, B.* The Myth of Liberation. East-Central Europe in United States Diplomacy and Politics since 1941 [Text] / B. Kovrig. Baltimore, 1973. P. 63; *Martin, D.* Ally Betrayed. The Uncensored Story of Tito and Mihailovic [Text] / D. Martin. N.Y., 1946. P. 319; *Howard, H.* Foreign Policy in the Second World War (1939–1946) [Text] / H. Howard // Yugoslavia / ed. by Robert J. Kerner. Berkeley; Los Angeles, 1949. P. 352; *Fotitch, C.* The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West [Text] / C. Fotitch. N.Y., 1948. P. 320; The New York Times. 1946. January 9, February 27.
9. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 883; The New York Times. 1946. April 2; Yugoslavia [Text] / ed. by Robert J. Kerner. P. 471; *Larson, D.* Op. cit. P. 87–88.
10. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 888–889.
11. Ibid. P. 895.
12. Скорее всего, Шанц ошибся, имея в виду не посольство, а МИД ФНРЮ. Об этом говорит первое предложение абзаца.
13. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 894.
14. Ibid. P. 895.
15. Ibid. P. 895.
16. Администрация оказания помощи и восстановления Объединённых наций (UNRRA – United Nations' Relief & Rehabilitation Agency).
17. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 896.
18. The New York Times. 1946. May 31, June 1, 13.
19. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 945–946. 949, 955–950, 906–907, 976–978; *Byrnes, J.* Op. cit. P. 364–365.
20. *Byrnes, J.* Op. cit. P. 365.
21. См. также: *Костин, А. А.* Югославия во внешней политике США во второй половине 1945–1946 г. [Текст] / А. А. Костин // Международные отношения в XX веке: сб. ст. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров, 2007. С. 165–178.
22. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 896–897.
23. Ibid. P. 895.
24. Ibid. P. 897.
25. Ibid. P. 897.
26. Известия. 1946. 17 сентября. С. 6.
27. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 897.

А. А. Машковцев

ВЯТСКАЯ ССЫЛКА ЕПИСКОПА АДАМА КРАСИНСКОГО

В данной статье проанализирован вятский период жизни крупного польского религиозного и общественного деятеля – виленского епископа Адама Красинского.

На протяжении всего XIX в. Вятская губерния продолжала оставаться местом политической ссылки для противников самодержавного строя. Помимо представителей русских революционных кружков и организаций сюда регулярно высылали деятелей национально-освободительных движений, в первую очередь из Польши и Западного края (Литва, Белоруссия и пр.). Наиболее масштабные депортации произошли в 1863–1864 гг., когда в названных регионах полыхало польское восстание.

Социальный состав ссыльных поляков был довольно пёстрым. Относительное большинство составляла шляхта, среди которой, со времён Тадеуша Костюшки, были сильны идеи возрождения независимой Польши. Помимо дворянства довольно часто встречались представители католического духовенства, также не чуждые лозунгам отделения от России и восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. Среди католического клира наиболее известной и авторитетной фигурой являлся виленский епископ Адам Станислав Красинский. Именно он стал тем духовным лидером, вокруг которого началось объединение ссыльных поляков и немногочисленных местных католиков (чиновников, врачей и т. д.), что в конечном итоге привело к созданию монолитной и довольно влиятельной католической общины г. Вятки. И именно Красинский явился основателем первого на вятской земле католического молитвенного дома, ставшего центром притяжения для всех католиков губернии.

Адам Красинский является довольно заметной фигурой в польской истории. Он родился 24 декабря 1810 г. в знатной, но обедневшей шляхетской семье. Закончив очень престижную Духовную академию в Вильно, Красинский избрал для себя путь католического священника. В 40–50-х гг. XX в. он служит в ряде приходов Виленской епархии, а также в костёле св. Станислава в Петербурге. В этот же период открывается его блестящий литературный дар. Им были созданы десятки поэтических произведений, в том числе поэма «Вольнь». Одновременно с этим

Красинский ведёт научные исследования в области лингвистики, разработав «Краткую грамматику польского языка для детей».

Живя в Петербурге, А. Красинский знакомится с русской литературой. Наибольший интерес у него вызывают произведения, созданные в XI–XIII вв.

В 1856 г. он переводит на польский язык такой шедевр древнерусской литературы, как «Слово о полку Игореве». Ему присущи лёгкость и изящество слога, максимальная приближенность к оригиналу. Труд высоко оценили не только профессиональные филологи, но и простые читатели, а император Александр II подарил Красинскому перстень с бриллиантом.

27 ноября 1858 г. Адам Красинский становится епископом Виленской епархии. Именно в это время в Польше и Западном крае происходит резкая активизация деятельности различных кружков и организаций, выступавших за возрождение польской государственности. Естественно, что Красинский не мог остаться безучастным к разворачивавшимся на его глазах событиям. Он с большой симпатией относился к России и её культуре, но, будучи польским патриотом, разделял идеи восстановления независимой Польши. Впрочем, он не был сторонником радикальных методов достижения этой цели и выступал за диалог с царским правительством. Епископ поддерживал лишь те польские организации, которые выступали за ненасильственные формы борьбы. Так, он тесно сотрудничал с женским обществом «Винцентинок» (или «Братством милосердия»), созданным в 1859 г. в Вильно дворянкой Матильдой Бучинской.

Несмотря на то, что А. Красинский относился к умеренному крылу польского освободительного движения и публично никогда не призывал к вооружённой борьбе, после начала восстания 1863 г. он в числе сотен других представителей католического духовенства подвергся репрессиям. Весной 1863 г., по распоряжению виленского генерал-губернатора, М. Н. Муравьёва Красинский был сослан в Вятскую губернию.

На наш взгляд, вопрос о причинах ссылки А. Красинского в Вятку недостаточно разработан предшествующими исследователями. Петербургский историк А. А. Бовкало, изучавший биографию Красинского, вообще не касается этой проблемы, а В. М. Фоменкова полагает, что епископа сослали из-за связи с «Братством милосердия», в деятельности которого он «принимал... живое участие» [1]. С этим можно согласиться лишь отчасти. Конечно, генерал-губернатор Муравьёв знал о поддержке виленским епископом полулегального и нелояльного общества Матильды Бучинской и учёл это, вынося решение о его депортации из Вильно. Однако Виленская след-

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ
© Машковцев А. А., 2007

ственная комиссия предъявила Красинскому официальное обвинение в связях с организацией «Винцентинок» лишь 22 сентября 1863 г., когда епископ уже прибыл в Вятку [2]. По нашему мнению, не стоит также преувеличивать роль «Братства милосердия» в повстанческом движении. Его члены использовали пассивные методы борьбы (демонстрации, публичное пение польских патриотических гимнов и пр.), потому не слишком беспокоили местную администрацию. Вероятно, именно в силу этого общество просуществовало вплоть до осени 1863 г., «когда было закрыто новым Виленским генерал-губернатором Муравьёвым-вешателем, а его главные деятели – Бучинская, Лопацинская и Плятер высланы в восточные губернии» [3].

Анализ имеющихся архивных источников позволяет сделать вывод, что главной причиной высылки А. С. Красинского в Вятку стал его отказ от сотрудничества с властями в деле умиротворения края. Вскоре после начала вооружённого восстания 1863 г. епископ серьёзно заболел и просил генерал-губернатора отпустить его лечиться на Кеммернские воды. Муравьёв согласился, но потребовал от Красинского призвать верующих к спокойствию и подчинению властям. Несколько дней епископ игнорировал требования губернатора и лишь перед самым отъездом направил послание католическому духовенству Виленской епархии. Однако это было вовсе не то, чего добивался Муравьёв. Послание «заключало в себе скорее содействие к беспорядкам, нежели пастырское увещевание к прекращению оных» [4].

Обращение епископа к клиру возмутило генерал-губернатора. Он приказал одному из жандармских офицеров догнать отбывшего Красинского и препроводить его вместо Кеммерна в Псков, а оттуда через Новгород, Москву и Нижний Новгород в Вятку под «надлежащий полицейский присмотр» [5]. В своём письме главе МВД П. А. Валуеву Муравьёв мотивировал это решение тем, что «епископ Красинский уже прежде был замечен в политической неблагонадёжности и в тайном содействии мятежу», а также тем, что епископ, «невзирая на требования начальства об умиротворении края архипастырским внушением духовенству... под предлогом болезни уклонился от исполнения сего» [6]. П. А. Валуев одобрил действия Муравьёва и разрешил высылку опального епископа.

Вятский губернатор В. Н. Струков получил все необходимые инструкции относительно Адама Красинского непосредственно перед прибытием последнего в Вятку. М. Н. Муравьёв просил Струкова установить за епископом жёсткий полицейский контроль «для устранения возможности всяких сношений с здешним (т. е. Вилен-

ским – А. М.) краем» [7]. Губернатору было предложено «в случае необходимости, выслать его в один из уездных городов, где бы он находился в ещё большем уединении» [8].

Что касается главы МВД П. А. Валуева, то он предписал Струкову «бдительно и совершенно негласно следить за его действиями и сношениями с различными лицами, донося немедленно министерству обо всём, что будет замечено относительно его поведения» [9]. В то же время Валуев обратил внимание губернатора на то, что «Красинский не лишён епископского сана и сие звание даёт ему право на некоторое к нему внимание и если в его действиях и поступках не окажется ничего подозрительного и неблагонадёжного, то нет никакой надобности выказывать особую к нему недоверчивость или нерасположение, тем более, что это могло бы подать повод к жалобе на излишнее его стеснение» [10].

23 июня 1863 г. Адам Красинский прибыл в Вятку. Первоначально епископ разместился в небольшой казённой квартире, предоставленной ему местными властями, однако в скором времени он ходатайствовал о выделении ему другого жилого помещения, более просторного, удобного и соответствующего его общественному положению. В ответ на представление губернатора, Департамент духовных дел иностранных исповеданий просил уведомить Красинского, что если он «находит приисканную ему квартиру неудачной, то ему может быть предоставлено, согласно изъявленному им желанию, право нанимать на свой собственный счёт помещение более обширное» [11]. Красинский согласился на это условие и в конце июля 1863 г. приобрёл большой двухэтажный дом на углу Стефановской и Спенчинской улиц, где прожил до конца ссылки [12]. Дом епископа Адама Красинского простоял до начала XXI в. и был снесён всего несколько лет назад. Ныне на этом месте располагается новое здание Арбитражного суда.

Естественно, что покупка целого особняка и содержание прислуги требовали больших материальных затрат, что было под силу лишь состоятельному человеку. Несмотря на административную высылку, Красинский оставался епископом Виленской епархии. Человек, фактически исполнявший его функции, считался лишь местоблюстителем. Ни Муравьёв, ни любой другой царский чиновник не могли лишить Красинского епископского сана, поскольку это выходило за пределы компетенции светской власти. Этот вопрос мог решиться лишь в Ватикане, но его отношения с российским правительством резко ухудшились после подавления польского восстания 1863 г. и массовых репрессий против костёла. Понятно, что в этих условиях Папа был не намерен заменять Красинского кем-то другим, и он

продолжал считаться представителем высшего католического духовенства со всеми вытекающими из этого привилегиями.

Департамент Общих дел МВД назначил А. С. Красинскому ежегодное жалование в размере 4000 руб., то есть сумму, «отпускаемую лично на содержание епархиального архиерея, по Высочайше утверждённым 17 июля 1842 г. штатам для епархий II класса» [13]. Данная сумма могла выплачиваться либо единовременно, либо по частям. Красинский предпочитал второй вариант и ежемесячно получал чуть более 330 руб. в Вятском губернском казначействе [14].

Помимо этой суммы епископ ежегодно получал из Виленского губернского казначейства ещё 1475 руб. Из них 1075 руб. предназначались на духовника и свиту, а 400 руб. – «на служителей и мастеровых, состоящих в доме» [15]. Указанная сумма высылалась ему из Вильно третями (то есть по 490 руб.) через Вятскую губернскую почтовую контору [16].

Таким образом, ежегодный доход епископа Красинского составлял 5475 руб. Для того времени это были довольно большие деньги, позволявшие безбедно существовать, тем более что, по отзывам современников, епископ «вёл скромную жизнь, не требовавшую больших расходов» [17]. Всё это позволило ему без особого труда приобрести особняк на Стефановской, оцененный примерно в 4000 руб. [18].

Генерал М. Н. Муравьёв, управляя Красинского в ссылку, уведомил вятского губернатора о том, что епископ имеет право взять с собой ксендза-духовника, доктора и двух слуг. Однако нашлось не слишком много желающих добровольно отправиться в изгнание в далёкий Вятский край. Вместе с Красинским прибыли лишь лакей Язьвинский и викарный ксендз церкви св. Иоанна в Вильно, магистр богословия Виктор Францкевич, являвшийся духовником епископа. Несмотря на то, что оба являлись довольно стойкими людьми, но даже они не могли долго переносить разлуку с родиной и близкими, а также жить в крае с суровым, непривычным для европейца климатом. В ноябре 1870 г. Вятку покинул Язьвинский, получивший у епископа разрешение вернуться в Вильно. Вскоре за ним последовал и Францкевич, назначенный на должность инспектора Могилёвской римско-католической семинарии, располагавшейся в Санкт-Петербурге [19].

Естественно, что не только суровый климат и разлука с близким осложняли жизнь ссыльных католических священников. Их тяготили дискриминационные ограничения в правах и постоянный пристальный надзор полиции. Ещё в июле 1863 г. министр внутренних дел рекомендовал вятскому губернатору установить строгий негласный контроль за епископом Адамом Красинским, и это

указание тщательно исполнялось в течение всей его 20-летней ссылки. Хотя епископ, в отличие от своего духовника ксендза Францкевича, и не подвергался допросам и обыскам, но жандармы неусыпно следили за каждым его шагом. Так, в январе 1873 г. в Вятку проездом из Сибири прибыл ссыльный ксендз Людвиг Лебедзинский, который посетил Красинского [20]. Несмотря на то, что ксендз пробыл в городе менее суток, а его визит к епископу был весьма краткосрочным, это не ушло от внимания жандармов.

Кроме того, была отменена неприкосновенность переписки политических ссыльных. 2 января 1864 г. вышли специальные правила, согласно которым «почтовые конторы и телеграфные станции должны были предоставлять на просмотр губернатору или уездному исправнику всю переписку политических ссыльных» [21]. Но ещё до утверждения данного нормативного акта корреспонденция многих ссыльных, в том числе и Красинского, перлюстрировалась властями.

В начале сентября 1863 г. на имя епископа пришли две телеграммы от одного виленского прелата, на которые он незамедлительно ответил. Узнав об этом, губернатор потребовал от начальника Вятской телеграфной станции «сообщить адрес присланных епископу Красинскому телеграмм и их содержание, равно как содержание телеграмм, посланных в Вильно» [22]. Однако начальник станции прапорщик Осипов ответил отказом на предписание генерал-майора В. Н. Струкова. «На основании параграфа 5 Положения о приёме и передаче телеграмм, Высочайше утверждённого 15 января 1855 г., лица Телеграфного корпуса обязаны все без исключения депеши и всё, что только касается телеграфа в каком бы то ни было отношении, сохранять в совершенной тайне и никому, никогда и ни в коем случае не объявлять, равно не открывать кем и кому депеша подана, а потому я не могу дать Вашему Превосходительству никаких сведений», – рапортовал Осипов [23].

Губернатор сообщил об этом в Петербург. Указывая на то, что в данных условиях он не может осуществлять деятельного контроля за епископом, Струков просил министра внутренних дел «сделать распоряжение о воспрещении приёма и пересылки его телеграмм и писем как в Вятской почтовой конторе и телеграфной станции, так и в Западном крае» [24].

В Министерстве внутренних дел инициатива вятского губернатора не встретила поддержки. П. А. Валуев понимал, что столь радикальные меры ухудшат и без того сложные отношения с католической церковью. Кроме того, такие дискриминационные ограничения для одного из высших католических иерархов могли вызвать негативную реакцию не только верховного понтифи-

ка, но и ряда западноевропейских стран, а для России в этот период были крайне нежелательны внешнеполитические осложнения. Однако в МВД опасались, что ссыльный виленский епископ может установить контакты с нелояльными элементами в Польше или Литве и через них влиять на события в охваченном восстанием крае. Поэтому Валуев приказал начальнику Телеграфного управления немедленно доставить вятскому губернатору копии с двух депеш, полученных Красинским из Западного края, а виленскому генерал-губернатору Муравьеву – ответные телеграммы епископа. Он также приказал задерживать и вскрывать все последующие письма и посылки Красинского и ксендза Францкевича. Перлюстрация писем и их возможный перевод поручались жандармскому штаб-офицеру, знавшему польский язык. Валуев распорядился «в случае обнаружения чего-либо противозаконного во вскрытом письме – отправлять таковое мне» [25].

Первоначально просмотр всей корреспонденции велся тайно. Вскрытые письма и посылки тщательно просматривались, после чего вновь запечатывались сургучной печатью и передавались адресату. Тем не менее до начала 1864 г. жандармы не могли полностью контролировать всю переписку Красинского и Францкевича. 1 октября 1863 г. вятский почтмейстер сообщил губернатору о том, что он не имеет возможности предоставить точные сведения о всей отправляемой ими корреспонденции, так как «не всегда сами корреспонденты приносят её на почту, а нередко посылают со своими слугами или даже посторонними лицами. Подробных же расспросов, от кого подаётся корреспонденция, я избегаю, дабы не подать им повода к догадкам о причинах таковых расспросов, да и сами отзывы подаваемых могут быть неверными» [26].

В начале октября 1863 г. В. Н. Струков связался с виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым. Сообщая о том, что через почтовые конторы Западного края идёт неконтролируемый поток писем и посылок, он просил распорядиться, чтобы «вся отправляемая из... края корреспонденция на имя состоящих здесь (т. е. в Вятке. – А. М.) под надзором полиции лиц предварительно просматривалась доверенными чиновниками» [27]. Однако генерал Муравьев, занятый подавлением повстанческого движения, отказался выполнить просьбу вятского губернатора, сославшись на то, что «в таком случае представилась бы необходимость ежедневно рассылать по всем почтовым конторам извещения о лицах, высланных из края» [28]. Он находил более рациональным досматривать пересылаемые письма и посылки в Вятской почтовой конторе, так как там сосредотачивалась вся посылаемая и отправляемая корреспонденция.

Как уже отмечалось, 2 января 1864 г. вышли специальные правила, значительно облегчавшие работу жандармов. Они позволяли выявлять всю корреспонденцию политических ссыльных и вполне открыто её просматривать. На протяжении почти 20 лет любые письма и посылки, отправляемые или получаемые Красинским, тщательно досматривались и изучались. И хотя 27 апреля 1873 г. вышло Высочайшее повеление о прекращении просмотра корреспонденции ссыльных поляков, находившихся под надзором в Европейской России, из канцелярии министра внутренних дел сообщили, что на епископа Адама Красинского этот указ не распространяется [29].

Несмотря на полицейский контроль, Красинский вёл довольно активную переписку с друзьями, оставшимися на родине. Кроме того, сохраняя епископский сан, он поддерживал деловое общение с ксендзами и своим заместителем в Вильно, живо интересуясь епархиальными делами. Так, только за период с 19 сентября по 1 октября 1863 г. в Вятскую губернскую почтовую контору поступили два письма на имя Адама Красинского (из Петербурга и Пружан), а также три письма и тук с книгами на имя его духовника ксендза Виктора Францкевича [30].

В начале августа 1865 г. жандармы вскрыли письмо, адресованное Красинскому, отправителем которого значился некий лондонский банкир Маллет. Предприниматель сообщал епископу, что на его имя получены два ящика (якобы на значительную сумму) из Чили, и просил перевести ему 250 франков за пересылку. Вятские чиновники немедленно переправили письмо в канцелярию министра внутренних дел П. А. Валуева. Тот, ознакомившись с его содержанием, сделал вывод, что оно написано аферистами. Он отослал конверт в МИД для подтверждения справедливости своей догадки по дипломатическим каналам. 4 сентября 1865 г. русский посол в Лондоне барон Брунов сообщил, что извещение на имя виленского епископа есть не что иное, как «покушение на обман со стороны одной лондонской шайки, уже находящейся под уголовным следствием и употреблявшей подобный подлог в отношении многих лиц в разных странах» [31]. Пожалуй, это был единственный случай, когда жандармская слежка оказалась полезной опальному епископу. В целом она очень сильно тяготила Красинского, поскольку сковывала его действия и унижала человеческое достоинство.

Впрочем, не стоит излишне драматизировать его отношения с властями. В. Н. Струков и последующие губернаторы никогда не избегали общения с Красинским и держали себя с ним подчеркнуто вежливо. Уже на следующий день после приезда в Вятку ссыльный епископ был принят губернатором и имел с ним продолжитель-

ную беседу. В своих рапортах министру внутренних дел Струков (а затем и его преемники) весьма положительно отзывался о Красинском. «За всё время епископ не только не был замечен в чём-либо предосудительном, а напротив, своей скромностью и уединённой жизнью заслуживает весьма одобрительного отзыва начальства», – писал губернатор [32].

Местные власти поддерживали многочисленные ходатайства Красинского об освобождении. «По образу жизни епископа я нахожу его заслуживающим всемилостивейшего прощения или по крайней мере перевода в одну из губерний тёплого климата, так как здешний довольно суровый климат имеет вредное влияние на его здоровье», – отмечал начальник края в рапорте главе 3-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии [33].

23 октября 1880 г. в доме епископа случился пожар, во время которого почти полностью выгорел второй (деревянный) этаж здания, где находились молезна и покои Красинского. Престарелый епископ был настолько сильно потрясён, что не мог двигаться самостоятельно. К несчастью, при нём не оказалось и его духовника – ксендза Табенского (сменившего Францевича), отбывшего на родину. Если бы не помощь властей, архипастырь попал бы в крайне тяжёлое положение. Несмотря на то что была дождливая осенняя ночь, вятский губернатор прибыл на пепелище и привёз погорельца к себе домой, а затем «лично озаботился приисканием ему временной квартиры» [34].

Довольно неплохие отношения у А. С. Красинского сложились и с местным православным духовенством. В начале июля 1863 г. он посетил епископа Вятского и Слободского Агафангела (Саввина), который оказал ему радушный приём, а затем подарил Евангелие на французском языке и миниатюрное издание Фомы Кемпийского. «Впоследствии мы познакомились с ним ближе. И надо отдать справедливость, что это был епископ учёный, святой жизни, строгих правил и даже аскет. Духовенство, однако, его не любило за то, что в среде его искоренял пьянство и требовал строгой жизни», – вспоминал позднее Адам Красинский [35].

А. А. Бовкало и В. М. Фоменкова отмечают, что епископ поддерживал дружеские отношения с местной интеллигенцией и участвовал во многих проводимых ею вечерах и благотворительных акциях. Так, 7 апреля 1865 г. в зале благородного собрания отмечался столетний юбилей со дня смерти М. В. Ломоносова, на котором присутствовал весь цвет вятского общества, в том числе и Адам Красинский. А в 1867 г. он принял участие в благотворительной лотерее, организованной для сбора средств на поездку в Петербург Виктора

Васнецова. Картины художника «Торговка» и «Жница» «выиграли главные жертвователи – губернатор и епископ Красинский» [36].

Адам Красинский являлся страстным библиофилом, собравшим за годы проживания в Вильно большую библиотеку. К сожалению, он не смог взять её с собой в Вятку. В ссылке епископ не прекращал научной деятельности, работая над словарём польских синонимов, поэтому остро ощущал нехватку необходимой литературы. Каждая заказанная им из Вильно книга проходила специальную цензурную проверку, на что уходила масса времени. Это, отчасти, компенсировалось наличием в городе хорошей Вятской публичной библиотеки, располагавшейся напротив дома Красинского. Епископ «пользовался её книгами, а при отъезде в 1883 г. подарил ей ряд ценных сочинений на европейских языках» [37].

Адам Красинский пробыл в Вятке 20 лет. За это время смогли вернуться на родину даже те участники польского восстания 1863 г., которые боролись против царизма с оружием в руках. Епископ же относился к умеренному крылу польских патриотов и вообще выступал против революционных методов борьбы. «...Я считаю священным долгом заявить, что всегда отвергал революционные идеи, сепаратистских стремлений не имел, все так называемые демонстрации осуждал и бессмысленному мятежу не только не сочувствовал, но не поощадал бы жизни моей, если бы мог его предупредить или не допустить», – писал Красинский министру внутренних дел Валуеву [38]. В чём же причина столь длительного пребывания виленского епископа в вятской ссылке? В. М. Фоменкова и А. А. Бовкало не дают ответа на этот вопрос, что, возможно, связано с узостью использованной ими источниковой базы. Так, в работе А. А. Бовкало вообще отсутствуют ссылки на какие-либо архивные источники. Что касается В. М. Фоменковой, то ею не были изучены материалы Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), способные пролить свет на эту проблему.

После подавления восстания 1863 г. царская администрация осуществила в Польше и Западном крае различные радикальные преобразования, направленные на укрепление здесь своего положения. Они коснулись и римско-католической церкви, которая в период восстания не проявила должной лояльности по отношению к властям. Так, Минская епархия была слита с Виленской, а во главе последней вместо опального Красинского встал верный правительству местоблюститель. В этих условиях возвращение виленского архиерея было для властей крайне нежелательно. «При принятии им (Красинским. – А. М.) вновь епархии явились бы для правительства немалые осложнения, тем более что за вре-

мя его удаления осуществлена важная мера закрытия Минской епархии и присоединения её церковью к Виленской епархии. Кроме того, при нынешнем администраторе епархии достигнуто то, что в Минской губернии 2/3 священников служат на русском языке, а сам управляющий епархией поставлен ныне в совершенную зависимость от гражданской власти, чего не было прежде. Наконец, нельзя упустить из вида польского прелата Жилинского, которого правительство в течение стольких лет поддерживало и возвышало», – писал министр внутренних дел [39].

Естественно, что правительство стремилось сохранить такое положение вещей, сделав лояльного ему местоблюстителя полноценным архиереем. Однако этому препятствовал Адам Красинский. Дело в том, что по католическим церковным законам удаление светской властью епископа от должности епархиального руководителя не влечёт никаких правовых последствий до тех пор, пока он сам не отречётся от сана и не получит на то разрешение Папы Римского. Поэтому для властей важно было добиться канонического отречения виленского епископа.

В январе 1874 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий предложил Красинскому отправить в Ватикан прошение об увольнении его от управления Виленской епархией. В обмен на это епископу гарантировалось освобождение с правом выезда за границу и сохранением пожизненной пенсии в размере 4000 руб. в год. Правда, при этом оговаривалось, что права на пенсию он лишится, если «примет участие в каких-либо враждебных действиях против России» или «будет вмешиваться в дела римско-католического исповедания в России, принимая на себя посредничество между здешним духовенством и Ватиканом» [40].

Хотя Адам Красинский понимал, что это единственный шанс выбраться из ссылки, но тем не менее долгое время не соглашался на выдвинутые условия. Лишь в 1878 г. измученный и больной старик направил послание Верховному понтифику, в котором просил освободить его от управления епархией [41]. Письмо было переправлено в Ватикан, однако Папа уведомил русского посланника в Риме, что в настоящее время не намерен давать ход ходатайству Красинского и «оставляет прошение без последствий» [42].

Адам Красинский был вынужден задержаться в Вятке ещё на несколько лет. Лишь в марте 1883 г. благодаря содействию кардинала Симеони ему удалось произвести каноническое отречение. 21 апреля 1883 г. император Александр III подписал указ о его помиловании. 6 июля 1883 г. в 9 часов утра Адам Красинский и его духовник ксендз Михаил Гренович отбыли из Вятки на пароходе «Иловатка» [43].

Ещё будучи в Вятке, Красинский получил заграничный паспорт, с которым уехал в Австро-Венгрию. Он поселился в Кракове, в доме на Вислянкой площади. Папа пожаловал ему титул епископа Эселонского, подчеркнув тем самым его заслуги перед католической церковью. Последние годы жизни Красинский занимался написанием мемуаров, изданных уже после его смерти. Кроме того, в 1885 г. он опубликовал словарь польских синонимов, над составлением которого работал в Вятке. Этот труд высоко оценили польские учёные: епископ стал членом краковской Академии наук и доктором Ягеллонского университета [44].

Как отмечает А. А. Бовкало, долголетняя ссылка не повлияла на отношение епископа к русской культуре и русскому народу. В 1887 г. во Львове он снова издал свой перевод «Слова о полку Игореве» [45]. Действительно, в воспоминаниях Красинского о вятской ссылке нет злобы и предвзятости, он с теплотой писал о многих днях своей жизни в Вятке.

Умер Адам Красинский 9 мая 1891 г. Его с почестями похоронили на Раковицком кладбище г. Кракова рядом с могилами других видных польских общественных и религиозных деятелей.

Таким образом, епископ Адам Красинский являлся одной из самых заметных фигур из числа поляков, сосланных на вятскую землю во второй половине XIX в. Отношение к нему губернской администрации было довольно противоречивым. С одной стороны, выполняя инструкции руководства МВД, местные власти пристально следили за каждым шагом епископа, в первую очередь за его контактами с родиной. С другой стороны, они были подчеркнута предупредительны к нему и поддерживали его ходатайства о помиловании.

Примечания

1. *Фоменкова, В. М.* Участники польского освободительного восстания в вятской ссылке [Текст] / В. М. Фоменкова // Учёные записки КГПИ. Вып. 19. Киров, 1965. С. 170.
2. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 42.
3. *Лазутка, С. А.* Революционная ситуация в Литве 1859–1862 гг. [Текст] / С. А. Лазутка. М., 1961. С. 201.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 4.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 39. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.
6. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 4–4об.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 309. Л. 190.
8. *Фоменкова, В. М.* Указ. соч. С. 171.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 30об.
10. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 197. Л. 21.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 10.
12. *Петряев, Е. Д.* Записки книголюба [Текст] / Е. Д. Петряев. Киров, 1978. С. 248.
13. ГАКО. Ф. 721. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 145.
15. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 64.
16. ГАКО. Ф. 721. Оп. 2. Д. 1. Л. 29.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 145.
18. Там же.
19. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 44.
20. ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 24. Л. 126.
21. *Фоменкова, В. М.* Указ. соч. С. 137–138.
22. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 197. Л. 26.
23. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 29.
24. Там же. Л. 31об.
25. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 197. Л. 44.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 35об.
27. Там же. Л. 39.
28. Там же. Л. 55.
29. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 197. Л. 195.
30. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 36.
31. Там же. Л. 82об.
32. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 39.
33. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 126об.
34. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 131.
35. *Бовкало, А. А.* Епископ Адам Станислав Крассинский в Вятке [Текст] / А. А. Бовкало // История и культура Волго-Вятского края: тезисы докладов. Киров, 1994. С. 334.
36. Там же.
37. *Петряев, Е. Д.* Указ. соч. С. 31.
38. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 20–20об.
39. Там же. Л. 57–57об.
40. Там же. Л. 55об.
41. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 218.
42. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 56об.
43. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 262.
44. *Бовкало, А. А.* Указ. соч. С. 335.
45. Там же. С. 336.

О. А. Далина

РЕФОРМА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье анализируются основные принципы и результаты реформы Временного правительства в сфере городского самоуправления. Автор отмечает, что реформа, проведенная на широких демократических основаниях, кардинальным образом изменила социальный состав гласных городских дум и создала систему городского самоуправления, в корне отличавшуюся от прежней модели.

В начале XX в. система городского самоуправления России базировалась на Городовом положении 14 июня 1892 г. По мнению современников, изначально имевший существенные недостатки закон в новых условиях безнадежно устарел и на пороге XX столетия в значительной мере сдерживал развитие городского хозяйства,

ДАЛИНА Ольга Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского государственного университета пищевых производств (МГУПП)

© Далина О. А., 2007

мешал ему выйти на качественно новый уровень. Самыми главными изъянами этого закона являлись цензовое избирательное право, допускавшее к участию в городском самоуправлении только самую богатую часть горожан, и значительный контроль правительственной администрации за деятельностью общественного управления. Кроме этих двух недостатков городского законодательства существовал еще ряд отрицательных положений, что в итоге привело к широкой общественной кампании за пересмотр Городового положения. Проекты реформы городского самоуправления России в начале XX в. были разработаны и правительством, и Государственной думой, но до февраля 1917 г. сама реформа так и не была проведена. Только Временное правительство безотлагательно и в короткие сроки провело реформу городского самоуправления на широких демократических основаниях. Характер и итоги этой реформы до сих пор оцениваются неоднозначно, поэтому воссоздание картины того, что предприняло Временное правительство в сфере городского самоуправления в 1917 г., представляется весьма важным и актуальным.

В своей декларации от 3 марта 1917 г. Временное правительство заявило, что одной из его первоочередных задач является организация выборов в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования [1]. Это была знаменитая «четырёххвостка» на выборах в городские думы, которую накануне революции в Государственной думе отстаивали представители левых партий и на которую категорически не соглашались ни правые партии, ни правительство. Введение всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права являлось в тех обстоятельствах единственной мерой, адекватной требованиям общественности, потому что уже в первые недели после революции началась стихийная демократизация городских дум и органов земского самоуправления, которая стала важным фактором проведения реформы. Этот процесс объяснялся тем, что большинство населения не признавало законными старые городские думы, избранные на основе цензового избирательного права, в новых изменившихся условиях.

Одни городские думы, не дожидаясь проведения реформы и принятия нового избирательного закона, назначали новые выборы на основе широкого избирательного права, причем это могли быть как перевыборы всего основного состава, так и выборы дополнительного числа гласных. Другие думы обращались к правительству с заявлениями, в которых признавали, что, будучи избранными незначительной частью городского населения, они не имеют права продолжать свою деятельность в новых условиях и обещали сложить полномочия, как только пройдут выборы

по новому избирательному закону. Третьи горюпили правительство с проведением реформы, спрашивая у министерства внутренних дел о точных сроках опубликования нового Городового положения. Одной из главных причин этой деятельности было понимание городскими думами того, что от их активности в этом вопросе зависят их собственное положение, авторитет и условия дальнейшей деятельности.

Для демократизации Ранненбургской думы были назначены дополнительные выборы от всех совершеннолетних граждан [2]. Самарская городская управа, оценив общественные настроения, обратилась в городскую думу с заявлением, в котором говорилось: «По действующему выборному закону управа является представительницей незначительного числа городского населения. Полагая, что при новом строе все органы местного самоуправления должны быть преобразованы на началах всеобщего прямого, равного и тайного голосования, городская управа считает своим долгом заявить, что она не находит для себя возможным дольше оставаться у власти и сложит свои полномочия немедленно по избранию нового состава управы, облеченного волею и доверием населения» [3]. Городская дума поддержала данное заявление и со своей стороны признала, что также должна сложить свои полномочия ввиду цензового характера ее состава, но это не должно сопровождаться прекращением или приостановкой работы.

Что касается настоятельных требований скорейшего проведения реформы, то здесь акцент делался на ликвидацию прежней цензовой избирательной системы и на необходимость участия женщин в городских выборах. Городская дума Моршанска отправила 31 марта телеграмму главе правительства Г. Е. Львову, в которой признала «неплодотворной свою работу в пользу города в условиях текущего момента» и просила быстрее опубликовать новое Городовое положение. В ответе Министерства внутренних дел говорилось, что указ о выборах будет опубликован на «фоминой неделе» [4].

Стремясь контролировать процессы демократизации городских дум, Главное управление по делам местного хозяйства МВД провело опрос городов. К началу июля поступила информация по 414 городам. Ее анализ показал, что новые городские думы были избраны в 5 городах (1,2%), пополнены в 287 городах (69,3 %), в 5 состав заменен полностью, а в 122 городах (29,4%) думы действовали в прежнем составе. Что касается городских управ, в 228 (56%) городах они остались без изменений, в 124 городах (30,5%) их состав претерпел частичные изменения и в 55 городах (13,5%) их состав был полностью обновлен [5].

Приступая к разработке городской реформы, Временное правительство обратилось за помощью

к Всероссийскому Союзу городов (далее – ВСГ), который в 1916 г. имел собственный проект нового Городового положения. Основные начала этого документа были выработаны на IV съезде Союза городов, который проходил в Москве 12–14 марта 1916 г. [6] Из трех основных проектов городской реформы, предложенных накануне революции (правительственного, думского и проекта ВСГ), этот последний отличался наиболее радикальным характером преобразований. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что министр внутренних дел Б. В. Штюрмер еще в 1916 г. запретил Всероссийскому Союзу городов обсуждать Городовое положение, полагая, очевидно, какие смелые предложения может внести ВСГ.

Основное содержание проекта ВСГ сводилось к следующему. Во-первых, проект значительно расширял круг избирателей: избирательное право на выборах в городские думы предоставлялось всем горожанам, независимо от пола и национальности, достигшим 25-летнего возраста и уплачивавшим в кассу города в течение года какой-либо городской налог (квартирный, подоходный или промысловый). Во-вторых, объем правительственного надзора за деятельностью городских самоуправлений был сильно сокращен. Союз городов посчитал необходимым даже упразднить Особое по земским и городским делам присутствие. Споры же между городскими думами и администрацией должны были решаться в судебном порядке. В-третьих, расширялись права органов общественного самоуправления и в области финансов: города освобождались от выполнения обязательных расходов и получали новые источники доходов.

Кроме Союза городов подготовку реформы городского самоуправления осуществлял также Московский комитет общественных организаций, в котором лидирующие позиции занимал Московский совет рабочих и солдатских депутатов. Окончательная редакция постановлений Временного правительства по вопросам городского самоуправления восходила именно к проекту, разработанному Московским комитетом общественных организаций.

Этот проект предусматривал введение всеобщего избирательного права с 20-летнего возраста без каких-либо ограничений, в том числе и ценза оседлости, причем избирательное право распространялось на армию и лиц, состоявших под судом. Проект вводил денежное вознаграждение гласным за участие в заседаниях думы, что противоречило духу и традициям общественного управления в России.

Охотно включались в процесс подготовки преобразований и городские думы, которые, будучи избраны на цензовой основе, видели серьезных соперников в лице различных общественных орга-

низаций, сформированных на принципах бесцензности. Так, инициативу в этом вопросе проявила Петроградская дума, в которой была создана специальная комиссия для выработки нового положения о городском самоуправлении. В основу этого положения, как и большинства проектов этого времени, легло всеобщее избирательное право, освобождение самоуправления от административной опеки, распространение его деятельности на все стороны хозяйственной жизни города [7].

14 марта представители города Петрограда по поручению городского головы посетили МВД и представили товарищу министра Н. Н. Щепкину проект нового Городового положения. В ответ Н. Н. Щепкин заявил, что реформа крайне необходима, но задержалась до сих пор только потому, что в составе министерства еще «не сконструирован городской отдел». Руководителем его предполагалось назначить издателя журнала «Городское дело» Д. Д. Протопопова, которому и поручить выработать закон о Городовом положении совместно с представителями городского общественного управления [8].

Атмосфера общественных ожиданий эффективно подействовала на правительство, которое очень быстро образовало Совещание по реформе местного самоуправления и управления. Председателем его стал министр внутренних дел, председатель правительства Г. Е. Львов, а фактическим руководителем – товарищ министра внутренних дел С. М. Леонтьев. Совещание было наделено значительными полномочиями и действовало до 25 октября 1917 г. Первое заседание Совещания состоялось 26 марта 1917 г., на нем были определены ближайшие задачи и избраны комиссии, которых было 13, в том числе и комиссия об избирательном законе и о пересмотре земского и городского положений [9]. В состав комиссий были приглашены такие крупные теоретики и специалисты по вопросам местного самоуправления, как Н. Н. Авинов, Б. Б. Веселовский, Н. И. Лазаревский, В. Н. Твердохлебов и др.

15 апреля Временное правительство приняло постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» [10], которое обязывало думы, не дожидаясь окончания срока их полномочий, приступить к подготовке новых городских выборов (ст. 1). По этому закону городское избирательное право распространялось на всех городских жителей в возрасте от 20 лет без различия пола и национальности, независимо от времени пребывания в городе, включая и лиц, состоящих на военной службе (ст. 3). Лишены были избирательного права сумасшедшие, глухонемые, монашествующие лица и содержатели домов терпимости (ст. 4). Временно лишались избирательных прав осужденные, отбывшие срок наказания, на

1–3 года в зависимости от тяжести преступления. В гласные могли быть избраны как лица, проживающие в данном городе, так и не связанные с ним (ст. 6).

Это постановление вводило новый порядок подготовки и проведения выборов. Выдвигать кандидатов в гласные должны были не отдельные избиратели, а только группы избирателей, насчитывавшие не менее половины от числа избираемых гласных, при этом число кандидатов в каждом списке не должно было превышать общего числа гласных (ст. 14). Для Москвы было предусмотрено избрание 200 гласных в новую городскую думу. У каждого избирателя был только один голос, который он мог отдать только за какой-либо один список кандидатов, указав его номер в своей избирательной записке (ст. 18–20).

Новая избирательная система имела множество принципиальных отличий от системы, существовавшей в дореволюционной России. Во-первых, вместо многочисленных цензов (имущественного, возрастного, оседлости и ограничений для евреев) вводилось всеобщее избирательное право с очень низким по тем временам возрастным ограничением. Во-вторых, активное избирательное право было предоставлено женщинам. В-третьих, была устранена возможность получения второго голоса по доверенности и установлен принцип, согласно которому один избиратель обладал одним голосом. В-четвертых, избирались не конкретные кандидаты в гласные, а списки кандидатов, составленные по партийной принадлежности. И, наконец, в-пятых, менялась процедура выборов: вместо устаревшей и неудобной баллотировки шарами вводилось голосование избирательными записками.

Вот как оценивает проведенную реформу Л. Ф. Писарькова: «В результате введения закона 15 апреля в организации городского самоуправления произошли такие серьезные изменения, о каких и не мечтали критики Городового Положения 1892 г. В этом отношении Россия совершила резкий скачок и не только догнала, но во многом даже опередила многие развитые страны Западной Европы. Так, к тому времени всеобщее избирательное право было введено только в Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Норвегии, Испании, Португалии, Болгарии, США и Австрии. Но далеко не во всех этих странах женщины имели активное избирательное право. Возрастной ценз для европейского избирателя колебался от 20 (в Швейцарии) до 30 лет (в Дании); в большинстве стран избирателями становились в возрасте 23–25 лет» [11].

Второе постановление Временного правительства, принятое 9 июня 1917 г., регламентировало права и обязанности гласных, определяло полномочия новых органов городского самоуп-

равления, их взаимоотношения с административной властью [12]. Права органам городского самоуправления по этому документу были предоставлены максимально широкие. Компетенция общественных управлений была значительно расширена и распространена на такие сферы, как заведование милицией, охрана общественной безопасности и порядка. Они получили столь долгожданное право проводить съезды городских деятелей и заключать соглашения с земскими, городскими и поселковыми управлениями (ст. 2).

В этот закон была возвращена статья 5 Городового Положения 1870 г., исключенная из Положения 1892 г., провозглашавшая принцип самостоятельности органов городского самоуправления. Вводился административный надзор за законностью постановлений дум, который осуществлял губернский комиссар, формулировка «контроль за целесообразностью» отменялась (ст. 11). На утверждение министра внутренних дел поступали только постановления дум, имеющие важное значение для городских бюджетов: о заключении займов и договоров с частными лицами, об отчуждении городских недвижимых имуществ и др. (ст. 79). Думы получили принадлежавшее администрации и правительству право утверждать всех должностных лиц, включая городского голову и председателя городской думы (ст. 118).

В отношении прав и обязанностей городских гласных Постановление 9 июня разрешало думами выплачивать гласным из городского бюджета в Москве не более 5 рублей, в губернских городах – не более 3 рублей, а в остальных городах – не более 2 рублей за каждое заседание (ст. 58). Таким образом, был нанесен удар по идее общественного труда гласных городских дум, что вносило существенные изменения в мотивацию их деятельности. В собраниях дум больших городов требовалось присутствие не менее 1/3 всех гласных, а на внеочередных – не менее 1/5 состава думы (ст. 68).

С одной стороны, столь демократичные преобразования (всеобщее избирательное право, расширенная компетенция городского самоуправления и очень ограниченный контроль со стороны администрации) были полезны для развития городского хозяйства, но с другой – в обстановке политической и экономической нестабильности такая постановка деятельности городского самоуправления могла нанести существенный вред городам. По мнению видного городского деятеля Московской городской думы кадета Н. И. Астрова, «запоздавая реформа городского устройства в пору революции приобрела черты эксцессов, опасных для городского дела» [13].

Столь широкая демократизация начала встречать возражения даже со стороны либеральных кадетов, которые теперь высказывались за ра-

зумное ограничение органов самоуправления (и городского, и земского) представителями центральной власти, о чем заявлял лидер партии народной свободы П. Н. Миллюков [14].

Городские выборы по новой избирательной системе начались в России в июне 1917 г., и к октябрю 1917 г. новые думы были сформированы уже в 643 городах [15]. В ходе подготовки к выборам в органы городского самоуправления очень остро встал вопрос об участии в них рабочих, проживавших в пригородах. Как лица, не проживавшие в городе, они не пользовались правом избирать в городскую думу, хотя всеми своими интересами были тесно связаны с городом. Во многих городах рабочие пригороды были основным оплотом демократии, поэтому левые партии особенно настойчиво ставили вопрос о присоединении пригородов к городам, чтобы дать возможность их жителям принять участие в городских выборах. Так, Московский избирательный комитет согласился с предложением социал-демократов о необходимости принятия такой меры и обратился к Временному правительству с ходатайством на этот счет, которое было удовлетворено [16]. Этот прецедент стал примером для других городов.

Новым фактором городских выборов стало участие солдат, причем армейские части чаще всего поддерживали кандидатов не из числа именитых, известных в городе людей, а по партийной принадлежности. Таким образом, от городских дум часто были оттеснены выдвиженцы партии народной свободы, домохозяева, торговцы, промышленники.

Основная борьба развернулась между эсерами, большевиками, меньшевиками и кадетами. Характеризуя тактику партий на выборах, «Вестник городского самоуправления» отмечал, что кадеты участвовали в них самостоятельно, иногда блокируясь с домовладельцами и прогрессивными группами. Меньшевики выступали отдельно или блокировались с эсерами и Бундом. Большевики почти везде шли отдельно. «Единство» блокировалось с народными социалистами [17].

В ходе выборов партиями велась широкая агитационно-пропагандистская кампания вокруг кандидатских списков. В печати часто отмечалось, что непосредственно муниципальным выборам в ходе агитации уделялось мало внимания: борьба шла из-за общей позиции, занимаемой той или иной партией в развертывающейся российской революции, – отношение к войне, Временному правительству, оценка текущего момента, меры борьбы с экономической разрухой. Общей тенденцией на этих выборах стало то, что большинство на них получали представители социалистических партий, в первую очередь меньшевики и эсеры, хотя большевики также имели значительную поддержку. Особенно ярко это прояви-

лось в крупных городах, что было связано с присутствием большого контингента рабочих.

Выборы в районные думы Петрограда растянулись на целую неделю – 27, 28, 29 мая и 3, 4, 5 июня 1917 г. – и прошли только в 12 районах из 18. В остальных 6 районах они состоялись лишь в августе. В выборах приняло участие 790 тыс. избирателей. За блок эсеров с меньшевиками проголосовало 439 тыс., за кадетов – 172 тыс., за большевиков – 159 тыс., за мелкие группы – 19,5 тыс. избирателей [18]. Таким образом, большинство гласных было избрано от социалистических партий, а главенствующее положение в районных думах Петрограда заняли эсеры и меньшевики.

Выборы в центральную думу Петрограда состоялись 20 июня. В них приняло участие 673 гласных районных дум, в том числе 182 эсера, 160 кадетов, 134 меньшевика, 126 большевиков, 16 представителей «Единства», 36 трудовиков и 19 народных социалистов. Избранная ими городская дума оказалась левой: 54 эсера, 47 кадетов, 40 меньшевиков, 37 большевиков, 11 трудовиков, 6 народных социалистов, 5 представителей группы «Единство» [19]. Среди гласных Петроградской городской думы были эсеры А. Р. Гоц, А. М. Спиридонова, В. М. Чернов, большевики А. В. Луначарский, А. Е. Бадаев, М. И. Калинин, Я. М. Свердлов, кадеты П. Н. Милюков, М. Я. Винавер, А. И. Шингарев, меньшевик Н. И. Мартов и представитель группы «Единство» Г. В. Плеханов.

Выборы в Московскую городскую думу состоялись 26 июня 1917 г. Из 1200 тыс. избирателей, включая гарнизонные войска, в них участвовало 646 568 человек, что составило около 60% от общего числа избирателей. Выборы проходили по семи партийным спискам [20].

Большинство на городских выборах получила партия эсеров, за которую проголосовали 58% всех избирателей. Особенно заметным их перевес был на окраинах Москвы, где проживали в основном бывшие крестьяне, недавно перебравшиеся в столицу.

Однако кроме избрания 200 гласных предстояло избрать еще сеть участковых дум и управ, которые, по Постановлению 15 апреля 1917 г., в городах с населением свыше 150 тыс. человек создавались «для решения хозяйственных задач, касающихся нужд отдельных частей города» [21]. По решению городских дум формировалось участковое управление, и думы определяли число участковых гласных (от 20 до 50 человек), размер их жалования, размер ассигнований из городского бюджета на деятельность участковых управлений, которые по закону не имели собственных средств (ст. 4,6,8). В Москве проведение в жизнь пункта о децентрализации и формиро-

вание участковых управлений приняло стихийный, революционный характер: районные думы создавались до выборов в Московскую городскую думу, которая и должна была решить вопрос о целесообразности их избрания. К маю 1917 г. в Москве действовали 44 районные думы, из которых 33 имели собственные исполнительные органы – районные управы. Эти управы создавались на основе советов рабочих депутатов, профсоюзов, участковых попечительств о бедных, санитарных попечительств и других общественных организаций [22].

Легитимные выборы в районные думы прошли в сентябре 1917 г., и активность избирателей существенно снизилась по сравнению с июньскими выборами: в участки явилось в 1,7 раза меньше человек, чем в июне. Кроме того, изменились и политические предпочтения: большевики получили 51,5% голосов, кадеты – 26,3%, эсеры – 14% и остальные партии – 8,2%. В результате из 710 гласных районных дум 359 были большевиками [23]. Общее собрание районных гласных избрало Совет районных дум, который из своего состава сформировал Бюро районных дум. Этот Совет стал серьезным конкурентом Московской городской думы, так как он претендовал на роль координирующего центра, направляющего деятельность участковых управлений, и в итоге в ноябре 1917 г. он стал преемником Думы [24].

По своему составу новая Московская дума существенно отличалась от дореволюционной, и, в первую очередь, в сословно-профессиональном плане: она утратила свой по преимуществу торгово-промышленный характер, так как в новой Думе были представлены все слои городского населения, однако преобладала интеллигенция. Более половины гласных имели высшее образование. В Думу входили 29 присяжных поверенных, 10 инженеров и техников, 16 врачей, 14 профессоров и доцентов, 8 педагогов, 20 литераторов и журналистов, 13 общественных деятелей, 7 промышленников и купцов, 7 торговых служащих, 1 офицер, 2 солдата, 2 ремесленника, 27 рабочих и др. [25] Но в культурном отношении, по оценке С. В. Бахрушина, был сделан значительный шаг назад. Напомним, что в дореволюционных думах интеллигенция также была представлена достаточно широко, однако по происхождению это была интеллигенция другого рода – за редким исключением, это были дворяне или представители торгово-промышленных кругов, составлявшие верхний слой интеллигенции. Тогда как в Думу 1917 г. попала преимущественно разночинная интеллигенция, которая изменила характер заседаний думы и даже внешний вид думских помещений. По наблюдению С. В. Бахрушина, одного из немногих «дореволюционных» гласных, «добрые традиции и благообразия, и

добропорядочности заменились неряшливой распушенностью, характерной для людей средней интеллигенции: табачный дым, окурки на полу, косоворотки и блузы – все это придавало думским заседаниям колорит тех московских вечеринок старого типа, которые увековечены Маковским и из которых органически выросли тайные комитеты революционных партий, господствовавших в Думе» [26].

Совершенно новым явлением было участие женщин в городском управлении. В Московской думе было 12 женщин-гласных, избранных от партий эсеров, меньшевиков и большевиков, в их числе были Инесса Арманд, С. М. Зарецкая, а также Е. П. Пешкова, первая жена М. Горького. От партии большевиков в думу входили Н. И. Бухарин, В. Н. Подбельский, П. Г. Смидович, Е. М. Маленков и др. Но на заседаниях чаще всего выступал председатель большевистской фракции И. И. Скворцов-Степанов. Кадетская партия была представлена такими опытными гласными, как В. И. и Н. И. Астровы, С. В. Бахрушин, П. А. Бурьшин, Л. А. Катуар, С. Н. Третьяков, С. А. Чаплыгин, М. В. Челноков и Н. Н. Щепкин, впервые от этой партии были избраны П. А. Велихов, А. А. Кизеветтер и С. В. Сперанский [27].

Необходимо отметить существенное усиление позиций большевиков за счет пропагандистской работы и активности в органах местного самоуправления, несмотря на малочисленность их фракции. Председатель большевистской фракции Московской городской думы И. И. Скворцов-Степанов писал: «Наша фракция, не смущаясь своей малочисленности, на удар отвечала ударом. С первых же дней она стала в центре ожесточенной борьбы. И вела эту борьбу с такою энергией, что перед большими думскими днями здание думы осаждалось огромными толпами, которые стремились попасть на заседания... При дружных протестах кадетов, эсеров и меньшевиков мы вносили одно за другим наши практические предложения: немедленная конфискация всех бывших владений дворцового ведомства и использование их в интересах бедноты; немедленный переход к городу всех церковных и монастырских владений и капиталов; проведение своего рода карточной системы по отношению к жилым помещениям» [28].

Новая Дума Москвы была пестрой по национальному составу и возрасту гласных. Новые гласные по возрасту были моложе прежних, что объясняло их неопытность в деле руководства городским хозяйством, причем большинство из них вообще не имели опыта работы в городских общественных учреждениях, так как были избраны впервые. Таким образом, была полностью нарушена преемственность этой Думы с предшествующим городским самоуправлением Москвы.

Кроме того, Московская дума, как, впрочем, и многие думы той поры, не могла полностью сосредоточиться на хозяйственной деятельности, что было связано с общеполитической обстановкой в стране: партийная борьба по самым волнующим вопросам современности, подчас не связанным с интересами городского хозяйства, была перенесена в городские думы. Как писал Н. И. Астров, «партийные страсти предвыборной агитации с предвыборных собраний были перенесены в новые думы. Вопросы, волновавшие Россию, вторгались в городские думы...» [29]. По воспоминаниям А. В. Луначарского, избранного в 1917 г. гласным Петроградской городской думы, в то время проблемы городского хозяйства оказывались «лишенными самостоятельного значения. Выборами больше пользовались для подсчета голосов партий, а думской трибуной – для политической агитации» [30]. Увлеченные политической деятельностью, новые городские думы почти не предпринимали никаких действий в хозяйственной сфере.

Гласные 1917 г. считали себя прежде всего членами своей партии, поэтому их позиции определялись интересами партий, а не города. Нередко партийная дисциплина оказывала решающее влияние на принятие решений думы. Так, эсеры, составлявшие большинство гласных, не могли выступать против членов своей партии и поддерживать точку зрения их оппонентов. По признанию В. В. Руднева, городского головы и председателя Московского комитета эсеров, эти гласные понимали, что их резолюции – это «не приговоры городской думы, а резолюции одной социал-революционной партии» [31].

Кроме постановлений 15 апреля и 9 июня 1917 г., определивших характер реформы городского самоуправления, Временное правительство приняло еще ряд документов. 14 июня 1917 г. было принято постановление о распространении Городового положения 1892 г. со всеми последовавшими изменениями на города Туркестанского края [32]. Таким образом, Временное правительство продолжило направление, существовавшее в деятельности правительства и Государственной думы до февраля 1917 г., – введение городского самоуправления на национальных окраинах России, что было важным демократическим шагом. Однако 10 сентября было издано постановление о приостановлении выборов в учреждения земского и городского самоуправления Туркестанского края [33], которое фактически ставило под сомнение провозглашенное в Декларации Временного правительства от 3 марта право всего населения страны иметь свои органы самоуправления. В качестве аргумента было заявлено, что население Туркестанского края еще не созрело для самостоятельного решения воп-

росов политической и хозяйственной жизни, но реальной причиной было то, что правительство хотело предотвратить назревавшие революционные выступления в Туркестане.

8 июля 1917 г. было принято постановление «Об изменении действующего положения об общественном управлении городов». Этот частичный закон не мог и не должен был до созыва Учредительного собрания перестроить государственное здание и его общественные институты, вносил лишь те изменения в городское самоуправление, которые касались главных сторон организации новых органов и не терпели отлагательства.

Новый закон из 133 статей прежнего положения отменял 75, в том числе 30, касавшихся избирательного закона, 42 статьи изменялись. Неизменными оставались 16 статей. Законом уничтожалось бюрократическое особое губернское присутствие по городским делам, устранялся надзор за целесообразностью постановлений городского самоуправления, упразднялась зависимость управы от администрации, имевшей право отменять ряд постановлений, отменялось утверждение правительством городского головы и членов управы. Закон расширял рамки муниципальной компетенции, в сферу которой включались «все дела местного управления и хозяйства». Надзор за законностью постановлений городских дум возлагался на судебные органы. В то же время в новой редакции присутствовало положение (73 статья), согласно которому постановления городской думы могли иметь силу закона только через 2 недели после их принятия, в течение которых комиссару Временного правительства предоставлялось право опротестовать решение народных представителей в городской думе [34]. 73-я статья вызвала недовольство среди общественности, так как сразу стали проводиться параллели с дореволюционным законодательством, в котором эти функции комиссара выполнял губернатор или градоначальник. В глазах городских деятелей эта статья выглядела покушением на недавно обретенную свободу городских самоуправлений.

В принципе, вопрос о том, насколько широкую самостоятельность предоставило Временное правительство органам городского самоуправления, однозначно не решен в историографии. Советская историография придерживалась тезиса о том, что Временное правительство не освободило городские думы от чрезмерной опеки администрации и все постановления в этом смысле носили чисто декларативный характер. Присутствовало даже мнение, что постановления в сфере городского самоуправления лишили городские думы последних остатков самостоятельности и тех «ничтожных прав», которыми они обладали до февраля 1917 г. [35] В современной отечественной историографии существует два противоположных

взгляда. Л. Ф. Писарькова считает, что в результате преобразований Временного правительства органы городского самоуправления получили слишком широкие права и почти неограниченную самостоятельность [36]. На примере Москвы она показывает, что в условиях политической и экономической нестабильности 1917 г. столь радикальные нововведения привели к печальным последствиям для городского хозяйства: пользуясь безграничной свободой в расходовании городских средств, Дума увеличила жалованье городским рабочим и уже к сентябрю 1917 г. полностью исчерпала бюджет, разрушив тем самым основы городского хозяйства Москвы.

Другую точку зрения на данную проблему высказывает Н. Д. Судавцов, который полагает, что деятельность новых органов самоуправления была существенно ограничена вмешательством в их работу комиссаров Временного правительства, которые могли опротестовывать постановления городских дум, и это в результате привело к спаду популярности городского самоуправления: «Хотя Временное правительство не уставало повторять, что оно всецело поддерживает местное самоуправление, на деле это оказалось далеко не так. Оно не смогло опереться на земское и городское самоуправление в решении важнейших вопросов жизни государства. Совершенно очевидным было и то, что правительство, не дав развиться земскому и городскому самоуправлению как полномочным органам власти на местах, превратило их в придатки своих комиссаров, окончательно подорвало к ним доверие основной массы населения и создало условия, когда большевики снова выдвинули лозунг “Вся власть Советам!”» [37]. В подтверждение он приводит некоторые факты о том, что губернские и уездные комиссары часто использовали предоставленное им право опротестовывать постановления городских дум и даже итоги выборов в органы городского самоуправления.

Решить данную проблему можно только изучив внимательно практическую работу городских дум всей России, только тогда можно понять, какую степень свободы предоставило Временное правительство новым органам городского самоуправления. Однако неправомерно делать вывод о недемократичности реформы Временного правительства только исходя из положения о контроле правительственных комиссаров, хотя этот момент играл значительную роль. Сам факт введения всеобщего избирательного права на выборах в городские думы является достаточно веским доказательством прогрессивности этих преобразований, особенно по сравнению с дореволюционным законодательством, предоставлявшим избирательные права ничтожно малой части городского населения. Именно благодаря новому избирательному закону городские думы приобрели

рели совершенно новый социальный состав, что повлекло изменение характера их деятельности и существенную трансформацию всей системы городского самоуправления России.

Одним из последних документов, затрагивающих сферу городского самоуправления, была декларация Временного правительства нового состава от 25 сентября 1917 г., в которой признавалось необходимым «осуществление и дальнейшее развитие демократических законов о местном самоуправлении с целью постепенной передачи всех функций местного управления в руки органов местного самоуправления при сохранении за правительственными комиссарами надзора за законностью действий местного самоуправления и прекращении полномочий общественных исполнительных комитетов с момента выбора органов местного самоуправления» [38]. Однако за этим декларативным заявлением больше не последовало сколько-нибудь существенных практических шагов.

Проводя реформу городского самоуправления России, Временное правительство воплотило в ней все ожидания дореволюционного общества: всеобщее избирательное право, широкую компетенцию городских дум, сокращение объема административного контроля за деятельностью органов городского самоуправления. В ходе реформы летом и осенью 1917 г. в России сложился новый тип городского самоуправления, который значительно отличался от самоуправления, существовавшего до февраля 1917 г. Введение всеобщего избирательного права на выборах в городские думы, исчезновение сословных перегородок позволило привлекать к участию в нем широкие массы населения, в результате чего работа городских дум стала более гласной. Вместе с тем революционные события 1917 г. не позволили новым думам всесторонне продемонстрировать их исключительные способности управления городским хозяйством: хозяйственная практика городских дум оказалась потеснена политическими дискуссиями.

Примечания

1. См.: Декларация Временного правительства о его составе и задачах. 3 марта 1917 г. [Текст] // Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. № 318. С. 419–420.

2. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 179. Л. 129об.

3. Цит. по: *Судацков, Н. Д.* Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны [Текст] / Н. Д. Судацков. М.; Ставрополь, 2001. С. 275.

4. ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 72. Лл. 9–11.

5. См.: Вестник Временного правительства. 1917. 12 июля. Процентное соотношение подсчитано мною. – О. Д.

6. ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 36.

7. Новое время. 1917. 14 марта.

8. Там же. 1917. 15 марта.

9. Подробнее о работе Совещания см.: ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 1. Л. 5–7.

10. Сборник указов и постановлений Временного правительства [Текст]. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 163–184.

11. *Писарькова, А. Ф.* Московская городская дума. 1864–1917 [Текст] / А. Ф. Писарькова. М., 1998. С. 145.

12. Сборник указов и постановлений Временного правительства [Текст]. Вып. 2. 5 мая – 24 июня 1917 г. Ч. I. Пг., 1918. С. 444–480.

13. Цит. по: *Писарькова, А. Ф.* Указ. соч. С. 146.

14. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 699. Л. 3об.

15. ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 36. Л. 14об.

16. Известия Московского совета рабочих депутатов. 1917. 3 июня.

17. Вестник городского самоуправления. 1917. 9 августа.

18. Известия Петроградской городской думы. 1917. № 5–6. С. 96–98.

19. Правда. 1917. 4 июня (21 июня).

20. *Михайловский, А.* Деятельность московского городского управления [Текст] / А. Михайловский // Известия Московской городской думы. 1917. Вып. 7–8. С. 1–2.

21. Сборник указов и постановлений Временного правительства [Текст]. Вып. 1. С. 170–171.

22. *Михайловский, А.* Деятельность московского городского управления [Текст] / А. Михайловский // Известия Московской городской думы. 1917. Вып. 5–6. С. 26–28.

23. *Музылева, А. В.* Новые данные о выборах в районные думы в Москве в 1917 г. [Текст] / А. В. Музылева // Вопросы истории КПСС. 1971. № 8. С. 114–115.

24. Московская городская дума после Октября [Текст] // Красный архив. 1928. № 2 (27). С. 58.

25. *Михайловский, А.* Деятельность московского городского управления [Текст] / А. Михайловский // Известия Московской городской думы. 1917. Вып. 7–8. С. 8.

26. Цит. по: *Писарькова, А. Ф.* Московская городская дума. 1864–1917 гг. [Текст] / А. Ф. Писарькова. М., 1998. С. 149.

27. Красный архив. 1928. № 2. С. 60–68.

28. Вестник городского самоуправления. 1917. 24 августа.

29. ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 36. Л. 153об.

30. Цит. по: *Кручковская, В. М.* Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. [Текст] / В. М. Кручковская. Л., 1986. С. 27.

31. Цит. по: *Писарькова, А. Ф.* Указ. соч. С. 150.

32. Вестник Временного правительства. 1917. 16 июня.

33. Вестник Временного правительства. 1917. 12 октября.

34. Вестник Временного правительства. 1917. 8 июля.

35. *Лепешкин, А. И.* Местные органы власти Советского государства (1917–1920) [Текст] / А. И. Лепешкин. М., 1957. С. 186.

36. См.: *Писарькова, А. Ф.* Указ. соч. С. 142–150.

37. *Судацков, Н. Д.* Указ. соч.

38. Вестник Временного правительства. 1917. 28 сентября.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. Ю. Тихонова

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Статья посвящена роли культурологических факторов в процессе генезиса и развития регионального менталитета и региональной политики.

Генезис и развитие российского политического менталитета XX в. невозможно анализировать без учета регионального компонента. Только знание особенностей политических настроений и привычных ценностей населения отдельных и столь разнообразных территорий большой страны может помочь складыванию общей картины течения и узнаванию истинных движителей суммарно-векторных политических процессов. При этом важнейшую роль должно играть ясное понимание генезиса и развития регионального менталитета в предшествующие исторические периоды. Подобное понимание трудно представить без тщательного изучения как собственно регионального менталитета, так и истории (а вместе с ней и методик, подходов, глубины охвата и объективности выводов) этого изучения.

Менталитет в региональной политике – это совокупность устойчивых, общераспространенных в регионе представлений, выражающих особое видение принадлежащих к нему людей, окружающей их политической и социальной реальности. При этом под региональной политикой нами понимается политика конкретного региона (любого – субъекта государства), т. е. особый вид государственной политики по регулированию экономического, этнополитического, экологического и социального развития страны в пространственном (региональном) аспекте. Историю исследования влияния культурологических факторов на генезис регионального менталитета мы иллюстрируем кратким обзором историографии культуры Симбирско-Ульяновского края – региона в составе Среднего Поволжья.

Признание государственной важности интереса к освещению и изучению сложившихся в

России территориальных различий было впервые утверждено Указом Петра I от 1718 г. о создании Кунсткамеры (предписывалось докладывать царю обо всех любопытных находках и награждать за поиск древностей в своем крае) [1]. В документах, отправляемых царю, содержались сведения не только о достоинствах той или иной местности, памятниках истории и культуры, сохранившихся на ней с давних пор, но и информация о людях, готовивших эти отчеты.

Во второй половине XVIII в. исследование отдельных регионов перешло в практическую область благодаря государственной поддержке. Санкт-Петербургская Академия Наук изучала отдельные территории. На Средней Волге такую работу проводил И. И. Лепихин и его ученик Озелковский, которые организовали экспедицию на Среднее Поволжье в 1768–1774 гг. Основное значение в экспедиции придавалось обследованию и оценке экономического состояния районов, агротехнического уровня развития сельского хозяйства, особенностей лесного дела, рыболовства, промыслов. Но собирались и сведения по этнографии, народному образованию, фольклорные и картографические материалы [2]. На местах подобная работа проводилась и энтузиастами изучения культуры своего края: в 1785 г. директор Симбирского главного народного училища Т. Г. Масленицкий создал «Картографическое описание губернии Симбирской вообще и порознь городов и уездов и обитающих в ней иноязычных народов, по запросным пунктам от кабинета ея Императорского Величества 1784 г.» [3].

Однако стоит признать, что целенаправленное изучение культуры отдельных административных единиц (и даже населенных пунктов) началось в XIX в. Данная работа была организована в разных формах. Прежде всего, этим занимались государственные учреждения: статистические комитеты, губернские органы управления и образования. Выпускавшиеся статистические описания губерний содержали богатейший материал по культуре регионов. В губерниях регулярно издавали памятные книжки, содержащие (кроме справочных данных об администрации) исторические и этнографические сведения. Так, в Симбирской губернии регулярно выходил сборник исторических и статистических материалов в качестве приложения к памятной книжке [4]. При этом в каждом регионе были энтузиасты,

ТИХОНОВА Анна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре регионоведения Ульяновского государственного университета
© Тихонова А. Ю., 2007

уделявшие большое внимание описанию культуры территории, изучению ее прошлого. В Симбирской губернии П. А. Мартынов в 1898 г. составил описание истории и культуры города Симбирска в честь его 250-летнего юбилея [5].

К XIX в. относится также и зарождение провинциальной периодической печати как одного из важнейших источников культурно-исторических сведений о территории. В 1830-е гг. большинство губернских городов обзавелись собственными изданиями (например, в Симбирске появились «Симбирские губернские ведомости» [6] и «Симбирские епархиальные ведомости»).

В пореформенный период (после 1861 г.) круг публикуемых в местной периодике материалов значительно расширился. Гораздо в большем объеме стали публиковаться исследования о культурных традициях территории. К примеру, в 1860-е гг. редактор неофициальной части газеты «Симбирские губернские ведомости» М. Арнольд много внимания уделял изучению старины: занимался изучением фольклора [7], описывал занятия, быт и нравы представителей отдельных народов, сел [8], участвовал в работе Симбирского губернского статистического комитета, Симбирской ученой архивной комиссии и т. п. Результаты изысканий нашли свое отражение в публикациях на страницах газеты. И такое активное участие передовых людей в исследовании уездов и губернии, в описании обрядов, праздников, ярмарок и других культурных событий было обычным в жизни провинции (в Симбирском крае в этом участвовали такие выдающиеся симбиряне, как П. В. Анненков, братья Языковы, М. Ф. Суперанский, П. Киреевский, А. А. Коринфский, Д. Садовников и др.).

Хотелось бы обратить внимание на то, что основополагающее влияние на методологию исторического исследования, формирование исторических представлений в те годы имела работа Н. М. Карамзина «История государства Российского», где утверждался приоритет истории политической. В связи с этим многие воспитанные «на Карамзине» краеведы понимали под общей историей историю крупных событий и выдающихся людей [9]. Местная история, не обладая таким размахом, воспринималась некоторыми учеными как менее значительная. Но с такой оценкой были согласны не все.

В. Г. Короленко в 1895 г. в период работы в Нижегородской ученой архивной комиссии писал: «Массовая подкладка событий, незаметно складывающаяся из атомов жизни народа, постепенно назревающие перемены в глубине этой жизни – все широко бытовые явления уже давно привлекают внимание историка, понимающего, что показная сторона истории очень часто, если не исключительно, составляет не причину,

а только следствие этих мелких в отдельности, но огромных в своей совокупности первичных явлений. Поэтому все, что вносит какое-нибудь освещение в эту закулисную сторону исторических событий – необыкновенно плодотворно и важно» [10]. Эти слова великого писателя подтверждаются на протяжении всей истории России: история и культура страны складываются из региональной истории и культуры.

С. Ф. Платонов в своей речи на съезде представителей местных ученых обществ уже в 1914 г. подчеркивал: «Мы, историки, знаем, что среди запасов, которые нам дает архивный фонд центральных архивных организаций, нам нельзя бывает спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни, и надо идти на места и там искать материалы для того, чтобы понять как должно явления местной социальной или даже государственной жизни» [11] (подчеркнуто нами). Именно эта точка зрения стала преобладающей, получила (в том числе и общественную) поддержку: в стремлении лучше познать историю и культуру отдельных территорий такого сложного и многообразного государства, как Россия, многие ученые и научные общества организовывали экспедиции на места.

Изучением истории и культуры территорий в большей или меньшей степени в разных направлениях и с разными целями занимались многие учреждения и организации. Среди наиболее активных можно назвать университеты, отделения и филиалы научных обществ (Археологического, Вольного экономического, Географического, Истории российских древностей, любителей естествознания, антропологии и этнографии и другие). Активно занимались этой работой и государственные структуры (губернские статистические комитеты, позднее земства, губернские ученые архивные комиссии и т. д.). Деятельность губернских статкомитетов может служить примером комплексного исследования региональной культуры.

И в последней четверти XIX в. данная работа активизировалась в связи с появлением губернских ученых архивных комиссий. Симбирская комиссия была образована двенадцатой в стране (открытие состоялось 30.07.1895). Главным ее организатором был В. П. Поливанов – симбирский дворянин, ученый и общественный деятель, возглавивший коллектив из 15 человек (выросший к 1903 г. до 156 человек, столь почетна была эта работа) [12]. Важнейшим делом архивной комиссии было создание местного исторического архива, хранение, описание и издание архивных документов. Вместе с изучением и изданием архивных документов члены комиссии разрабатывали многие вопросы истории и культуры края (только за первое десятилетие существования

комиссией было издано около 30 книг и брошюр). Кроме исследовательской и издательской деятельности архивная комиссия проводила археологические раскопки. Большой заслугой Симбирской архивной комиссии была организация губернского музея (открылся 01.01.1896), который, как и все подобные музеи, создавался на частные пожертвования и пополнялся за их счет.

После установления в губернии Советской власти Симбирская архивная комиссия осталась без средств. Поступление членских взносов резко сократилось (это было связано с тем, что представители дворянства, купечества, интеллигенции, являвшиеся членами архивной комиссии, покинули Симбирск). Но комиссия продолжала работать. Важнейшим направлением своей деятельности в новых социально-политических условиях ее члены считали организацию работы музея. Губернский комиссариат по народному образованию в марте 1918 г. сообщил комиссии о своем решении создать в Симбирске единый народный музей из всех существовавших в городе музеев. Данный вопрос не был решен в связи с началом гражданской войны. А вскоре был принят декрет СНК «О реорганизации и централизации архивного дела», на основании которого был создан единый архивный фонд страны, образованы Главное управление архивным делом, его учреждения на местах, а большинство архивных комиссий прекратило свою деятельность.

В советский период изучением истории культуры конкретных регионов занимались научно-исследовательские институты, музеи, краеведческие кружки. При АН СССР было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК). Однако при изучении не ставилась задача складывания целостной культурной картины из мозаики сведений об отдельных областях, республиках Союза. Знакомство с историей и культурой населенных пунктов было крайне идеологизировано. Основное внимание уделялось пропаганде коммунистических идей, борьбе с «пережитками прошлого», насаждению новых традиций. В проводимых исследованиях по истории областей культуре уделялось незначительное внимание. Например, в достаточно обширных очерках, посвященных городам Горьковской области, изданным в 1974 г., вопросы культуры освещались после географии, истории, экономики, характеристики населения края и носили фрагментарный характер [13].

Коренной перелом произошел в 90-е гг. XX в. В условиях демократизации общества региональные исследования активизировались и стали догуще (на примере истории жизни крестьян одного села изучается и изменение культурных традиций). Таковы работы А. Г. Рыбкова [14] о судьбе саратовской деревни на примере села Тепловка, Т. В. Ефериной [15] об истории села Синд-

рово, Н. А. Васильева [16] о селе Рузаевка Пензенской губернии как феномене русской провинциальной культуры и др.

В настоящее время имеются многочисленные публикации по истории культуры конкретных территорий. Культура регионов рассматривается представителями разных наук и направлений – краеведами, историками, культурологами, этнографами и т. д. Например, только за последние пять лет по истории и культуре Ульяновской области вышло множество публикаций. Среди них – работы Е. Ю. Анисимовой и Л. П. Шабалиной [17], А. А. Ахметова [18], В. А. Гуркина [19], М. Г. Матлина [20], Н. А. Каторгиной [21] и многих других.

На новую качественную ступень поднимается методология регионоведения, расширяется сфера регионального преломления общероссийских политических и культурных процессов. Работа Н. Ю. Лапиной [22] посвящена проблемам управления развития культуры регионов. Вопросы становления народной региональной педагогики освещаются В. И. Баймурзиной [23]. Целый ряд авторов посвятили себя изучению национальных традиций музыкальной культуры отдельных территорий и их взаимопроникновению (Л. Викар [24] – о финно-угорских и тюркских взаимовлияниях, Л. Б. Бояркина [25] – о русско-мордовских взаимосвязях). Значительное место отводится проблеме межэтнических отношений в региональной среде (О. А. Богатова [26]). Ученые заняты исследованием религиозной жизни отдельных этносов (Е. Н. Мокшина [27]), исследованием ярмарок как явлений региональной культуры (Н. А. Богородицкая [28], А. П. Мельников [29]).

Однако анализ публикаций по истории региональной культуры позволяет констатировать, что в большинстве исследований не ставилась цель изучить историю культуры в тесной взаимосвязи всех компонентов региональной культуры и во взаимодействии с государственной культурой. И это при том, что (по мнению В. М. Петрова [30]) регионы России имеют культурно-психологическое своеобразие, их отличают фундаментальные черты социально-психологической жизни людей. Перечисленные особенности, считает автор, определяют стратегию культурной политики региона как со стороны федеральных центров, так и на местном уровне. Да и Г. С. Ляпина (наряду со многими исследователями) утверждает, что «на примере малых городов легче изучить специфику функционирования традиций, исторически сложившихся укладов, поскольку они проявляются в них нагляднее. Малые города позволяют изучить и особенности вхождения нового в устоявшуюся жизнь старых городов» [31]. Потому весьма интересным для нового понимания принципов и целей изучения истории культуры реги-

она являются исследование Ю. У. Фохт-Бабушкина. Он выстроил схему социолого-искусствоведческого исследования культуры столицы и провинции. В основу анализа положена личностная структура общества из четырех духовных потенциалов (познавательного, созидательного, ценностно-ориентационного, коммуникативного) и четырех социальных ролей (производственной, общественной, семейной и досуговой). По мнению автора, состояние художественной культуры народа – это всегда существенная характеристика состояния общества [32].

Указанные работы обогащают регионоведение и культурологию регионов, однако до сих пор остается актуальным (по нашему мнению) утверждение С. С. Веселовой, высказанное ею на Всероссийской конференции в Пензе еще в 1996 г.: «Краеведами на местах собран обширный разнообразный материал, частично опубликованный в местной краеведческой литературе. К сожалению, он не всегда широко известен. Однако не хватает исследований обобщающего характера, способных обрисовать целостную картину развития процессов художественной жизни провинции, определить закономерности этого развития, выделить хронологические этапы, объективные и субъективные причины явлений, сходство и параллели в развитии отдельных регионов, их специфические местные особенности и т. д.» [33].

Комплексное изучение влияния культурологических факторов на развитие регионального менталитета жителей российских территорий позволит не только точнее определиться с генезисом и факторами развития российского политического менталитета в XX в., но и даст возможность достоверного прогноза исторической перспективы этого менталитета в XXI столетии.

Примечания

1. Соловьев, С. М. Чтение и рассказы по истории России [Текст] / С. М. Соловьев; сост. С. С. Дмитриев. М.: Правда, 1990. С. 186.
2. Фрадкин, Н. Г. Академик И. И. Лепехин и его путешествие по России в 1768–1773 гг. [Текст] / Н. Г. Фрадкин, О. Е. Бородина, И. И. Лепехин // Ульяновская-Симбирская энциклопедия. Т. 1 / ред.-сост. В. Н. Егоров. Ульяновск, 2000. С. 333.
3. Трофимов, Ж. А. Т. Г. Масленицкий [Текст] / Ж. А. Трофимов // Ульяновская-Симбирская энциклопедия. Т. 1 / ред.-сост. В. Н. Егоров. Ульяновск, 2000. С. 359.
4. Например, Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Приложение к памятной книжке на 1868 г. Симбирск, 1868.
5. Мартынов, П. А. Симбирск за 250 лет его существования [Текст] / П. А. Мартынов. Симбирск, 1898.
6. Далее – СГВ.
7. СГВ. 1867. № 114.
8. СГВ. 1862. № 5; 1875. № 82–84 и т. д.
9. Чирков, С. В. Собираание и изучение документальных памятников местной истории и культуры в

дореволюционной России [Текст] / С. В. Чирков // Русская провинция: Культура XVIII–XX вв. Кн. 2. 1999. С. 418.

10. Митрофанов, Н. Н. В. Г. Короленко и Нижегородская архивная комиссия [Текст] / Н. Н. Митрофанов // Труды Московского гос. историко-архивного института. М., 1961. Т. 16. С. 289. Или Чирков, С. В. Указ. соч. С. 418.

11. Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений [Текст]. СПб., 1914. С. 4. Или Чирков, С. В. Указ. соч. С. 419.

12. Савич, М. М. Симбирская архивная комиссия [Текст] / М. М. Савич // Симбирский вестник: историко-краеведческий сборник. Вып. 1. Ульяновск, 1993. С. 133–150.

13. Города нашей области. География, история, экономика, население, культура [Текст]: очерки. Горький, 1974.

14. Рыбков, А. Г. Судьба саратовской деревни [Текст]: исторический очерк села Тепловка / А. Г. Рыбков. Саратов, 1994.

15. Ефферина, Т. В. История села Синдрово [Текст] / Т. В. Ефферина, Ю. Г. Ефферин // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. М., 1996. С. 160–205.

16. Васильев, Н. А. Село Рузаевка Пензенской губернии как феномен русской провинциальной культуры XVIII–XIX столетий [Текст] / Н. А. Васильев // Отечественная культура и развитие краеведения: материалы IV Всерос. науч. конф. Пенза, 2001. С. 56–87.

17. Анисимова, Е. Ю. Кустарные промыслы Симбирско-Ульяновского Поволжья [Текст] / Е. Ю. Анисимова. Ульяновск, 2004.

18. Ахметов, А. История заселения и развития Симбирско-Ульяновского Заволжья (XVII–XX вв.) [Текст] / А. Ахметов. Ульяновск, 2002.

19. Гуркин, В. А. На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья [Текст] / В. А. Гуркин. М.; Ульяновск, 2005.

20. Духовная культура русских Среднего Поволжья [Текст]: материалы полевых исследований. Вып. 3 / отв. ред. М. Г. Матлин. Ульяновск, 2001.

21. Каторгина, И. А. Музыкальная культура Симбирска-Ульяновска. XX век [Текст] / И. А. Каторгина. Ульяновск, 2005.

22. Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть [Текст]: сб. ст. / РАНИНИОН. Центр науч.-информ. иссл. глобал. и регион. пробл.; отв. ред. Н. Ю. Лапина. М., 2003.

23. Баймурзина, В. И. Становление и развитие башкирской народной педагогики [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Спец. 13.00.01 / В. И. Баймурзина. Казань, 1997.

24. Викар, А. Финно-угорские и тюркские взаимовлияния в музыке [Текст] / А. Викар // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях: сб. науч. тр. Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 2002.

25. Бояркина, А. Б. Русско-мордовские взаимосвязи в музыке [Текст] / А. Б. Бояркина // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях: сб. науч. тр. Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 2002.

26. Богатова, О. А. Гармонизация межэтнических отношений в региональном социуме [Текст] / О. А. Богатова. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2003.

27. Мокшина, Е. Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX в. – начале XXI в. [Текст] / Е. Н. Мокшина. Саранск, 2003.

28. Богородицкая, Н. А. Нижегородская ярмарка [Текст] / Н. А. Богородицкая. Н. Новгород, 1991; Богородицкая, Н. А. Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников [Текст] / Н. А. Богородицкая. Н. Новгород, 2000.

29. Мельников, А. П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки [Текст] / А. П. Мельников. Н. Новгород, 1993.

30. Петров, В. М. Региональное своеобразие и стратегия культурной политики (системно-информационный подход) [Текст] / В. М. Петров // Российская провинция XVIII–XX: реалии культурной жизни: м-лы III Всерос. науч. конф. Кн. 1. Пенза, 1996. С. 120–133.

31. Ляпина, Г. С. Особенности изучения традиций в малых исторических городах [Текст] / Г. С. Ляпина // Российская провинция XVIII–XX: реалии культурной жизни: м-лы III Всерос. науч. конф. Кн. 1. Пенза, 1996. С. 116.

32. Фохт-Бабушкин, Ю. У. Столицы и провинции (по материалам социолого-искусствоведческого исследования) [Текст] / Ю. У. Фохт-Бабушкин // Российская провинция XVIII–XX: реалии культурной жизни: м-лы III Всерос. науч. конф. Кн. 1. Пенза, 1996. С. 161–179.

33. Веселова, С. С. Рубежи веков и истории художественной жизни российской провинции [Текст] / С. С. Веселова // Российская провинция XVIII–XX: реалии культурной жизни: м-лы III Всерос. науч. конф. Кн. 1. Пенза, 1996. С. 227.

М. П. Голенок

ДИЗАЙН В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО АВАНГАРДА: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье автор рассматривает дизайн как форму проектной деятельности и специфического культурного феномена, функционирование и самоопределение которого связано с теорией и практикой русского художественного авангарда. Точкой отсчета в исследовании стало построение теоретической модели, которая может стать методологической основой для дальнейшего изучения феномена дизайна.

I

Дизайн – сложный и многоликий феномен. В своей социальной практике он неоднороден и вариативен, поскольку охватывает практически весь предметный мир человека: от компьютерных разработок до моделирования одежды. При всем разнообразии проявлений дизайна в нем просматривается определенное единство, та

«внутренняя форма» (Г. Кнабе), которая в теории дизайна получила название *проектность*.

В логике культурологических категорий проектность используется в значении культурной универсалии, которая «надстраивается» над реальным проектным процессом и имманентна разным сферам – мифу, религии, искусству, науке и в целом культуре. Наиболее общая «расшифровка» проектности сводится к мысленному или внешне зафиксированному представлению о «желаемом будущем» [1].

М. С. Каган «проективную деятельность» рассматривает в качестве универсалии «структуры человеческого сознания», которая лежит в основе всякого действия (формирует «идеальные прообразы целевых установок») и может проявляться на разных уровнях – как мифологически-игровом, так и обыденном. В социокультурной практике идеальные представления реализуются в форме различных специализированных видов проектирования. Среди них М. С. Каган выделяет художественное и техническое проектирование, которые, в свою очередь, могут существовать как самостоятельно, так и синкретично – в качестве дизайна [2].

Вполне очевидно, что, с одной стороны, дизайн представляет собой одну из возможных форм *художественно-проектной деятельности*, которая раскрывается как профессиональная сфера, с другой стороны, дизайн содержит в себе универсальную способность человека *проектировать*, что делает его *культурным концептом*. Поэтому более полное представление о дизайне будет складываться с учетом обоих аспектов – дизайн в пространстве деятельности и дизайн в пространстве знания.

Представляется, что проектные характеристики дизайна следует выявлять и осмысливать в категории *другого*. По отношению к изучаемому феномену в качестве *другого* выступает *искусство* – одна из форм проявления проектности [3]. Подобное противопоставление не произвольно, оно основано на признании взаимного притяжения и, одновременно, отталкивания мира дизайна и мира искусства. Это связано с тем, что тенденция возвысить дизайн до уровня «высокого» искусства, продемонстрировать его индивидуальность и несводимость к сфере утилитарного существования всегда и существует сегодня [4]. И действительно, обращаясь к дизайну, мы имеем дело с областью *художественного*, поскольку в «оформлении» вещной среды он использует пластический и символический язык искусства, а сами произведения, как правило, выступают в качестве образцов для подражания. Весь смысл дизайнерской деятельности направлен на то, чтобы повысить культурный статус вещи, «поднять» обыденную действительность до художественного

ГОЛЕНОК Марина Петровна – кандидат культурологии, доцент по кафедре культурологии и рекламы ВятГУ
© Голенок М. П., 2007

уровня, с тем чтобы продукты дизайна могли функционировать в культуре, подобно произведениям искусства, но рассчитанные не на музейную жизнь, а на повседневное пользование.

В то же время дизайн нельзя считать искусством в строгом смысле этого понятия. В отличие от искусства, дизайн не привносит в культуру новых смыслов. Эта практика в узком смысле направлена на удовлетворение цивилизационных запросов, таких, как функциональность и комфорт в области формо- и средообразования. В широком смысле дизайн осуществляет практику создания условий для уместного размещения вещей. Если художник-творец создает картину, то задача дизайнера сводится к определению пространства и нахождению места для этой картины, с тем чтобы произведение оказалось включенным в процесс потребления.

Эстетическое начало связывает дизайн и искусство, содержательное – разнит, отсюда возникает вопрос: где заканчивается искусство и начинается собственно дизайн? Этот вопрос применительно ко времени самоопределения дизайна выводит на проблему художественного авангарда, к выяснению того, как соотносится проектность дизайна с художественной проектностью авангарда в контексте общих проблем развития русской культуры первых десятилетий XX века, как функционирует дизайн, каким образом формируется его дискурс идентичности?

II

Процесс самоопределения дизайна на уровне теоретического моделирования определяется взаимодействием общекультурного и художественного компонентов.

Опираясь на идеи системного анализа М. С. Кагана, мы исходим из представления о взаимодополняемости теоретического и историко-культурного контекстов. Осмысление дизайна в его соотнесенности с общими проблемами культуры позволит выявить его специфику как части культуры (метасистемный уровень), и как самостоятельного образования (системный уровень). Обращение к определенному историко-культурному периоду (1910–1920-е годы), органичной частью и выражением которого является художественный авангард, позволит выявить факторы, стимулировавшие экспликацию дизайна.

Теоретический аспект. Метасистемный уровень. Несмотря на то что феномен культуры до настоящего времени остается «непроясненным» (само понятие «культура» продолжает оставаться достаточно «размытым», тяготея к «суммативно-абстрактному» определению), в современном научном знании сложилось достаточно устойчивое методологическое представление о культуре как сложной и саморазвивающейся системе

(Л. Уайт, П. Сорокин, М. Каган, Э. Маркарян, А. Пелипенко, И. Яковенко). Ее целостность обеспечивается взаимодействием упорядоченных, относительно самостоятельных и содержательно различных подсистем [5]. Со стороны исследователей признается в качестве основной черты, характеризующей культуру и проявляющейся «в разных модификациях», соотношение в ней материального и духовного. Поэтому культура может быть представлена как двухуровневая система.

Чтобы определить место и роль дизайна в культуре, требуется выяснить, компонентом какой подсистемы является дизайн и какова его роль в функциональном поле культуры?

Сложность обозначенной проблемы обусловлена даже не столько участием дизайна в разных социокультурных практиках, сколько его амбивалентной природой, присутствием художественного и внехудожественного в нем. Утилитарность и технологичность редуцируют дизайн к материальной сфере, эстетическая и семиотическая составляющие – к духовной. Приходится предположить, что дизайн обладает особым качеством. Будучи причастным к разным сферам культуры и проявляющийся в каждой из них, он, как ни парадоксально, *вненаходим*.

Обращаясь к бинарной модели и избирая путь *a priori* деления культуры на *духовную* (I) и *материальную* (II), место дизайна, следуя логике сказанного, оказывается на границе этих сфер [6] (рис. 1).

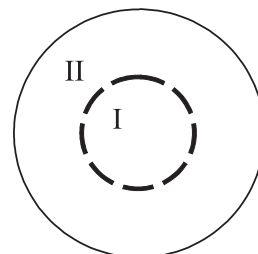

Рис. 1. Дизайн в системной модели культуры

Внутрисистемная граница (назовем ее дизайн-граница) обладает бифункциональными качествами *соединения/разъединения*. Она пронизываема и подвижна. Отграничивая подсистемы друг от друга, она тем самым создает возможность для их существования, а это значит, что дизайн является необходимым условием для взаимодействия семантически различных пространств – мира духовного (символического) и мира материального (социального). Дизайн в данном случае проявляет себя универсально – как проектный принцип бытия человека. При таком местоположении он наделяется *текстопорождающей* способностью, суть которой можно свести к тому, что дизайн зани-

мается комбинированием «чужих» текстов (искусства, техники), стремясь сделать их «своими». Это обстоятельство, с одной стороны, объясняет интенцию дизайнера к сближению с разными видами деятельности. С другой – подвижность дизайн-границы позволяет дизайну сохранить свою самостоятельность в социокультурной практике.

Таким образом, на уровне метасистемного моделирования дискурс идентичности дизайнера определяется его *пограничным положением* в культуре и обусловлен как материальной, так и духовной сферами. Это свидетельствует о том, что дизайн – искусство динамичное и даже ситуативное, определенность которого меняется в зависимости от контекста. Вместе с тем, исходя из представления об изначальном универсализме проектности, связанной с уровнем культурного сознания и содержащей в себе различные модификации (инженерное, художественное, мифологическое проектирование и др.), самоопределение дизайнера в культуре русского авангарда видится обусловленным как процессами диссимилиации («расщеплением» сознания), так и ассимиляции (стремлением к «новому синтезу» на основе искусства). Такой подход к проблеме отражает особенности мироощущения начала XX в., которое А. Блок в свое время определил как «нераздельность и неслиянность всего».

Системный уровень. Дизайн, являясь органичной частью культуры, в то же время самостоятельный феномен [7], целостность которого определяется взаимодействием элементов, общий порядок которых зависит от процесса создания и функционирования дизайн-продукта. Соответственно, системная модель дизайнера, основанная на *субъектно-объектных* отношениях, включает в себя следующие структурные элементы: *дизайнер, дизайн-проект, дизайн-продукт, потребитель* (рис. 2).

Примечание. *Дизайн-проект* – это образец, модель вещи (среды); *дизайн-продукт* как результат материализации идей-проектов. Каждый из элементов последовательно связан с рядом расположенным, и вместе они включены в *пространство культуры*.

Внутрисистемные отношения – это всегда сопоставления, выстраиваемые либо по принципу взаимодополнений, либо по принципу оппозиций. Дизайн обусловлен риторической конструкцией «человек – вещь», которая с точки зрения дизайн-системы распадается на подсистемы: *дизайнер-вещь* и *вещь-потребитель*. Объединяющим звеном этих подсистем, средоточием связей, опосредующих отношения между дизайнером и потребителем, является вещь.

Вещь для человека имеет два основных смысла: *практический* – как реально функционирующая вещь, которая исчерпывается повседневным обиходом (соответственно, вещная среда мыслится как комплекс функциональных знаков); и *знаковый*, когда вещь вовлечена в тот исторический и духовный опыт, в свете которого человек прочитывает ее как знак. Изначальная прагматика вещи делает ее функциональным знаком, но поскольку функциональное пользование вещами не является насущной необходимостью, то культурный статус вещи задается не ее предметностью, а теми смыслами, которые она обретает в системе социальных отношений. Причем, если функциональность вещи с течением времени не меняется, то знаковость и, соответственно, смыслы подвергаются изменению [8].

Признавая, таким образом, в качестве основных характеристик предметной среды информативность и функциональное удобство, роль дизайнера в этом процессе можно свести к гармонизации функции и значения, с тем чтобы сократить дистанцию между утилитарно-потребительской и знаковой составляющими вещи. Из этого следует, что процесс производства и функционирования дизайн-продукта несводим к формальным действиям *опредмечивания* проекта, он дополняется процессом *кодирования* – это значит, что вещь вбирает в себя концептуальность самого проекта (как формальный смысл, например, текучесть, хрупкость и др., так и культурный, например, посредством стилизации передать ушедшие эпохи).

Моделирование вещной среды на проектном этапе носит принципиально неутилитарный и

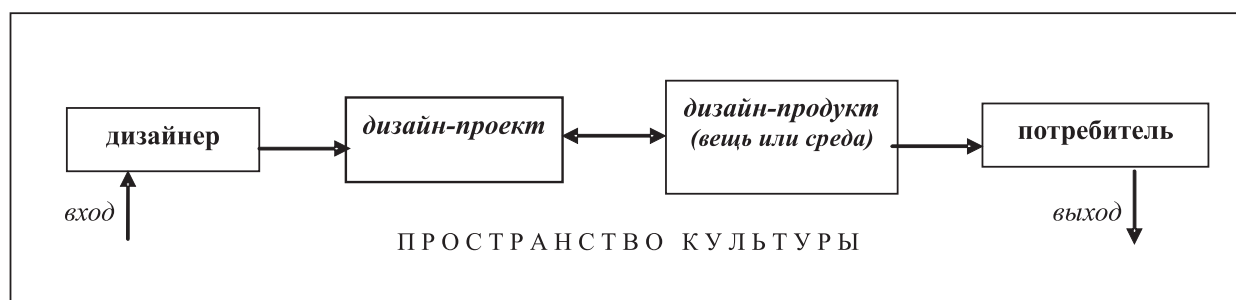

Рис. 2. Модель «дизайн-системы»

условный характер, что сближает дизайн с искусством (прежде всего, изобразительным). Материализованный проект, как правило, относится к нехудожественной сфере (за исключением арт-объектов). Однако сама дизайн-вещь отличается недолговечностью и заменяемостью, что делает ее присутствие в определенной мере иллюзорным. Подобная ситуация балансирования между художественной реальностью и нехудожественной, как условного и практического, порождает *игровой характер* дизайна.

Игра вещами – это игра смыслами. Именно она выводит дизайн непосредственно из социально-утилитарного контекста и вовлекает в культурное мифотворчество, разрушая границы фиксированных художественно-эстетических, семантических и функциональных представлений. Когда методы оказываются важнее, чем результаты, игра становится *творческим приемом* (здесь уместно вспомнить «формальный метод» в искусстве конструктивизма и супрематизма). Игра для дизайнера может быть и самоцелью. В этом случае она *концептуальна* и творчество дизайнера разворачивается как «иллюстрация» изначально сформулированного проекта-концепции. Искусство авангарда весьма ярко продемонстрировало это качество. В утверждении самоценности произведения искусства и необходимости его перманентного обновления авангард, по наблюдениям Л. Бажанова и В. Турчина, постоянно находилась «в ситуации игры с информативными структурами» [9]. Манипулирование формами-знаками (например, творчество К. Малевича или В. Кандинского) становилось «целью мышления» авангарда, превращая творческий процесс в интеллектуальную игру.

Жанровой особенностью всякой дизайнерской игры является *рационализм* действий дизайнера, проявляющийся в процессе комбинаторного выбора, поиска решения в пространстве многоплановых возможностей. Наряду с рациональной стороной игра предполагает *импровизацию* как элемент спонтанности, которая разбавляет ее стройность и упорядоченность. Импровизация в дизайне выражается в комбинировании уже известных элементов. Как показывает практика, дизайнер, используя метод цитирования, «играет» стилями, формами, смыслами – всем тем, что уже известно из истории искусства и культуры.

Дизайн-продукт получает свою окончательную реализацию лишь тогда, когда включается в ситуацию взаимодействия с потребителем, в момент вхождения в социокультурную среду. В процессе потребления, с позиции экономической теории, вещь является товаром, представляющим собой предмет обладания и пользования. Но даже такая вещь вследствие того, что человек опредмечивает в ней себя, отражает характер и смысл

общественных отношений. С точки зрения культурной практики потребление – это «коммуникативный инструмент» пользования вещами как знаками, с помощью которых человек вступает в социокультурные отношения с другими. Именно такое потребление представляется важным в отношении дизайна. Теоретики дизайна не раз отмечали, что «потребляются» фактически «не только и не столько сами материализованные на основе проекта вещи или процессы, сколько их дизайнерские свойства», под которыми понимается спектр значимых смыслов [10]. Непосредственно сам процесс распределения можно свести к подмене предметно-потребительской функции на знаковую, что и происходит в результате «смыслового сдвига». В этом отношении справедливы слова Х. Ортеги-и-Гассета, который отмечал, что предмет только тогда становится значимым для человека, если его «превратить в образ, в концепцию, в идею, иными словами, если он перестанет быть тем, что он есть» [11]. Но чтобы дизайн-вещь не идентифицировалась с произведением искусства и сохранила смысл и «образ реального», следуя концепции Ж. Бодрийера, знаком презентации ее информативности должна стать предметная функция [12] (а не только форма и цвет, как, например, в живописи).

Активность потребителя, его вовлеченность в коммуникативную игру опосредуется теми мифологизированными смыслами, которыми наделяет вещь дизайнер. Следуя логике Р. Барта, который видит единство текста «не в происхождении, а в предназначении», считая читателя «во всех правах» автором [13] и проецируя его вывод на дизайнерский текст, можно сказать, что потребитель становится полноправным со-участником творческого процесса дизайнера [14].

Итак, на системном уровне идентичность дизайна опосредована конструкцией *человек – вещь*, а сам дизайн-процесс показывает интенцию к установлению коммуникации связи между дизайнером и потребителем, внося в систему функциональных отношений ценностно-семиотический смысл.

Историко-генетический аспект. Рассматривая дизайн как особую практику, определяющую способ отношения человека с вещным миром и признавая, что проектность «укоренена» в человеческом сознании, можно говорить о том, что начало его формирования «совпадает с тем моментом, когда человек озаботился местом своего обитания и смутно осознал свою не только физическую, но и бытийную зависимость от него» [15]. При этом динамику становления дизайна принято рассматривать в историческом контексте параллельно с развитием философско-эстетической мысли и внутри художественно-техни-

ческой деятельности [16]. Из контекста подобных суждений следует, что дизайнерское начало существовало практически всегда, начиная с момента культурной деятельности человека. Поэтому история самоопределения дизайна – это не одномоментный акт, но многовековой процесс, предопределенный проблематизацией отношений человека и вещи, которые достигли своей бифуркационной точки во второй половине XIX в. на этапе вхождения общества в эпоху индустриальной культуры. Вместе с тем дизайн доавангардного периода – это еще культурный маргинал, находящийся в имплицитном состоянии, на что указывает отсутствие знаков его социализации (имя, профессия).

В контексте рубежного времени особую значимость в формировании дизайна обретает динамика общекультурных и цивилизационных тенденций. Так, на фоне разложения классической картины мира, ориентированной еще на гуманистические идеалы Ренессанса, происходило утверждение новой модернистской модели, обусловленной научным прогрессом, бурным развитием техники и промышленного производства. Трансформация мировоззрений, сопровождаемая культурно-философским переосмыслением человека и его места в картине мироздания (Ф. Ницше, Г. Зиммель, О. Шпенглер, К. Маркс и др.), выветила кризис *антропоцентрического мифа* [17]. В нем отразилась традиционная проблема отношения «человека к вещам и связям, созданным его трудом», но появилась особенность, ранее не просматриваемая в культуре – это «атомизация общества» и «тотальное отчуждение» человека от собственных творений, оказавшегося под властью техники и производства [18]. Поэтому центром притяжения становится не столько экзистенциальная проблематика как таковая, сколько влияние вещного мира на культурное состояние человека. Признание того, что вещи, будучи своеобразными знаками культуры, отражают не только ход времени, но и непосредственно влияют на своего творца, утверждало прямую зависимость человека от облика окружающих его вещей.

Промышленная продукция коренным образом отличалась от ремесленной вещи. Кардинальные изменения в технологии изготовления вещи повлекли изменение ее культурного статуса – вещь ремесленную, ориентированную на традицию и связанную с символической деятельностью человека, вытеснила вещь промышленная, первично обусловленная утилитарным назначением. Ж. Бодрийяр отмечал, что происходит не только дифференциация функций вещи (отделение практико-утилитарных от ритуально-символических), но и «обнажение ее первично-телесной функции как единственно возможной и необхо-

димой» [19]. Вещь, при сохранении внешнего сходства с традиционным образцом, из культурного образца как «субъекта» отношений превратилась в объект массового тиражирования и потребления [20]. Потеря «доверительных отношений» между человеком и вещью стала побудительным фактором к их критическому осмыслению и попытке гармонизации этих отношений средствами искусства [21].

Технический импульс, приведший к дисгармонии мира, обозначил в качестве компенсаторного действия и «сильную реакцию духа» (Н. Бердяев) [22], которой стал художественный авангард. Его деятельность, по сути, оказалась ориентированной на гармонизацию ценностей технической цивилизации и духовных ценностей культуры (имеется в виду жизнестроительный проект).

Что касается отечественного дизайна, то в качестве самой очевидной детерминанты его самоопределения признается «социальный заказ» как некий объективный фактор. Здесь подразумевается заказ на специалиста, который смог бы исправить «рассогласованность» в формо- и стилеобразовании вещной среды и работать на стыке художественной и инженерно-технической сфер, превратив, по словам С. Хан-Магомедова, «область этого стыка из рассадника дурного вкуса в важнейший источник стилеобразующих идей» [23]. Из сказанного становится понятно, что автор связывает формирование дизайна, прежде всего, с решением проблемы стиля в искусстве. Думается, фактор «рассогласованности» не стоит абсолютизировать, как и, впрочем, будет преувеличением говорить вообще о «социальном заказе», поскольку объективной потребности в таком специалисте в отечественной культуре к началу 1920-х гг. еще не сформировалось, в отличие от европейской традиции [24].

Процесс самоопределения отечественного дизайна как особой культурной практики видится не столь однозначным. Экспликация дизайна происходила в своеобразном историко-культурном пространстве, отмеченном, с одной стороны, невысоким уровнем экономического и технического развития страны, демократизацией общественных отношений, а с другой – активным развитием всех видов искусств, их тяготением к «тотальному взаимодействию и соучастию» (Т. Левая), интересом к национальному и инациональному материалу, что, в отличие от западного аналога, выводило его за рамки «социального заказа» в сферу философско-эстетических исканий художественного авангарда.

Подводя итог сказанному, отметим факторы, указывающие на завершение одного культурного цикла и начало другого, на формирование культурной идентичности дизайна, его функционирование и культурное самоопределение:

Во-первых, имея в виду роль отдельной личности в культуре и ее особую значимость в художественном авангарде (где преобладал субъективистский тип художественного творчества), в качестве основного фактора экспликации дизайна назовем *креативно-личностный потенциал*. Художники авангарда (прежде всего, его «центральные фигуры» – В. Татлин и К. Малевич), аккумулируя художественный опыт предшественников, замыкали на себе целые направления в искусстве. Значение личности художника было столь высоко, что порой творчество одного мастера рассматривалось как самостоятельный и «законченный» стиль в искусстве. Н. Пунин, давая оценку авангардным движениям в «Обзоре новых течений в искусстве Петербурга», писал: «Нет единства формы, нет “направления”, а есть художники» [25]. Универсализм и масштаб дарования художника не только обеспечивали выход во все виды художественной деятельности и за их пределы, более того, идеи этих художников, «если не по намерению, то по результату», подхваченные современниками, приобретали надличностный характер, становясь общезначимыми.

Во-вторых, это *революции 1917 г.*, связанные с идеей духовного и социального обновления, которые привели к утверждению новой модели мироустройства, основанной на демократизации общественных отношений. Новые условия, связанные с перестройкой всего образа жизни, требовали кардинального изменения облика повседневных вещей, которые, как известно, являются одним из способов социальной идентификации общества. Можно сказать, что романтика революции с ее идеей творческого преобразования действительности стала тем катализатором, который ускорил процессы изменения художественного сознания в сторону утопически-проектного.

В-третьих, *достижения науки и техники* – как в плане формирования нового знания о мире, так и в плане общей рационализации культурных процессов, включая совершенствование производственных технологий. В области формообразования они ознаменовали приоритет функционального конструирования, действия – согласно «логике машины», которые повлияли на внешние формы жизни общества. Актуализация технико-инженерного в культуре вела к формированию особого мироощущения авангарда, выразившегося в интересе к формальным характеристикам: динамике, направленности, конструктивности и определила его интенцию к перманентному экспериментированию, привлечению в искусство новых исполнительных технологий. Диалог искусства и техники, искусства и науки, исходящий от авангарда, можно считать серьезной предпосылкой для становления «нового ис-

кусства» и новой формы культуры. Существенное влияние на формирование проектного сознания авангарда оказали также философско-эстетические представления эпохи, связанные с идеями А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона, Н. Федорова, П. Успенского.

В-четвертых, общекультурная значимость *народного искусства*, уходящего своими истоками в глубокую древность. В пространстве традиционной культуры они поддерживали единство функциональной предметности и художественно-символической значимости вещи, делая ее соотносимой с сакральным уровнем. Не случайно в поисках «актуальной эстетики», связанной с формированием новой семантики искусства, художники авангарда обратились к традиционным формам искусства (иконе, лубку, фольклору), интерпретация которых особенно повлияла на формирование символической составляющей проектного мышления.

Примечания

1. См.: *Генисаретский, О. И.* Методология и гуманитарно-художественные проблемы дизайна [Текст] : дис. ... д-ра искусствоведения / О. И. Генисаретский. М.: ВНИИТЭ, 1990; *Каган, М. С.* Философия культуры [Текст] / М. С. Каган. СПб., 1986. 416 с.; *Сидоренко, В. Ф.* Генезис проектной культуры и эстетика дизайнерского творчества [Текст] : дис. ... д-ра искусствоведения / В. Ф. Сидоренко. М.: ВНИИТЭ, 1990; *Сидоренко, В. Ф.* Генезис проектной культуры [Текст] / В. Ф. Сидоренко // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 87–99.

2. *Каган, М. С.* Философия культуры [Текст] / М. С. Каган. СПб., 1986. С. 240–252.

3. На первый взгляд рассмотрение дизайна предполагает обращение к сфере производства. Как правило, история дизайна начинается с истории техники. Действительно, бурное развитие цивилизационных процессов конца XIX в. привело к массовому производству вещей и, как следствие, потере их культурной значимости. Кризис отношений человек–вещь составил тот контекст, в котором и происходило самоопределение дизайна. Основным средством решения проблемы эстетизации вещи стало обращение к искусству. В частности, это движения «за связь искусств и ремесел» в Европе, в России – мастерские в Абрамцево и Талашкино.

4. Подтверждением тому служат как сама практика дизайна, так и целое направление исследований, рассматривающих дизайн сквозь призму искусства (В. Аронов, С. Хан-Магомедов, А. Мазаев, Е. Сидорина и др.).

5. В зависимости от научных приоритетов того или иного исследователя выделяются различные подсистемы культуры, к примеру, технологическая, социальная и идеологическая (А. Уайт), материальная, духовная и художественная (М. Каган), природно-экологическая, общественно-экологическая и социорегулятивная (Э. Маркарян).

6. В отечественной науке сложилась устойчивая исследовательская позиция определять место дизайна «на стыке» красоты и пользы (К. Кантор), искусства и техники (В. Аронов), художественного и ин-

женерно-технического (С. Хан-Магомедов), в «пограничной зоне», между художественной деятельностью и искусством (М. Каган).

7. Начало системных исследований дизайна, стимулированных необходимостью разработки и реализации комплексных дизайнерских методов, приходится на 70-е гг. XX в. Соответственно, специфика структурирования «дизайн-системы» определена законами системного проектирования (см. коллективную монографию «Дизайн: очерки теории системного проектирования»).

8. В отношении интересующего нас исторического периода показательно, что с функциональной точки зрения промышленная вещь не отличается от ремесленной (стул не изменяет свою предметность ни от способа его изготовления, ни с течением времени), но они весьма различны в аспекте смысловом. Промышленная вещь, заменив ремесленную, стала ее знаковым эквивалентом (внешне похожи), одновременно она является и знаком новой культуры, отражая общую тенденцию демократизации отношений (унификация, упрощение форм и др.).

9. Бажанов, Л. А. Абстрактное искусство: Опыт переосмысления [Текст] / Л. А. Бажанов, В. С. Турчин // Советское искусствознание. М., 1991. № 2. С. 12–34.

10. Дизайн: очерки теории системного проектирования [Текст] / науч. ред. М. С. Каган. М., 1983. С. 51.

11. Ортега-и-Гассет, Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 178.

12. Бодрийяр, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийяр. М., 2001. С. 18–34.

13. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. М., 1989. С. 390.

14. Примечательно, что в пространстве авангарда осуществляется попытка разрушить традиционные отношения «художник – зритель». Художник провоцирует «интеллектуальное соучастие» зрителя, пытается активизировать его сознание акциями разного порядка: эпатажным поведением, абстрактными произведениями, демонстрацией новых техник исполнения.

15. Лола, Г. Н. Дизайн. Опыт метафизической транскрипции [Текст] / Г. Н. Лола. М., 1998. С. 65.

16. См.: Аронов Р., Воронов Н., Каган М.

17. Эпистемы XX в. от импрессионизма до современных художественных течений (с акцентом на авангард 1910–1920-х гг.) были убедительно показаны А. Якимовичем на материале искусства. См.: Якимович, Я. Искусство XX века. Эпистемология картины мира [Текст] / Я. Якимович // Исствознание. 1998. № 1. С. 226–258. К проблеме мировоззрения, его влиянию на художественные процессы начала века в разное время и в разных исследовательских ракурсах обращались Д. Сарабьянов, Г. Стернин, В. Мириманов.

18. Бубер, М. Проблема человека [Текст] / М. Бубер // Два образа веры. М., 1995. С. 157–232. Проблема техники как негативного начала, ставшего причиной отчуждения человека от своего бытия, отражена в истории философской мысли в различных направлениях – от эволюционистских до иррационалистических (А. Бергсон, А. Вебер, Н. Бердяев, О. Шпенглер, К. Ясперс, Л. Мамфорд и др.).

19. Бодрийяр, Ж. Указ. соч. М., 2001. С. 21.

20. Проблема статуса вещи в мире цивилизации интересовала многих теоретиков (У. Моррис, Д. Рескин, Г. Земпер, О. Шпенглер, Г.-Г. Гадамер и др.).

21. Этот процесс начался во второй половине XIX в. и наиболее ярко реализовался в деятельности англичан У. Морриса и Д. Рескина, организовавших движение «за связь искусств и ремесел». В России близкими этому движению по практическим целям стали творческие мастерские Абрамцево и Талашкино. Частично художественно-проектный опыт мирискусников (имеются в виду проекты интерьеров: А. Бенуа «Столовая», Л. Бакст «Будуар», К. Коровин «Чайная комната», а также оформление книги) оказался связан с проблемами вещной среды. Усиливающийся интерес к созданию новых форм повседневных предметов нашел выражение и в выставочной деятельности (1902 г. в Москве – выставка архитектуры и художественной промышленности нового стиля; 1903 г. в Петербурге – выставка современного искусства) (См.: Стернин Г. Ю.). Однако масштабная проблема отношений человека и вещи в отечественной культуре обозначилась лишь в зрелый период модернизма – в культуре авангарда.

22. См.: Бердяев, Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники [Текст] / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 12–25.

23. Хан-Магомедов, С. О. Пионеры советского дизайна [Текст] / С. О. Хан-Магомедов. М., 1995. С. 7.

24. В науке получила распространение теория о том, что основной предпосылкой формирования дизайна на Западе был социально-экономический фактор. Потребность в дизайне исходила от промышленных фирм и была связана со сферой производства. Что касается «русского дизайна», то представляется уместным говорить не столько об «объективных» социальных причинах, сколько о личной инициативе практиков *нового искусства* «идти на производство» (хотя их там никто и не ждал). В 1925 г. теоретик «производственного искусства» Б. Арватов писал: «Художников-конструкторов по пальцам сосчитать можно. Это разумеется верно. Но ведь и они почти не имеют работы». Подтверждением невостребованности обществом первых «конструктивистов-производственников» в промышленности служат их творческие биографии. Известно, что большинство создаваемых проектов авангардистами для промышленности и архитектуры (проекты В. Степановой, А. Родченко, В. Татлина, К. Малевича) так и остались не реализованными. Порыв художников можно объяснить увлечением романтическими идеями свободного, творческого труда, которые были провозглашены еще У. Моррисом и Д. Рескиным и которые были подхвачены теоретиками «производственного искусства». Заметим, что эти идеи были популярны в России уже в среде мирискусников. Известно, что А. Бенуа в период подготовки проекта журнала «Мир искусства», увлекшись теорией У. Морриса, в письме (от 13 апреля 1898 г.) констатировал: «В художественной промышленности избегать вычурного, дикого, болезненного, нарочитого, но проводить в жизнь, подобно Моррису, принцип спокойной целесообразности – иначе говоря, истинной красоты». (Эткинд М. А. Н. Бенуа и русская художественная культура.)

25. Пунин, Н. О Татлине [Текст] / Н. Пунин. М., 2001. С. 53–61.

Ю. И. Колобова

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА ПОНЯТИЯ

В статье анализируются научные дефиниции понятия «личность» в различных дискурсах (философском, социологическом, историческом, психологическом, культурологическом), предлагается комплексная методология изучения личности в культуре, которую автор называет «культурологией личности».

Одной из актуальных проблем современной культурологии является проблема изучения личности в культуре. Это обусловлено тем обстоятельством, что в ситуации роста ответственности современного человека по отношению к окружающему миру, с одной стороны, и влияния общества и культурной среды на человека, творящего собственный мир, – с другой, личностная тема приобретает масштаб, адекватный сложности самой проблемы. Личность как выражение качественной определенности человека является объектом изучения многих социальных и гуманитарных наук: философии, социологии, истории, психологии, культурологии. Не случайно исследователи обращают внимание на «энциклопедичность» и «мультидисциплинарность» характера этой проблемы [1]. Несмотря на достаточно солидный корпус исследований, относящихся к данной теме, существует множество нерешенных вопросов. Главный из них связан с отсутствием комплексной методологии, интегрирующей различные подходы к многоаспектному и разножанровому анализу личности. Разработка такой методологии с учетом философских, психологических, социально-исторических характеристик личности открыла бы новые перспективы в раскрытии тайн человека как творца и творения культуры. Определенным шагом в этом направлении может стать, во-первых, компаративистский срез содержательных дефиниций понятия «личность» в различных научных дискурсах, а во-вторых, – выявление доминантных составляющих культурологического подхода в отношении к личности.

В философии категория личности принадлежит к числу фундаментальных и, вместе с тем, предельных абстракций. Человек не тождествен самому себе, поскольку личность не только рождается в бытии, не только отражает и выражает бытие, но и творит его. Она находится в процессе постоянного становления, стремится подняться над собой и выйти за свои пределы. По мнению Н. А. Бердяева, личность не есть только продукт

общества, совокупность общественных отношений, «личность в человеке есть результат борьбы». Она «вырабатывается длительным процессом, выбором, вытеснением того, что во мне не есть мое “я”» [2]. Личность – это не образец, не цель, не идеал: «Она есть то, что возникает, становится, проявляет себя в трансценденции (в выходе за пределы)» [3], которая абсолютно существенна для личности, ибо трансценденция есть сущность духа, сущность свободы. Как отмечает В. Н. Волков, философия личности прошла сложный путь: от трансцендентального субъекта (Р. Декарт), его схематизма (И. Кант, И. Г. Фихте), интенциональности сознания и символических форм бытия (Э. Кассирер, Э. Гуссерль), через сознание как диалог с Другим, в том числе – бессознательным (М. Бубер, М. Бахтин, Э. Левинас, фрейдизм), через человека как совокупность общественных отношений (марксизм), обстоятельств (Х. Ортега-и-Гассет) – к символическому телу (постструктурализм).

В социологии личность определяется как устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности, как совокупность выполняемых индивидом социальных функций. Таким образом, личность рассматривается, прежде всего, как социальный индивид, сущность которого раскрывается в обществе. Одним из критериев социологического подхода является отождествление культурного с социальным, а культуры – с общественным способом бытия человека. Культура формирует личность, а личность, в свою очередь, вносит свой вклад в развитие культуры. В этой парадигме индивид в деятельности распредмечивает те богатства, которые достались ему от предыдущих поколений, и опредмечивает то, что нарабатывает в процессе своей индивидуальной деятельности. В такой логике происходит приращение культурных ценностей в социуме в целом.

Трудности исследования личности в социологии и психологии продиктованы во многом тем, что эти науки, как утверждает В. Е. Кемеров, «исходят не из бытия людей и проблем их самореализации, а из сложившейся в общественно-экономической системе разделения труда, когда связи людей рассматриваются в социологии, а их спонтанная деятельность – в психологии» [4]. Таким образом, своеобразие социологического подхода характеризуется тем, что она изучается, прежде всего, с точки зрения ее социализации (с характерными для нее социальными качествами).

Личность с позиции истории рассматривается как объект и субъект исторического процесса [5]. По мнению Г. С. Кнабе, личность – это «характеристика человека с точки зрения его участия в общественной жизни и значительной роли, которую он в этой жизни играет» [6]. В связи с

этим ученый определяет актуальную задачу, стоящую перед исторической наукой: исследовать исторические закономерности, выявляющие зависимость исторического поведения людей (в котором реализуются общественные процессы) от их «личной» позиции. Продолжая эту мысль, А. Я. Гуревич пишет, что историк обязан сделать хотя бы маленький шаг навстречу «немотствующему большинству истории» [7].

В результате в последнее десятилетие наблюдается поворот интереса историков от «человека типичного», или «среднего», к конкретной личности, как правило, неординарной. Данная проблема лежит в русле «персональной истории» – достаточно нового направления в исторической науке, импульс к возникновению которого дала «неудовлетворенность многих историков тенденцией к дегуманизации и деперсонализации исторических субъектов не только в социологизированной, но и в антропологизированной истории» [8]. Объектом исследования здесь выступает личная жизнь, судьба отдельных исторических личностей, формирование и развитие их внутреннего мира, «следы» их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени (причем сторонники данного направления выбирают в качестве образцов для ориентира все – от микроистории до психоистории, от моделей рационального выбора до теорий культурной и гендерной идентичности). При этом личность выступает одновременно и как стратегическая цель исследования, и как адекватное средство познания творимого ими исторического социума.

В *психологии*, для которой понятие личности является «родовым», до сих пор отсутствует согласованность в его интерпретации. Современная психология трактует личность, главным образом, как системное качество, связывающее воедино различные психические процессы индивида и придающее его поведению последовательность и устойчивость. Это качество приобретает индивидом в предметной деятельности и общении, характеризуя его со стороны вовлеченности в общественные отношения. Таким образом, психология, как и философия, социология, история, также имеет свой дисциплинарный ракурс в изучении личности. Она рассматривает личность как субъект жизнедеятельности, общения и самосознания. Из множества определений, которые даются личности в психологии, мы остановили свое внимание на нескольких – наиболее фундаментальных. С точки зрения И. С. Кона, «понятие личности означает человеческого индивида как члена общества; оно обобщает интегрированные в нем социально значимые черты» [9]. С. Л. Рубинштейн понимает личность как «совокупность внутренних условий, через кото-

рые проявляются внешние воздействия» [10]. По мнению К. К. Платонова, личность – это «человек как носитель сознания» [11]. Р. С. Немов определяет личность как «понятие, означающее совокупность психологических качеств, составляющих его индивидуальность и определяющих его социальные поступки, поведение среди людей» [12]. В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев отмечают, что личность – это «способ жизни и действия, проявляющийся в свободном и творческом определении своего места в сообществе, в самостоятельных поступках, в принятии ответственности за последствия своих социальных деяний. Личность – это всегда определенная позиция» [13].

В современной научной литературе [14] можно выделить две принципиальные позиции на проблему изучения личности в психологии. Согласно одной из них все многообразие проявлений личности может быть сведено к какому-либо одному психическому явлению (типу темперамента, стилю поведения, мотивации, темпу и скорости речи и проч.), точное и адекватное изучение которого позволило бы исследовать личность в целом. С противоположной точки зрения – человек как личность представляет собой системный объект, взаимодействующий с другими сложными системами (природой, обществом). Необходимость в системном подходе возникает именно тогда, когда многообразие информации, полученной о данном явлении, требует обобщения и систематизации, когда с целью создания целостной картины изучаются не только имманентно присущие объекту свойства, но и такие особенности, которые проявляются в процессе взаимодействия с другими системными объектами. Известный немецкий психолог, автор теории поля Курт Левин считает (и с ним нельзя не согласиться), что исследование личности вне ее окружения, вне контекста приведет к исключению из анализа важных для понимания сущности человека свойств, именно поэтому «вместо того чтобы вычленять из ситуации тот или иной изолированный элемент, значимость которого невозможно оценить без рассмотрения ситуации в целом, теория поля, как правило, предпочитает начинать с характеристики ситуации в целом» и только после этого «различные аспекты и части ситуации подвергаются все более и более конкретному и детальному анализу» [15].

Итак, рассматривая личность, психологи исследуют ее в разных планах: как некоторую качественную единицу, систему, имеющую свои специфические, уникальные черты; как часть макроструктуры (например, общества); как часть микросистем, закономерностям которых она подчиняется. С позиций психологической науки любой человек является личностью, то есть созна-

тельным субъектом, обладающим самосознанием. Однако в отношении некоторых людей подчас возникает впечатление, что мы имеем дело с личностью в каком-то особом смысле этого слова. Например, когда мы хотим подчеркнуть, что данный человек является личностью, то для нас это означает нечто другое и гораздо большее, чем просто индивидуальность. В таком случае возникает еще одно определение: личность – это человек, у которого есть свое ярко выраженное отношение к происходящему, жизненная позиция, ставшая итогом его сознательной работы. Такой человек, как указывает С. А. Рубинштейн [16], не просто выделяется в том впечатлении, которое он производит на другого, а сам сознательно выделяет себя из окружающего мира. Следовательно, в высших своих проявлениях личность отличается известной самостоятельностью мысли, небанальностью чувства, силой воли, собранностью и внутренней страстностью.

Культурология трактует личность как «присущее индивиду психосоциальное и культурное начало, позволяющее ему активно участвовать в общественной жизни», как «продукт взаимодействия социально-культурных и психобиологических сил» [17], как определенная, свойственная данной культурной эпохе и данному обществу мера соотношенности между культурой и индивидом. Как пишет К. З. Акопян, «личность – это высший уровень духовного развития человека, на котором данным индивидом в значительной степени реализуются его собственные – природные, трансцендентальные и социальной средой формируемые и стимулируемые к раскрытию – потенции, благодаря чему он фактически и в конечном итоге приобретает социальную значимость» [18]. Таким образом, личность в культурологии определяется системой общественных отношений, культурой как общественным способом бытия человека, обусловленного его индивидуальными особенностями. Многие исследователи (в частности, А. А. Гудкова) личностную проблематику в раскрытии культурно-исторического контекста считают приоритетной.

Рассмотренные трактовки понимания личности с позиций социально-гуманитарных наук показывают, что, во-первых, существует определенная проблема «научного синтеза» знаний о личности, а во-вторых, в каждой науке намечаются пути к выходу из сложившейся ситуации – тенденции к объединению подходов, методов (так, философия начинает психологизироваться, социология и история – тяготеет к культурологии и психологии и т. д.). Анализ литературы, посвященной изучению личности с позиции культурологической науки, показывает, что в ней отсутствует собственно научный инструментарий, с помощью которого возможно исследование

категории личности применительно к культурфилософскому, историческому, социальному и психологическому контекстам одновременно [19]. Используемое в контексте данного исследования понимание «культурологии личности» как интегративного научного подхода к исследованию личности, на наш взгляд, восполняет существующий методологический пробел.

Под *культурологией личности* [20] мы понимаем научный подход, предполагающий изучение личности в культурно-историческом контексте эпохи [21], при котором личность предстает как системное единство индивидуальных характеристик (психологический аспект), его мировоззрения (философский аспект), социальных и культуротворческих форм деятельности (социальный аспект) и исторически значимых достижений (исторический аспект). Данный подход предполагает анализ не только самой личности, но и того широкого культурно-исторического контекста [22], который ее сформировал с целью рассмотрения и изучения ценностного вклада конкретной личности в развитие культуры. При этом культура понимается в ценностно-деятельностном аспекте – как совокупность творчески активных, созидательных личностей, достижения которых представляют исторически и социально значимый результат. Изучение личности в предложенном ракурсе снимает противопоставление (опозицию) личности и культуры, выражаемое соединительным союзом *и*, центрируя контекстный фон как необходимое взаимообменное и соединительное поле коммуникации (что подтверждает мысль о влиянии не только культуры на личность, но и личности – на культуру, логику развития исторических процессов).

Механизм реализации такого подхода включает в себя анализ типологических характеристик личности в контексте конкретной исторической эпохи и культурной среды, формирующей и раскрывающей заложенный в личности творческий потенциал; создание биографии как формы культурного творчества; исследование человеческих и культурных контактов, повлиявших – прямо или опосредованно – на мировоззрение, творчество, выбор жизненного пути личности; моделирование психологического портрета личности, анализ ее ментальности и поведенческого комплекса; выявление доминантных черт в системе художественно-эстетических (или научных) взглядов; определение роли и места творческой личности в истории, ее ценностного вклада в культуру.

Используя «культурологию личности» как основополагающую методологическую установку изучения жизненного и творческого пути личности, мы хотим продемонстрировать, что вне истории, вне времени, а значит – вне культуры –

личности не существует. Культура делает человека личностью, «культура – подлинная тайна каждой личности», «тайна ее уникальной всеобщности» [23]. Но в то же время сама личность характеризует, специфицирует культуру. Рассматриваемая под таким культурологическим углом зрения личность раскрывается как обладающая интеллектуальным потенциалом, яркая творческая индивидуальность [24], реализуемая через единство биографии, коммуникации с культурной средой, совокупность мировоззренческих установок, ценностной значимости [25].

К числу тех, кто стоял у истоков разработки данного подхода к изучению личности в культуре, следует отнести Петра Петровича Сувчинского [26]. В основу разработанной им в 1921 г. типологии творческой личности была положена идея соотношения биографии, психологических особенностей личности и ее творческого наследия [27]. Понимание творческого феномена, с точки зрения П. П. Сувчинского, может лежать либо в плане жизни (когда творческий тип формируется самой биографией), либо в самом существе творческих процессов (в силу наклонностей, заложенных в самой природе человека). В этом ракурсе им уточняются творческие портреты А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, А. А. Блока, В. В. Розанова, Л. Н. Толстого и других гениев человечества.

К *первому* типу личности П. П. Сувчинский относит А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. А. Блока – «субъектов и вершителей» собственных биографий. Однако весьма любопытны на этот счет дальнейшие его рассуждения, которые он развивает относительно данного типа. Находясь в полной аналогии (в смысле взаимоотношений творчества и жизни), тип Л. Н. Толстого противостоит типу, который представлен А. С. Пушкиным и А. А. Блоком. Сувчинский пишет о Л. Н. Толстом: «Тот короткий сравнительно период, когда он вбирал в себя жизнь более интенсивно и опытно – послужил ему на всем протяжении его творческого пути единственным подспорьем. Очень скоро жить – стало означать для Толстого наблюдать, рассуждать и... творить» [28]. И далее он комментирует творчество Л. Н. Толстого, воспринимая его как «бесконечно-длинные фотографические ленты, о которых, обратно Достоевскому, хочется сказать: “совсем как в жизни, как на самом деле”; это записи жизни, длинные, сумбурные, первично-нестройные, иногда даже страшные и отвратительные в их хаотичном натурализме» [29]. Для «пушкинского» и «блоковского» типа творчество, по П. П. Сувчинскому, выступает не чем иным, как *трагическим подтекстом жизни*, поскольку «будучи велики поэтами, он [Пушкин и Блок. –

Ю. К.] были, вместе с тем, одними из самых больших людей России, на долю которых выпало опытом страстей их жизни – разыграть великую человеческую трагедию» [30]. Любое событие их жизни «надрезает новые черты», обтесывает, «гранит ее форму».

Ко *второму* типу П. П. Сувчинский относит Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, А. Белого, В. С. Соловьева, чьи биографии «превращаются в ничто», в сравнении с их философско-художественным наследием. Тайна их творчества, по его мнению, кроется в изначальном присутствии опыта жизни в «тайниках духа», в которых и создается своя, многообразная жизненная реальность. П. П. Сувчинский поясняет: «Все, что творческий взгляд сможет увидеть в подлинной жизни – уже имеет свой образ – внутри, ибо в недрах духа имеется неизмеримо больше... – целый мир» [31]. Данный тип творческих личностей для него – есть явление, прежде всего, литературное, поскольку «диалектика и философская изобретательность загораживают непосредственное ощущение их личного опыта и жизненных образов» [32]. Они индивидуально сложны, переменчивы и определены своей профессией. Созданные ими образы гораздо более реальны, чем сами авторы.

Стремление П. П. Сувчинского рассматривать *художника* в единстве личностных характеристик, биографии, культурной среды, творческого наследия совпадает и с нашим подходом. Предложенный им анализ биографии и творчества русских писателей и философов не утратил своей актуальности [33] и открывает новые перспективы в изучении индивидуальных моделей творческой личности.

Примечания

1. См. об этом: *Азроянц, Э. А.* Проблема человека: мультидисциплинарный подход [Текст] / Э. А. Азроянц // Проблема человека: мультидисциплинарный подход: сборник тезисов конференции. М., 1998. С. 6–9.

2. *Бердяев, Н. А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого [Текст] / Н. А. Бердяев // Мир философии: книга для чтения. Ч. II: Человек. Общество. Культура. М., 1991. С. 48.

3. *Волков, В. Н.* Онтология личности [Текст]: дис. ... д-ра филос. наук / В. Н. Волков. Иваново, 2001. С. 29.

4. *Кемеров, В. Е.* Методология [Текст] / В. Е. Кемеров // Современный философский словарь. М., 1998. С. 488.

5. В исторической науке распространена точка зрения, согласно которой личность возникает в конце европейского средневековья, или в эпоху Возрождения. К книге известного швейцарского историка Я. Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» восходит формула: «Ренессанс – это открытие мира и открытие человека». См.: *Буркхардт, Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения [Текст] / Я. Буркхардт. М., 1996; а также *Павлова, Н. С.* О Якобе Буркхард-

те [Текст] / Н. С. Павлова // *Ardor Mundi* – Мировое древо. М., 1997. Вып. 5. С. 75–83.

6. Кнабе, Г. С. Изменчивое соотношение двух постоянных характеристик человека [Текст] / Г. С. Кнабе // *Одиссей. Человек в истории*. 1990. М., 1990. С. 10.

7. Гуревич, А. Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры [Текст] / А. Я. Гуревич // *Одиссей. Человек в истории*. 1990. М., 1990. С. 85.

8. Репина, Л. П. «Персональная история»: биография и средство исторического познания [Текст] / Л. П. Репина // Указ. изд. С. 77.

9. Кон, И. С. Социологическая психология [Текст] / И. С. Кон. М.; Воронеж, 1999. С. 127.

10. Рубинштейн, С. А. Основы общей психологии [Текст] / С. А. Рубинштейн. СПб., 1999. С. 663.

11. Платонов, К. К. Структура и развитие личности [Текст] / К. К. Платонов. М.: Наука, 1986. С. 12.

12. Немов, Р. С. Психология [Текст]: в 2 кн. Кн. 1 / Р. С. Немов. М., 1994. С. 483.

13. Слободчиков, В. И. Психология человека: Введение в психологию субъективности [Текст] / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. М., 1995. С. 12.

14. См.: Абульханова-Славская, К. А. Философско-психологическая концепция С. А. Рубинштейна [Текст] / К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский. М., 1989; Анцыферова, Л. И. Психология формирования и развития личности [Текст] / Л. И. Анцыферова // *Человек в системе наук*. М., 1989. С. 426-433; Асмолов, А. Г. Психология личности [Текст] / А. Г. Асмолов. М., 1990; Брушлинский, А. В. Психология субъекта [Текст] / отв. ред. В. В. Знаков. М; СПб., 2002.

15. Левин, К. Динамическая психология [Текст] / К. Левин. М., 2001. С. 253.

16. Рубинштейн, С. А. Самосознание личности и ее жизненный путь [Текст] / С. А. Рубинштейн // Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. СПб., 1999. С. 634–644.

17. Соколов, Э. В. Культура и личность [Текст] / Э. В. Соколов. Л., 1972. С. 6.

18. «Становление и реализация личности происходит в культуре и через культуру – посредством процессов “очеловечивания” окружающей среды и “опредмечивания” собственного духовного содержания. Приобщение к культуре – это “погружение” в некий содержательный духовный поток, который “пропитывает” человека до его сокровенных глубин, в результате чего происходит полное и органичное усвоение воспринятого. Культура <...> как бы формирует вторую натуру индивида, “окультуривает” его, в результате чего последнему представляется все менее и менее возможным преступить выработанные и усвоенные в ходе этого процесса установки, так как в этом случае окажется униженной, оскорбленной, если не разрушенной, глубинная сущность человека, обретающего статус личности». Цит. по: Акопян, К. З. Теория культуры: учебно-методические материалы и планы семинарских занятий [Текст] / К. З. Акопян. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1996. С. 65–66.

19. Так, в энциклопедии «Культурология. XX век» автором статьи П. С. Гуревичем проблема личности подменяется общей проблемой человека, раскрываемой исключительно с позиции философского, а не культурологического подхода. См.: Гуревич, П. С.

Человек [Текст] / П. С. Гуревич // *Культурология. XX век: Энциклопедия*. Т. 2. СПб., 1998. С. 347–348.

20. Само понятие «культурология личности» еще не получило в науке однозначной содержательной трактовки. Попытки укоренить это понятие неоднократно делались психологами. Использовал понятие «культурология личности» И. С. Кон. В своем исследовании «В поисках себя: Личность и ее самосознание» он отмечает, что «выражение “личность в зеркале культуры” не означает, что один и тот же человек последовательно смотрится в одно и то же или в разные зеркала. Зеркало культуры – это история, которая не только отражает разных субъектов, но и формирует их, побуждая шлифовать, изменять и переделывать однажды увиденное». Поэтому, делает вывод И. С. Кон, «культурология личности (курсив мой. – Ю. К.) обязательно должна быть исторической». Ученый-психолог, как видно, акцентирует исторический аспект, понимая, что личность формируется под влиянием историко-культурных процессов. См.: Кон, И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание [Текст] / И. С. Кон. М., 1984. С. 332.

21. В определении понятия «эпоха» автор данной работы исходит из классической формулировки М. Блока, согласно которой она понимается как «исторический объект, отличающийся большой протяженностью». В качестве синонимов М. Блок предлагает понятия «общество» и «цивилизация», которые определяются иерархией неких «исторических сил – постоянств, структур и конъюнктур». Специфика нашей проблемы («художник и эпоха») естественным образом ограничивает область анализа область «структур». К ней относятся «долговременные факторы истории, экономика, социальные институты и процессы, духовный слой общества (религия, философские системы, наука, искусство)». См.: Блок, М. Апология истории [Текст] / М. Блок. М., 1973. С. 205.

22. Понятие культурно-исторического контекста трактуется весьма многогранно. Наиболее освоенным и укорененным в традиции является принцип «регулярного» соотношения художественных явлений разного порядка с явлениями социальными, детерминирующими их. Часто культурно-исторический контекст определяется как круг событийных векторов и художественных (шире – идеологических) констант определенного временного периода. См. подробнее: Гудкова, А. А. Принципы соотношения личности художника и контекста эпохи в историко-культурном исследовании [Текст] / А. А. Гудкова // *Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов*. М., 2001. С. 123–129.

23. Данное высказывание В. С. Библера цитирует А. Я. Гуревич в дискуссии «Индивидуальность и личность в истории», проводившейся в сборнике «Одиссей». Цит. по: Гуревич, А. Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры [Текст] / А. Я. Гуревич // *Одиссей. Человек в истории*. 1990. М., 1990. С. 85.

24. Как отмечает М. Блок, «все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения». Однако, подхватывает его мысль К. З. Акопян, для проявления внимания со стороны культурологии, обязательное условие сводится к тому, чтобы «касание» было окрашено творческой энергией. «Таким образом, – делает вывод ученый, – культурологию интересует любой факт, любой предмет, в которых нашла

свое выражение способность человека к творчеству». Акопян, К. З. Специфика исторической культурологии как научной дисциплины [Текст] / К. З. Акопян // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии. М., 2002. С. 193.

25. Ценностный вклад в культуру личности анализируется с позиции изучения творческой, общественно значимой деятельности; материализованного результата этой деятельности (интеллектуально-творческое наследие, документальные свидетельства значимости и важности личности в восприятии и оценке современников).

26. В истории русской общественно-политической мысли 1920–1930-х гг. П. П. Сувчинский (1892–1985) больше известен как идеолог, организатор и активный участник евразийского движения. В историю культуры (преимущественно французской) он вошел как Pierre Souvtchinsky – философ, публицист, историк музыки, критик, вдохновитель и организатор культурных проектов русского Зарубежья. В этом качестве его авторитет на Западе был очень велик. Сувчинский, подобно своему старшему современнику С. П. Дягилеву, много сделал как для распространения русской культуры на Западе, так и для развития европейской культуры XX в. Однако, в отличие от Дягилева, масштаб его личности по достоинству еще не оценен. Между тем, обладая ярким общественным темпераментом, универсализмом, будучи увлеченной натурой, Сувчинский всегда нахо-

дился в эпицентре культурных событий и принадлежал к художественной элите Парижа. Он общался с видными политиками, философами, учеными, писателями своего времени, состоял в переписке с И. Стравинским, С. Прокофьевым, Б. Пастернаком, М. Цветаевой, М. Юдиной, Р. Шаром, А. Камю, Ж.-П. Сартром и многими другими.

27. Подобная точка зрения никак не совпадала с господствующей в то время позицией представителей формального литературоведения (Ю. Тынянов, В. Шкловский), которые декларативно заявляли, что личностью художника можно легко пренебречь в пользу анализа результата его деятельности.

28. Сувчинский, П. П. Типы творчества. Памяти А. Блока [Текст] / П. П. Сувчинский // Петр Сувчинский и его время. М., 1999. С. 132.

29. Там же. С. 133.

30. Там же.

32. Там же. С. 131.

32. Сувчинский, П. П. По поводу «Апокалипсиса нашего времени» В. Розанова [Текст] / П. П. Сувчинский // Петр Сувчинский и его время. М., 1999. С. 152.

33. Как отмечают исследователи (в частности, А. А. Гудкова), перспективы исследования творческой личности с культурологических позиций видятся на сегодняшний день в двух направлениях: в выявлении *специфики* творческой личности и в необходимости *типических* обобщений.

НОВЫЕ КНИГИ

СКВОЗЬ ГРАНИЦЫ:

Культурологический альманах.

Вып. 5. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 305 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. И. Стахов

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье выделены и систематизированы административно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности, применяемые в РФ.

В соответствии со ст. 2 и 18 Конституции РФ в свете проводимых в стране административной реформы и реформы местного самоуправления представляется весьма актуальным проведение научной систематизации и унификации административно-юрисдикционных мер обеспечения безопасности, применяемых органами исполнительной власти в Российской Федерации.

Под административно-юрисдикционными мерами обеспечения безопасности следует понимать нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы непосредственного подчинения поведения физических и юридических лиц общеобязательным условиям и требованиям безопасности, применяемые органами исполнительной власти и органами местного самоуправления в целях охраны и защиты конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства и нации от ожидаемых *post priory* (на основе опыта), совершаемых, а также совершенных административных правонарушений, способствующих возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды.

Логико-позитивный анализ предложенной дефиниции позволяет назвать следующие основные характерные признаки предлагаемой категории.

Во-первых, административно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности применяются специализированными государственными органами и органами местного самоуправления, их системными образованиями и должностными лицами, которые можно назвать в обобщенном виде органами административно-публичного обеспечения безопасности.

Во-вторых, административно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности представляют собой специальные юридические средства, применяемые органами административно-публичного обеспечения безопасности адекватно ожидаемым на основе опыта и наступившим в действительности административным правонарушениям, способствующим возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды.

В-третьих, административно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности составляют содержание полномочий органов административно-публичного обеспечения безопасности по предупреждению, выявлению и нейтрализации административных правонарушений, способствующих возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды.

В-четвертых, применение административно-юрисдикционных мер обеспечения безопасности связано с непосредственным вмешательством органов административно-публичного обеспечения безопасности в административно-хозяйственную, организационно-распорядительную и иную деятельность организационно не подчиненных данным органам физических и юридических лиц.

В-пятых, основанием применения административно-юрисдикционных мер обеспечения безопасности являются ожидаемые, совершаемые и совершенные административные правонарушения, способствующие возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды или, иначе, административные правонарушения, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности.

В-шестых, административно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности отличаются формально определенной целевой направленностью. Данные меры закреплены в административно-правовых нормах и применяются органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях охраны и защиты конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства и нации от административных правонарушений, способствующих возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды. Адми-

нистративно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности направлены на предупреждение, выявление и нейтрализацию данных административных правонарушений.

В-седьмых, объектами административно-юрисдикционных мер обеспечения безопасности являются:

а) административно-хозяйственная, организационно-распорядительная и иная деятельность физических и юридических лиц, связанная с ожидаемыми *post priory* (на основе опыта) административными правонарушениями, способствующими возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды;

б) действия и решения физических и юридических лиц, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности, влекущие административную ответственность;

в) орудия совершения и предметы совершения административных правонарушений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности.

В юридической литературе административно-правовые меры, связанные с ожидаемыми, совершаемыми или совершенными административными правонарушениями, обычно подразделяют на административно-предупредительные меры, применяемые в целях предупреждения административных правонарушений, административно-пресекательные меры, применяемые в целях прекращения противоправных действий и предотвращения их негативных последствий [1], меры административно-процессуального обеспечения, применяемые в связи с обнаружением признаков административного правонарушения, для обеспечения своевременного и объективного рассмотрения дела об административном правонарушении [2], меры административной ответственности, применяемые в качестве наказания за совершенное административное правонарушение [3], административно-восстановительные меры, применяемые с целью возмещения причиненного ущерба, восстановления прежнего положения вещей [4].

Не подвергая сомнению изложенные подходы к пониманию классификации административно-правовых мер, связанных с административными правонарушениями, следует обратить внимание, что особый научный и практический интерес представляет уяснение специфики содержания административно-правовых мер, связанных с административными правонарушениями, способствующими возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды. Специфика выделяемых ад-

министративно-правовых мер обусловлена тем, что указанные административные правонарушения подвержены воздействию административного права не в полной мере и, следовательно, создают высокую вероятность причинения вреда конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации.

Для того чтобы раскрыть специфику содержания выделяемых административно-правовых мер, необходимо установить юридическое основание, целевую направленность и административно-правовые последствия, вызываемые такими мерами.

При таком подходе в результате анализа действующего административного законодательства в области безопасности следует выделить следующие группы однородных административно-юрисдикционных мер обеспечения безопасности: 1) контрольно-надзорные меры обеспечения безопасности; 2) восстановительные меры обеспечения безопасности; 3) аксессуарные (вспомогательные) меры обеспечения безопасности; 4) компенсационные меры обеспечения безопасности; 5) превентивные меры обеспечения безопасности.

Контрольно-надзорные административно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности (далее по тексту – контрольно-надзорные меры обеспечения безопасности) представляют собой нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы проверки выполнения условий и требований безопасности, предусмотренных законами и иными нормативными правовыми актами, а также законных требований по обеспечению исполнения указанных условий и требований безопасности физическими и юридическими лицами, применяемые органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях охраны и защиты конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства и нации от административных правонарушений, способствующих возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды.

Из данного определения следует, что контрольно-надзорные меры обеспечения безопасности применяются органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях охраны и защиты конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства и нации от предполагаемых, ожидаемых административных правонарушений, способствующих возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды.

Указанные меры направлены на выявление административных правонарушений, способствующих возникновению и (или) развитию вредо-

носных природных и техногенных факторов окружающей среды.

В качестве унифицированных видов контрольно-надзорных мер обеспечения безопасности можно выделить:

1) контрольно-надзорные меры обеспечения безопасности по выявлению административных правонарушений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности, установленных законами и иными нормативными правовыми актами. Такими мерами обеспечения безопасности являются, например, организация проведения экспертиз, анализов, оценок качества эффективности и безопасности техногенных и природных объектов и процессов [5]; проведение проверки соблюдения требований, норм и правил в области охраны окружающей среды при размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию, эксплуатации и выводе из эксплуатации производственных и других объектов [6]; весовой контроль автотранспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки [7]; проведение проверки деятельности лицензиата на предмет соответствия осуществляемой лицензиатом деятельности лицензионным требованиям и условиям [8] и др.;

2) контрольно-надзорные меры обеспечения безопасности по выявлению административных правонарушений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением законных требований по обеспечению безопасности. К данным мерам обеспечения безопасности можно отнести, например, проведение проверки исполнения предписаний об устранении нарушений общеобязательных требований пожарной безопасности, выявленных в результате проведения плановой проверки [9].

Восстановительные административно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности (далее по тексту – восстановительные меры обеспечения безопасности) представляют собой нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы устранения вредоносных техногенных и природных факторов окружающей среды, связанных с влекущим административную ответственность неисполнением или ненадлежащим исполнением физическим или юридическим лицом общеобязательных условий и требований безопасности (далее по тексту – административное правонарушение, связанное с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательных условий и требований безопасности), применяемые органом административно-публичного обеспечения безопасности к физическому или юридическому лицу по факту выявленного административного правонарушения.

На основе анализа материалов изученных дел об административных правонарушениях, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением условий и требований отдельных видов безопасности (пожарной, экологической, промышленной и др.), следует отметить, что восстановительные меры обеспечения безопасности направлены на устранение вредоносных техногенных и природных факторов окружающей среды, связанных с нарушением или неисполнением физическим или юридическим лицом общеобязательных условий и требований безопасности, влекущим административную ответственность. Применяя такие меры, уполномоченные органы обеспечения безопасности понуждают физическое или юридическое лицо, допустившее нарушение или ненадлежащее исполнение общеобязательных условий и требований безопасности, к совершению активных действий по устранению вредоносных природных и техногенных факторов, связанных с нарушением общеобязательных требований и условий безопасности. С этой точки зрения восстановительные меры обеспечения безопасности для физического или юридического лица, по сути, являются юридической обязанностью устранить причиненный нарушением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности вред, восстановить нарушенное им правовое положение.

В качестве унифицированных видов восстановительных административно-юрисдикционных мер обеспечения безопасности будет логичным признать:

1) восстановительные меры, влекущие ограничение предоставленного физическому или юридическому лицу специального права на совершение отдельных действий или права на осуществление отдельных видов деятельности по использованию предметов, явлений и процессов – техногенных и природных источников опасности конституционным и иным законным интересам до устранения вреда, причиненного административным правонарушением. Например, снятие товара с производства, прекращение выпуска, приостановка реализации товаров [10], приостановление действия лицензии [11], приостановление действия сертификата [12], приостановление действия декларации [13] и т. д.;

2) восстановительные меры, не связанные с ограничением предоставленного физическому или юридическому лицу специального права на осуществление отдельных действий или права на осуществление отдельных видов деятельности по использованию предметов, явлений и процессов – техногенных и природных источников опасности. Например, предъявление предписания об устранении нарушений требований безопасности [14].

Аксессуары (вспомогательные) административно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности (далее по тексту – аксессуары (вспомогательные) меры обеспечения безопасности) представляют собой нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы сбора и закрепления доказательств по обнаруженному факту административного правонарушения, связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности, обеспечением своевременного и правильного рассмотрения дела об указанном административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления о назначении административного наказания, применяемые органами административно-публичного обеспечения безопасности в отношении физических и юридических лиц.

Из сформулированного определения и анализа действующего законодательства в области безопасности следует, что основанием применения аксессуарных (вспомогательных) мер обеспечения безопасности являются признаки административного правонарушения физического или юридического лица, связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности.

На основании анализа материалов изученных дел об административных правонарушениях, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением условий и требований отдельных видов безопасности (безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологической безопасности и др.), следует отметить, что указанные меры обеспечения безопасности, по сути, направлены на установление вины физического или юридического лица, допустившего неисполнение или ненадлежащее исполнение общеобязательных условий и требований безопасности, влекущее административную ответственность, а также обеспечение назначения и исполнения административного наказания.

С этой точки зрения аксессуары (вспомогательные) меры обеспечения безопасности можно обнаружить в статьях 25.1; 27.1; 28.1 КоАП РФ. О результате анализа указанных статей КоАП РФ можно сделать вывод, что унифицированными видами аксессуарных (вспомогательных) мер обеспечения безопасности являются следующие меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий, находящихся там вещей и документов; досмотр вещей, находящихся при физическом лице; личный досмотр; досмотр транспортных средств; изъятие вещей и документов; арест товаров, транспортных средств и иных вещей;

доставление; административное задержание; взятие проб и образцов; проведение экспертиз по делу об административном правонарушении; направление поручений и запросов по делу об административном правонарушении; истребование сведений по делу об административном правонарушении; временное приостановление деятельности.

Компенсационными административно-юрисдикционными мерами обеспечения безопасности (далее по тексту – компенсационные меры обеспечения безопасности) являются административные наказания, назначаемые и (или) исполняемые органами административно-публичного обеспечения безопасности по обнаруженному данным органом факту административного правонарушения, связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности.

С позиции изложенного основанием применения компенсационных мер обеспечения безопасности является совершенное физическим или юридическим лицом виновное действие или бездействие, связанное с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности, за которые законодательством об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность.

Анализ материалов изученных дел об административных правонарушениях, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением условий и требований отдельных видов безопасности (пожарной, экологической, промышленной и др.), позволяет сделать вывод, что выделяемые меры применяются органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях компенсации вреда, причиненного неисполнением или ненадлежащим исполнением физическим или юридическим лицом общеобязательных условий и требований безопасности. Применяя данные меры, органы административно-публичного обеспечения безопасности призваны компенсировать (уравновесить) необратимый вред, причиненный административным правонарушением, которое связано с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности и которое обнаружено данным органом.

Компенсационные меры обеспечения безопасности влекут для физического или юридического лица официальное признание его в качестве лица, виновного в совершении административного правонарушения, а также наступление для него дополнительных обременительных последствий личного, имущественного и правового характера. Данные меры являются административной ответственностью и поэтому всегда влекут для

физического или юридического лица такое неблагоприятное последствие, как истечение срока погашения административной ответственности, а также воздействуют на его материальные интересы [15]. С этой точки зрения компенсационные меры обеспечения безопасности являются для правонарушителя юридической обязанностью претерпеть лишения и ограничения, установленные законом за нарушение или ненадлежащее исполнение общеобязательных условий и требований безопасности.

На основании анализа норм КоАП РФ, предусматривающих административное наказание за неисполнение или ненадлежащее исполнение общеобязательных условий и требований безопасности, можно сделать вывод, что унифицированными видами компенсационных мер обеспечения безопасности являются: предупреждение; административный штраф; административное приостановление деятельности; возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административный арест.

По рассмотрении ФЗ от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и ФЗ от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» унифицированными видами компенсационных мер обеспечения безопасности следует признать аннулирование технико-правовой лицензии [16] и прекращение действия сертификата соответствия или декларации о соответствии, принудительный отзыв продукции [17].

Превентивными мерами административно-юрисдикционного обеспечения безопасности (далее по тексту – превентивные меры обеспечения безопасности) следует считать нормативно зафиксированные типизированные способы и приемы устранения органами административно-публичного обеспечения безопасности причин и условий, способствовавших неисполнению или ненадлежащему исполнению общеобязательных условий и требований безопасности.

В нормах КоАП РФ закреплена такая унифицированная превентивная мера обеспечения безопасности, как направление органом административно-публичного обеспечения безопасности физическим и юридическим лицам представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением общеобязательных условий и требований безопасности.

Указанная мера обеспечения безопасности применяется в целях устранения причин и условий, способствовавших административному правонарушению, связанному с неисполнением или

ненадлежащим исполнением обязательных условий и требований безопасности. Данные меры применяют лишь те органы административно-публичного обеспечения безопасности, которые наделяются полномочиями по назначению административных наказаний по делам об административных правонарушениях, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательных условий и требований безопасности.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что предложенная классификация административно-юрисдикционных мер обеспечения безопасности отражает специфику содержания административно-правовых мер, применяемых органами административно-публичного обеспечения безопасности адекватно ожидаемым, совершаемым, а также совершенным административным правонарушениям, способствующим возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды. По нашему твердому убеждению, данные меры должны быть подвергнуты систематизации и комплексной административно-правовой процессуализации в нормах КоАП РФ и кодифицированного нормативного правового акта, устанавливающего исходные начала административно-публичного обеспечения безопасности в Российской Федерации. Таким нормативным правовым актом может служить федеральный закон «Об основах административно-публичного обеспечения безопасности в Российской Федерации».

В нормах КоАП РФ, в частности, необходимо предельно ясно и точно определить основания и порядок применения контрольно-надзорных и восстановительных мер обеспечения безопасности во взаимосвязи с аксессуарными, компенсационными и превентивными мерами обеспечения безопасности.

В нормах федерального закона «Об основах административно-публичного обеспечения безопасности в Российской Федерации» представляется обоснованным:

1) закрепить сводный перечень административно-юрисдикционных органов обеспечения безопасности, наделяемых в Российской Федерации полномочиями по применению контрольно-надзорных мер обеспечения безопасности, восстановительных мер обеспечения безопасности, аксессуарных (вспомогательных) мер обеспечения безопасности, превентивных мер обеспечения безопасности и компенсационных мер обеспечения безопасности (перечень);

2) определить унифицированные виды контрольно-надзорных мер обеспечения безопасности, восстановительных мер обеспечения безопасности, аксессуарных (вспомогательных) мер обеспечения безопасности, превентивных мер обеспечения безопасности и компенсационных мер

обеспечения безопасности, применяемых в Российской Федерации;

3) определить общие основания и целевую направленность контрольно-надзорных мер обеспечения безопасности, восстановительных мер обеспечения безопасности, аксессуарных (вспомогательных) мер обеспечения безопасности, превентивных мер обеспечения безопасности и компенсационных мер обеспечения безопасности, применяемых в Российской Федерации.

Примечания

1. Например, *Коренев, А. П.* Административное право России [Текст] : в 3 ч. / А. П. Коренев. Ч. 1. М., 1997. С. 200–212.

2. Административная ответственность [Текст] : курс лекций / колл. авт. М.: ЮИ МВД РФ, 1994. С. 42.

3. *Бахрах, Д. Н.* Административное право [Текст] : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. М., 2004. С. 484.

4. *Бахрах, Д. Н.* Административное право России [Текст] : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах. М., 2000. С. 447.

5. Ст. 9 ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» от 08.08.2001 № 134-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3436.

6. Ст. 33 ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; ст. 7, 8 ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.1997 № 116-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

7. Положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения, утв. Указом Президента РФ от 15.06.1998 № 711 [Текст] // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 2897.

8. Ст. 12 «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 08.08.2001 № 128-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3430.

9. Приказ МЧС России «Об утверждении инструкции по организации и осуществлению государственного пожарного надзора в Российской Федерации» от 17.03.2003 № 132 [Текст] // РГ. 2003. № 102 (29 мая).

10. Ст. 6 ФЗ «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 № 69-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649; ст. 14 ФЗ «О лекарственных средствах» от 22.06.1998 № 86-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3006.

11. ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 08.08.2001 № 128-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3430.

12. Ст. 10 ФЗ «Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997 № 60-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383; ст. 26 ФЗ «О техническом регулировании» от 27.12.2002 № 184-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1).

13. Ст. 34 ФЗ «О техническом регулировании» от 27.12.2002 № 184-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140; ст. 16 ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.1997 № 116-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588; ст. 6 ФЗ «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 № 69-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

14. Ст. 16 ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.1997 № 116-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588; ст. 6 ФЗ «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 № 69-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

15. *Стахов, А. И.* Административная ответственность [Текст] : учеб. пособие для вузов / А. И. Стахов. М., 2004. С. 16.

16. Ст. 13 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 08.08.2001 № 128-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3430.

17. Ст. 26, 34, 40 ФЗ «О техническом регулировании» от 27.12.2002 № 184-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

Ю. Н. Фольгерова

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В РИМСКОМ ПРАВЕ

В статье автором рассматривается вопрос о становлении и развитии в римском праве норм, регулирующих вопросы несостоятельности. Начиная с Законов XII Таблиц и заканчивая законодательством императорского периода, раскрываются основные институты, выработанные римским законодателем: порядок ведения дела, роль кредиторов, конкурсная масса, соразмерность удовлетворения требований и т. д.

Усложнение кредитных отношений обусловило необходимость в решении вопросов о последствиях тех ситуаций, когда должник был не в состоянии удовлетворить требования кредиторов. Разумеется, что законодатель не мог оставаться в стороне. Теория и практика последних 300 лет порядок решения обозначенного вопроса именуется конкурсным правом (процессом) или институтом несостоятельности. Однако само законодательство о несостоятельности насчитывает не одну тысячу лет.

Основные институты современного конкурсного процесса были разработаны в римском праве и распространены в эпоху средневековья в Западной Европе. По мнению В. Г. Стругова, речь о начале конкурсного процесса в истории римского права можно вести лишь с периода расцвета классической юриспруденции [1], с перемещением акцента взыскания по долгам должника с его личности на его имущество. Вместе с тем вопросы разрешения долговых споров регулировались и нормативными актами предшествующих периодов. Первые нормы древнеримского конкурсного процесса были связаны с историей института пехум – древнейшей формы договора займа.

ФОЛЬГЕРОВА Юлия Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ

© Фольгерова Ю. Н., 2007

В соответствии с положениями Таблицы III Законов XII таблиц с момента признания долга (вынесения судебного решения) должнику предоставлялось 30 дней для добровольного удовлетворения долга. Кредитор, не получивший по истечении указанного срока удовлетворения своих притязаний, имел право взыскания путем наложения руки (*manus iniectio pro iudicato*). Кредитор вправе был увести должника к себе, держать в окопах в течение 60 дней, за это время выводить три торговых дня на рынок. Этот период предоставлялся для возможного выкупа должника родственниками, иными лицами либо для примирения: «пока должник находился в заточении, он имел право примириться [с истцом]» [2]. Если никто не выкупал должника, кредитор мог продать его в рабство и продать «за границу, за Тибр» (п. 5 Таблицы III).

С точки зрения конкурсного процесса интересным представляется пункт 6 Таблицы III: «В третий базарный день пусть разрубят должника на части. Если отсекут больше или меньше, то пусть это не будет вменено им [в вину]». Из данного положения однозначно следует о множественности на стороне кредиторов: «отсекут», «вменено им». Представляется, что «согласно с духом того времени, экономическими условиями и нравственными понятиями той эпохи» [3] мы имеем дело с первым проявлением в римском праве конкуренции прав нескольких субъектов по отношению к несостоятельному должнику. В таком делении не было бы никакой нужды, если бы кредитор был один. Нормы, предписывающие варианты его поведения, содержатся в Таблице III ранее – он «предавал его смертной казни» или продавал в рабство.

Дальнейшее развитие римского конкурсного процесса происходит благодаря двум причинам. Во-первых, это усложнение имущественных отношений, лежащих в основе гражданского оборота, в результате чего система личного исполнения уже перестала удовлетворять требованиям времени. Второй причиной были периодические народные волнения, основанные на недовольстве, вызванном невыносимым положением должников. В большей степени такие возмущения, по указанию римского историка Ливия, и стали причиной принятия в 326 году закона, известного как *lex Poetelia* (закон Петелия) [4].

Lex Poetelia запретил кредиторам убивать должника (продавать его в рабство), рассекать на части, заковывать в цепи (исключение составляли те случаи, когда должник совершил преступление). Отменил закон право кредитора на наложение руки, что являло собой обеспечительную силу *пехум*; кредиторы теперь должны были доказать свое требование перед судом, получить

судебное решение (*iudicatum*) и уже на его основании обращать взыскание.

Конкурсное право Древнего Рима характеризуется собой первое проявление эволюции объекта взыскания с личности должника на его имущество, чему, в частности, содействовало фактическое отсутствие должника при наличии имущества. Исторически первая форма римского процесса *legis actio* (легисакционный процесс) отличалась исключительным формализмом: процесс совершался по предписанной форме, отступление от которой заранее означало поражение; явка сторон была обязательной. Однако процесс осуществлялся без посредничества государства, поскольку производство вызовов по частным делам государственной властью считалось вмешательством не в свое дело (*res familiaris*).

При отсутствии должника возникал замкнутый круг: обратиться взыскание можно только после рассмотрения иска в суде, что объективно невозможно было в отсутствии ответчика. Как следствие практика выработала правовую фикцию, в соответствии с которой должник заменялся лицом, которое «становилось общим правопреемником должника, в то время когда должник считался как бы умершим» [5]. Имущество должника с согласия претора передавалось указанному субъекту, принимавшему на себя обязанность удовлетворить требования кредиторов в установленном размере.

Римское право предоставляло право кредиторам (кредиторам) просить у претора допустить его к владению имуществом должника (*missio in possessionem*) с целью сохранения от возможной растраты со стороны последнего. Допускаясь к владению всем имуществом, кредиторы не приобретали на него право собственности и не имели полномочий распоряжения и пользования. Основаниями для *missio in possessionem* были договор, судебное решение или признание.

На данной стадии, речь о которой может вестись лишь с долей большой условности, мы можем наблюдать процесс предъявления кредиторами своих требований. Разумеется, еще не могло быть и речи о том, чтобы осуществлять вызов кредиторов, не было такой обязанности и у того кредитора, по иску которого начинался процесс. Объясняется это, прежде всего, природой воззрений римлян: «каждый свободный человек должен заботиться только о своих собственных интересах, а не служить орудием чужих выгод» [6]. Вместе с тем небольшая территория Рима делала лишним такой вызов, поскольку новости быстро распространялись и каждый кредитор, узнав о положении своего должника, мог присоединиться к уже заявившим требования кредиторам.

Требования о допуске к уже дозволенному *missio in possessionem* могли предъявлять и кре-

диторы, имеющие претензии, по которым еще не наступили сроки или условия платежа. Вместе с тем сами заявлять о введении *missio in possessionem* они не могли.

По истечении установленного срока, отведенного для удовлетворения требований кредиторов (3 дней, если должник жив, и 15 дней, если мертв), кредиторы общим собранием избирали из своего числа *magister bonorum*. Здесь мы можем выделить второй этап в конкурсном процессе.

В обязанности *magister bonorum* входила продажа имущества должника на наиболее выгодных условиях для всех кредиторов. Имущество продавалось в своем целом составе, без раздробления с публичных торгов (*bonorum venditio*). Продажу таким способом К. И. Малышев обосновывает тем, что «розничная продажа имущества не всегда находила покупателей, легче было отыскать человека, который решился бы приобрести себе целое имущество потом» [7]. В этом отношении с ученым не соглашается Г. Ф. Шершеневич, который отмечал, что «сама продажа оптом объясняется скорее всего переходом от прежнего личного исполнения, – только все имущество, во всей его целостности, способно было заменить личность должника» [8].

Требования кредиторов в дальнейшем удовлетворял покупатель – *emptor bonorum*, выплачивая им пропорционально той сумме, которую сам дал на торгах; с должников же неисправного должника купивший его имущество взыскивал так, как будто бы он сам был их кредитором. Являясь в соответствии с положениями преторского права владельцем, покупатель находился под защитой преторской власти как против самого должника, так и против третьих лиц, которые неосновательно удерживали у себя вещи должника.

Emptor bonorum традиционно рассматривается в качестве универсального правопреемника должника. Однако, видимо, в указанном случае речь можно вести только о сингулярном правопреемстве, но никак ни об универсальном. Универсальное правопреемство предполагает переход всех прав и обязанностей к правопреемнику (в нашем случае к *emptor bonorum*), с прекращением их у правопреемника. Вместе с тем в отношении должника продажа его имущества дела не прекращала. Он оставался ответственным за все то, что кредиторы недополучили. Имущество, полученное должником после в дар, наследство, приобретенное личным трудом, шло на удовлетворение оставшихся притязаний кредиторов.

Более того, не избегал должник и участи личных последствий. Можно предположить, что к должнику были применимы ограничение свободы, отработка долга. Ульпиан и Гай видели подходящим средством для наказания неимущего

должника бесчестие (*infamia*). Вместе с тем, по замечанию С. А. Муромцева, «возможность непосредственного воздействия кредитора на должника, составлявшая неотъемлемое существо кабального права, была устранена из суда; личная расправа, если еще и допускалась здесь, то была исключительным явлением» [9].

В пользу того, что характер преемственности между должником и *emptor bonorum* не является универсальным свидетельствует и то, что последний обязан был удовлетворить требования кредиторов не полностью, а в заранее определенном размере.

Практика, выявив недостатки оптовой продажи имущества должника, постепенно развивала другой способ реализации имущества должника – *distractio bonorum*. Личность *magister bonorum* была заменена на *curator bonorum*, назначаемого магистратом по соглашению с кредиторами. В обязанности куратора входили распродажа всех составных частей конкурсной массы и деление полученных средств между кредиторами. В указанной процедуре без труда прослеживаются черты современного нам конкурсного производства, в связи с чем можно утверждать, что *distractio bonorum* – это первые проявления указанной ликвидационной процедуры.

Однако приведенный выше порядок взыскания, включая и личные последствия, мог не применяться к должнику, в отношении которого допускалось *sessio bonorum*. Институт *sessio bonorum*, активно заимствованный позже законодательством средневековой Италии, Франции, состоял в предоставлении должнику права добровольно уступить свое имущество в пользу кредиторов, освободившись тем самым от личной ответственности и бесчестия. Однако уступка должником прав на имущество не лишала кредиторов возможности в дальнейшем предъявить свои требования, не удовлетворенные ранее.

Первоначально возможность *sessio bonorum* была предоставлена всем должникам, но впоследствии в связи с участившимися случаями злоупотребления стала возможным только в отношении несчастных должников.

Несомненным достоинством римского конкурсного процесса является разработка гражданско-правовых последствий сделок, совершенных до введения в отношении должника *missio in possessionem*. Римское право и практика его применения не могли оставить без внимания сделки должника, предвидевшего применение к нему соответствующих процедур, направленные на уменьшение своего имущества (*in fraudem creditorum*). Результатом этого стало появление специального средства защиты *actio Pauliana*.

Actio Pauliana предоставил право кредиторам, возбудившим *missio in possessionem*, а также

предъявившим требования в рамках данной процедуры, требовать возвращения соответствующих вещей или прав в состав имущества должника. Таким образом, иск был направлен на поворот сделки, совершенной должником во вред кредиторам. Предъявление *actio Pauliana* осложнялось необходимым наличием двух составляющих: имущество должника должно было быть уменьшено соответствующим действием, при этом должник должен был действовать, зная о том, что он уменьшает свое имущество.

Для предъявления иска к третьему лицу – контрагенту должника по сделке или лицу, которое получило известную выгоду от действия или бездействия должника, – надо было, чтобы это лицо также осознавало вредные для кредитора последствия действия должника. Первоначально преторский эдикт, введший *actio Pauliana*, предусматривал наличие данного условия во всех случаях. Однако практика стала считать его необходимым только в случаях возмездного предоставления должником выгоды третьему лицу, напротив, при безвозмездном отчуждении подобное требование было излишним.

Примечательным является то обстоятельство, что при наличии указанных выше условий иск подавался не отдельным кредитором, а в интересах всех кредиторов его заявлял *curator bonorum*. При этом, как отмечает О. М. Свириденко, «возврат имущества должника не был сопряжен с оспариванием самих отчуждательных сделок, а был направлен лишь на ликвидацию результата этих сделок в той части, в которой отчуждение имущества должника носило неэквивалентный характер» [10].

В рамках римского права зародился и получил свое развитие в конкурсном процессе институт зачета (*compensatio*), а вернее, его разновидность – вычет (*deduction*). Сущность зачета состоит в том, что при наличии ситуации, когда кредитор имеет требование к должнику, а должник имеет в свою очередь встречное требование к кредитору, при известных условиях требования в той сумме, в которой они взаимно покрываются, считаются погашенными. Требования, подлежащие зачету, должны быть однородны – *vinum cum vino, triticum cum tritico, pecunia cum pecunia* (вино с вином, пшеница с пшеницей, деньги с деньгами). При этом сроки по указанным требованиям должны наступить.

О применении *deduction* мог потребовать как сам кредитор, так и покупатель имущества должника (*emptor bonorum*). В противоположность общим правилам зачета *deduction*, во-первых, допускала зачитывание разнородных претензий, во-вторых, вычету подлежали и такие требования, срок по которым еще не наступил. Судья в данной ситуации производил денежную оценку

товарных требований и за вычетом этой оценки из прямого денежного иска присуждал остаток.

Особенностью *deduction* в рамках несостоятельности являлось также и то, что в отличие от остальных кредиторов, получавших удовлетворение пропорционально размеру своих требований, кредитор, являвшийся должником банкрота, представлял к зачету свое требование полностью (Институции Гая, книга 4, § 65–68).

Период императорского законодательства оказал воздействие на конкурсный процесс, но, по замечанию Г. Ф. Шершеневича, отразился «вредно на самом основном начале процесса, на быстроте производства» [11]. Во-первых, ввод кредиторов во владение имуществом несостоятельного должника (*missio in possessionem*) допускался только после вынесения решения по апелляционной жалобе со стороны должника. Имевшаяся в данном случае отсрочка во введении *missio in possessionem* предоставляла должнику возможность скрыть имеющееся имущество, что однозначно нельзя рассматривать в качестве положительного момента.

Во-вторых, желание императоров «внушить к себе любовь и обнаружить свое милосердие» породило в практике римского конкурсного процесса императорского периода предоставление отсрочек в платеже долгов (как правило, до 5 лет). Как отмечает К. И. Малышев, пятилетние отсрочки вошли в практику вследствие незначительной продолжительности относительно всего срока конкурсного производства. «От местных чиновников, заведовавших судебными делами, тянулся длинный ряд инстанций до двора самого императора. Были примеры, что самые простые и бесспорные дела производились лет по 18 только в одной инстанции» [12].

В-третьих, обстоятельством, затягивающим конкурсный процесс, было установление при Юстиниане сроков для предъявления кредиторами своих требований: 2 года для кредиторов, проживающих в той же провинции, 4 года – для жителей других провинций.

Реализация имущества и удовлетворение требований кредиторов по-прежнему осуществлялись *curator bonorum*. Вместе с тем в рассматриваемый период на куратора налагалась обязанность доказать отсутствие каких-либо соглашений с покупателями. Кураторов могло быть несколько. При этом интересным представляется то, что участие кураторов могло проходить по двум схемам. Первая сводилась к тому, что, являясь законным представителем конкурсной массы, каждый куратор «имел право предъявлять иски в интересах массы, и обязан был являться к ответу по претензиям других лиц к массе, или же уполномочивать на то особых поверенных» [13]. Ответственность кура-

торов в данном случае предполагалась солидарной.

Второй способ ведения дела несколькими кураторами предполагал ограничение деятельности каждого из них определенным, местным, кругом действия. В данной ситуации каждый из них отвечал только за собственные действия.

В остальном конкурсный процесс императорского периода придерживался правил, вошедших в практику в предшествующее время.

Таким образом, подводя черту под вышесказанным, можно сделать следующие выводы. Римский конкурсный процесс развивался в постепенном переходе при взыскании от личности должника к его имуществу, что обуславливала социально-политическая обстановка и развитие процессуального порядка рассмотрения дел о несостоятельности.

Практика Древнего Рима выработала такие основные начала конкурса, как соразмерность удовлетворения требований кредиторов; формирование конкурсной массы; ведение дела специальным субъектом – куратором; введение охранительных мер, связанных с арестом имущества должника на начальных стадиях конкурсных отношений. В дальнейшем благодаря универсальности норм частного римского права данные институты были доработаны городами средневековой Италии, а позже заимствованы Францией. Огромное влияние в данном направлении римское право оказало на германский конкурсный процесс, который вместе с тем обладал существенными отличиями.

Отличительной чертой римского права, ярко проявившейся позже во французском конкурсном процессе, являлось предоставление широких полномочий кредиторам при ведении дела. Вместе с тем данное обстоятельство органически следует из общего смысла всего римского частного права, заключавшегося в невмешательстве государства в частные дела своих граждан.

Примечания

1. *Струкгов, В. Г.* Краткий конспект лекций о торговой несостоятельности [Текст] / В. Г. Струкгов. СПб., б. г. С. 2.

2. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) [Текст] / сост. В. А. Томсинов. М.: ЗЕРЦАЛО, 2000. С. 106.

3. *Шершеневич, Г. Ф.* Конкурсный процесс [Текст] / Г. Ф. Шершеневич. М.: Статут, 2000. С. 28.

4. Ливий писал «...и консулы получили приказ (сената) вынести на утверждение народного собрания закон, разрешающий держать в колодках или оковах вплоть до уплаты долга только тех, кто заслужил наказание за причиненный ущерб, а за взятые в долг деньги отвечает имущество должника, но не его тело. Так освободили из кабалы должников и запретили впредь их кабалить» (*Муромцев, С. А.* Гражданское право Древнего Рима [Текст] / С. А. Муромцев. СПб., 1878. С. 132).

5. *Свириденко, О. М.* Зарождение институтов конкурсного процесса в римском праве [Текст] / О. М. Свириденко // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 34.

6. *Шершеневич, Г. Ф.* Указ. соч. С. 31.

7. *Мальшев, К. И.* Исторический очерк конкурсного процесса [Текст] / К. И. Мальшев. СПб., 1871. С. 7.

8. *Шершеневич, Г. Ф.* Указ. соч. С. 32.

9. *Муромцев, С. А.* Указ. соч. С. 285.

10. *Свириденко, О. М.* Указ. соч. С. 36.

11. *Шершеневич, Г. Ф.* Указ. соч. С. 34.

12. *Мальшев, К. И.* Указ. соч. С. 61.

13. Там же. С. 47.

А. В. Перминов

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ СТРУКТУРНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ ОСУЖДЕННЫМ

В статье рассмотрены организация индивидуальной профилактики поступления осужденным запрещенных предметов и веществ, которые наносят вред процессу исполнения наказания, объекты, субъекты воздействия, основные направления и понятие индивидуальной профилактики в исправительных учреждениях.

Одна из актуальных проблем деятельности исправительных учреждений УФСИН России – борьба с поступлением в места лишения свободы запрещенных предметов. Ее острота определяется распространенностью и устойчивой тенденцией к росту правонарушений, связанных с незаконной доставкой осужденным запрещенных в исправительных учреждениях предметов и веществ (денег, наркотических средств, психотропных, токсических и сильнодействующих веществ, спиртных напитков, огнестрельного оружия и т. д.). Это нарушает нормальный ритм работы исправительных учреждений, создает условия для совершения других правонарушений, в том числе преступлений (побегов из исправительных учреждений, убийств, нанесения телесных повреждений и др.).

По статистическим данным ФСИН России, в 2001–2006 гг. в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях территориальных органов уголовно-исполнительной системы изъято запрещенных предметов:

ПЕРМИНОВ Александр Васильевич – соискатель Академии ФСИН России, старший лейтенант внутренней службы, оперуполномоченный оперативного отдела ФГУ ИК–5 УФСИН России по Кировской области
© Перминов А. В., 2007

– денег (в тыс. руб.): 2001 – 5427; 2002 – 7476; 2003 – 8065; 2004 – 8949; 2005 – 9510; 2006 – 9982;

– спиртных напитков промышленного производства (в литрах): 2001 – 7748; 2002 – 8241; 2003 – 11094; 2004 – 14181; 2005 – 16045; 2006 – 16463;

– спиртных напитков кустарного производства (в литрах): 2001 – 36055; 2002 – 36308; 2003 – 28884; 2004 – 33919; 2005 – 27723; 2006 – 31005;

– наркотических средств и сильнодействующих веществ (в граммах): 2001 – 28636; 2002 – 39190; 2003 – 33436; 2004 – 27636; 2005 – 22111; 2006 – 36722;

– сотовых телефонов (единиц): 2001–2003 – 0; 2004 – 3468; 2005 – 7368; 2006 – 13934;

– колюще-режущих предметов (единиц): 2001 – 147426; 2002 – 101365; 2003 – 81028; 2004 – 53999; 2005 – 37895; 2006 – 29734;

– огнестрельного оружия (единиц): 2001 – 1; 2002 – 3; 2003 – 1; 2004–2005 – 0; 2006 – 2.

Таким образом, совершенно очевидно большое значение совершенствования профилактики рассматриваемых правонарушений, внедрения и применения в деятельности исправительных учреждений передовых, оправдавших себя на практике форм и методов несения службы, наиболее результативных приемов поиска и обнаружения запрещенных предметов и веществ.

Процесс исполнения наказания в виде лишения свободы не может быть эффективным без совершенствования профилактики поступления запрещенных предметов осужденным, что предполагает принятие комплекса таких мер, реализация которых будет иметь эффективное антикриминальное значение и обеспечит пресечение каналов поступления запрещенных предметов в исправительное учреждение.

Функционально-структурное построение исправительных учреждений должно предусматривать выполнение профилактической функции всеми сотрудниками. Порядок организации и проведения мероприятий по профилактике замышляемых и подготавливаемых правонарушений среди осужденных, содержащихся в исправительном учреждении, регламентирует утвержденная приказом Минюста от 20.11.2006 г. № 333 Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В данной инструкции регламентируется деятельность структурных подразделений ИУ по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению правонарушений в исправительном учреждении, в частности доставке запрещенных предметов в ИУ, а также установлению лиц, от которых с наибольшей вероятностью возможно ожидать совершения подобных правонарушений, и оказанию на них корректирующего воздействия.

В систему мер, направленных на повышение степени защищенности исправительных учреждений от поступления в них к осужденным запрещенных предметов, входит организация оперативными аппаратами и отделами безопасности индивидуальной профилактики. Характерной особенностью индивидуальной профилактической работы является целенаправленное воздействие на конкретных лиц с целью недопущения с их стороны действий, связанных с приобретением запрещенных предметов. Правильно организованная индивидуальная профилактика оказывает более эффективное воздействие на осужденных и иных лиц, так как она осуществляется в открытой форме. По мнению Г. С. Саркисова, индивидуальная профилактика преступлений, как и все другие виды социальной профилактики, представляет собой деятельность особого рода, направленную на предупреждение преступлений. При индивидуальной профилактике меры воздействия индивидуализированы, персонализированы [1].

Объектом индивидуально-профилактического воздействия должны быть следующие категории осужденных, которые выявляются оперативными работниками:

– осужденные, намеревавшиеся приобрести деньги, спиртные напитки, наркотики;

– осужденные, отбывавшие наказание по делам о наркотиках и в прошлом судимые за аналогичные преступления;

– осужденные-наркоманы, лица, в прошлом проходившие лечение от наркомании;

– осужденные, склонные к изготовлению и сбыту наркотиков;

– осужденные, стремящиеся отправлять и получать корреспонденцию по не контролируемым администрацией каналам, а также уже использующие такие каналы;

– осужденные, склонные к установлению недозволённых связей с сотрудниками ИУ, иными лицами, а также уже имевшие такие связи;

– лидеры группировок отрицательной направленности;

– «воры в законе» и их окружение;

– организаторы и участники азартных игр.

Для ведения целенаправленной индивидуально-профилактической работы важное значение имеет создание системы профилактических учетов.

Организация сбора информации о лицах, чье поведение вызывает необходимость постановки их на профилактический учет, должна предусматривать участие в этом сотрудников отдела безопасности, начальников отрядов, производственных и медицинских работников, оперативных дежурных и оперативных работников.

Кроме того, указанную информацию можно получать различными способами: при изучении

личных дел осужденных; в процессе проведения индивидуально-воспитательной работы с осужденными, наблюдения за их поведением; в ходе расследований по фактам нарушения режима, совершения преступлений, в том числе по делам о наркотиках; при проведении дознания, следствия и судебного разбирательства; при расследовании обстоятельств вступления сотрудников в недозволенные связи с осужденными.

Всю информацию необходимо концентрировать в оперативной службе, сотрудники которой должны всесторонне анализировать ее, вырабатывать профилактические меры и по согласованию с руководителями учреждений определять конкретных исполнителей по организации и осуществлению индивидуальной профилактической работы.

Индивидуальная профилактика, направленная на борьбу с поступлением в ИУ запрещенных предметов, достигает положительных результатов при условии наличия объективной информации о состоящих на профилактическом учете, особенно склонных к приобретению денег, спиртных напитков, наркотиков, а также к употреблению и сбыту наркотиков. Объективность информации может быть обеспечена, если в изучении профилируемых принимают участие сотрудники вышеперечисленных структурных подразделений.

Усиление защищенности учреждений мест лишения свободы от противоправной деятельности лиц, находящихся на свободе, с целью доставить осужденным запрещенные предметы требует принятия мер по их выявлению и последующему изобличению. Без взаимодействия исправительных учреждений с территориальными органами внутренних дел это сделать невозможно, особенно при профилактике поступления к осужденным наркотиков, пресечении перебросов запрещенных предметов на объекты ИУ. При организации взаимодействия ИУ с местными органами внутренних дел нужно включать в планы совместных мероприятий схемы патрулирования режимной зоны ИУ, меры, направленные на выявление и задержание лиц, совершающих (или совершивших) перебросы запрещенных предметов. Задержание перебросчиков возможно лишь при высокопрофессиональной организации совместных действий сотрудников ИУ и ОВД.

Однако в ходе исследований выявлены недостатки в организации указанного взаимодействия:

- информация, получаемая в исправительных учреждениях, не доводится до сведения тех органов внутренних дел, которые имеют возможность принять участие в пресечении попыток совершения перебросов запрещенных предметов;
- руководители исправительных учреждений стремятся к самостоятельному принятию мер по задержанию преступников;

– руководство исправительных учреждений обращается в территориальные органы внутренних дел в решающий момент, что ставит последних в положение неподготовленности к проведению специальных мероприятий.

В связи с этим система организации взаимодействия исправительных колоний с органами внутренних дел по задержанию перебросчиков запрещенных предметов должна предусматривать: а) организацию патрулирования режимной зоны ИУ, особенно в выходные, праздничные и предпраздничные дни; б) взаимное информирование о лицах, намеревающихся доставить в исправительную колонию запрещенные предметы; в) разработку плана операции по задержанию доставщиков запрещенных предметов.

Патрулирование режимной зоны ИУ должно осуществляться группами, включающими в себя сотрудника ИУ и сотрудника милиции, обеспеченных необходимым снаряжением (рация, спецсредства и пр.), обращая внимание на места, уязвимые в перебросовом отношении.

Взаимный обмен информацией означает: своевременное поступление информации; изложение сведений о лицах, их намерениях, времени и способе реализации противоправных замыслов.

Разработка плана по задержанию лиц, доставляющих в ИУ запрещенные предметы, осуществляется с учетом: сведений, характеризующих личностные качества доставщиков; организации наблюдения за их передвижением в район дислокации ИУ; возможности обеспечить пресечение противоправных действий лиц, доставляющих запрещенные предметы, их задержание; отработки вариантов взаимодействия в случае преследования правонарушителей, оказания ими физического или вооруженного противодействия.

Руководители исправительных учреждений, владея информацией о лицах, намеревавшихся доставить осужденным запрещенные предметы, определяют субъекты взаимодействия. Ими могут быть: территориальные органы внутренних дел по месту дислокации ИУ; территориальные органы внутренних дел по месту проживания, нахождения доставщиков запрещенных предметов; органы внутренних дел на транспорте; подразделения по борьбе с организованной преступностью и пр. Всем субъектам должна предоставляться необходимая для взаимодействия информация, и должна отрабатываться система взаимодействия и координации.

Без взаимодействия ИУ с органами внутренних дел невозможно обеспечить защищенность этих учреждений от распространения в них наркомании, поскольку криминальный механизм распространения наркомании представляет собой совокупность противоправных действий находя-

щихся на свободе изготовителей, держателей, расхитителей, сбытчиков, доставщиков наркотиков. Интерес дельцов наркобизнеса к этим учреждениям объясняется тем, что они являются объектами массового потребления наркотиков. Более того, в исправительных колониях кроме потребителей наркотиков содержатся осужденные, а также в прошлом судимые за изготовление, хранение, сбыт, хищение, перевозку наркотиков и т. д. Там же содержатся и лица, чья преступная деятельность неизвестна правоохранительным органам, то есть лица с нескрытым преступным прошлым по делам о наркотиках.

В целях профилактики поступления к осужденным наркотиков исправительные колонии должны реализовывать следующую систему организации взаимодействия с органами внутренних дел:

– организация проведения специальных мероприятий среди осужденных, отбывающих наказание в ИУ, с целью установления находящихся вне мест лишения свободы источников приобретения наркотиков, их изготовителей, держателей, расхитителей, потребителей, содержателей притонов для потребления наркотиков, лиц, склоняющих к потреблению наркотических веществ несовершеннолетних, а также доставляющих наркотики осужденным;

– разработка совместно с органами внутренних дел мероприятий по реализации информации, представляющей интерес по линии борьбы с наркоманией, задержанию и разоблачению изготовителей, держателей, сбытчиков, а также доставщиков наркотиков в ИУ.

Кроме того, взаимодействие ИУ с органами внутренних дел может иметь и другие формы в целях предупреждения поступления к осужденным запрещенных предметов, в частности проверка и установление адресатов связей осужденных, находящихся вне мест лишения свободы, проведение специальных мероприятий с целью установления получателей и отправителей денег, наркотиков, пресечения их преступной деятельности, изъятия и сохранения доказательств.

Основными направлениями деятельности оперативных аппаратов по предупреждению поступления в исправительные учреждения запрещенных предметов являются:

1. Установление и постановка на профилактический учет следующих осужденных:

- отбывающих наказание по делам о наркотиках;
- судимых ранее за аналогичные преступления;
- склонных к потреблению и распространению наркотических средств;
- изготавливающих наркотические средства и хранящих их;

– намеревающихся получить от родственников и иных лиц наличные деньги и располагающих значительными суммами в условиях исправительного учреждения;

– стремящихся отправлять и получать корреспонденцию по не контролируемым администрацией каналам (минуя цензуру), а также осужденных, использующих эти же каналы;

– имеющих стремление к установлению недозволенных связей с сотрудниками исправительного учреждения с целью приобретения запрещенных предметов.

2. Организация взаимодействия оперативного отдела с другими структурными подразделениями по предупреждению и пресечению поступления к осужденным запрещенных предметов:

– обеспечение информацией упреждающего характера сотрудников других служб для проведения индивидуальной профилактической работы с лицами, склонными к употреблению наркотиков, организаторами и участниками азартных игр, должниками и лицами, требующими долги;

– взаимодействие с сотрудниками отдела безопасности и подразделениями охраны по информации, требующей реализации с целью задержания доставщиков запрещенных предметов, лиц, намеревающихся совершить их перебросы, изъятия запрещенных предметов в местах их нахождения (транспортные средства, сырье, материалы, продукты питания, посылки, передачи и т. д.).

3. Взаимодействие с территориальными органами внутренних дел, другими подразделениями правоохранительной системы, которое осуществляется по следующим направлениям:

– взаимный обмен информацией, представляющей интерес для предупреждения и пресечения поступления запрещенных предметов в исправительные учреждения;

– информирование о наркоманной ситуации в различных местностях, обслуживаемых соответствующими территориальными органами внутренних дел;

– разработка совместных мероприятий по заданиям органов внутренних дел;

– разработка мероприятий по реализации информации о фактах доставки в исправительное учреждение запрещенных предметов;

– направление в органы внутренних дел заданий на проверку соответствующей информации.

4. Реализация оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», особенно таких, как опрос; наведение справок; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транс-

портных средств; контроль почтовых отправок; телеграфных переговоров; снятие информации с технических каналов связи [2].

5. Документирование результатов оперативно-розыскной деятельности, направленной на предупреждение и пресечение поступления в исправительные учреждения запрещенных предметов, особенно наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, предусмотренных ст. 10 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

6. Осуществление оперативными аппаратами мероприятий, имеющих общепредупредительное значение:

- выявление причин и условий, способствующих поступлению к осужденным запрещенных предметов, разработка мер по их устранению;

- осуществление информационно-профилактического воздействия на сотрудников, принимаемых на работу в исправительное учреждение, чтобы исключить заражение сотрудников преступной идеологией, не допустить их профессиональной деформации;

- информационно-правовое обеспечение профилактической деятельности, заключающейся в показе правовых средств воздействия на лиц, занимающихся доставкой и приобретением запрещенных предметов, а также принятых мерах дисциплинарного, административного и уголовно-правового воздействия на изблеченных в противозаконной деятельности, связанной с доставкой в исправительные учреждения запрещенных предметов, их приобретением осужденными.

По результатам наших исследований, в числе лиц, изблеченных в доставке таких запрещенных предметов, как наркотики, сотрудников, проработавших в исправительном учреждении до 1 года, – 50%, до 2 лет – 16,6%.

Возрастные уровни изблеченных в преступной деятельности составили: 58,3% – от 22 до 24 лет; 33,3% – от 25 до 32 лет; 8,4% – от 33 до 55 лет.

Субъектами профилактической деятельности в исправительных учреждениях следует считать всех сотрудников, которые выполняют индиви-

дуальную профилактику поступления запрещенных предметов осужденным, при осуществлении ими должностных обязанностей по конкретным направлениям своей служебной деятельности. Как правильно отметил И. В. Каретников, все субъекты предупредительной деятельности в местах лишения свободы не должны действовать изолированно. Каждый из них, занимаясь своим делом, выполняя конкретные функции по профилактике и пресечению преступлений среди осужденных, должен взаимодействовать друг с другом, питать заинтересованных лиц необходимой информацией, использовать возможности приданных сил и средств [3]. Индивидуальную профилактику поступления запрещенных предметов в исправительное учреждение необходимо осуществлять на основе научных разработок по оперативно-розыскной деятельности, криминологии, психологии, педагогике, социологии, а также использования передового опыта других исправительных учреждений в осуществлении профилактики в данном направлении.

Таким образом, индивидуальная профилактика поступления запрещенных предметов осужденным представляет собой основанную на законах и ведомственных нормативно-правовых актах деятельность, проводимую сотрудниками исправительных учреждений, заключающуюся в комплексном использовании сил, средств и методов для выявления и устранения причин поступления запрещенных предметов осужденным и условий, им способствующих, установления лиц, склонных к организации доставки запрещенных предметов, и оказания на них влияния с целью пресечения их противоправного поведения.

Примечания

1. См.: *Саркисов, Г. С.* Индивидуальная профилактика преступлений [Текст] / Г. С. Саркисов. Ереван, 1986. С. 14.

2. См.: Комментарий к федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст]. М., 1997. С. 58.

3. См.: *Каретников, И. В.* Предупреждение преступлений в исправительно-трудовых колониях [Текст] / И. В. Каретников. М., 1987. С. 20.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. П. Кудреватых

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЛОВЕ

В настоящей статье выделяются и характеризуются 5 типов семантических отношений в семантической структуре слова: семантический сдвиг, семантическая непрерывность, семантическое сопряжение, семантическое сужение и семантическое расширение. Данные типы определяются корреляциями признаков категориального и интегрального уровней.

Семантика означаемого знака часто соотносится с логическими категориями общего, отдельного и особенного, которые обуславливают структуру составляющих слова на разных уровнях. Так, структурно-семантическое своеобразие двусторонней составляющей слова может определяться в терминах «категориальный – интегральный – дифференциальный». Вряд ли вызовет возражения соотносительность категориального компонента единицы с категорией «общего» в выражении наиболее общих частеречных признаков значения слова, интегрального компонента – с категорией «отдельного» в представлении индивидуальных свойств, и дифференциального – с категорией «особенного» в аспекте семантики слова.

На уровне структуры значения слова категории общего, отдельного и особенного соотносятся с понятиями «сигнификат – денотат – коннотат».

Корреляции признаков категориального и интегрального уровней определяют тип семантических отношений в семантической структуре слова. В свою очередь особенности сигнификативно-денотативной структуры слова позволяют уточнить частеречную специфику указанных типов отношений.

Представляется возможным выделить 5 типов семантических связей двусторонних составляющих слова: семантический сдвиг, семантическая непрерывность, семантическое сопряжение, семантическое сужение и семантическое расширение [1].

Семантический сдвиг обусловлен деривационными процессами в структуре слова. Отно-

шения деривации проявляются в моделях регулярной многозначности, которые строятся в соответствии с логическими моделями переноса по сходству и смежности, проявляясь в моделях импликационных и симуляционных сдвигов (см. более подробно в работах Ю. Д. Апресяна, М. В. Никитина, Л. А. Новикова, Д. Н. Шмелева и др.). Исследователи единодушны в признании того, что регулярная многозначность опирается на категориальный и/или эмоционально-оценочный сдвиг в структуре единицы [2]. Традиционно считается, что импликационные связи предполагают отношения импликации собственно и конверсивные отношения типа *to read* «читать, читаться»; симуляционные связи охватывают связи симуляции и гиперо-гипонимические связи (родовидовые) [3].

Как показал материал исследования, семантический сдвиг обусловлен различиями в сигнификативно-денотативной структуре значения и сопровождается различиями последних в их категориально-интегральных признаках, например: *a talent* – 1) the natural ability to do something well, 2) people who have this kind of ability; *to break* – 1) to split something into pieces, 2) to do something to disobey it (to break law, rule or promise); *broad* – 1) wide, large across, 2) not kept within narrow limits (of the mind and ideas).

Так, в структуре существительных категориально-семантические различия представлены в категориях одушевленность/неодушевленность; в структурах глагола и прилагательного эти различия обусловлены категориями конкретность/абстрактность (действия или признака).

Семантический сдвиг свойственен словозначениям как специфическим двусторонним лексико-семантическим составляющим семантической структуры слова.

Семантическая непрерывность как явление обусловлена следующими особенностями категориально-семантической структуры значения слова:

- 1) на категориальном уровне проявляются различия в несобственных категориях разряда,
- 2) на интегральном уровне значения тождественны в сигнификативных признаках и различаются в признаках денотата. Например: *a bunch of flowers/people, bananas, grapes*, etc. Здесь значения существительного *bunch* представляют со-

бой конкретную реализацию обобщенного семантического признака «совокупность некоторых объектов», обусловленную различной референтной отнесенностью имени: букет, группа людей, ветка бананов, гроздь винограда и др., ср. *to run* (VO) *a shop/an experiment, a machine, a car; to swallow insults/rage, the lies, one's pride, one's enemies; to fix a car/lunch, wagon, pants. Soft wind/sound, light, slope, dreams.*

На категориальном уровне предлагается различать два типа несобственных категорий: синтаксически обусловленные и функционально обусловленные. Синтаксически обусловленные наводятся на семантику лексико-семантического варианта (ЛСВ) в условиях минимальной синтагмы, определяются категориальной семантической и синтаксической зависимостью ЛСВ от слово-значения, при этом выполняются собственные функции разряда.

Функционально обусловленные несобственные категории актуализируются функциональным сдвигом словозначений при выполнении функций полнозначных слов другой части речи. Отнесенность единицы к исходной части речи обусловлена концептуально.

Сигнификативная тождественность и различия в признаках денотата, коррелирующие с несобственными синтаксически обусловленными категориальными признаками, отражают отношения, характерные для инвариантно-вариантной структуры значения слова. Так, варьирование адъективных ЛСВ в интегральных признаках отражается в конкретизации основания обозначаемых признаков, например в структуре прилагательного *crisp* – 1) about vegetables, fruits, – fresh and have a firm texture, when you bite, they're hard and crunchy, 2) about cooked food – fried and toasted until it's hard and dry and crunchy, 3) about paper, clothes – stiff and fresh with no creases in them, 4) snow, frost – crunches under your feet, 5) air, weather – fresh, cold, dry, sharp, 6) building, design – has sharp, clear outlines.

Здесь денотативные компоненты ЛСВ 1 – ЛСВ 5 различаются в логико-предметном содержании «на вкус», «на ощупь», «при зрительном или сенсорном восприятии», «о температурных ощущениях», что сопровождается различиями в основаниях признака: при надкусывании, при сминании, при надавливании, при вдохе и пр.

При инвариантно-вариантной структуре значения слова не соподчинены друг другу, а формируются вокруг общего семантического центра по принципу «ромашки» или веера (см. подробнее [4]).

Отношения семантической непрерывности характерны для ЛСВ как двусторонних лексико-семантических единиц с инвариантно-вари-

антными отношениями в семантической структуре слова.

Семантическое сопряжение представляет собой совмещение сигнификативно-денотативных признаков значения, что сопровождается тождественностью единиц в собственных категориях разряда, ср., *twilight* – «сумерки на закате или на восходе солнца», в различной референтной отнесенности имени. Как явление семантическое сопряжение характерно для явления синкретизма в языке.

Возможны следующие случаи совместной реализации семантических признаков в структуре значения слова:

1) СП временной и постоянной характеристики, ср., *Physicist* – a student of, an expert in physics; *Observer* – political observers and media commentators (наблюдатель/наблюдающий);

2) СП двух противоположных явлений, ср., *a stockbroker* – a person whose job is to buy or sell stocks and shares for people who want to invest money; *Twilight* – the dim light that there is outside just after sunset or perhaps just before dawn;

3) СП «индивид, один человек – группа людей», ср.: *Guard: They will give him an armed guard* («вооруженный охранник» и «вооруженная охрана»).

В системе существительных, как показали наблюдения, обнаруживается также неразличение собственных КСП разряда. Эти различия затрагивают преимущественно КСП одушевленности/неодушевленности в субкатегоризации первого в КСП лицо/нелицо – признаками, которые характеризуются высокой семантической плотностью для существительного.

Недифференцированное представление категорий одушевленности/неодушевленности свидетельствует о том, что человек часто воспринимает себя как часть окружающего мира, нераздельно от предметов, объектов действительности, животного мира.

Таким образом, на интегральном уровне семантическое сопряжение СП затрагивает денотативный компонент единиц, что отражается в референтной отнесенности имени. Совмещение СП интегрального уровня характерно большей частью для существительных предметных. В контексте подобное неразличение может сохраняться, особенно в тех случаях, когда это свойство семантического сопряжения признаков является постоянным, присущим единице и обусловлено системой.

Семантическое сопряжение свойственно синкретам как двусторонним лексико-семантическим составляющим слова.

Сопряжения семантических признаков в структуре синкретов можно обнаружить и на дифференциальном уровне в следующих случаях:

1) эмоционально-оценочное совмещение признаков положительной и отрицательной оценки в словах типа *chance* – is the extent to which something is possible or likely to happen, especially something that is pleasant or desirable: ... *good chance of winning*. A chance is also a possibility that something dangerous or unpleasant will happen: ...*you've got to have chances*;

2) сопряженная реализация функционально-стилистических признаков, отражающих различное прочтение синкретов в различных ситуативных контекстах, в обозначении понятий в быденной речи и терминов специальной, узкопрофессиональной сферы, ср.: *Damage* – 1) убыток, 2) (юр.) (pl) компенсация за убытки, 3) (сленг) стоимость.

В структуре глагольных составляющих отмечается совмещение различных сигнификативных или денотативных признаков, что сопровождается категориальной тождественностью составляющих и определяет своеобразие синкретичного совмещения признаков типа *to shot pictures* – «to photograph film using film cameras» or «to send something or move it there quickly».

Процессы семантического сужения и семантического расширения свойственны словам, способным употребляться в качестве дейктиков – слов-указателей категориально-семантической отнесенности слова. В этом случае реализуется служебная функция категориально-семантического актуализатора. В семантическом плане проявляются две тенденции: тенденция к синтетизации, отражающая процессы десемантизации [5], и тенденция к анализации, отражающая процессы эврисемического расширения [6] семантики единицы. Процессы семантического сужения и расширения семантики в том и другом случае определяют сигнификативную обусловленность семантики единицы.

Явления семантического сужения и расширения свойственны прономинализациям как двусторонним лексико-семантическим единицам слова.

В структуре именных единиц семантическое сужение обнаруживается при употреблении элемента в качестве полуаффиксального компонента сложного слова, ср.: *a chatter-box* – «болтун», *a cool hand/beggar, fish, customer* – «нахал, наглец». В приведенных примерах единицы *-box, -hand, -beggar, -fish, -customer* употребляются с целью обозначения некоторого одушевленного объекта, наделенного определенными качествами. Семантическое своеобразие единицы обусловлено основой – существительным или прилагательным, как в приведенных выше примерах. В словах *doughnut* – «пирожок», *doughboy* – «пончик», *hot-dog* – «сосиска» элементы *-boy, -nut, -dog* актуализируют категориально-семантический признак неодушевленнос-

ти. При этом категориальная семантика прономинализации может как совпадать, так и отличаться от категориально-семантической отнесенности цельной единицы, ср., *nut* (неодушевленность) и *doughnut* (неодушевленность); *boy, dog* (одушевленность) и *doughboy, hot-dog* (неодушевленность).

Очень часто прономинализации, употребляющиеся в качестве полуаффиксальных образований, имеют эмоционально-оценочные коннотации, что ограничивает сферу их употребления разговорным стилем: *bully boy, old boy, teddy boy, whipping boy*.

Подобная десемантизация отражает тенденцию к конвергенции семантики слова.

Явления семантического сужения, свойственные десемантизации единицы, следует отличать от процессов семантического расширения значения, достигающего пределов категориального, что характерно для слов типа *thing, case, fact*, употребляющихся в структуре аналитической синтагмы, ср.: *my little thing, poor thing*. Здесь единицы типа *thing* используются в качестве служебных компонентов в составе аналитической синтагмы с прилагательным. Последнее несет семантическую нагрузку и является основным семантическим компонентом синтагмы.

В разряд глагольной прономинализации попадают единицы, которые употребляются в качестве служебного слова, глагола-связки в составе аналитической синтагмы. В их состав включают глаголы типа *to get, to take, to give, to have, to keep, to become, to make, to go, etc.*, которые выполняют функции служебной лексики. По наблюдениям В. Я. Плоткина [7] (1989), эти глаголы принимают участие в построении аналитических лексем четырех типов:

1) глагольно-глагольных, обычно с фазовым значением: *to start singing*;

2) глагольно-адъективных: *to keep silent, to be afraid*;

3) глагольно-именных: *to have a cry, to take a look*;

4) глагольно-наречных: *to be about, to come down*.

Сигнификативная значимость глагола-связки не меняется в зависимости от семантики второго компонента синтагмы. Релевантным для него является лишь грамматическая, частеречная отнесенность последнего, как в случае с глаголом *to get*, например:

1) в сочетаниях с прилагательными и существительными *to get* означает «начинаемость» процесса: *to get angry/ silent, mad*;

2) в сочетаниях с существительными *to get* означает «получение и обладание предметом, объектом»: *to get a house/pencils, news, information*;

3) в сочетаниях с другими глаголами *to get* означает «быть причиной действия»: *to get to talk, to get to do something, to get to know*.

Модификация модели «объект + обозначение состояния» приводит и к модификации значения всей синтагмы: быть причиной некоторого состояния, причем объект в этом случае выражается синкретично: либо существительным одушевленным, либо неодушевленным, либо возвратным местоимением, ср.: *He got himself into frightful trouble recently. He got her pregnant. The girl finally got the door open*.

В приведенных примерах семантическое пространство прономинализации *to get* ограничено коррелирующими друг с другом категориальными и интегральными компонентами; сигнификативный компонент в этом случае коррелирует с категориально-семантическими признаками адвербиальности: «обусловленность» (быть причиной), «посессивность» (обладание), «темпоральность» (начинаемость действия, процесса).

Основной характеристикой этих глаголов признается чрезвычайное расширение их семантики, что исключает возможности деривационных отношений прономинализации с основным значением слова. Это расширение ведет к высокой обобщенности семантики именной и глагольной прономинализации. Расширение семантики обуславливается и широкими сочетаемостными возможностями слова. В аналитических прономинализациях отчетливо проявляются тенденции дивергенции семантики.

По данным исследователей адъективной лексики, в современном английском языке отмечаются лишь единичные случаи употребления прилагательных в функции служебной лексики: союзов, предлогов или междометий [8]. Это позволяет предположить, что для системы прилагательных процессы семантического расширения не характерны.

Сравнительный анализ показал, что семантическое сужение свойственно преимущественно именным прономинализациям, употребляющимся в качестве полуаффиксальных морфем в структуре сложного слова. Семантическое расширение свойственно глагольным прономинализациям, выполняющим функции глагола-связки в составе аналитической именной, адъективной и глагольной синтагмы.

На воображаемой шкале семантические отношения значений слова можно расположить следующим образом: семантическое сужение –

семантическое сопряжение – семантический сдвиг – семантическое варьирование – семантическое расширение. Семантическое сужение отражает процессы семантической конвергенции, свойственные процессам десемантизации вплоть до формирования полуаффиксальных единиц. Семантическое расширение отражает процессы семантической дивергенции, свойственные служебной лексике в структуре аналитической синтагмы. Центральное место занимает семантический сдвиг, характерный для полисемии – симуляционных и импликационных связей значений. Семантическое сопряжение и семантическое варьирование занимают промежуточные позиции, отражая двусторонние конвергентно-дивергентные тенденции в разворачивании семантических отношений значений в структуре слова – синкретизм и лексико-семантическое варьирование.

Учитывая частеречное своеобразие лексики, можно предположить, что именная лексика стремится к категориально-семантической синтетизации (конвергенции), а глагольная лексика – к категориально-семантической аналитизации (дивергенции).

Примечания

1. *Koudrevatykh, L. Semantic Type of a Word as a Linguistic Universal [Text] / L. Koudrevatykh. Gau Lih Book Co., Ltd. Taiwan, 2004. 196 p.*

2. *Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 156–250.*

3. *Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) [Текст] / М. В. Никитин. М., 1983. 127 с.*

4. *Шрамм, А. Н. Аспекты семасиологического исследования качественных прилагательных [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Шрамм. Л., 1980. 276 с.; Маргалитадзе, Т. Д. Структурно-семантическая характеристика многозначных прилагательных в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Д. Маргалитадзе. Тбилиси, 1982. 24 с.*

5. Под десемантизацией понимается утрата связи с референтом (*Гак, В. Г. К диалектике семантических отношений в языке [Текст] / В. Г. Гак // Принципы и методы лингвистических исследований. М., 1976. С. 85*).

6. Под расширением значения понимается способность слова обозначать в целом весь класс референтов (нейтрализация) (*Гак, В. Г. Указ. соч.*).

7. *Плоткин, В. Я. Строй английского языка [Текст] / В. Я. Плоткин. М., 1989. 239 с.*

8. *Афанасьева, О. В. Имена прилагательные в системе кардинальных частей речи английского языка [Текст] / О. В. Афанасьева. М., 1992. С. 76.*

Н. С. Кожина

ФАКТОР ПРОДУЦЕНТА ПЕРСУАЗИВНОГО СООБЩЕНИЯ В РЕЧЕВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ

Фактор продуцента персуазивного сообщения является ключевым в речевом воздействии. В статье рассматриваются различные аспекты этого фактора. Анализируются виды речевого воздействия, выделяемые в соответствии с параметрами личности говорящего. Рассматриваются перспективы, и оценивается значимость исследования источника речевого воздействия.

В исследованиях коммуникации и речевого воздействия (далее – РВ) традиционно большое внимание уделяется фактору воздействующего. Этот фактор обычно описывается с позиций: а) личности говорящего и его сознания; б) типа языковой личности и речевой культуры, которую она представляет; в) цели РВ; г) типа речевых действий, взятого в аспекте иллокуции; д) степени осознанности цели РВ; е) авторства текста РВ.

С. И. Бернштейн справедливо утверждал, что «устная речь воспринимается... с установкой... на живую конкретную личность говорящего» [1]. В восприятии массовой аудитории содержание сообщения РВ «преломляется через призму звучания и тем самым через образ лектора, окрашивается в цвет его настроенности» [2]. Звучащая речь непосредственно связана с психикой говорящего, ее количественные и качественные характеристики оцениваются слушателями как средства выражения внутренних состояний. Поэтому продуцент персуазивного сообщения «должен путем систематических наблюдений осознать выразительное значение отдельных факторов речевого звучания и целостных фонических стилей, должен научиться преднамеренно вызывать звучанием своей речи определенную эмоциональную и волевую реакцию» [3].

С. И. Бернштейн выдвигает требование *индивидуальной окраски* в устной речи. Он утверждает, что оратор должен стремиться к достижению положительных эмоциональных эффектов, излучая бодрость, энергию, искренность. Только при таком подходе его речь может вызвать у аудитории настроение решительности и заинтересованности [4]. Ритор «должен быть готов выявить свою индивидуальность в облагороженной форме, обнаружить перед слушателями свой идеализированный образ – тот образ, который он хочет им внушить» [5]. По сути, здесь имеется в виду исполнение воздействующим определенной коммуникативной роли. По И. А. Стернину, коммуникативная роль – это поведение человека в

стандартной коммуникативной ситуации, тот образ, который человек создает в общении для достижения определенной цели [6].

Подобные идеи о важности личности адресанта высказываются и многими американскими исследователями. В частности, исследовательская группа факультета психологии Йельского университета полагает, что ключевым качеством успешного оратора является его *правдоподобность*, или способность внушать доверие аудитории [7]. Г. Гайлз считает таким качеством *адаптацию*. Продуцент сообщения должен адаптироваться к коммуникативному поведению реципиента с целью получения от последнего желаемой ответной реакции [8]. Адаптация происходит по различным параметрам, включая выбор грамматических и стилистических средств, подбор соответствующих лексических единиц, акцент, скорость и громкость говорения, использование паралингвистических средств.

Важными с точки зрения аккомодации являются процессы конвергенции и дивергенции. При конвергенции степень адаптированности коммуникативного поведения продуцента к коммуникативному поведению реципиента наивысшая, при дивергенции – низшая. По мнению Г. Гайлза, конвергенция в большинстве случаев способствует повышению эффективности РВ [9]. Дивергенция тоже может значительно улучшить эффективность РВ. В современном обществе все большие обороты набирает процесс персонификации – рост индивидуальной неповторимости, непохожести человека на других людей [10]. Этот процесс особенно интенсивно проходит в США, которые, согласно статистическим данным, являются страной с самым высоким индексом индивидуализма среди 39 стран Европы, Южной Америки и Азии [11]. Дивергенция в таких культурных условиях воспринимается позитивно как уникальность личности, проявление собственного коммуникативного стиля, что повышает восприимчивость реципиента к сообщению продуцента.

Дж. Грин изучает способы структурирования *опыта* в сознании и использование этого опыта в процессе коммуникации. В рамках этого подхода приоритет отдается знаниям о способах действия в различных ситуациях, позволяющим коммуниканту предвидеть последствия своих действий [12]. Такое знание состоит из множества процедурных «записей», каждая из которых в свою очередь включает собственно опыт действия, его последствия и оптимальную для данного опыта ситуацию общения. Таким образом, для оптимального достижения целей общения продуценту сообщения нужно упорядочить имеющиеся у него процедурные записи и воплотить в действие те из них, которые наиболее подходят к конкретной коммуникативной ситуации.

В работах Д. Делии также отмечаются важность опыта адресанта и обусловленность интерпретации опыта индивида концептуальными категориями сознания. Реальность классифицируется в сознании коммуниканта при помощи персональных конструкторов [13]. Под персональными конструкторами в этом случае понимаются бинарные категории мышления. Совокупность персональных конструкторов, наличествующих в сознании, составляет когнитивный дифференциал. По мнению Д. Делии и его коллег, продуцент сообщения должен понимать, что успешность его РВ напрямую связана с величиной его когнитивного дифференциала [14]. Чем ниже когнитивный дифференциал продуцента, тем примитивнее его сообщение и тем меньше возможностей у него изменить позицию реципиента. Но продуцент с высоким когнитивным дифференциалом создает сложные сообщения с учетом разнообразных личностных особенностей реципиента. Высокий когнитивный дифференциал позволяет продуценту избежать стереотипизации в общении и развить коммуникативную чуткость и эмпатию в отношении реципиента, что способствует адекватному выбору средств РВ.

Таким образом, в перечисленных выше подходах центральное место отводится личности говорящего и его сознанию. Исследования ведутся с опорой на психологическое учение о личности и познавательных процессах. Выделяются характеристики продуцента, имеющие наибольшую важность в процессе РВ на реципиента.

Вопросами эффективности коммуникации активно занимается культура речи, традиционно связанная с соблюдением орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических, орфографических норм литературного языка. Отмечается, что новая концепция культуры речи, следуя современной научной парадигме, опирается на достижения лингвопрагматики, теории речевых актов, функциональной стилистики [15]. Мы не оспариваем данное положение, но вслед за В. Е. Гольдиным и О. Б. Сиротининой считаем, что одним из приоритетов культуры речи является исследование и выделение внутри единой национальной общности носителей языка ряда разновидностей речевой культуры [16].

Предмет культуры речи и различные виды речевой культуры тесно связаны с проблемой языковой личности говорящего. Значимость этой проблемы отражена в ряде выполненных в последние годы докторских диссертаций (см. работы: [17], [18], [19]). Особое внимание уделяется элитарной речевой культуре, представляющей собой идеал речевого поведения, поскольку гармоничное и плодотворное развитие литературного языка возможно только при условии «возобладания или хотя бы осознаваемой обществом

эталонности полнофункционального типа речевой культуры» [20]. В связи с этим чрезвычайно актуальны исследования элитарной языковой личности и описание ее основных характеристик (см., например, [21], [22]).

Языковая личность также может быть носителем следующих видов речевой культуры: а) *средне-литературной*, присущей большинству представителей интеллигенции; б) *литературно-разговорной*, допускаемой в не строго регламентированных сферах общения; в) *фамильярно-разговорной*, проявляющейся в общении близких людей в непринужденной обстановке [23]. Позднее этот список был дополнен такими типами речевой культуры, как *неполнофункциональная*, подразумевающая наличие некоторых ограничений во владении возможностями языка; *просторечная*, свойственная городским жителям с низким уровнем образования; *народно-речевая*, объединяющая носителей диалектной речи; *профессионально и социально ограниченная*, характерная для сообществ носителей профессиональных и социальных жаргонов и арго.

Важным представляется то, что в современной редакции авторы также выделяют *литературно-жаргонизирующий* тип речевой культуры как «искусственно созданный журналистами». Этот тип характеризуется включением в литературный язык иноязычных и нелитературных элементов из просторечия, диалектов, жаргонов, что способствует утрате национальной самобытности и обеднению коммуникативных возможностей языка [24].

Выделение различных видов речевой культуры и исследование языковой личности оратора предлагают новые возможности повышения эффективности РВ. Культура речи нацелена на развитие у коммуникантов языкового чутья и умения ориентироваться в коммуникативной ситуации. В результате у субъектов РВ формируется особый подход к целесообразности отбора языковых средств, что в итоге способствует достижению поставленных коммуникативных целей.

Феномен РВ характеризуется аспектом целенаправленности, поэтому вполне закономерной представляется обусловленность речевых действий продуцента определенными целями. Цели коммуникации связаны с такими потребностями коммуниканта, как выживание, личные потребности, сотрудничество с другими людьми, поддержание отношений с ними, убеждение их думать или действовать определенным образом, осуществление власти над ними, получение и сообщение информации, осознание мира и нашего опыта в нем, проявление творческой природы и воображения, объединение обществ и организаций в одно целое [25].

Соответственно, существуют следующие основные цели коммуникации: информативная,

императивная, развлекательная [26], эмоциональная и ритуальная [27]. Дополнительно описываются фатическая и метакоммуникативная [28], а также когнитивная (познавательная) [29] и эпистемическая цели коммуникации [30]. Следует отметить, что выделение различных целей коммуникации носит теоретический характер. В реальном коммуникативном процессе все они взаимосвязаны и стимулируют воздействие на реципиента.

С главной целью высказывания соотносится категория иллокуции. Опираясь на работу Л. А. Федоровой [31], некоторые исследователи (см., например, [32], [33]) различают виды РВ по типу речевых действий, взятому в иллокутивном аспекте в рамках классификаций речевых актов и речевых жанров. Так, выделяются следующие виды РВ: а) социальный; б) волеизъявительный; в) информативный; г) оценочно-эмоциональный.

Под *социальным* воздействием подразумевается такое воздействие, при котором не происходит передача информации, но имеют место клишированные социальные акты, например приветствие, молитва и др. *Волеизъявительное* РВ включает речевые действия, направленные на выполнение объектом воли говорящего, то есть это такие речевые акты, как просьбы, приказы, советы, отказы. К *информативному* РВ относятся объяснения, доклады, сообщения. *Оценочно-эмоциональное* воздействие ориентировано на общественные объективно установленные морально-правовые отношения или на межличностные субъективно-эмоциональные отношения. Примерами таких воздействий являются порицание, похвала, угроза, обвинение, оскорбление. Очевидно, что в коммуникативной практике трудно выделить перечисленные выше типы в чистом виде. Мы считаем, что оценка и эмоции в большей или меньшей мере присутствуют во всех остальных типах.

РВ также классифицируется по осознанности цели речевых действий продуцентом персуазивного сообщения. В. И. Карасик подразделяет РВ по этому параметру на намеренное и побочное. При побочном РВ говорящий руководствуется определенным мотивом, но не имеет четкого представления о цели РВ и способах ее достижения. Намеренное РВ обычно осуществляется при помощи а) авторитета или власти коммуниканта, обладающего институционально более высоким статусом; б) логического убеждения, аргументации; в) физической или психической силы; г) манипуляции (маскируемой власти) [34]. Представляется, что первые три способа реализуются в более открытой, явной манере, в то время как последний характеризуется скрытностью.

Вопрос об авторстве текста РВ был поставлен С. И. Бернштейном [35], который подразделял

продуцента персуазивного сообщения на оратора, выступающего с собственными речами, и диктора, представляющего публике чужие тексты. К диктору предъявляются следующие требования:

1) быть хорошим чтецом, т. е. уметь при помощи чтения создавать впечатление свободной речи;

2) демонстрировать актерское мастерство при воспроизведении номенклатурных типов и создании речевых образов;

3) в совершенстве владеть словесной формой текста;

4) обладать широким общим образованием, чтобы свободно ориентироваться в текстах разнообразного содержания;

5) иметь основательную политическую подготовку и четкую идеологическую установку, чтобы понять значение каждой темы в социально-экономическом и культурном контексте.

Разграничение на оратора и диктора является чрезвычайно актуальным на современном этапе развития теории РВ в связи с возникновением и распространением феномена спич-райтинга. Анализ требований к личности диктора позволяет предположить, что в реальной коммуникативной ситуации часто имеет место соавторство, то есть совместная работа над текстом РВ профессионального спич-райтера и оратора, который представляет этот текст публике от своего лица, являясь, таким образом, не просто диктором, а соавтором текста.

В целом значимость фактора адресанта в РВ не вызывает сомнений. Движимый определенными целями и потребностями продуцент персуазивного сообщения является своеобразной отправной точкой в коммуникативном процессе, поэтому так разнообразны исследования видов РВ, проведенные с его позиции.

Примечания

1. Бернштейн, С. И. Языковая сторона радиолекции [Текст] / С. И. Бернштейн // Речевое воздействие: проблемы прикладной психолингвистики / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Наука, 1972. С. 119–120.

2. Там же. С. 120.

3. Там же. С. 119.

4. Там же. С. 120.

5. Там же. С. 121.

6. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие [Текст] / И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 79.

7. Hovland, C. I. Communication and persuasion: psychological studies of opinion change [Text] / C. I. Hovland, I. L. Janis, H. H. Kelley. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982. 315 p.

8. Giles, H. Accommodation theory: the first decade and beyond [Text] / H. Giles, A. Mulac, J. J. Bradac, P. Johnson // Communication Yearbook 10 / ed. by M. L. McLaughlin. Newbury Park: Sage, 1987. P. 13–48.

9. Giles, H. Accommodation theory: communication, context, and consequence [Text] / H. Giles, J. Coupland,

- N. Coupland // Contexts of accommodation: developments in applied sociolinguistics / ed. by H. Giles, J. Coupland, N. Coupland. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991. P. 1–68.
10. *Стернин, И. А.* Указ. соч. С. 31.
11. *Adler, R. B.* Looking out, looking in: Interpersonal communication [Text] / R. B. Adler, N. Towne. 9th ed. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1999. P. 63.
12. *Greene, J. O.* An action assembly perspective on social skill [Text] / J. O. Greene, D. Geddes // Communication Theory. 1993. № 3. P. 26–49.
13. *Delia, J. G.* Interpersonal cognition, message goals, and organization of communication: recent constructivist research [Text] / J. G. Delia // Communication theory: Eastern and Western perspectives / ed. by D. L. Kincaid. San Diego: Academic Press, 1987. P. 255–274.
14. *Delia, J. G.* The constructivist approach to communication [Text] / J. G. Delia, B. J. O’Keefe, D. J. O’Keefe // Human communication theory: comparative essays / ed. by F. E. X. Dance. New York: Harper & Row, 1982. P. 147–191.
15. *Граудина, А. К.* О процессе интеграции языковедческих дисциплин – культуры речи и риторики [Текст] / А. К. Граудина // Язык. Культура. Гуманитарное знание: научное наследие Г. О. Винокура и современность / под ред. С. И. Гиндина и Н. Н. Розанова. М.: Научный мир, 1999. С. 261.
16. *Гольдин, Е. В.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие [Текст] / Е. В. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1993. С. 29–45.
17. *Фомин, А. Г.* Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Г. Фомин. Барнаул, 2004. 46 с.
18. *Лемяскина, Н. А.* Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Лемяскина. Воронеж, 2004. 38 с.
19. *Милехина, Т. А.* Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых структур) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Милехина. Саратов, 2006. 49 с.
20. *Сиротинина, О. Б.* Пути развития литературного русского языка в их соотношении с типами речевой культуры [Электронный ресурс] / О. Б. Сиротинина // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/91.doc>
21. *Кочеткова, Т. В.* Языковая личность носителя элитарной речевой культуры [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Кочеткова. Саратов, 1999. 53 с.
22. *Иванчук, И. А.* Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Иванчук. Саратов, 2005. 65 с.
23. *Гольдин, Е. В.* Внутринациональные речевые культуры...
24. *Сиротинина, О. Б.* Русский язык и средства массовой информации [Электронный ресурс] / О. Б. Сиротинина, М. А. Ягубова // http://www.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070270.pdf
25. *Кашкин, В. Б.* Введение в теорию коммуникации [Текст] : учеб. пособие / В. Б. Кашкин. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
26. *Beebe, S. A.* Public speaking: an audience-centered approach [Text] / S. A. Beebe, S. J. Beebe. Boston: Allyn and Bacon, 2006. 494 p.
27. Persuasive communication [Electronic resource] // <http://www.britannica.com/ebc/article-198993>
28. *Яacobсон, Р. О.* Язык в отношении к другим системам коммуникации [Текст] / Р. О. Яacobсон // Избранные работы / под ред. Р. О. Яacobсона. М.: Прогресс, 1985. С. 319–330.
29. *Вендина, Т. И.* Введение в языкознание [Текст] : учеб. пособие для педагогических вузов / Т. И. Вендина. М.: Высш. шк., 2001. 288 с.
30. *Леонтьев, А. А.* Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А. А. Леонтьев. М.: Едиториал, УРСС, 2003. 216 с.
31. *Федорова, А. А.* Типология речевого воздействия и его место в структуре общения [Текст] / А. А. Федорова // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–50.
32. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] : монография / О. С. Иссерс. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 285 с.
33. *Желтухина, М. Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Р. Желтухина. М., 2004. 45 с.
34. *Карасик, В. И.* Социальный статус человека в лингвистическом аспекте [Текст] / В. И. Карасик // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания: сб. научно-аналитических обзоров. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. С. 47–85.
35. *Бернштейн, С. И.* Языковая сторона радиолекции... С. 121.

М. Краузе

СУБЪЕКТИВНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ ВО ВНУТРЕННЕМ ЛЕКСИКОНЕ: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящей работе обсуждается структура внутреннего лексикона человека; на первый план в ней выдвигается количественный аспект, *частотность*, которая, на наш взгляд, играет важную роль в организации внутреннего лексикона. В работе представлены методы и результаты исследования частотности. Данные методы находят свое применение и в других психолингвистических задачах, в частности при исследовании эпистемологической модальности.

1. Частотность как компонент внутреннего лексикона человека

Внутренний лексикон человека, его структура и механизмы взаимодействия в нем единиц образуют один из интереснейших предметов исследования тех научных дисциплин, которые, с одной стороны, занимаются способностью человека создавать речь, а с другой стороны, ее моделированием для последующего технологического

PD Dr. Marion KRAUSE, Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics and Business (Vienna, Austria)
© Krause M., 2007

кого применения. При этом в центре внимания лингвистики – исследование семантических репрезентаций и их роли в производстве и восприятии речи. В последние годы исследования сосредотачиваются, прежде всего, на взаимодействии лексикона и синтаксиса языка (напр., Schönefeld 2001). Но в то же время продолжается научный спор между сторонниками модульных и коннекционистских моделей переработки языка.

В настоящей статье не будет обсуждаться структура внутреннего лексикона как таковая. На первый план в ней выдвигается один из тех аспектов, который не учитывается в достаточной мере при моделировании внутреннего лексикона и ее структуры. Речь идет о *количественном* аспекте, о *частотности*, которая, на наш взгляд, играет важную роль в организации внутреннего лексикона. Данная гипотеза опирается на множество эмпирических исследований по переработке языка человеком. Они подтверждают, что частота употребляемости слов и структур влияет на быстроту и способ освоения языковой информации (ср. Savin 1963; Фрумкина, Василевич, Герганов 1971; Вокс 1978; Штерн 1982; Marslen-Wilson 1989; Краузе 1989/2002; Чугаева 1989; Штерн 1992). Фактор частотности влияет также на развитие языка: на процессы языковых изменений, с одной стороны, и инерции – с другой. Однако общее признание значимости частоты употребляемости (или частотности) все же обычно не приводило к тому, чтобы фактор действительно учитывался в лингвистических исследованиях (Ruoff 1990, 8).

Количественный признак частотности можно в самом общем виде охарактеризовать как «индекс частотности», который приписывается единице внутреннего лексикона (Фрумкина, Василевич 1971, 7–8). Он дополняет качественный семантический уровень описания и совместим со всеми моделями внутреннего словаря, которые опираются на метафору сети (ср. Aitchison 1997, 296). Как индекс частотности он также совместим с таксономическими семантическими моделями. Многие исследователи допускают даже разные «места хранения» в памяти для частотных и менее частотных записей (ср. Aitchison 1997, 277).

2. Типология оценок частотности и частотных словарей

Что следует понимать под частотностью? На наш взгляд, необходимо выделить следующие способы определения частотности: подсчет на базе текстовых корпусов и определение на основе данных психолингвистического эксперимента (см. также Aitchison 1997).

2.1. Наиболее распространенный метод основывается на подсчете слов в текстах. Еще 10–

15 лет тому назад данный метод требовал чрезмерных затрат труда. Свидетельством тому является опубликованный Ф. В. Кэдингом в 1898 г. Частотный словарь немецкого языка (Kaeding 1898), над созданием которого работали более чем 100 исследовательских групп, и были подсчитаны тексты общим объемом 10,9 миллиона слов (token; это понятие подразумевает конкретную словоформу, которая считается при каждом появлении).

Большинство частотных словарей базируются на более скромной материальной базе. Например, для создания частотного словаря Е. Штейнфельда (1963 г.), который считается справочным пособием современного русского литературного языка, были использованы тексты общим объемом 400 000 слов (token). Словарь содержит 2 500 наиболее частотных слов (lemmata; понятие lemma подразумевает закрепленную за словом словарную форму, которая представляет всю лексему) русского языка.

В настоящее время работа с достаточно большими корпусами текстов дает возможность получить частотные данные на более обширном и представительном языковом материале. Частотный словарь русского языка, опубликованный А. Лёнгреном в 1993 г., базируется на 1 миллионе слов (token) корпуса Упсала. Как и большинство корпусов данных, корпус Упсала построено на четких критериях отбора материала (ср. Лёнгрэн 1993, 10f.). В нем преобладают тексты беллетристики и печатных средств массовой информации; разговорный язык сознательно исключается. Таким отбором материала объясняется, в свою очередь, немаловажный недостаток многих существующих частотных словарей: повседневное словоупотребление находит в них недостаточное отражение.

На данный недостаток указывается во введении к Частотному словарю немецкого разговорного языка (Häufigkeitswörterbuch der gesprochenen deutschen Sprache, Ruoff 1981¹, 1990²). Подчеркивается необходимость исследования разговорного языка. Частотный словарь под редакцией А. Руоффа появился в рамках исследовательского проекта «Язык юга Германии». Материалом послужили записи речи сельского населения федеральной земли Баден-Вюртемберг. Это региональное и социальное ограничение подробно обосновывается, и оно вполне оправдано. К сожалению, оно не находит своего отражения в названии словаря, хотя авторы указывают на большую зависимость словаря частотности разговорного языка от структуры самого корпуса, сравнивая его со словарями, которые строятся на письменном материале. В качестве отличительных факторов выступают территориальная и социальная дифференциация языка, а также нали-

чие жанровых различий между письменной и устной речью (ср. противопоставление “literacy” и “orality”, Michaels, Collins 1984; Sappok 1998).

В Частотном словаре разговорного немецкого языка слова группируются по частотности с учетом их частеречной принадлежности. Предлагаются также списки обратной частотности. Однако отсутствует «абсолютный» список, который основывался бы на данных, которые были бы абстрагированы от принадлежности слов к определенной части речи.

Созданные в настоящее время надрегиональные корпуса данных устной речи (напр., Мангаймский корпус устной речи, Mannheimer Korpus der gesprochenen Sprache) могут образовать основу для актуализации данных частотности словоупотреблений и тем самым дать возможность сравнить их с теми результатами, которые были получены, например, А. Руоффом для устной региональной речи. Современные информационные технологии и огромная накопительная мощность носителей данных теперь существенно облегчают получение частотных данных из различных текстовых корпусов. Однако остается принципиальная проблема: ни один корпус не может охватить весь имеющийся речевой материал! Всегда существуют ограничения в выборе текстов хотя бы для того, чтобы придерживаться некоторой систематизации материала. Поэтому работа с корпусами тоже не обходится без «опасностей», особенно тогда, когда корпуса небольшие. Необходимо отдавать себе отчет в том, что обращение с корпусами определяется характером научного вопроса.

2.2. Второй метод по определению частотности носит экспериментальный характер. Он направлен на изучение внутреннего лексикона людей, говорящих на определенном языке, и базируется на их субъективных оценках частотности слов. Предполагается, что различие в реакциях индивида на частые и редкие вербальные стимулы обусловлено иерархической организацией элементов речи в памяти индивида, причем эта организация находится в соответствии с вероятностями появления элементов речи в прошлом опыте индивида. Таким образом, привлекается речевой опыт целиком, охватывающий все виды речевой деятельности индивидов. Поэтому авторы метода используют термин «субъективная частотность» (F_{sub}), отграничивая его от так называемой «объектной частотности» (F_{ob}). В отличие от последнего, метод установления субъективной частотности предполагает статистическую обработку реакций и не сводится к подсчету абсолютных и относительных частот.

Данный метод был разработан в 1960-х гг. московской группой ученых под руководством

Р. М. Фрумкиной на основе психометрических работ Дж. П. Гильфорда (Guilford 1954). Эта группа занималась изучением вероятностного прогноза в речи и выделила именно частотность как ключевой фактор вероятностного прогноза. Подобные вероятностные подходы (“prediction-derived”) играют решающую роль в сложных моделях переработки речи (языка) человеком (ср. Aitchison 1997, 282–289). Следует подчеркнуть, что вероятностный прогноз работает на всех языковых уровнях.

В странах бывшего Советского Союза метод Р. М. Фрумкиной широко использовался для решения различных психолингвистических вопросов. Исследования, проведенные путем дисперсионного анализа, подтверждали, что субъективная частотность больше соответствует «частотному индексу», чем данные, полученные на основе текстовых корпусов. В частности, аудитивное распознавание языковых стимулов больше зависит от фактора F_{sub} , нежели от фактора F_{ob} (Штерн 1982; Краузе 1989/2002; Чугаева 1989).

3. Субъективная частотность

3.1. Иерархическая структура, комплексность и динамика

Представленный метод базируется на гипотезе, что существует связь между «языковым опытом» (Input und Output) индивидуума и структурой его внутреннего лексикона. «Языковой опыт» как результат переработки языковой информации при производстве (Output) и восприятии (Input) рассматривается в качестве единого «продукта», который охватывает всю языковую деятельность индивидуума: чтение, письмо, говорение и прослушивание. Оценка, которая основывается на этом совокупном результате переработки информации, естественно, **сложнее, комплекснее**, чем подсчет любого корпусного материала.

Связь между языковым опытом и внутренним лексиконом можно сформулировать следующим образом (Фрумкина, Василевич 1971, 7):

1. Внутренний лексикон имеет иерархическую структуру.

2. К тем факторам, которые определяют структуру внутреннего лексикона, относятся и частота встречаемости единиц, использующихся в языковой деятельности индивидов. Место, которое занимает слово в иерархии лексикона, рассматривается как функция частотного индекса (показателя): чем чаще употребляется слово, тем более высокую ступень в иерархии оно занимает и тем быстрее оно активизируется в речевых процессах.

При этом предполагается высокая степень близости структур внутреннего лексикона при межличностном сопоставлении. Считается: чем

однороднее группа, у которой исследуется внутренний словарный запас, тем сильнее соответствие оценок частотности. Но F_{sub} не является статичной величиной. Индекс частотности подлжит динамичным модификациям, которые отражают изменения в жизни индивида. Эта динамика доступна через сопоставительные и лонгитюдинальные исследования.

Так, в исследованиях Ю. Элькина, А. С. Штерн (1992), И. Г. Овчинниковой и других (2000) при помощи оценок частотности изучалось развитие внутреннего лексикона у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Сопоставление оценок F_{sub} у взрослых и детей дало коэффициенты корреляции рангов от +0,65 (Элькин, Штерн 1992, 158) и, соответственно, +0,82 (Овчинникова и др. 2000, 53). Эти результаты указывают на то, что достаточно рано (оба исследования начинаются с шестилетних детей) наблюдаются значительные совпадения в структуре внутреннего лексикона детей и взрослых. (Напомним, что коэффициент корреляции может колебаться в интервале от -1 до +1. При этом значение 0 означает отсутствие корреляции.) Данные исследования онтогенетического развития ограничивались младшим школьным возрастом. Фактору «возраст» и различиям в частотных оценках, обусловленным этноязыком и культурой, посвящена, например, работа И. Углановой (2004).

3.2. Экспериментальный метод

Субъективные оценки частот могут определяться следующим образом. Одна из возможностей – это парное сравнение двух стимулов. При этом необходимо каждое целевое слово комбинировать с другими словами. Количество возможных тестовых слов при этом с самого начала ограничено.

Следующий метод состоит в определении очередности исследуемых слов. Но если двустороннее соотношение стимулов должно остаться доступным для испытуемых, то и этот метод может работать только с весьма ограниченным количеством слов.

Следующий метод, так называемый «метод последующих интервалов», представляет самый пригодный вариант эксперимента. Испытуемым для оценки стимулов предлагается ряд категорий, которые различаются относительно интенсивности представленного ими признака. Как правило, используют 5 или 7 категорий. Р. М. Фрумкиной предложены в качестве категорий следующие обозначения, отражающие принцип симметричности: «на каждом шагу» [7], «очень часто» [6], «скорее часто, чем редко» [5], «ни редко, ни часто» [4], «скорее редко, чем часто» [3], «очень редко» [2], «никогда» [1] (Фрумкина, Василевич 1971, 20).

Испытуемые получают задание дать каждому исследуемому слову-стимулу определенную категорию оценки. В инструкции спрашивается, как часто данное слово по языковому опыту испытуемого встречается в рассматриваемом языке. Слова используются в исходной словарной форме, как *lemmata*.

Метод последующих интервалов работает так, что слово-стимул не сопоставляется непосредственно с другими словами, как это имеет место в двух других вышеперечисленных методах. Поэтому предполагается, что этот метод позволяет достаточно близко подойти к структуре внутреннего лексикона как целостного, системного образования, хотя нельзя, конечно, исключить эффекты контекста.

3.3. Статистический метод: обработка данных

С психологической точки зрения в основе данного метода лежит интервальная шкала. Но поскольку не гарантировано, что интервалы на этой шкале равнозначны, то она рассматривается при статистической обработке данных как ранговая шкала. Такое толкование приводит к ряду последствий при статистической обработке полученного материала. Например, нельзя рассчитать среднее арифметическое к каждому единичному стимулу. В качестве средней величины в данном случае используется медиана (Me), которая вычисляется следующим образом (эти и последующие формулы приводятся по: Фрумкина, Василевич 1971):

$$Me = L_i + k_i ((N/2 - N_1) / N_2), \quad (1)$$

где i – кодовое число категории, которая содержит искомую медиану, L_i – нижняя граница данной i -категории, она расположена при $i - 0,5$; k_i – это ширина категории, которая принимается всегда $k_i = 1$ (ср. Guilford 1954, 120f.). N – общее количество испытуемых, N_1 – число испытуемых, размещающих стимул ниже категории, в которую попадает медиана, N_2 – число испытуемых, реакции которых совпадают с категорией, содержащей соответствующую медиану. В данном случае число медианы будет не целое, а дробное. Они позволяют выстроить достаточно дифференцированную ранговую шкалу.

Для оценки разброса используется интерквартильный размах. Квартили вычисляются по аналогии с медианой:

$$Q_1 = L_i + k_i ((N/4 - N_1) / N_2), \quad (2)$$

$$Q_3 = L_i + k_i ((3N/4 - N_1) / N_2). \quad (3)$$

Интерквартильный размах рассчитывается следующим образом:

$$QuA = (Q_3 - Q_1) / 2. \quad (4)$$

Интервал квартилей показывает, в какой мере совпадают оценки испытуемых. Для качественной оценки меры разброса Р. М. Фрумкина и А. П. Василевич (1971, 24) предлагают следующие критические величины для семиступенчатой шкалы:

Значение $QuA/2$	Качественная оценка разброса
$0,25 \leq QuA/2 \leq 0,60$	Единогласная оценка
$0,61 \leq QuA/2 \leq 0,90$	Хорошее совпадение
$0,91 \leq QuA/2 \leq 1,10$	Среднее совпадение
$1,11 \leq QuA/2 \leq 1,80$	Низкое совпадение
$1,81 \leq QuA/2 \leq 2,00$	Низкое совпадение с тенденцией бимодального распределения
$2,01 \leq QuA/2 \leq 2,50$	Бимодальное распределение оценок

3.4. Преимущества и недостатки метода

Основное преимущество представленного метода состоит в удобстве его использования. Перед началом исследований, требующих контроля над фактором «частотность», необходимые данные частот можно определить достаточно просто и на небольших группах испытуемых. В отличие от традиционных методов определения частотности на основе текстовых корпусов данный метод имеет еще одно преимущество, а именно: он дает возможность установить структуры и иерархии, вытекающие из комплексности языковой деятельности испытуемых.

Но из комплексного и в то же время динамичного характера оценок испытуемых следует повышенная чувствительность частотных данных к характеристикам выборки – как в отношении испытуемых, так и в отношении тестовых слов. Эта проблема в свое время тщательно изучалась группой вокруг Р. М. Фрумкиной, поскольку она влечет за собой целый ряд практических и методических вопросов.

В частности, А. П. Василевич (1971) исследовал стабильность оценок в условиях различных корпусов языкового материала, а также различных групп испытуемых. Он установил, что средние данные, которые были получены для одного и того же стимула в различных выборках, друг с другом хорошо соотносятся: коэффициенты ранговой корреляции составляют от 0,90 до 0,95 ($p < 0,001$) (Василевич 1971, 51). Только для 6,5% всех стимулов были обнаружены расхождения больше чем на одну градацию (1,00); у 55% всех стимулов отклонения были меньше, чем 0,5; в 33% всех стимулов расхождение медиан было не больше чем 0,3 градации. Эти результаты имеют практическое значение для определения эффективного количественного объема слов. А. П. Василевич (1971) предлагает использовать в одном

списке лишь 100–150 слов. Списки слов, которые представлены в настоящей работе, включают примерно 200 слов. Но данный объем от 100 до 200 слов может оказаться недостаточным применительно к дальнейшим вопросам, которые должны быть решены на базе исследуемого словесного материала. В таких случаях необходимо провести несколько серий экспериментов, в которых должны участвовать, по возможности, одни и те же испытуемые. Исследование расхождений показывает, что ошибка, которая может возникнуть из-за структурного своеобразия различных корпусов языкового материала и которая может привести к неоднородности составленных списков частотных слов, достаточно невелика. Не исключаются также и различия в оценках одного и того же испытуемого – здесь сказывается влияние динамического принципа структуризации словарного запаса человека. Стабильными в оценках испытуемых являются те стимулы, для которых наблюдается незначительный разброс реакций: от единогласной оценки вплоть до хорошего совпадения реакций (см. выше). Большие расхождения (и нестабильность) концентрируются на тех словах, для которых характерен большой разброс оценок испытуемых (ср. Фрумкина, Василевич 1971, 26–27).

Необходимо отметить, что самыми достоверными по своей содержательности и обобщаемости являются те медианы, которые расположены на полюсах шкалы частотности. Для слов, медианы которых расположены в средних градациях, необходимо определить, насколько это результат широкого разброса реакций испытуемых или же неслучайной расстановки стимулов в определенной категории оценки.

«Чувствительность корпуса», о которой уже говорилось в связи с исследованием частотности в разговорной речи (см. 2.1.), объединяет частотные словари независимо от метода их составления. Оно касается также выбора испытуемых, оценки которых могут варьироваться в зависимости от таких факторов, как возраст, профессия, образ жизни, пол и т. д. Поэтому необходимо точно охарактеризовать группу испытуемых, на которых позднее будут ссылаться статистические данные и обобщения. Как показали исследования, 25 испытуемых дают достаточно содержательную статистику.

4. Немецкие списки частотных слов

4.1. Список частотных слов № 1

Опираясь на метод Р. М. Фрумкиной, мы провели в 1980-х гг. первую серию экспериментов с немецкими стимулами. Языковой материал охватывал 642 лексемы. Три из них были созданы искусственно (*linnig*, *Trumpe*, *preinen*) для того, чтобы подкрепить категорию «никогда» [1]. Под-

бор материала проводился в соответствии с целями последующего исследования по восприятию речи. В качестве экспериментального материала были выбраны существительные, глаголы, а также прилагательные в краткой форме. Кроме того, при отборе материала учитывались факторы «длина в слогах», «ритмическая структура», «ударная гласная фонема».

Слова были разбиты на три группы по 214 слов в каждой группе, которые оценивались 25 испытуемыми. Им предлагались 7 вышеназванных категорий. Возраст участников на момент проведения эксперимента был от 18 до 45 лет. Они принадлежали к той категории людей, которую теперь рассматривают как образованный средний слой населения: все испытуемые закончили средние и высшие учебные заведения, но работали в различных профессиях. На момент проведения эксперимента они жили на юге бывшей ГДР, они говорили на литературном немецком языке с его региональной (саксонской) окраской.

Результаты трех серий эксперимента были собраны в один список частотных слов. Слова в них распределены как по размерам рассчитанных медиан, так и по алфавиту.

В первом списке были выявлены некоторые особенности. Например, список содержит некоторые слова (*Lemmata*), которые в настоящее время, наверное, оценивались бы иным образом, чем к моменту эксперимента (например, *Kommunist*, *Kollektiv*, *Marxist*, *Wandzeitung*, *Staatsrat*, *Sputnik*). В данном случае общественные изменения, которые произошли с 1989 г. не только на востоке Германии, отражаются на языковом уровне: некоторые слова вытесняются, другие занимают их место или же актуализируются совершенно другие значения слова.

Некоторые стимулы первого списка допускают омонимию, например: *Kiefer*, *spicken*. Без дополнительных сведений (в частности, из ассоциативных экспериментов) или спецификации стимулов невозможно точно определить, какая лексема на самом деле подвергается оценке частотности. Данная проблема была учтена в последующих экспериментах.

Анализ разброса реакций испытуемых показывает, что стимулы оценивались достаточно однородно. 25% всех стимулов получили единогласную оценку. Интерквартильный размах (разброс) в данном случае составил $0,25 \leq QuA/2 \leq 0,60$ (ср. 3.3). Среди единогласно оцененных стимулов доминируют те, которые расположены на полюсах шкалы. Особенно высокое совпадение реакций произошло у слов с низкой оценкой частотности (с категории «никогда» [1] до «скорее реже, чем часто» [3]): на них попадает 55% (почти) единогласных оценок.

Только 3% всех стимулов показывают низкое совпадение реакций испытуемых. В этих случаях величины разброса расположены между $QuA/2 = 1,11$ и $QuA/2 = 1,33$ (например, для стимула *Gleichung*). Относительно высокие величины разброса концентрируются на словах, которые расположены в середине шкалы частотности.

4.2. Список частотных слов № 2

Список частотных слов № 2 состоит из 144 немецких стимулов, русские эквиваленты которых были использованы в экспериментах по восприятию, проведенному с немецкими испытуемыми (Краузе 1992, 2002). Данный список также содержит ряд квазислов. Часть существительных имеет свой эквивалент в субъективном частотном словаре русского языка Василевича (1971, 57–68): выборка слов была составлена в целях сравнения. Список содержит также некоторые переводные разговорные эквиваленты слов. Например, русское слово *пучка* представлено в списке словами *Kugelschreiber* и *Kuli*, которые разведены для оценки частотности. Некоторые другие стимулы были конкретизированы для того, чтобы решить проблему омонимии (например, (*Stab* (*militärisch*)), (*Park*-)Bank).

Слова-стимулы оценивались 25 студентами-славистами Университета имени Фридриха Шиллера, каждый раз в отдельном индивидуальном сеансе. На момент проведения эксперимента (1986–1987) испытуемым было от 18 до 20 лет. Так же, как в предыдущих сериях, испытуемым предлагались 7 категорий оценки частотности слов (ср. 3.2).

Относительно однородности и достоверности результатов можно сделать те же выводы, что и для списка № 1 (см. 4.1). Результаты эксперимента показали, что для 7% всех стимулов характерен достаточно большой разброс реакций: $1,11 \leq QuA/2 \leq 1,34$ ($1,34 =$ максимальная величина разброса в данном эксперименте). При этом снова доминируют те слова, которые находятся в средних оценочных категориях. 20% всех стимулов получают (почти) единогласные оценки. Это опять те слова, которые расположены на полюсных категориях оценочной шкалы.

5. Заключение

Настоящая работа дает обзор экспериментального метода, который наряду с решением задач по субъективной оценке частотности находит свое применение и в других психолингвистических задачах, в частности при исследовании эпистемологической модальности (Краузе 2007).

Следует отметить, что представленные списки частотных слов до сих пор не утратили эмпирической ценности и по-прежнему могут служить

основой для последующих исследований, которые также занимаются изучением фактора «частотность».

(Перевод с немецкого языка выполнен
О. В. Байковой, М. Краузе)

Примечания

1. *Василевич, А. П.* К вопросу об использовании субъективных оценок как источника сведений о частоте слов-стимулов [Текст] / А. П. Василевич // Р. М. Фрумкина: Вероятностное прогнозирование в речи. М., 1971. С. 44–69.

2. *Элькин, Ю.* Словарь субъективных частот слов как отражение мира ребенка [Текст] / Ю. Элькин, А. С. Штерн // С. Н. Цетлин: Детская речь: лингвистический аспект. СПб., 1992. С. 153–164.

3. *Краузе, М.* Динамика механизма восприятия слова при различных условиях овладения иностранным языком [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / М. Краузе. Л., 1989.

4. *Лёнгрэн, Л.* Частотный словарь русского языка [Текст] / Л. Лёнгрэн. Упсала, 1993.

5. *Овчинникова, И. Г.* Лексикон младшего школьника [Текст] / И. Г. Овчинникова, Н. И. Береснева, Л. А. Дубровская, Е. Б. Пенягина. Пермь, 2000.

6. *Угланова, И. А.* Субъективная оценка частоты слова и ее категоризация: онтолингвистический аспект [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / И. А. Угланова. Пермь, 2004.

7. *Фрумкина, Р. М., Василевич А. П.* Получение оценок вероятностей слов психометрическими методами [Текст] / Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич // Р. М. Фрумкина: Вероятностное прогнозирование в речи. М., 1971. С. 7–28.

8. *Фрумкина, Р. М.* Субъективные оценки частот элементов текста как прогнозирующий фактор [Текст] / Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич, Е. Н. Герганов // Р. М. Фрумкина: Вероятностное прогнозирование в речи. М., 1971. С. 70–93.

9. *Чугаева, Т. Н.* Механизмы аудирования родной и иностранной речи [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Чугаева. Л., 1989.

10. *Штейнфельд, Е. В.* Частотный словарь современного русского литературного языка [Текст] / Е. В. Штейнфельд. Таллинн, 1963.

11. *Штерн, А. С.* Перцептивный аспект речевой деятельности [Текст] / А. С. Штерн. СПб., 1992.

12. *Штерн, А. С.* Влияние лингвистических факторов на восприятие речи [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Штерн. Л., 1982.

13. *Aitchison, J.* Wörter im Kopf: Eine Einführung in das mentale Lexikon [Text] / J. Aitchison. Tübingen, 1997.

14. *Alexeev, P. M.* Frequency dictionaries (Häufigkeitwörterbücher) [Text] / P. M. Alexeev // Köhler R., Altmann G., Piotrowski R. G. (ed.) Quantitative Linguistik – Quantitative Linguistics. Ein internationales Handbuch. Berlin/New York, 2005. S. 312–324.

15. *Bock, M.* Wort-, Satz- und Textverarbeitung [Text] / M. Bock. Stuttgart, 1978.

16. *Guilford, J. P.* Psychometric Methods [Text] / J. P. Guilford. New York, 1954.

17. *Kaeding, F. W.* Häufigkeitwörterbuch der deutschen Sprache [Text] / F. W. Kaeding. Steglitz bei Berlin, 1898.

18. *Keller, R.* Sprachwandel: Von der unsichtbaren Hand in der Sprache [Text] / R. Keller. Tübingen, 1994.

19. *Krause, M.* Ein Modell zur Beschreibung linguistischer Faktoren der Wortwahrnehmung [Text] / M. Krause // Hess W., Sendlmeier W. F. (ed.) Beiträge zur angewandten und experimentellen Phonetik. Stuttgart, 1992. S. 56–69.

20. *Krause, M.* Dinamika mehanizma vosprijatija slova pri različnych uslovijach ovladenija inostrannym jazykom [Text] / M. Krause. München, 2002.

21. *Krause, M.* Epistemische Modalität: Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker [Text] / M. Krause. Wiesbaden, 2007.

22. *Marslen-Wilson, W.* Access and Integration: Projecting Sound onto Meaning [Text] / W. Marslen-Wilson // Marslen-Wilson W. (ed.) Lexical Representation and Process. Cambridge, 1989. S. 3–24.

23. *Michaels, S.* Oral discourse styles: classroom interactions and the acquisition of literacy [Text] / S. Michaels, S. Collins // Tannen D. (ed.) Coherence in Spoken and Written Discourse. Norwood, N.J., 1984. S. 219–244.

24. *Nuyts, J.* Epistemic Modality, Language, and Conceptualization [Text] / J. Nuyts. Amsterdam, Philadelphia, 2000.

25. *Ruoff, A.* (ed.) Häufigkeitwörterbuch der gesprochenen deutschen Sprache [Text] / A. Ruoff. Tübingen, 1981¹, 1990².

26. *Sappok, Ch.* Der dialogisch organisierte Dialekttext aus diskursiver, auditiver und gattungsbezogener Sicht [Text] / Ch. Sappok // Wiener Slawistischer Almanach 41. 1998. S. 263–288.

27. *Savin, H. R.* Word frequency effect and errors in the perception of speech [Text] / H. R. Savin // JASA. Vol. 35. 2. 1963.

28. *Schönefeld, D.* Where Lexicon and Syntax Meet [Text] / D. Schönefeld. Berlin, 2001.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

М. Г. Яновская

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Теоретические аспекты статьи заключены в утверждении позиции автора о необходимости применения эмоционального стимулирования как основы эмоционально-ценностной технологии образовательного процесса, способствующей созданию гуманистической атмосферы диалогизма и творчества.

Даны определения понятий «актуализация эмоциональной сферы», «эмоционально-ценностная технология», характеристика составляющих эмоционально-ценностной технологии – проблемно-поискового, эмоционально-образного, игрового и оценочно-рефлексивного стимулов; выделены их педагогические функции.

«Нужна эмоциональная форма отражения истины, которая заставит волноваться, сопереживать и сочувствовать».

К. Д. Ушинский

«Эмоциональные реакции оказывают существеннейшее влияние на все решительно формы нашего поведения...»

А. С. Выготский

Сущность понятия «эмоциональное стимулирование». Важнейшей теоретической предпосылкой эмоционального стимулирования является дифференцированный подход психологов к мотивам человеческой деятельности: выделяются смыслообразующие мотивы и сосуществующие с ними мотивы-стимулы, которые лишены смыслообразующих функций; они выполняют роль побудительных факторов – остро эмоциональных, аффективных. Справедливо утверждая, что смыслообразующие мотивы занимают в иерархическом ряду мотивационной сферы более высокое место, А. Н. Леонтьев отмечает, что «для самого субъекта они могут оставаться “за занавесом” – и со стороны сознания, и со стороны своей непосредственной аффективности» [1]. Смыслообразующий мотив нуждается в поддержке, воссоединении с эмоционально-потребностной сферой, то есть с эмоциональным «мотивом-стимулом» (А. Н. Ле-

онтьев), который, будучи введенным на основе тонкой педагогической инструментовки, активно «работает» на действенное утверждение и закрепление смыслообразующего мотива поведения, то есть происходит «сдвиг» мотива на ценностный смысл. Именно в способности воссоединения должного, социально ценного («понимаемый» мотив) и личностно значимого («реально действующий мотив») и заключается, по Леонтьеву, искусство педагога. Поэтому необходимо создавать ситуации напряжения эмоционально-ценностного «поля» внешнего (педагогического) фактора, чтобы стимулировать внутренние структуры личности – позитивную мотивацию и целеустремленность, интерес и волю, переживания, отношения или действия, адекватные педагогическому целеполаганию и идее самостимулирования и саморазвития личности.

Более точное название этого педагогического понятия «эмоционально-ценностное стимулирование» (в дальнейшем в целях сокращения и избегания тавтологии мы будем применять термин «эмоциональное стимулирование»), ибо ценность психологическая – это цель, удовлетворяющая потребность (А. В. Петровский). Поэтому эмоциональные стимулы, введенные в образовательный процесс в соответствии с педагогическим целеполаганием, должны быть, прежде всего, ценностными с точки зрения *школьника*, удовлетворять его интересы и потребности.

С другой стороны, применение эмоциональных стимулов ценностно и с точки зрения *педагога*, поскольку позволяет ему разрабатывать образовательные программы и технологии, стимулирующие у учащихся познавательный интерес, творческое взаимодействие; это не прямые, а косвенные средства, снимающие налет дидактизма; они тем самым обеспечивают субъектную, личностную позицию учащихся в образовательном процессе.

Что же именно, какие средства можно рассматривать в качестве эмоциональных стимулов? Этот вопрос длительное время не подвергался специальному исследованию. В педагогической науке 60–80-х гг. явно прослеживались две тенденции:

I. Расширенно-ситуативная трактовка, при которой все, что вызывает у учащихся эмоциональный отклик, ситуативный интерес, предлагается считать эмоциональными стимулами. При

этом не вычлениаются какие-либо конкретные средства, а за основу берутся положительные эмоциональные состояния – удивление, восхищение (новизной, неожиданностью, оригинальностью замысла и т. п.).

II. Выделение крупных эмоционально-ценностных компонентов, в основе которых потенциальный «заряд» активности.

III. Сужение понятия, «разжиженная» структура эмоциональных стимулов как относительно крупных компонентов, характеризующих целостность. Например, к эмоциональным стимулам относят только сказку или выразительные речевые средства воздействия педагога – а почему не эмоционально-образные средства в целом?

Мы принимаем позицию авторов, которые ассоциируют эмоциональное стимулирование учащихся с их положительными состояниями, адекватными педагогическому целеполаганию (I). Бесспорно также и положение о том, что существуют эмоционально-ценностные составляющие образовательного процесса (II). Именно их правомерно считать основой эмоционально-ценностной технологии. Благодаря различным модификациям стимулов, эмоционально поддерживающих содержательно-смысловые педагогические цели, у учащихся формируется положительная мотивация, связанная с образовательным процессом.

В целом же содержание понятия «эмоциональное стимулирование» не стало объектом исследований вплоть до конца 80-х гг.

Изучение положительной мотивации, связанной с образовательным процессом, мы рассматриваем как важнейшее педагогическое условие, при котором легче и естественнее возникает у личности внутренний рычаг «само».

Стабильно фиксирующиеся при совокупности исследовательских методик положительные эмоциональные «точки» позволили, во-первых, выявить мотивацию учащихся, во-вторых – тот эмоционально-ценностный педагогический инструментарий, благодаря которому удавалось ее стимулировать.

Поскольку эмоциональное стимулирование основано на воссоединении внешнего и внутреннего факторов, правомерны два взаимосвязанных подхода к выделению структурных компонентов этого понятия: а) *внутренний*, субъективно-личностный, то есть «видение» образовательного процесса сквозь призму эмоционально-ценностного восприятия учащихся; б) *внешний* – с позиций творческого конструирования педагогической деятельности, стимулирующей у школьников субъектную позицию.

Было использован метод трехмерного анализа: а) живых впечатлений подростков, полученных в результате наблюдений за их непосредственными эмоциональными реакциями – по крите-

риям, заложенным в модели-описании (объект исследования – 5–7-е кл.); б) ретроспективного эмоционально-оценочного осмысления опыта школьной жизни (7–11-е кл.); в) отсроченно-ретроспективного и более глубокого субъектно-аналитического подхода к опыту школьной жизни, связанного с выделением эмоциональных «точек» положительной и отрицательной модальности (студенты I–II курсов); общее количество респондентов – 1772 человек; школьников – 1230; студентов – 542.

Изучался образовательный процесс, то есть отношение к урокам, общешкольным и классным делам.

В результате анализа выявилось следующее. Первый круг ранжированного ряда состоит из таких ключевых мотивов: а) интерес; б) активная позиция, творчество; в) личность педагога; г) доброжелательная атмосфера общения (школьники).

У студентов на первом месте эмоциональное принятие личности педагога, а интерес, активная позиция и творчество – как бы производные от первого фактора.

Второй круг ранжированного ряда и у школьников, и у студентов совпадает: предпочтение деятельностно-творческой позиции на уроке, во внеучебной организованной деятельности; эмоциональное осознание пользы и значимости (учебного материала, дела, разговора); преодоление трудностей, ведущее к общему и личному успеху; возможность для позитивного самовыражения и самоутверждения личности.

Ранжированный ряд эмоционального неприятия, отторжения по данным, полученным от студентов (студенты – те, кто недавно окончил школу, свободно и раскованно анализировали свой положительный и отрицательный опыт; школьники же не могли по известным причинам откровенно высказывать отрицательные оценочные суждения), выстраивается следующим образом: I – скука, формализм (72,2%); II – обаяловка; педагогический нажим (72,1%); III – бестактность педагога, авторитаризм в общении, позиция «над» (37,5%); отрыв от жизненного опыта в представлении познавательного материала (18,8%).

Эти «слагаемые», свидетельствующие о неукладке педагогической деятельности, выходят на необходимость практического решения проблемы воссоединения «должного» и эмоционально-потребностного, личностно значимого.

При выявлении педагогического инструментария, благодаря которому удавалось формировать у школьников (и студентов) положительную мотивацию, оказалось, что во всех группах и временных срезах фиксировались и стабильно повторялись одни и те же положительно воспринимаемые эмоционально-ценностные компоненты, включенные в образовательный процесс, а именно:

- проблемность, атмосфера диалога и полилога;
- игра в ее различных модификациях;
- художественные эмоционально-образные средства;
- соревнование (и соревновательные игры типа КВН, разнобоя и др.) на уроке и во внеурочной деятельности;
- оценочно-самооценочные ситуации, то есть внешние положительные оценки и самооценочные задания с последующей рефлексией.

Есть все основания полагать, что именно эти компоненты составляют содержание понятия «эмоциональное стимулирование» как основы эмоционально-ценностной технологии образовательного процесса.

Развивая концепцию стимулирования ценностных эмоций в образовательном процессе, мы выделяем следующие стимулы: проблемно-поисковый, эмоционально-образный, игра, соревнование, оценочно-рефлексивный.

Выделенные на основании определенных критериев эмоциональные стимулы – это система, целостное динамическое образование, состоящее из структурных компонентов, каждый из которых имеет свое строение и эмоциональный «заряд». Системообразующий признак, объединяющий эту систему – *актуализация эмоциональной сферы*; актуализировать – значит перевести из состояния потенциального в состояние реальное, актуальное (В. Г. Асеев).

Под актуализацией эмоциональной сферы следует понимать педагогическое стимулирование эмоций и чувств, направленное на осознание, внутреннее принятие личностью интеллектуально-нравственных понятий и ценностей, практических действий. Актуализация эмоциональной сферы (АЭС) базируется на *интересе*, который необходимо рассматривать как ее стержневой *психологический механизм*.

Если при педагогическом применении эмоционального стимула не возникает интереса с сопутствующим ему состоянием повышенной активности, эмоционально-волевого напряжения, стимул не дееспособен, то есть потенциально стимулирующее средство реально им не становится. В процессе обучения и воспитания происходит трансформация интереса как непосредственного побудителя ситуативной внутренней активности личности в устойчивую мотивацию, связанную с образовательным процессом. Содержательные характеристики интереса – явление динамичное; культуроёмкая направленность интересов учащихся и студентов формируется, воспитывается, развивается (и саморазвивается).

В этом процессе существенная роль принадлежит эмоциональным стимулам в их различных сочетаниях.

Схематично система эмоциональных стимулов выглядит так: в центре круга – АЭС (актуализация эмоциональной сферы) и интерес; вокруг – стимулы, благодаря которым «запускается» механизм, активизирующий интеллектуально-эмоциональную сферу. Это игра, соревнование, проблемно-поисковый, эмоционально-образный и оценочно-рефлексивный стимулы в их различных сочетаниях.

Структура целостного понятия «эмоциональное стимулирование» отвечает признакам системы педагогических явлений. Во-первых, они представляют собой относительное множество; во-вторых, каждый из феноменов состоит из взаимосвязанных элементов; в-третьих, между элементами существует связь и взаимодействие; в-четвертых, целостная система выполняет целенаправленные функции, главная из которых – эмоционально-ценностное обогащение образовательного процесса.

Эмоциональные стимулы как система могут дать ожидаемый эффект лишь при условии, если они включены в более крупную систему, состоящую из совокупности педагогических компонентов, управляемых педагогом. Такой системой является образовательный процесс: педагогическая диагностика, целеполагание и прогнозирование; содержание, формы, методы, технологии, средства. Эмоциональные стимулы пронизывают эту более крупную систему. Вместе с тем педагогический блок должен быть органично связан с другим блоком – тем, на кого «работает» система эмоционального стимулирования, т. е. учащимися (студентами).

Эмоционально-ценностная технология. В педагогической науке последних лет усилилась обращенность исследователей к разработке проблем, связанных с поисками путей совершенствования образовательных технологий. Наиболее полно представлены идеи о технологизации образовательного процесса в работах В. Г. Селевко [2] и С. В. Кульневича [3], Т. В. Машаровой [4].

Исходные позиции названных авторов в основном совпадают с нашими концептуальными положениями:

- любая педагогическая технология должна быть ориентирована на внутренние структуры личности обучающихся, прежде всего на мотивационно-потребностную сферу;
- образовательные технологии целостно влияют на личность, стимулируя интеллектуальные и эмоционально-волевые напряжения, то есть те механизмы, без которых невозможно развитие познавательной, духовно-нравственной культуры;
- ключевая функциональная направленность педагогических технологий – в самосовершенствовании личности: ее самоорганизации, самостимулировании, самокоррекции, самоактуализации, самоосуществлении;

– понятие «технология» представляет собой целостную «мягкую», а не жестко регламентированную структуру, которая основана на творчестве педагога и учащихся в ситуациях заинтересованного развивающего общения.

Система эмоциональных стимулов обладает всеми названными свойствами; она может рассматриваться как самоценная образовательная технология, выполняющая полифункциональную «нагрузку».

Под эмоционально-ценностной технологией мы понимаем педагогическое моделирование ситуаций эмоционально значимого для школьника и студента творческого взаимодействия, насыщенного эмоциональными стимулами, которые, поддерживая и усиливая смыслообразующий мотив, повышают эффективность образовательного процесса благодаря субъектной позиции личности.

Это гуманистическая социогенная технология, ибо в каждом эмоциональном стимуле и их сочетаниях заключена идея сотрудничества-сотворчества; благодаря полилогу-диалогу-творческому взаимодействию она обеспечивает естественность и легкость вхождения личности в мир интеллектуальных и социокультурных ценностей. По научной концепции и ориентации на личностные структуры она интериоризаторская, так как направлена на удовлетворение, возвышение и развитие эмоционально-потребностной сферы школьника и студента в образовательном процессе.

Технологии обучения и технологии воспитания имеют специфику. Их «водораздел» – в большей обращенности технологий воспитания к внутренним, эмоционально-потребностным структурам личности, в большей вариативности процесса, в некоторой неопределенности результата. Если взять за основу логику конструирования технологической цепочки – при моделировании учебного процесса она выстраивается более жестко, логично. Исходный компонент – цель, основные звенья «цепочки» – процесс и завершающий этап – результат; «прибавки» в сфере знаний, умений, навыков достаточно определены, контролируются и предсказуемы. Что же касается воспитывающе-развивающих функций процесса обучения, особенно в гуманитарном цикле, педагогу необходимо вводить вариативные компоненты именно эмоционально-ценностной технологии. Они могут функционировать автономно, трансформируясь в форму процесса обучения – например, дидактический театр или воображаемое путешествие (ролевая игра). И в форму внеучебного воспитательного процесса – например, рыцарский турнир (соревнование, игра); этический театр (сочетание игрового, проблемного, эмоционально-образного и рефлексивного стимулов).

Отдельные компоненты эмоционально-ценностной технологии могут применяться фрагментарно, усиливая ценностный потенциал учебного занятия или внеучебной воспитательной деятельности.

Будучи самоценной технологией, эмоциональные стимулы и их сочетания пронизывают другие современные технологии. Например, технологии критического мышления, проектов основываются на широком внедрении проблемно-поискового, эмоционально-образного, рефлексивного стимулов.

Остановимся кратко на проблеме, которую назовем так: эмоционально-ценностная технология и алгоритм педагогических действий.

Большинство авторов научно-методических публикаций считают, что основным признаком любой педагогической технологии – алгоритмизация, логически выстроенная цепочка взаимосвязанных структурных «единиц» от цели к результату.

Специфика эмоционально-ценностной технологии – в ее дуализме: эмоциональные стимулы вводятся в образовательный процесс *пооперационно*. Например, деловая игра, педагогические творческие игры, развернутые дискуссионные формы – диспут, обсуждение спектакля, художественные творческие формы. Эти же средства педагог может вводить ситуативно. Например, семинар начинается с интеллектуально-эмоциональной разминки. Это могут быть разнообразные приемы проблемных, игровых, эмоционально-образных стимулов. Они инициируют интерес, эмоциональный настрой, внутреннюю готовность к обсуждению сложных теоретических проблем.

В научной литературе высказывается вполне обоснованное, на наш взгляд, суждение о педагогической технологии как гибкой, динамичной структуре, ориентированной на конкретную ситуацию (С. В. Кульневич, Н. Е. Щуркова). Особенно это касается воспитательного процесса с его индивидуально-личностным «набором» эмоционально-ценностных приемов, которые невозможно алгоритмизировать.

Созданная под руководством профессора И. П. Иванова методика коллективной творческой деятельности длительное время была единственной жестко выстроенной технологической «цепочкой», в ней обозначались все взаимосвязанные этапы – от цели до результата. Что же касается промежуточных звеньев – они насыщены эмоциональными стимулами, порождающими коллективное творчество. Поэтому есть все основания полагать, что в современной педагогической интерпретации это не что иное, как *эмоционально-ценностная технология воспитания*.

Развивая теоретико-методические обоснования *мастерских* как смысловтворческой формы взаимодействия субъектов образовательного процесса – школьников, студентов, педагогов, Е. О. Галицких четко доказывает пооперационный технологизм этого феномена [5]. Эмоционально-ценностная основа мастерских – различные сочетания проблемно-поискового, эмоционально-образного и рефлексивного стимулов.

Охарактеризуем эмоциональные стимулы.

Каждый из них имеет своё строение, эмоциональный «заряд», специфику применения.

Проблемно-поисковый стимул направлен на педагогическое стимулирование эмоционально значимых для школьника и студента словесных и игровых задач, основанных на активном поиске правильных решений в ситуации заинтересованного общения. В совокупности с другими эмоциональными побудителями он составляет интеллектуально-эмоциональный комплекс. «Пусковой механизм» эмоциональности – познавательный интерес, неоднозначность смысловых решений, диалогизм как одна из потребностей школьного и студенческого возраста.

Эмоциональный «заряд» проблемно-поискового стимула – противоречие, активизирующее работу мысли. В процессе поиска возможных подходов к разрешению этого противоречия у старшеклассника, студента развиваются такие положительные качества интеллектуальной деятельности, как доказательность, гибкость, критичность. Мы вполне разделяем позицию Э. В. Ильенкова, который высказал максималистское суждение о том, что отношение к противоречию является самым точным критерием культуры ума, умения мыслить; даже просто показателем его наличия или отсутствия.

Но умение мыслить критически и доказательно, как известно, не единственный критерий. Важен не только содержательный контекст, но и то, насколько в активную работу мысли включен «отношенческий» аппарат. Имеется в виду рефлексивный и эмоционально-волевой компонент, работающий на осознание и внедрение в содержание собственной жизни интеллектуальных и нравственных ценностей.

Проблемно-поисковый стимул выполняет следующие психолого-педагогические функции:

– *поисково-информативную*, ибо основа данного стимула в поиске ответов на неоднозначные, спорные познавательные задачи, решение которых информирует школьников и студентов и об уровне их ориентации в данной проблеме, и о ее истинной сути, ценностном содержании;

– *эмоционально-оценочную*: оценка, отбор нравственных идей, адекватных общепринятым, эталонным характеристикам; двуплановость диалога – внутренний эмоционально значимый оце-

ночный акт, основанный на сравнении взглядов, «сверке» суждений, и внешний, т. е. воспринимаемый реципиентами; весь процесс сопровождается состояниями эмоционально-интеллектуального и волевого напряжения;

– *формирующе-действенную*, то есть процесс формирования у юношества нравственных взглядов, суждений, понятий и как наивысший результат – убеждений, переходящих в практические действия.

Как создавать проблемно-поисковые ситуации?

В. Селевко выделяет несколько методических приёмов, которые применимы и в учебном процессе, и во внеучебной деятельности. Назовем их. Педагог:

– подводит обучающихся к противоречию сам, предлагая найти способ его разрешения;

– сталкивает противоречия в практической деятельности (в учебном процессе);

– излагает различные точки зрения на один и тот же вопрос;

– предлагает рассмотреть явление с различных точек зрения (командира, юриста, финансиста, педагога);

– побуждает делать сравнения, обобщения, выводы, сопоставлять факты.

Проблемно-поисковый стимул теснейшим образом связан с эмоционально-образным, а также с игровым и рефлексивным.

Эмоционально-образный стимул. Его содержательно-процессуальная основа – средства искусства, поэтому теоретический анализ данного стимула необходимо вести с позиции функционального назначения искусства как особой формы общественного сознания.

Нравственный и эстетический факторы в процессе воспитания как целостности представляют собой внутреннюю общность, единство. В основе искусства – художественный образ, в котором, как подчеркивает М. С. Каган, «целостное духовное содержание выражается в конкретно-чувственной форме» [6]. Поэтому искусство, в отличие от науки, обращено прежде всего к эмоциональной сфере.

Эмоционально-образный стимул мы рассматриваем как педагогическую модификацию синтеза искусств, в центре которых эмоционально-нравственный мир человека. Поэтому психолого-педагогическая нацеленность эмоционально-образного (художественного) стимула – в активном «вхождении» во внутреннее эмоциональное состояние, мотивацию поведения художественного персонажа – литературного, театрального, кинематографического или изобразительного. Побудителем эмоционально осознанного отношения к нравственным ценностям является непосредственно художественный образ. Именно в нём заложены механизмы воздействия, спо-

собные вызвать у школьников и студентов сопереживание, состояние идентификации, эффект эмоционального заражения.

В ходе исследования с применением разнообразных методик был выявлен структурно-элементный состав эмоционально-образного стимула.

– Оказалось, что все структурные элементы можно дифференцировать по таким признакам: а) принадлежность к соответствующему виду искусства (словесные и аудиовизуальные); б) зависимость от характера когнитивной деятельности, т. е. является ли она репродуктивной или творчески-преобразующей.

Творческий ряд элементов эмоционально-образного стимула представлен не только словесными формами, но и различными модификациями игры. Во-первых, этот факт только подтверждает исходный тезис о взаимосвязи и взаимопроникновении различных компонентов целостной системы эмоционального стимулирования. Во-вторых, ролевая игра, как отметил Л. С. Выготский, является ближайшим корнем искусства; в основе обоих феноменов общность психологических механизмов: творческое воображение, интерес, сопереживание, идентификация и общение.

Игра – эмоциональный стимул. В российской педагогике игра рассматривается в нескольких ипостасях: как метод, форма, средство повышения эффективности образовательного процесса. В начале XXI в. не требуется доказательств о необходимости применения различных игровых модификаций; они достаточно полно охарактеризованы в педагогических публикациях (Ю. П. Азаров, Н. П. Аникеева, Е. Н. Ильин, В. Н. Кларин, О. А. Колесникова, Г. К. Селевко, С. А. Шмаков, Г. И. Щукина и др.).

Мы ограничимся изложением некоторых аспектов педагогической теории игры как эмоционального стимула.

Начнём с того, что в каком бы статусе ни вводилась игра – формы, средства или метода – она всегда выполняет стимулирующие функции: активизирует эмоциональную сферу, познавательный интерес, мыслительную деятельность, творческую.

Возникает вопрос: в чём специфика игры как эмоционального стимула? Прежде всего в её дискретности, подчинённости решению дидактической или воспитательной задачи в конкретной ситуации. Например, семинар может быть проведён в форме деловой игры, связанной с будущей профессией; внеучебная деятельность – в форме театрализованной игры или КВН.

Игровая форма – это такое включение игры, при котором создается игровое оформление социально ценной деятельности, т. е. привнесение игровой окраски, стимулирующей интерес, активность и успешность выполнения школьниками и студентами конкретной деятельности. Внутрен-

няя связь ее элементов – сюжет, роль, воображаемая ситуация – находятся в различных пропорциях: воображаемая ситуация может быть свернута, сюжет лишь подразумевается; роль или ролевая позиция присутствует обязательно.

Игра как *стимул* вводится в другие виды деятельности – познавательную, художественную, организаторскую как *эмоционально насыщенный фрагмент*, «работающий» на формирование смыслообразующего мотива. Мысль-образ, мысль-действие усиливает восприятие, проблемное видение благодаря включению «аппарата эмоций» (Л. С. Выготский).

Педагогические творческие игры – это созданные в воображении педагога игровые модификации, включенные в образовательный процесс с целью стимулирования познавательного интереса, творческой активности и самостоятельности школьников и студентов.

В самой природе творческой игры как исходной «единицы» игрового стимула заложены эмоциональные свойства, активизирующие внутренний потенциал личности:

– социальная модель игровых действий, материализующаяся через роль;

– переживаемые действия и отношения, которые актуализируют нравственные и эстетические чувства;

– состояния эмоционально-волевых напряжений, основанных на синтезе удовольствия и преодоления;

– радость общения и сотворчества.

Важнейший принцип таких игр, являющийся универсальным феноменом игровой деятельности – сочетание духовной напряженности и эмоциональной раскрепощенности. Поэтому любые игровые модификации абсолютно исключают педагогический императив.

Теоретический анализ игры как эмоционального стимула может быть осуществлен в двух аспектах: а) с позиции структурного ряда (подвидов игр); б) в контексте эмоционально-ценностного «наполнения» образовательного процесса.

Структурный ряд – это прежде всего различные модификации педагогических творческих игр. Рассмотрим их.

Элементы игры дифференцируются на ролевые и сюжетные.

Ролевые элементы игры – это привнесение ролевой позиции субъектов образовательного процесса, адекватной решению смысловых и эмоционально-ценностных педагогических задач. Так, студент может быть в ролевой позиции полководца, океанолога, исследователя, капитана, гида, профессора этики или философии. Специфика применения ролевых элементов игры – в её воссоединении с проблемно-поисковым стимулом: школьники и студенты, будучи в ролевой позиции, создают ситуации обсуждения, спора.

Сюжетные элементы игры, связанные с воображаемой ситуацией, – это введение в образовательный процесс игрового «как будто», когда роль только подразумевается.

Типичные способы применения сюжетных элементов игры в процессе обучения на практикумах по иностранному языку – воображаемое путешествие по столицам, музеям, ознакомление с памятниками культуры и национальными традициями; на занятиях по географии – путешествия по климатическим зонам, островам океанов и т. п.; на семинарах по истории – создание словесных воображаемых ситуаций конкретных исторических эпох.

Набор потенциальных технологических приемов: эмоциональный фон (музыка, цветовые эффекты); эмоционально-смысловое обеспечение – изобразительные статистические и динамические средства в сочетании с игровым «как будто».

Такой вариант применения игрового стимула выполняет функции создания ситуаций *воображаемого присутствия*, усиливающих эмоционально-ценностный смысловой рефрен.

Мы выделили несколько наиболее распространенных модификаций структурного ряда игры как эмоционального стимула. Но поскольку педагогические творческие игры – понятие многогранное, во многом импровизационное, их невозможно свести к охарактеризованным вариантам. Поэтому правомерен и другой подход: в контексте эмоционально-ценностного наполнения образовательного процесса, особенно в целях духовно-нравственного и эмоционального развития личности.

Эта группа игр может быть дифференцирована на этические и человековедческие.

Специфика этических ролевых игр – в воспроизведении жизненных ситуаций, в которых заключена стилизованная характеристика поведения или рассуждений персонажей, отражающая их нравственные ценности («картинка-зарисовка») или проблемный диалог.

Разновидности этических игр – *соревновательные игры*. Например, этический турнир, рыцарский турнир, этический КВН [7].

Специфика *человековедческих игр* – в обращенности к внутренним состояниям, переживаниям другого человека, в развитии эмоционального интеллекта, в признании права личности на непохожесть, уникальность.

Оценочно-рефлексивный стимул – это спонтанное и педагогически организованное взаимодействие значимых для личности внешних оценок и рефлексивной самооценки, побуждающих ее к самосовершенствованию, саморазвитию.

Оценка – явление не только интеллектуальное, но, прежде всего, *эмоциональное*: любая внешняя оценка педагога, учащихся, значимых окружающих, затрагивает внутренние структуры

личности, вызывая адекватные переживания – как стимулирующие (успех, признание, удовлетворенность), так и деструктивные (тревожность, страх, гневливость, отчаяние).

Мы рассматриваем оценочно-рефлексивный стимул в двух аспектах: функциональной значимости *внешних* оценок и рефлексивных *внутренних* состояний, имея в виду позитивные функции этого стимула.

Само название стимула – оценочно-рефлексивный – обосновывается двумя позициями: а) взаимосвязью и взаимообусловленностью внешних и внутренних оценок, так как личность, ориентированная на адекватную самооценку, не может не учитывать внешних оценок, связанных с ее деятельностью, поступками; б) в образовательном процессе развивается особая форма рефлексии – предметно-рефлексивные отношения: «В сложном процессе даны, как минимум, шесть позиций, характеризующих взаимное отображение субъектов: сам субъект, каков он есть в действительности; субъект, каким он видит самого себя; субъект, каким видится другим, и те же самые три позиции, но со стороны другого субъекта. Рефлексия (от лат. *reflexio* – обращение назад), таким образом, – это процесс удвоенного, зеркального взаимоотображения субъектами друг друга, содержанием которого выступает воспроизведение, воссоздание особенностей» [8].

В контексте приведенной цитаты можно было бы снять термин «оценочный», оставив его основную часть – «рефлексивный» стимул. Но в образовательном процессе внешние оценочные суждения, организованные педагогом, играют колоссальную роль, влияя на еще не вполне сформировавшееся нравственное самосознание учащихся. Отметим также, что рефрен последней части цитируемого умозаключения особенно важен в формировании у молодежи одной из граней культуры и интеллигентности – видеть, учитывать и принимать особенности *другого человека*, анализируя *собственный* ценностный мир сквозь призму моральных норм и ожиданий окружающих.

Атмосфера спонтанных внешних оценок обусловлена педагогическим стимулированием диалоговых ситуаций – через игру, творчество, дискуссионность. Школьники и студенты воспринимают себя, свои возможности, уровни, успехи – неуспехи *в сравнении с другими*, что многих побуждает к рефлексивной самооценке и к самостимулированию.

Правомерно выделение следующих видов внешних оценок.

1. Познавательно-смысловые краткие рефрены либо развернутые, мотивированные оценочные суждения по поводу конкретных фактов, фрагментов, эпизодов, в которых заключены особенно значимые познавательные или этические

единицы, влияющие на развитие у школьников, студентов ценностно-смысловой мотивации. Носителем этого вида оценочных суждений может быть и сам педагог, и стимулированные им учащиеся, которые высказывают либо индивидуальные, либо предварительно обсужденные в микрогруппах оценочные суждения.

II. Внешние оценки педагога, выполняющие функцию эмоциональной поддержки: одобрительные реплики, похвала, фиксация на неожиданных ракурсах видения познавательной проблемы или культурной ценности. Отметим, что в ходе педагогической практики большая часть будущих учителей недооценивает важность этого вида оценок, ограничиваясь стандартно-монотонным «спасибо» или «правильно» – обезличенным, общим для всех. Самое большое «западание» – в способности увидеть самобытность, оригинальность высказывания, отметим его ценность, приподняв тем самым личность того, кто особенно в этом нуждается.

Вузовский педагог, независимо от профиля будущих специалистов и предмета, который он преподаёт, профессионально обязан культивировать (самопрезентовать) богатую палитру положительных оценочных суждений как основы *доброжелательности*. Именно она – одна из ценнейших граней культуры и интеллигентности специалиста любого ранга.

III. Оценочно-рефлексивный стимул как воссоединение внешних и внутренних оценочных суждений школьников и студентов. Его специфика в том, что функции педагога заключаются в стимулировании оценочно-самооценочной рефлексии субъектов образовательного процесса. Подготовка к аналитическим высказываниям – мыследеятельность, развивающая у учащихся способность к выделению значимого позитива, а также критически-оценочного восприятия материала. Их презентация может быть и в словесном выражении, и в творческих формах, основанных на использовании потенциала других эмоциональных стимулов, которые придают рефлексии сиюминутную неповторимость в обозначении значимых рефренов. Они могут быть выражены через различные модификации ролевой игры и такие эмоционально-образные средства, как самодетельные стихотворения, групповые мини-сочинения, куплеты оценочно-рефлексивной направленности, а также различные варианты эмоционально образных цветоассоциаций.

IV. Рефлексия как технологический прием стимулирования нравственной самооценки.

В результате анализа практического опыта выяснилось, что многие подростки, старшеклассники и даже студенты не озабочены проблемой самооценки как основы нравственного самосознания.

Истоки этого явления – в многолетнем игнорировании педагогами-практиками самой идеи необходимости стимулирования различных способов самоанализа, самоуглубленности, критически-позитивных размышлений личности в контексте «Я» и «Я и другие».

В настоящее время творчески работающие педагоги вводят в методическую ткань различных дискуссионных форм нравственного воспитания приемы рефлексивной самооценки. Практически любая тема так или иначе «выходит» на стимулирование самооценочной рефлексии: «воля»; «сдержанность»; «самодисциплина и организованность»; «толерантность»; «чуткость и деликатность»; «интеллигентность»; «достоинство»; «духовная культура» и др.

Педагог использует тесты, анкеты, сочинения-размышления; возможно применение различных модификаций графической самооценочной рефлексии.

Разнообразные способы стимулирования рефлексивной самооценки – это толчок к размышлению в контексте обозначенной темы, её углубленное «видение» и переживание. Это подход к конкретной нравственной проблеме не как к абстрактной субстанции, а в приложении личности к себе с перспективой на её самосовершенствование.

Оценочно-рефлексивный стимул пронизывает, пропитывает образовательный процесс и выступает в самых разнообразных трансформациях.

Охарактеризованная система педагогических стимулов – ядро эмоционально-ценностной технологии, способствующей созданию гуманистической атмосферы, диалогизма и творчества в образовательном процессе.

Примечания

1. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. Н. Леонтьев. М., 1975. С. 204.
2. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии [Текст] : учебное пособие / Г. К. Селевко. М.: Народное образование, 1998.
3. Кульневич, С. В. Педагогика личности от концепций до технологий [Текст] / С. В. Кульневич. Ростов н/Д: ТЦ «Учитель», 2001.
4. Машарова, Т. В. Педагогические теории, системы и технологии обучения [Текст] / Т. В. Машарова. Киров, 1997.
5. Галицких, Е. О. Мастерские ценностных ориентаций: опыт воспитания личности [Текст] / Е. О. Галицких. Киров, 2002. С. 10.
6. Каган, М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) [Текст] / М. С. Каган. М.: Политиздат, 1974. С. 233.
7. Подробнее см.: Яновская, М. Г. Эмоционально-ценностные технологии нравственного воспитания [Текст] / М. Г. Яновская. Киров, 1998. С. 36–50.
8. Современный словарь по педагогике [Текст] / сост. Е. С. Рапацевич. Минск, 2001. С. 667.

В. Б. Помелов

ВКЛАД В. М. БЕХТЕРЕВА В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ПЕДАГОГИКУ И ПСИХОЛОГИЮ

Выдающийся российский ученый, уроженец Вятской губернии Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) проявил себя как крупнейший ученый-новатор во многих научных областях: невропатологии и психиатрии, физиологии и невропатологии, педагогике и психологии. Он был организатором целого ряда научных учреждений, основателем и редактором научных изданий, страстным борцом за права трудящихся.

Предлагаемая статья представляет обзор научной деятельности В. М. Бехтерева в связи со 150-летием со дня рождения великого ученого.

2007 г. – это год 150-летия со дня рождения выдающегося русского ученого, нашего земляка Владимира Михайловича Бехтерева.

Крупнейший отечественный невропатолог, физиолог, психиатр, психолог и педагог, организатор отечественной науки и медицинской практики В. М. Бехтерев родился 20 января (1 февраля) 1857 г. в селе Сорали (ныне Бехтерево) Елабужского уезда Вятской губернии в семье мелкого служащего. Детство будущего ученого проходило в селе Уни, городах Глазове и Вятке, куда по службе переводили отца.

Отец будущего ученого был большим любителем природы, поэтому в семье всегда были домашние животные и птицы. «Страсть к птицам, сдерживаемая, однако, средствами, оставалась долго-долго и у нас братьев – детей его, к которой присоединилось затем увлечение бабочками», – вспоминал впоследствии старший брат Владимира Николай [1].

В семье были приняты длительные походы, экскурсии на природу, ночевки в поле, охота и рыбалка. Однако отец умер, когда будущему ученому было всего 8 лет. Оставшись без кормильца с тремя сыновьями, мать, тем не менее, сумела дать высшее образование двум сыновьям.

В Вятке она сдавала под жилье квартирантам ранее купленный дом, готовила для них и убирала. На полученные от квартирантов деньги, не более 18 рублей в месяц, и жила.

Впоследствии В. М. Бехтерев, любивший поэзию не только как читатель, но и как поэт-любитель, и даже составивший большую автобиографическую поэму «Владимир», вспоминал о матери в стихах:

«О мать моя! К тебе воспомянем из детских лет я обращаюсь вновь;

Дозволь мне поздним сим признаньем мне оценить твою любовь».

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГУ
© Помелов В. Б., 2007

Старшего из братьев мать подготовила к вступительным экзаменам в гимназию сама, а тот уже помогал Владимиру. Он решил поступать сразу во второй класс. Среди вступительных экзаменов был латинский язык.

В те годы в среде педагогической общественности России оживленно обсуждался вопрос о месте латинского и древнегреческого языков в общем и специальном образовании. Передовые педагоги во главе с К. Д. Ушинским справедливо полагали, что вступительные экзамены по, как они презрительно выражались, «мертвым» языкам служат социальным барьером для детей разночинцев и малообеспеченных. Напротив, представители высших сословий называли такое обучение «классическим» и призывали к увеличению удельного веса этих предметов в общем объеме учебных часов. Эту точку зрения, к сожалению, разделял и Н. И. Пирогов, который судил о значимости латыни как ученый-медик.

На экзамене по латинскому языку Володя успешно справился со всеми заданиями, но не смог ответить на вопрос про спряжения глаголов; он не знал, что «и их нужно». Решительный мальчик упрямил учителя дать ему несколько дней на подготовку. Через неделю он успешно сдал каверзный экзамен.

В годы обучения в Вятской мужской гимназии В. М. Бехтерев много времени уделял чтению. Был постоянным читателем публичной библиотеки, открытой в 1837 г. А. И. Герценом. Он увлекался чтением книг передовых мыслителей (Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова), естествоиспытателей (Ч. Дарвин, Т. Гексли).

(Спустя много лет, на юбилейном вечере, посвященном 70-летию В. М. Бехтерева, ученый добрым словом вспомнит Вятскую мужскую гимназию и ее преподавателей А. И. Редникова, В. П. Хватунова и др.)

Юный Бехтерев увлекался изучением этнографии народов, населявших Вятскую губернию. Его первый научный труд касался изучения «вотяцкого быта» и был опубликован в журнале «Вестник Европы» в 1880 г.

После окончания гимназии В. М. Бехтерев хотел поступать на естественное отделение Казанского университета, но в дело вмешался случай: три его товарища решили учиться в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии и Володя присоединился к этой компании. Однако в столице он столкнулся с неожиданным препятствием: ему было всего 16 лет, на год меньше разрешенного возраста для поступления в вузы. Но благодаря своей настойчивости ему удалось добиться разрешения на поступление у самого начальника академии.

Академия в те годы была одним из крупнейших научных и учебных центров России. Здесь

работали химик А. П. Бородин, врачи С. П. Боткин, Н. И. Пирогов и Н. В. Склифосовский, физиолог И. М. Сеченов.

В студенческие годы В. М. Бехтерев помимо упорной учебы принимал активное участие в студенческих революционных кружках.

Летом 1877 г. во главе санитарного отряда студент Бехтерев участвовал в освободительной борьбе болгарского народа с турками. Впоследствии в журнале «Северный вестник» он дал правдивое описание ужасных условий, в которых находились русские солдаты во время боев, особенно под Плевной, где они проливали кровь и отдавали свои жизни вдали от родины. На Балканах Бехтерев заболел малярией. Болезнь протекала в тяжелой форме, и он был отправлен санитарным поездом в Санкт-Петербург.

Окончив с отличием академию в 1878 г., В. М. Бехтерев был оставлен при ней, в клинике профессора И. П. Мержеевского для дальнейшего усовершенствования и подготовки диссертации.

Своей специальностью Бехтерев избрал невропатологию и психиатрию, поскольку эти разделы медицинской науки, по его выражению, были в то время особенно тесно связаны с глубокими философскими и общественными проблемами. Отличное окончание академии давало ему право защиты диссертации без предварительного экзамена, — аналога нынешних кандидатских экзаменов.

В 1881 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Опыт клинических исследований температуры тела при некоторых душевных заболеваниях». В своей работе он стремился увязать особенности протекания душевных заболеваний с телесными и осветить вопрос о роли мозга в регуляции температуры тела.

В. М. Бехтерев был избран приват-доцентом «по курсу нервных и душевных заболеваний». В 1884 г. он выиграл по конкурсу длительную заграничную командировку, в ходе которой работал в лучших клиниках Австрии, Германии и Франции, в том числе в лаборатории психолога Вильгельма Вундта и невропатолога Жана Мартена Шарко, которого уже тогда называли «Наполеоном неврозов».

Также Бехтерев использовал это время для подготовки к профессорскому званию. Эти годы в европейских научных кругах характеризовались большим подъемом в области естествознания, в частности невропатологии и психиатрии.

Еще до отъезда за границу В. М. Бехтерев получил предложение возглавить кафедру психиатрии Казанского университета. Видимо, молодой ученый испытывал вполне понятное нежелание покидать столицу и поэтому, будучи вынужденным согласиться, в то же время выставил такие условия в плане приобретения оборудова-

ния, выделения средств и расширения штатов, которые, как ему казалось, заставят руководство вуза отказаться от его приглашения. Однако к этому времени В. М. Бехтерев имел уже такую известность, что все требования были выполнены к его возвращению в Россию.

В 1885 г. В. М. Бехтерев был избран профессором Казанского университета. Здесь В. М. Бехтерев поставил на новую высоту преподавание психиатрии, открыл первую в мире психофизиологическую лабораторию, организовал Казанское общество невропатологов и психиатров, стал издавать журнал «Неврологический вестник», тем самым положив начало отечественным неврологическим изданиям.

Проведенные В. М. Бехтеревым исследования в области физиологии головного мозга, особенности его коры и деятельности внутренних органов легли в основу выдающегося труда «Проводящие пути спинного и головного мозга» (1893 г.). Этот труд получил золотую медаль им. Бора Императорской академии наук. Впоследствии он переиздавался в расширенном и уточненном варианте.

В научных опытах Бехтерева принимал участие выдающийся физиолог Н. А. Миславский. В. М. Бехтерев дал научное описание ряда проводников в мозгу, часть из которых в науке получила его имя: пучок Бехтерева, ядро Бехтерева, полоски Бехтерева. Он детально изучил ход нервных путей и исследовал те центральные мозговые образования, к которым эти пути подходят.

Исследования Бехтерева привели в порядок имеющиеся данные о структуре мозга и его функциях, дополнили ранее имевшиеся представления рядом уточнений и дополнений. Так, В. М. Бехтеревым было доказано, что органами восприятия являются кожа, мышцы, суставы, полукружные каналы внутреннего уха. Он проследил ход нервных раздражений от кожи, мышц и суставов в спинной мозг и от полукружных каналов — в мозг и мозжечок. В итоге сложилась достаточно стройная система представлений о структуре мозга.

С 1893 г. В. М. Бехтерев заведует кафедрой психиатрии и невропатологии Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии (таким стало новое название медико-хирургической академии). Здесь он организует клинику нервных болезней.

Замечательным врачом-гуманистом впервые в России была на практике реализована идея гуманного отношения к психическим больным. Для них был организован содержательный досуг, метод трудовой терапии, проведение лечебно-культурных занятий. В. М. Бехтерев добился выделения значительных средств на их лечение.

Также впервые в России В. М. Бехтерев создает отделение хирургической невропатологии, а также лабораторию по анатомии, физиологии

и экспериментальной психологии и медицинскую библиотеку.

Одновременно с работой в академии с 1897 г. В. М. Бехтерев возглавляет кафедру нервных и душевных болезней в Женском медицинском институте.

Петербургский период работы В. М. Бехтерева характеризуется открытием научных обществ, проведением Пироговских съездов и съездов врачей – невропатологов и психиатров. Выходят крупные монографии по анатомии, физиологии, психиатрии, психологии и невропатологии.

Имя В. М. Бехтерева становится широко известным зарубежным ученым. Наконец, в науке заговорили о ставшей знаменитой бехтеревской школе невропатологов и психиатров.

Более того, в бурный период 1-й русской революции (1905–1907 гг.) Ученый совет Военно-медицинской академии избрал В. М. Бехтерева начальником академии.

Прогрессивные взгляды Бехтерева, демократический стиль отношений с сотрудниками и студентами, высокая эрудиция, доброжелательность и доступность профессора-новатора привлекали к нему симпатии всех, кто общался с ним по работе, но одновременно вызывали неприязнь и подозрительность со стороны военного министра Сухомлинова, в ведении которого находилась академия. Все это, в итоге, привело к отставке В. М. Бехтерева в 1913 г.

Однако Бехтерев был не только крупным ученым и успешным практикующим врачом, но и замечательным организатором науки. В 1903 г. он задумал создать своего рода «вольную медицинскую школу», которая бы отличалась от государственных отсутствием ограничений по национальному признаку и социальному положению, свободным поступлением туда женщин, большим демократизмом. Идею удалось осуществить в 1907 г. благодаря частным пожертвованиям, несмотря на бюрократические препоны.

Созданная школа, а точнее Психоневрологический институт, руководимый В. М. Бехтеревым с 1908 г., объединил большой коллектив передовых ученых того времени. Реализация проекта создания института значительно превзошла первоначальный замысел. Психоневрологический институт был научно-исследовательским учреждением и одновременно вузом университетского типа с рядом факультетов: медицинским, юридическим и педагогическим, состоявшим из двух отделений – естественнонаучного и словесно-литературного. Имелся также так называемый общий, то есть общеобразовательный, факультет.

Средства на открытие института собирались по всей России. В. М. Бехтерев привлек к этому делу даже некоторых из великих князей. Для возведения института был выделен заболоченный

участок около Семенниковского завода, за Невской заставой, в районе, который назывался Царским городком. Прежде чем начать строительство здания, пришлось осушать болото.

К работе в институте В. М. Бехтерев привлек таких видных ученых, как ботаник В. А. Комаров, физиологи Н. Е. Введенский и А. А. Ухтомский, филолог И. А. Бодуэн де Куртенэ, социологи М. М. Ковалевский и Е. В. де-Роберти, историки И. Н. Кареев и В. И. Тарле, педагоги П. Ф. Каптерев и П. Ф. Лесгафт, литературовед С. А. Венгеров, гигиенист Т. В. Хлопин, зоологи Н. А. Холодковский и Е. П. Павловский.

На базе этого института была создана сеть научно-клинических и научно-исследовательских институтов, в том числе в 1909 г. первый в России Педологический институт.

(В советские времена, после печально известного постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г., название института в научных изданиях не упоминалось, либо он именовался как «институт по изучению развития ребенка».)

В 1910 г. В. М. Бехтерев добился окончания строительства четырехэтажного корпуса с лабораториями и аудиториями. Рядом было построено здание, в котором разместилась клиника душевных болезней. Был основан экспериментальный институт по изучению проблем алкоголизма.

В 1913 г. В. М. Бехтеревым была открыта нейрохирургическая клиника имени Н. И. Пирогова, что знаменовало собой новый этап в развитии хирургии и невропатологии. С этого времени скальпель хирурга стал вторгаться в сложнейший орган человека и животных – мозг.

Авторитет В. М. Бехтерева в создании хирургической невропатологии (нейрохирургии) был признан во всем мире. Знаменитый невролог Пьер Мари предложил В. М. Бехтереву написать главу для своего фундаментального труда «Руководство по общей психопатологии».

В. М. Бехтерев повсюду создавал коллективы ученых, среди которых насчитывалось свыше пятидесяти профессоров – заведующих кафедрами невропатологии, психиатрии, психологии.

В 1920–1930-х гг. большинство кафедр этого профиля было укомплектовано учениками В. М. Бехтерева. Если критерием оценки ученого-педагога считать большое число талантливых учеников – продолжателей дела учителя, то по этому критерию В. М. Бехтерев, несомненно, занимает выдающееся место.

В. М. Бехтерев в своих научных изысканиях уделял немало внимания психологии и даже выдвинул идею превращения ее в объективную естественную науку.

В своих первых трудах по психологии он излагал основные принципы объективной психоло-

гии, которую позднее называл рефлексологией. Теоретические и практические исследования ученого имели особенно важное значение в период формирования экспериментальной психологии в России.

Отношения между сотрудниками и студентами Психоневрологического института отличались демократизмом. Студенты неизменно были в числе зачинщиков разного рода волнений. По благополучию, с точки зрения полиции, институт занимал второе место после университета.

Сам В. М. Бехтерев также не стоял в стороне от социальных коллизий своего времени. Достаточно вспомнить его участие в скандальном уголовном деле Бейлиса, еврея по национальности, обвиненного в ритуальном убийстве христианского ребенка. Бехтерев участвовал в экспертизе и доказал невиновность Бейлиса, чем вызвал ненависть к себе со стороны черносотенной клики и царской власти.

(Немногим ранее по аналогичному обвинению – ритуальному убийству нищего Конона Матюнина – под суд попала группа крестьян-удмуртов из села Старый Мултан Вятской губернии. Им удалось избежать наказания во многом благодаря заступничеству выдающегося русского гуманиста писателя В. Г. Короленко, в свое время отбывавшего ссылку в Вятской губернии, в д. Березовские Починки Глазовского уезда, и хорошо знавшего обычаи удмуртов.)

В. М. Бехтереву приходилось постоянно защищать институт от нападок чиновничества. Если до Октябрьской революции ему это еще как-то удавалось, то после октября 1917 г. институт хотя сначала и получил статус высшего учебного заведения, но затем на его базе был создан Второй Петроградский медицинский институт. Тем самым, он хотя и получил значительный стимул к развитию, но утратил ту научную специфику, которую стремился культивировать в его стенах В. М. Бехтерев.

Сам же Бехтерев был смещен с поста директора и профессора еще в 1913 г.; ему не был продлен контракт. Спустя год по той же причине его удалили из Женского медицинского института.

Несмотря на все протесты коллектива, поданные министру просвещения Л. А. Кассо (1910–1914), тот не утвердил В. М. Бехтерева во вновь созданной должности президента Психоневрологического института. Отказ в утверждении В. М. Бехтерева вызвал в сентябре забастовку сотрудников.

Разумеется, дело своего учителя продолжали его ученики, в частности, ставшие впоследствии известными учеными В. Н. Мясищев и Н. М. Щелованов, возглавившие лаборатории индивидуальной и генетической рефлексологии. К тому же Владимир Николаевич Мясищев, один из наиболее

известных отечественных психологов 1930–1960-х гг., оставил воспоминания о своем учителе.

Испытывать недоброе чувство в отношении Бехтерева у Л. А. Кассо были все основания. Так, на 1-м съезде психиатров ученый в своем докладе на тему о самоубийствах среди учащихся представил убедительные свидетельства того, что детский суицид, во многом, есть следствие тяжелых экономических условий, в которые поставлено большинство населения России, а также полицейский режим.

Кстати, предшественник Л. А. Кассо в должности министра просвещения А. Н. Шварц (1908–1910) пытался лишить студентов института права на отсрочку от воинской повинности. Однако этот шаг не удался, так как Министерство внутренних дел по ходатайству Бехтерева отменило это решение. Тогда новый министр, как тогда выражались в народе, «народного затемнения» подал в совет министров докладную записку о закрытии института.

А еще раньше император Николай II на докладной столичного градоначальника о студенческих демонстрациях наложил резолюцию: «Какая польза от этого института России? Желая иметь обоснованный ответ» [2].

Однако закрыть институт с восемью тысячами студентов, да еще и при острой нехватке в стране специалистов практически любого профиля, власти не решились. К тому же такая акция, несомненно, вызвала бы волну недовольства в среде интеллигенции, чего правительство не хотело допустить. Вместо этого институт лишили «вольностей», – переподчинили новому уставу, соответствовавшему требованиям министерства.

И все же дальнейший рост революционного движения привел правительство к решению закрыть институт. Решение вышло за три дня до Февральской революции 1917 г., и это обстоятельство позволило ему уцелеть.

В историко-психологической литературе утвердилось мнение, что Бехтерев «с первых дней революции оказался среди людей, которые связали свою судьбу с судьбой молодой Советской республики» [3].

В доказательство приводятся, например, следующие слова В. М. Бехтерева: «На переломе истории нельзя стоять на перепутье и ждать – нужна воля к действию, к строительству и созидательной работе; и для нас, научных деятелей, которые всегда отдавали свои силы на служение человечеству, не должно быть колебаний. Мы должны отдавать себе отчет, будем ли мы с народом, который, завоевав себе свободу, хочет строить свое будущее сам и зовет нас соучаствовать в этом строительстве. Может ли быть сомнение в этом вопросе? Мы поэтому должны стремиться к тому, чтобы сократить по возможности

время разрухи, отдавая всю сумму наших знаний и все умение на созидательную работу в настоящих условиях страны и на пользу народа. В этом отношении и новый институт (речь идет об институте по изучению мозга. – *В. П.*) может дать молодой России то, чего не могли дать научные учреждения в прежнее время, и это потому, что народ, почувствовав себя свободным, проявляет необычайную жажду знаний, которая открывает широкие перспективы...» [4].

Как видим, ничего верноподданнического по отношению к Советской власти в этом заявлении В. М. Бехтерева нет, а имеет место, прежде всего, забота об интересах народа, о его просвещении.

В дооктябрьский период В. М. Бехтерев был известен своими протестными высказываниями, открыто называл мировую войну антинародной бойней, видел в ней «кризис всей современной цивилизации».

Еще в 1885 г. в Казани едва ли не в первом своем публичном выступлении он указывал на экономические условия как на причину распространения психических заболеваний. В основе ухудшения психического здоровья населения лежит экономическое рабство, обусловленное значением капитала в жизни современного общества.

Поэтому все усилия в борьбе с вырождением населения, по мнению Бехтерева, должны быть направлены на устранение капиталистического режима. Он указывал, что не сама культура и цивилизация, не мозговое переутомление служат условиями, приводящими к развитию душевных болезней, а негативные социальные условия общества.

В послеоктябрьский период В. М. Бехтерев активно включился в работу по социалистическому строительству. Он организовал курсы усовершенствования фельдшеров для Красной Армии. В своем институте организовал госпиталь для душевнобольных воинов. В. М. Бехтерев был избран депутатом Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Однако новая социалистическая действительность очень скоро его разочаровала. Не случайно смерть замечательного ученого покрыта тайной, которая, по всей вероятности, не скоро будет раскрыта. По одной из распространенных версий В. М. Бехтерев, приехавший в Москву на научный симпозиум, был отравлен 24 декабря 1927 г. Официальной версии об инфаркте мало кто поверил; народная молва приписала смерть ученого спецслужбе как месть за неосторожное высказывание Владимира Михайловича, назвавшего Сталина параноиком после проведенного Бехтеревым обследования сановного пациента.

Именно такая трактовка причины смерти выдающегося ученого приводится в зарубежных

энциклопедических изданиях по психологии, в частности в учебнике по психологии для американских университетов – «Истории современной психологии» Д. П. и С. Э. Шульц, кстати, изданном и в России на русском языке.

Кстати, в этом объемистом издании, недавно вышедшем в русском переводе, упоминаются имена всего двух российских ученых, и именно как психологов – И. П. Павлова и В. М. Бехтерева, причем оба характеризуются как предтечи бихевиоризма. При всей субъективности подобного отбора персоналий нельзя не отметить с удовлетворением тот факт, что один из двух выдающихся отечественных психологов, по версии вышеупомянутых американских ученых, – наш земляк, уроженец вятской земли.

В 1918 г. Председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин подписал декрет об организации института по изучению мозга и психической деятельности, в лабораториях которого изучались анатомия, строение и многообразные функции центральной нервной системы. В. М. Бехтерев был его первым директором.

(Позднее этот институт в течение длительного времени возглавляла его внучка Наталья Петровна Бехтерева, а ныне возглавляет ее сын.)

Задачи, которые ставил перед собой институт, не ограничивались лишь исследованиями мозга как такового, но и включали в себя изучение вопросов гигиены умственного труда, психической деятельности человека в условиях конкретной деятельности.

Показателем громадного размаха организационной деятельности В. М. Бехтерева является, в частности, реорганизация Психоневрологического института в Психоневрологическую академию, в которую, помимо Психиатрического института и института по изучению мозга и психической деятельности, вошли организованные учениками В. М. Бехтерева Отофонетический институт, Детский обследовательский институт, Воспитательно-клинический институт для нервнобольных детей, Невропсихиатрический диспансер и ряд других учреждений.

Из бывшего Психоневрологического института выросли 2-й Петроградский университет, впоследствии слившийся с 1-м; государственный институт медицинских знаний (впоследствии санитарно-гигиенический медицинский институт), институт социального воспитания нормального и дефективного ребенка, ветеринарно-зоотехнический и химико-фармацевтический институты. В то время в среде ученых было распространено выражение: «неутомим, как Бехтерев».

В эти годы В. М. Бехтерев создает и редактирует журналы «Вопросы изучения и воспитания личности», «Вопросы изучения труда», «Обозрение психиатрии, неврологии и эксперименталь-

ной рефлексологии», «Психофизиология, рефлексология и гигиена труда» и ряд других. В. М. Бехтерев проводит занятия в институте медицинских знаний, женском педагогическом институте, педагогическом институте имени А. И. Герцена, на курсах усовершенствования лекторов, а также читает популярные лекции для населения. Организует съезды по проблемам психоневрологии, по изучению труда, по борьбе с детской дефективностью и безнадзорностью.

Особое внимание им как ученым уделяется проблеме изучения развития человека в раннем детском возрасте, проблеме гигиены и организации труда. В. М. Бехтеревым были организованы комиссии по изучению рабочих различных специальностей и различных отраслей промышленности, а также труда педагогов, врачей, артистов. Он разрабатывал методы изучения человека в коллективе и влияния коллектива на личность, руководил двумя клиническими институтами.

В 1923–1924 гг. В. М. Бехтерева привлекали к консультациям в связи с болезнью В. И. Ленина. Свои впечатления о нем ученый изложил в очерке «Человек железной воли».

По предложению В. М. Бехтерева ученый совет психоневрологической академии 5 декабря 1927 г. вынес постановление, в котором призвал ученых всех стран и поборников мира поддерживать предложение о всеобщем разоружении, внесенное на Женевской конференции советской делегацией.

Последним научно-общественным выступлением В. М. Бехтерева была статья «В защиту науки». Она представляет собой отклик на судебный процесс над американскими учителями, излагавшими в школе учение Дарвина.

Бехтерев разоблачал «фанатиков церкви» и «реакционный шовинизм»; указывал, что «материалистические выводы и положения современной науки должны быть самым решительным образом выдвинуты на борьбу с грязной эпидемией, идущей с дальнего запада, из Америки, кичащейся своими техническими достижениями и свободами» [5].

В. М. Бехтерев охватил своим вниманием чрезвычайно широкий круг научных проблем.

Прежде всего отметим его как крупнейшего представителя науки о структуре и функциях мозга, клиники невропатологии и психиатрии. В начальный период научной деятельности В. М. Бехтерева о структуре и функциях мозга было известно чрезвычайно мало. Не случайно в одном из учебников о мозге говорилось следующим образом: «*Textura obscura, functiones obscurissimae*» («Строение темно, функции – наименее известные»).

С. П. Боткин, И. М. Сеченов учили, что все стороны деятельности организма и все болезнен-

ные нарушения этой деятельности находятся в зависимости от мозга. Следующий шаг в исследовании природы мозга предстояло сделать В. М. Бехтереву.

В ставших классическими трудах «Проводящие пути спинного и головного мозга» (1893) и «Основы учения о функциях мозга» (выпуски 1–7, 1903–1907) В. М. Бехтеревым обобщены результаты его исследований по морфологии и физиологии нервной системы.

Работы В. М. Бехтерева по вопросам невропатологии и психиатрии сохраняют до настоящего времени свое значение для диагностики нервных и психических болезней и методов их лечения.

Психологические исследования В. М. Бехтерева были тесно связаны с его психиатрическими и патопсихологическими работами. Его труды содержат богатый материал патопсихологических исследований, в особенности в области психической симптоматологии, где психология и психиатрия тесно сближаются.

Он исследовал проблему галлюцинаций и показал роль внешних раздражителей в формировании галлюцинарных явлений, изучил внушающее влияние слуховых обманов чувств.

Деятельность В. М. Бехтерева и его учеников, особенно К. И. Платонова, известного своей книгой «Слово как физиологический и лечебный фактор», внесла заметный вклад в науку о психических состояниях личности большого человека, даже несмотря на стремление ученого дать рефлексологическое обоснование патопсихологии.

Еще в молодости, проходя стажировку в лаборатории В. Вундта, Бехтерев обратил внимание на несовершенство его подхода к изучению сознания. Для Вундта предметом психологии выступало сознание, а его материальному субстрату – мозгу – он не уделял никакого внимания. Изучение сознания велось субъективно, методом интроспекции, заключающимся в изоциренном самонаблюдении специально натренированных экспертов.

В связи с этим, говоря о природе психических процессов, В. М. Бехтерев справедливо указывал: «Было бы совершенно бесплодно еще раз обращаться в этом вопросе к методу самонаблюдения. Только экспериментальным путем можно достичь возможно точного и обстоятельного решения вопроса» [6].

Таким образом, с самого начала своей научной деятельности В. М. Бехтерев выступал против теории и методов субъективной психологии и стремился к построению естественнонаучного психологического учения, которое было бы основано на объективных методах исследования. Объективность обеспечивалась надежной эксперимен-

тальной проверкой получаемых данных, проводившейся в руководимых им лабораториях.

Свою систему психологических воззрений В. М. Бехтерев называл объективной психологией (с 1904 г.), затем психорефлексологией (с 1910 г.) и, наконец – рефлексологией (с 1917 г.).

Для проведения экспериментов, помимо известного лабораторного оборудования, применялись приборы, которые были сконструированы самим Бехтеревым и его сотрудниками: пневмограф – аппарат для записи дыхательных движений, рефлексграф – прибор для записи коленных рефлексов, рефлексометр – аппарат для измерения силы коленного рефлекса и др.

В. М. Бехтерев и его ученики пытались направить психиатрию и психологию по пути рефлексологии. Взгляды В. М. Бехтерева на роль и место психологии во многом сводятся к стремлению осуществить попытку внедрения рефлекторного принципа в понимании психических явлений.

В своей монографии «Коллективная рефлексология» (1921) он утверждал, что общество подчиняется тем же законам, что и отдельные организмы и неорганические предметы, и что законы проявлений коллектива те же, что и законы проявления отдельной личности.

В. М. Бехтерев фактически отвергал психологические понятия и игнорировал те реальные психические явления, которые находили отражение в этих понятиях. Взгляд на деятельность человека как на простую совокупность рефлексов он распространил на общество в целом.

Он трактовал психологию как науку о поведении, под которым понимал совокупность врожденных и индивидуально приобретенных «сочетательных рефлексов», аналогичных условным рефлексам И. П. Павлова, но при этом он не отвергал сознание и, в отличие от бихевиористов, включал его в предмет психологии.

Его воззрения, как и взгляды И. П. Павлова, тем не менее близки взглядам бихевиористов с их неизменным – «стимул – реакция».

Бехтерев выделял рефлексологию как отдельную науку, отличную от физиологии и психологии и призванную в свое время заменить собой психологию. И в этом прогнозе взгляды И. П. Павлова и В. М. Бехтерева сходятся. Удивительно, что эти два выдающихся ученых, скептически относившиеся к возможностям психологии, современными психологами считаются корифеями этой науки. Правда, рефлексология как наука, отмечал В. М. Бехтерев, еще не сформировалась и делала, по мнению В. М. Бехтерева, свои первые шаги и именно в трудах самого В. М. Бехтерева.

Еще при жизни В. М. Бехтерев подвергался научно обоснованной критике за отождествле-

ние законов физико-механических, биологических и социальных явлений, в особенности после выхода книги «Коллективная рефлексология».

Даже его ближайший ученик В. Н. Мясищев в своих воспоминаниях об учителе называет ее «большой, но неудачной работой по психологии» [7].

Однако здесь уместно вспомнить широко известные слова В.И. Ленина о том, что заслуги исторических деятелей определяются не по тому, чего они *не дали* по сравнению с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками.

К концу 1920-х гг. наблюдается спад увлечения рефлексологией и все более усиливается скепсис в отношении ее реальных возможностей. Полная ликвидация психологии, к которой призывали ортодоксальные рефлексологи, представляется очевидным упрощением.

Научному сообществу становится ясно, что рефлексология как, по существу, биологическая дисциплина стоит уж очень далеко от учения о мозге, и тем более от социально-исторических проблем общества. В дальнейшем Бехтерев согласился с тем, что рефлексология не может собой заменить психологию.

Одной из важнейших в психологии В. М. Бехтерев считал проблему личности. Он трактовал ее как интегративное целое, по существу ввел в психологию понятия *индивид*, *индивидуальность*, *личность*, а также понятие *структуры личности*, выделив в ней пассивную и активную, сознательную и бессознательную части [8].

В противоположность господствовавшим на тогдешнем «педагогическом Олимпе» (выражение А. С. Макаренко) мнениям о приоритете коллектива над личностью В. М. Бехтерев неизменно отстаивал противоположную мысль.

В работах «Коллективная рефлексология» (1921), «Объективное изучение личности» (1923) он определил различные типы личностей, склонных и не склонных к коллективной работе; выявил, что происходит с личностью, когда она вливается в коллектив. Он обнаружил такие явления, как *конформизм*, *групповое давление*.

Также, не подстраиваясь под существовавшие в педагогической науке шаблоны, он утверждал, что влияние коллектива не всегда благотворно, ибо любой коллектив нивелирует личность, стараясь сделать ее шаблонным выразителем своей среды. Такие воззрения противоречили не только официальной точке зрения, но также и взглядам такого «неформала», как сам А. С. Макаренко.

Более того, В. М. Бехтерев утверждал, что обычаи и общественные стереотипы ограничивают личность, лишают ее возможности свободно проявлять свои потребности. Здесь русский ученый предвосхитил взгляды экзистенциалистов.

В. М. Бехтерев выступил одним из главных организаторов всероссийских съездов по педагогической психологии и экспериментальной педагогике. Его педагогические взгляды связаны с идеями К. Д. Ушинского, П. Ф. Лесгафта и других отечественных педагогов второй половины XIX – начала XX вв.

В основу своих педагогических взглядов им положено экспериментальное изучение рефлекторной деятельности ребенка, преимущественно раннего возраста (до 3–4 лет).

В. М. Бехтерев подчеркивал необходимость воспитания человека с самого раннего детства (воспитание «социального героизма», трудовое воспитание, половое воспитание и т. д.). Под воспитанием он понимал создание «привычек в сфере физической, нравственной и умственной». (И здесь Бехтеревым развивалась излюбленная тема рефлекса!)

В. М. Бехтерев ратовал за гармоническое сочетание физического и психического развития, обеспечивающего совершенствование личности. Он выступал против формального обучения и основную задачу умственного воспитания видел в развитии у детей любви к знаниям и самостоятельности мышления.

К методам воспитания он относил убеждение, пример, поощрение и наказание (не телесное), игру и внушение, несколько преувеличивая при этом роль гипноза.

Свои педагогические взгляды В. М. Бехтерев изложил в таких работах, как «Вопросы воспитания в возрасте первого детства» (СПб., 1909), «Вопросы общественного воспитания» (М., 1910), «Значение музыки и эстетического воспитания ребенка с первых дней его детства» (М., 1916), «О социально-трудовом воспитании» (Пг., 1917), «Культура социального героизма в воспитании детей», «Вестник знания», 1926, № 24), «Внушение и воспитание» (Пг., 1923).

Названия работ указывают на их содержание и показывают широту интересов В. М. Бехтерева в области педагогики.

В. М. Бехтерев стал, по существу, предтечей ученых целого ряда научных направлений.

Но В. М. Бехтерев дорог и близок нам не только своими научными заслугами; в личности выдающегося ученого-россиянина нас привлекает, прежде всего, его гражданское мужество и патриотизм, стремление все свои силы отдать во благо народа.

В. М. Бехтерев похоронен на Волковом кладбище Санкт-Петербурга. В 1974 г. ему поставлен «прекрасный памятник» с «широкой каменной площадкой вокруг постамента» [9].

Десятилетия, прошедшие после смерти ученого, подтвердили значимость его наследия; несомненно, что Владимир Михайлович Бехтерев – один из самых выдающихся сынов русского народа, великая и светлая личность.

Примечания

1. *Мясищев, В. Н.* В. М. Бехтерев – замечательный ученый, врач, педагог, общественный деятель [Текст] / В. Н. Мясищев. Киров, 1956. С. 3.
2. Там же. С. 16.
3. *Петровский, А. В.* История советской психологии [Текст] / А. В. Петровский. М., 1967. С. 32.
4. *Бехтерев, В. М.* Основные задачи рефлексологии физического труда [Текст] / В. М. Бехтерев // Вопросы изучения и воспитания личности. 1919. № 1. С. 51.
5. *Мясищев, В. Н.* Указ. соч. С. 20.
6. *Степанов, С. С.* Психология в лицах [Текст] / С. С. Степанов. М., 2001. С. 45–46.
7. *Мясищев, В. Н.* Указ. соч. С. 33.
8. *Марцинковская, Т. Д.* История психологии [Текст] / Т. Д. Марцинковская. М., 2001. С. 486.
9. *Любимов, В. А.* Вглядываясь в лица домов [Текст] / В. А. Любимов. Киров, 1995. С. 110.

Г. И. Корчагина

ПОЗИЦИЯ САМОУТВЕРЖДЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПОТЕНЦИАЛА САМОУТВЕРЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье говорится о компонентах позиции самоутверждения, а также о возможных их сочетаниях, которые образуют различные варианты позиции в потенциале самоутверждения личности.

В современную эпоху резких социальных преобразований вновь приобрело актуальность обращение к возможностям личности, т. е. к потенциалу ее реализации в разных жизненных сферах. Мы называем это – потенциал самоутверждения.

Понятие «потенциал самоутверждения» – производное от понятия «человеческий потенциал» как более широкого, представляющего собой «способность индивида к самовыражению, самореализации, что характеризуется адекватным восприятием окружающей реальности, спонтанным реагированием, самоутверждением, четким выделением себя из социума, независимостью и самостоятельностью в отношении культуры и природной среды, наличием социального чувства, заинтересованным доброжелательным отношением к другим людям, этнической определенностью, уверенностью в себе, чувством юмора и креативностью» [1].

Потенциал самоутверждения человека состоит из суммы потенциалов биологического индивида, социального индивида, личности, реализуемых в конкретной сфере самоутверждения через утверждение сущностных сил (хочу, могу, надо).

КОРЧАГИНА Галина Ивановна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ
© Корчагина Г. И., 2007

Потенциал биологического индивида представляет собой тип конституции, уровень психического и физического здоровья, нейродинамические свойства мозга, способность к удовлетворению биологических потребностей для своего самоутверждения.

Потенциал социального индивида состоит в способности к *присвоению* конкретно-исторических общественных отношений через различные формы культурного общения с другими людьми.

Потенциал личности – способность к утверждению себя в качестве суверенной дееспособной личности через *закрепление* присвоенных отношений в предметной деятельности и полагании себя в других людях.

Слияние потенциалов самоутверждения у каждого человека в конкретной сфере жизнедеятельности получает своё выражение в *позиции самоутверждения*. *Позиция самоутверждения – это специфическое сознательное отношение человека к разным сторонам действительности (к предметному миру и своему месту в нём, к людям и своему положению среди них, к себе и своему индивидуальному проявлению), реализующееся в деятельности по утверждению существующих сил.*

Позиция в психологии понимается в двух значениях.

Во-первых, это положение человека в социальной структуре или системе межличностных отношений, которое регламентирует поведение и действия личности (внешняя позиция).

Во-вторых, это система взглядов, установок, ценностей, мотивов, через которые выражаются отношения индивида к различным сторонам действительности (внутренняя позиция).

Данные аспекты понимания позиции не изолированы, а «отражают разные стороны организации человека как единого целого» (В. Г. Маралов). «Каждое внешнее событие имеет свою внутреннюю сторону... внешнее изменение взаимоотношений человека с окружающими, отражаясь в его сознании, изменяет и внутреннее, психологическое состояние человека, перестраивает его внутреннее отношение и к другим людям, и к самому себе» (С. А. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская).

В первом значении понятие «позиция» характерно для социального индивида, во втором – для личности. Обе позиции объективно существуют (А. И. Божович, И. С. Кон, В. Г. Маралов).

Для социального индивида необходимо занять место, утвердить своё положение в социальной структуре, создать имидж в системе межличностных отношений, т. е. занять позицию. Позиция, выступающая во втором значении, также актуальна для социального индивида, но имеет второстепенное значение. На уровне личности позиция приобретает значение системы взглядов,

ценностей, которые становятся ориентирами в отношениях индивида к различным сторонам действительности.

Для личности также характерно наличие внешней позиции как места, или положения, имиджа, но это является второстепенным по отношению к внутренней позиции. На наш взгляд, между внешней и внутренней позициями самоутверждения есть существенная разница.

Позиция самоутверждения представляет собой «наиболее целостную характеристику человека» (В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев) на трёх уровнях его организации. На уровне биологического индивида позиция самоутверждения отсутствует, на социально-индивидуальном уровне актуализируются только *внешние* её атрибуты, способы обретения которых могут быть негативными и позитивными. При реализации негативных способов овладения атрибутами позиции человек проявляет насилие, жестокость по отношению к людям, вещам, природе, при реализации позитивных способов человек стремится соответствовать нормам и ожиданиям общества. На уровне личности человек, овладевая *внутренней* позицией самоутверждения, «свободно, самостоятельно и ответственно определяет своё место в жизни, в обществе, культуре». Восхождение человека от социального индивида к личности сопровождается развитием внешней позиции во внутреннюю через процесс обогащения внешней с помощью присвоения человеческого опыта, воплощённого в социальных продуктах. Поэтому считаем оправданным введение ещё одной – обогащённой – позиции самоутверждения.

Понятие «позиция самоутверждения» человека является, на наш взгляд, частью более широкого понятия «жизненная позиция» (К. А. Абульханова-Славская, В. С. Мухина, С. А. Рубинштейн, В. Ф. Сафин, В. И. Слободчиков). В нём как в части сохраняются «в наипристойнейшем виде свойства, присущие целому» (А. С. Выготский).

Если жизненная позиция личности представляет собой «интеграцию побудительно-мотивационной, познавательно-интеллектуальной, деятельностно-поведенческой сфер, включающую осознание требований общества, предъявляемых к личности [2], то позиция самоутверждения может быть представлена интеграцией *мотивационного, деятельностного, когнитивного* компонентов. *Когнитивный* компонент является содержательным в проблеме самоутверждения человека в разных сферах жизнедеятельности. *Деятельностный* компонент – соотношением существующих сил в процессе утверждения человека в разных сферах. *Мотивационный* компонент – в виде мотивационно-смысловых образований, что определяет своеобразие проявления позиции в конкретной сфере жизнедеятельности.

Все компоненты в структуре позиции взаимосвязаны между собой, их сочетание определяет способ реализации позиции. Видимых границ между их реализацией не существует, но теоретически они различаются. Критерием различения служит содержание компонентов структуры позиции самоутверждения.

Каждое из сочетаний компонентов структуры позиции выступает в двух функциях:

- как самостоятельная позиция самоутверждения;
- как предпосылка позиции более высокого уровня.

Позиционность человека в самоутверждении проявляется «по отношению к предметному миру, к людям, к себе» [3], что получает отражение в девяти самостоятельных позициях, одновременно взаимосвязанных между собой как предпосылки и уровни трёх основных видов позиций самоутверждения – *утверждения себя в предметном мире, в других людях, утверждения своей человеческой уникальности*.

Первый вид, *утверждение человеком себя в предметном мире* как специфическое сознательное отношение человека к миру, представляет собой иерархию трёх самостоятельных позиций. Принципом иерархии выступают уровни самоутверждения, соответствующие уровням социальной активности.

(1). Первая позиция представляет собой *поиск места в социальной структуре*. В качестве компонентов позиции выступают осознание самоутверждения на уровне представлений, направленность деятельности на задачу (способ, результат), ориентация на внешнюю позицию. Сочетание компонентов способствует ролевому самоутверждению человека – «делать как...». Общество оставляет множество возможностей человеку для обретения этой позиции – образование, труд, спорт, развлечения и т. д. На основе ролевого самоутверждения происходит «типизация личности обществом в соответствии с социальными кодами» (И. А. Фёдоров). Поэтому становятся понятными проявления позиции как моды на образование, профессию, тип развлечений. Данная позиция отражает нормативный уровень самоутверждения, который характеризуется ориентированием человека на нормы и ценности, принятые в его референтной группе. Самоутверждение не выходит за рамки «делать как все», но предполагает ответственность человека за выбор сфер и способов.

(1'). Вторая позиция формируется на основе первой и представляет собой *обогащение отношений человека с предметным миром* путём присвоения конкретно-исторических общественных отношений через различные формы культурного общения. В качестве её компонентов выступают осознание сущности самоутверждения, направлен-

ность деятельности на задачу, ориентация на внутреннюю позицию. В отличие от первой данная позиция характеризуется проявлением осознанной, избирательной активности человека к миру как совокупности отношений между людьми и вещами. В результате обретения позиции человек осознаёт своё место в предметном мире – укрепляет свои сущностные силы, практически применяя их в деятельности. Данная позиция отражает нормативно-личностный уровень самоутверждения, выходящий за пределы «делать как все», предполагающий наличие инициативы человека в выборе сферы и способа самоутверждения.

(1"). Третья позиция интегрирует в себе первую и вторую и представляет *особую продуктивную позицию самоутверждения – утверждение человеком себя в предметном мире*. По своей структуре это совокупность компонентов на новом качественном уровне – овладение сущностью самоутверждения, направленность деятельности на задачу, ориентация на позицию, которая образуется сочетанием внешней, обогащённой и внутренней позиций. Человек в этой позиции не просто занимает место в социальной структуре и обогащает свои отношения с предметным миром, но и сам преобразует мир. Средством преобразования выступает закрепление опыта овладения первой и второй позициями в третьей, в предметно-образовательной деятельности, в созидании объектов материальной и духовной культуры. Данная позиция соответствует уровню самоутверждения, результатом которого служит утверждение человеком себя в предметном мире, предполагающем создание продукта как воплощение индивидуальных сущностных сил человека – «культурализации» (Д. А. Леонтьев).

На основе описанной иерархии возможно самоутверждение на уровне, который теоретически совпадает с самореализацией личности, критерием которой выступает создание общественно значимого продукта.

Второй вид позиции самоутверждения, *утверждение человеком себя в других людях*, отражает специфическое сознательное отношение к другим людям и своему положению среди людей и представляет собой иерархию трёх самостоятельных позиций.

(2). Первая позиция – *обретение положения в обществе*. В качестве её компонентов выступают осознание самоутверждения на уровне представлений, направленность деятельности на взаимоотношения с другими людьми и ориентация на внешнюю позицию. Сочетание компонентов способствует ролевому самоутверждению – «быть похожим на...». Общество предоставляет человеку условия для обретения этой позиции – возможность удовлетворения престижно-статусных потребностей. Средствами престижа могут стать

различные объекты, которые способны создать человеку положение в его референтной группе (образование, место его проживания, вещи, финансовая обеспеченность, должность и т. д.).

Данная позиция отражает нормативный уровень самоутверждения, который ориентирован на нормы и ценности референтной группы и не выходит за рамки «быть не хуже...». Соответственно этому выбираются сферы и способы самоутверждения.

(2'). Вторая позиция формируется на основе первой и представляет собой *углубление связей человека с людьми* путём присвоения духовного опыта других людей через различные формы культурного общения. В качестве её компонентов выступают осознание сущности самоутверждения, направленность деятельности на взаимоотношения с людьми, ориентация на внутреннюю позицию. В отличие от первой данная позиция характеризуется проявлением осознанного избирательного отношения к людям. Человек ищет Учителя, духовного наставника. Обретая позицию, человек познаёт любовь, веру, ответственность по отношению к другим людям, укрепляет свои сущностные силы. Данная позиция отражает нормативно-личностный уровень самоутверждения, сущность которого состоит «в увеличении человечности в повседневности» (Е. Богат).

(2''). Третья позиция интегрирует в себе первую и вторую и представляет *особую* позицию самоутверждения – *утверждение человеком себя в других людях*. По своей структуре она определяется как совокупность компонентов на качественно новом уровне: владение сущностью самоутверждения, направленность деятельности на взаимоотношения с другими людьми, ориентация на особую продуктивную позицию, образующуюся в слиянии внешней, обогащённой и внутренней позиций. Человек в этой позиции не просто обретает положение среди людей, углубляет отношение с другими людьми, но и утверждает себя в других людях. Средством выступает «идеальная представленность индивида в других людях», «личностный вклад», «инобытие» в других людях [4]. Поэтому человек постоянно озабочен своим наследием на уровне продолжения рода и своего духовного воплощения в сознании других людей. Иллюстрацией тому служат строки из бессмертного стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Данная позиция соответствует личностно-продуктивному уровню самоутверждения «персонализации» [5], в результате которой человек утверждает сущность другого человека как «самого существующего из всех» [6] и тем самым свою сущность в нём. Продуктивно-творческий уровень самоутверждения теоретически совпадает с самореализацией личности как общественно зна-

чимого личностного вклада в других людей. Примером может служить жизнь великих учёных, педагогов, писателей, философов, художников, музыкантов и т. д.

И наконец, третий вид позиции, *утверждение своей человеческой уникальности*, отражающий специфическое сознательное отношение к себе и своему индивидуальному проявлению, представляет иерархию трёх самостоятельных позиций.

(3). Первая позиция – *создание своего имиджа* в социальной структуре, в системе межличностных отношений. Её компонентами являются осознание самоутверждения на уровне представлений, направленность деятельности на себя (на достижение личной выгоды), ориентация на внешнюю позицию. Сочетание компонентов способствует ролевому самоутверждению «казаться таким, как...». Общество в качестве условий для обретения этой позиции предлагает рекламу, услуги специалистов по имиджу, возможность удовлетворения престижно-статусных потребностей для внешнего поддержания стиля жизни (А. Тоффлер). Объектами имиджа могут стать и образование, и спорт, и вещи, и финансовая обеспеченность, и внешняя выразительность человека. Данная позиция отражает нормативный уровень самоутверждения, который ориентирован на нормы и ценности референтной группы, не выходящий за рамки «казаться своим». Соответственно этому выбираются сферы и способы самоутверждения.

(3'). Вторая позиция, *выделение себя из своего окружения*, формируется на основе первой, в качестве её компонентов выступают осознание сущности самоутверждения, направленность деятельности на себя, на достижение личной выгоды, ориентация на внутреннюю позицию. В отличие от первой данная позиция характеризуется осознанным выделением, обособлением себя от других людей. Средством обособления выступает присвоение человеком образцов общения, поведения, стиля жизни, внешности для создания собственного имиджа «как стороны коммуникации субъекта с миром, выражающей его влечение к социальному успеху, использующего в качестве средства самого себя» (И. А. Фёдоров). Данная позиция отражает нормативно-личностный уровень самоутверждения, который предполагает инициативу и активность личности в реализации стремления «казаться не таким, как все», и не только внешне.

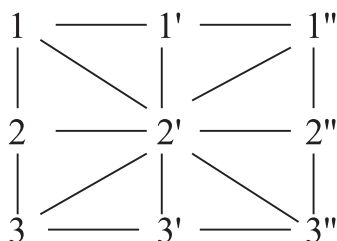
(3''). Третья позиция, интегрируя в себе первую и вторую, представляет *утверждение своей человеческой уникальности*. По структуре это совокупность компонентов на качественно новом уровне – владение сущностью самоутверждения, направленность деятельности на достижение личной выгоды, ориентация на особую продуктивную позицию, образующуюся в слиянии внешней,

обогащённой и внутренней позиций. Человек в этой позиции не просто создаёт себе имидж в социальной структуре, выделяет себя из своего окружения, но и утверждает свою человеческую уникальность, реализуя стремление «быть собой» [7]. Средством выступает обретение собственного уникального стиля общения, поведения, деятельности, внешности на основе самоценности и высокой степени самопринятия. Формой проявления выступает любовь человека к жизни, к природе, к себе, к другим людям как проявлению уникальности. Данная позиция соответствует личностно-продуктивному уровню самоутверждения, индивидуализации, в результате которой человек утверждает свою уникальную сущность.

Продуктивно-творческий уровень самоутверждения теоретически совпадает с самореализацией личности, результат которой можно оценить только в далёкой перспективе как гений, идеал, кумир.

Все перечисленные выше позиции можно различить между собой теоретически, в реальной человеческой жизни, в различных сферах жизнедеятельности они переплетаются. Характер «переплетения» можно отразить следующим образом:

Позиции могут вступать во внутривидовые (горизонтальные оси) и межвидовые (вертикальные оси), смешанные (диагональные оси) отношения.

Внутривидовые отношения между позициями возникают при изменении когнитивного и деятельностного компонентов в структуре позиции. Источником изменения является личный опыт человека или целенаправленное воздействие, вызывающее одновременно изменение мотивационного компонента. Внутривидовые отношения представлены 12 вариантами сочетания позиций: «самодостаточные» позиции (1-1, 2-2, 3-3), «открытые» позиции (1-1', 2-2', 3-3', 1'-1, 2'-2, 3'-3), «обогащённые новым опытом» позиции (1'-1', 2'-2', 3'-3'). Продуктивные позиции (1', 2', 3') возможно выделить в итоге жизненного пути человека.

Межвидовые отношения между позициями возникают при изменении мотивационного компонента, вследствие личного опыта или целенаправленного воздействия, вызывающего изменения когнитивного и деятельностного компонентов. Межвидовые отношения представлены 12 вариантами

сочетания позиций: *внешняя позиция* (1-2, 2-1, 2-3, 3-2, 1-3, 3-1); *внутренняя позиция* (1'-2', 2'-1', 2'-3', 3'-2', 1'-3', 3'-1'). Сочетание вариантов внешней и внутренней позиций находит своё выражение в *продуктивных позициях* (1'', 2'', 3''), что возможно оценить также в далёкой перспективе.

Смешанные отношения между позициями возникают при различных взаимодействиях всех компонентов, что получает отражение в 12 вариантах сочетания позиций. Эти сочетания можно обозначить как *переходные* от внешних к внутренним и наоборот (1-2', 1-3', 2'-1, 3'-1, 2-1', 2-3', 3-1', 3-2', 1'-2, 1'-3, 2'-3, 3'-2). Данные сочетания становятся актуальными при переоценке своей позиции под влиянием переживания нового личностного опыта или целенаправленного воздействия.

В целом обретение человеком позиции является критерием *состоявшегося самоутверждения*. Признаками состоявшегося самоутверждения выступают следующие:

1) принятие человеком своей позиции самоутверждения как единства внешней и внутренней позиции (К. А. Абульханова-Славская, А. И. Божович, В. Г. Маралов, С. А. Рубинштейн, В. Ф. Сафин);

2) самоудовлетворенность (К. А. Абульханова-Славская, В. П. Каширин, А. Маслоу, С. А. Рубинштейн, В. Ф. Сафин, Н. Ф. Цыбра). «Удовлетворение является лакмусовой бумагой для определения качества самоутверждения» [8];

3) адаптированность (А. А. Налчаджян, В. П. Каширин, Г. К. Чернявская), под которой понимается «состояние взаимоотношений личности и общества, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность; удовлетворяет свои основные социальные потребности; в полной мере идёт навстречу тем ролевым ожиданиям, которые предъявляет к ней эталонная группа; переживает состояние самоутверждения и свободно выражает свои творческие способности» [9].

Итак, позиция самоутверждения является многоуровневым, иерархическим образованием и является показателем потенциала самоутверждения личности.

Примечания

1. Фролов, И. Т. Человеческий потенциал [Текст]: опыт комплексного подхода / И. Т. Фролова. М.: Здиториал УРСС, 1999. С. 143.

2. Сафин, В. Ф. Психология самоопределения личности [Текст] / В. Ф. Сафин. Свердловск, 1986. С. 77.

3. Мясичев, В. Н. Понятие личности в аспектах норм и патологии [Текст] / В. Н. Мясичев // Психология личности. Т. 2. Хрестоматия. Самара, 1999. 544 с.

4. Петровский, А. В. Индивид и его потребность быть личностью [Текст] / А. В. Петровский, В. А. Петровский // Вопросы философии. 1982. № 3. С. 44-53.

5. Леонтьев, Д. А. Самореализация и сущностные силы человека [Текст] / Д. А. Леонтьев // Пси-

хология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М., 1997. С. 336–340.

6. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир [Текст] / С. Л. Рубинштейн. М.: Наука, 1997. 191 с.

7. Орлов, А. Б. Личность и сущность [Текст]: внешнее и внутреннее Я человека / А. Б. Орлов // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 30–38.

8. Цыбра, Н. Ф. Самоутверждение личности: социально-философский анализ [Текст] / Н. Ф. Цыбра. Киев; Одесса, 1989. С. 75.

9. Налчаджян, А. А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы, стратегии) [Текст] / А. А. Налчаджян. Ереван: [б. и.], 1988. С. 18.

10. Корчагина, Г. И. Позиция самоутверждения старшего школьника: теория, диагностика, условия развития [Текст] / Г. И. Корчагина. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. 134 с.

Е. В. Сараева

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ САМОПРОГНОЗЫ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ САМООЦЕНКИ

В статье рассматривается динамика профессиональных самопрогнозов студентов с разным уровнем профессиональной самооценки. Представлены данные эмпирического исследования профессиональных самопрогнозов студентов по модулям педагогической деятельности.

Особенности профессионального самопрогнозирования будущего специалиста определяются рядом факторов, среди которых приоритетное значение имеет специфика профессиональной самооценки.

Экспериментальные исследования В. С. Магуна свидетельствуют, что люди способны адекватно оценивать собственные качества и возможности, будь то психические свойства, подготовленность к определенной деятельности или положение в обществе. Самооценки и основанные на них прогнозы зачастую не уступают по надежности специальным психологическим тестам и в определенных случаях могут служить источником информации о человеке. Адекватная самооценка способствует достоверным прогнозам о результатах деятельности. Однако самооценка, особенно если речь идет о способностях и потенциальных возможностях личности, представляет собой не просто познавательный акт, но и выражает определенный уровень притязаний (И. Кон).

По мнению А. Н. Крылова, самооценка является формой рефлексии. Образ Я осуществля-

ет рефлексию посредством самооценок. Я-концепция действует как своего рода внутренний фильтр, который определяет характер восприятия человеком любой ситуации. «Проходя сквозь этот фильтр, ситуация осмысливается, получает значение, соответствующее представлениям человека о себе» [1].

Сообразно с этим самопознание выступает как деятельность Я в качестве субъекта по познанию (или осознанию) образа Я (Я-концепции). Образ Я через внешнюю и внутреннюю деятельность человека вносит коррективы в структуру Я субъекта, выполняя функции саморегулирования и самоконтроля.

Следует отметить, что феноменальное поле индивида включает и сознательное, и бессознательное восприятие, считая и то, которое он осознает, и то, о котором и не догадывается. Согласно ego-psychology, Я имеет собственный источник энергии и находит удовольствие в овладении окружающей средой. Эта концепция связана с понятием мотивации компетентности, предложенным Р. У. Уайтом [2]. При описании личности эта концепция особое значение придает способам, с помощью которых люди активно осваивают окружающий их мир, а также способам их мышления и восприятия.

Благодаря процессу подсознательного восприятия мы можем почувствовать, что данный опыт расходуется с Я-концепцией, раньше, чем он дойдет до сознания. Тем не менее самые важные детерминанты поведения, особенно у здоровых людей, – те, которые осознаются или могут быть осознаны (К. Р. Роджерс).

К. Роджерс видел в Я-концепции определенный паттерн восприятия человеком своего Я. Однако «индивид может иметь множество Я-концепций – некоторые из них хорошие, а некоторые – плохие, некоторые актуализированы в настоящем, а некоторые – возможные Я-концепции – предназначены для будущего» [3].

Представляемые или репрезентируемые Я имеют больше сходства с идеальным Я личности, чем с реальным Я, но они способствуют продвижению личности к осуществлению своего идеального Я (А. А. Налчаджян). Следует подчеркнуть, что идеальный образ отражает задачи прогноза по определению будущих ситуаций и возможных проблем, которые должны служить ориентиром при решении конкретных задач сегодняшнего дня.

На основе теоретического анализа литературы по важнейшим направлениям в изучении антиципации, прогнозирования и самопрогнозирования в отечественной и зарубежной психологической литературе нами была разработана методика *самопрогнозирования успешности педагогической деятельности по модулям профессиональной деятельности педагога*. За основу мы

САРАЕВА Елена Викторовна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ

© Сараева Е. В., 2007

взяли модульное представление профессиональной деятельности педагога по А. К. Марковой.

Знания и умения – это объективные характеристики труда учителя, а позиции и личностные особенности – субъективные характеристики, необходимые для его соответствия требованиям профессии. Соотношение тех и других автор называет «психологическим модулем» профессии педагога, который может быть вычислен в каждом из блоков профессиональной компетентности.

Каждый участник эмпирического исследования имел перед собой профессиограмму педагога [4], позволяющую конкретизировать профессиональные самопрогнозы, так как профессиограмма педагога К. А. Марковой содержит 10 модулей профессии педагога и по каждому модулю в ней даются объективные характеристики профессиональной деятельности и психологические характеристики профессионально важных качеств деятельности и личности педагога (психограмма).

Профессиограмма моделирует превосходящий результат, который существует идеально, но должен быть получен по прошествии определенного срока обучения и воспитания студента в вузе. Как система требований к специалисту, она дает возможность предвидеть конкретные пути, средства, операции, критерии профессиональной подготовки студентов, а также совершенствовать программу формирования личности будущего учителя. Кроме того, все участники эксперимента были знакомы с профессиограммой учителя физики Г. А. Иванова, Г. В. Комарова, А. П. Рымкевича, А. П. Шаблина, А. И. Щербакова.

В основном исследовании участвовал 161 студент IV курса (после педагогической практики в

школе) физического факультета. Это студенты четырех выпусков университета.

Первоначально рассмотрим динамику самооценки успешности педагогической деятельности по модулям (табл. 1).

Среди студентов, участвовавших в исследовании, сравнительно много (21%) таких, которые оценили свой уровень профессионального самопознания выше среднего, хотя много и оценивших эту деятельность низко (54%). Самые высокие результаты по педагогическому общению (ниже среднего уровня – 35%, а выше – 16%). Многие студенты (78%) низко оценили свою готовность к диагностике (к развивающему обучению), и большая часть (71%) студентов рассчитывает на работу по готовым методическим рецептам. В целом можно сделать вывод, что низких самооценок гораздо больше, чем высоких, по всем модулям педагогической деятельности.

Таким образом, для студентов IV курса характерны следующие особенности профессиональной самооценки:

- 1) низкая самооценка почти по всем модулям педагогической деятельности;
- 2) больше всего самооценок выше среднего уровня и средних по осуществлению педагогического общения и профессиональному самопознанию;
- 3) самые низкие самооценки связаны с осуществлением индивидуального подхода и осуществлением педагогического творчества.

Профессиональные самопрогнозы на первые годы работы (самопрогноз на 5 лет) более оптимистичны, чем самооценки.

Таблица 1

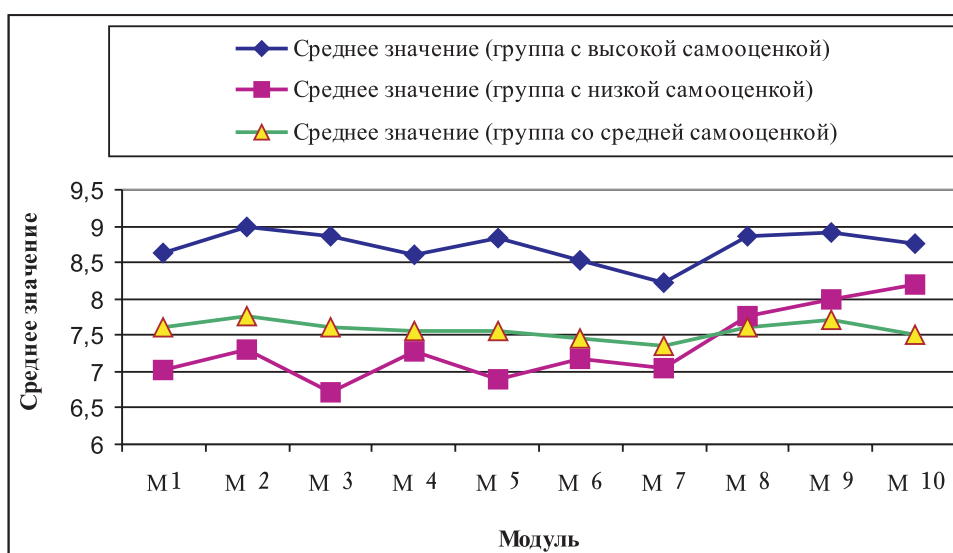
Динамика самооценки профессиональной успешности по модулям педагогической деятельности

Уровни самооценки	Призвание, %	Мастерство, %	Диагностика, %	Общение, %	Саморазвитие, %	Творчество, %	Исследование, %	Самопознание, %	Сотрудничество, %	Профессионализм, %
Низкий	32	20	41	15	34	43	48	17	17	37
Ниже среднего	13	28	37	20	11	28	15	37	26	23
Средний	44	39	14	49	46	22	29	25	48	34
Выше среднего	4	6	6	6	3	4	2	17	5	4
Высокий	7	7	2	10	6	2	6	4	4	1

Таблица 2

Сравнительная таблица самооценок и самопрогнозов на 5 и 10 лет студентов IV курса физического факультета по модулям педагогической деятельности (n = 161)

№	Модули педагогической деятельности	Значимые различия по критерию Смирнова–Колмогорова					
		Между самооценками и самопрогнозами на 5 лет		Между самооценками и самопрогнозами на 10 лет		Между самопрогнозами на 5 лет и самопрогнозами на 10 лет	
		λ	Уровень значимости	λ	Уровень значимости	λ	Уровень значимости
1	Стремление оставаться педагогом	2,349	$P \leq 0,01$	3,622	$P \leq 0,01$	3,062	$p \leq 0,01$
2	Изучение эталонов и норм педагогического труда	3,176	$P \leq 0,01$	5,126	$P \leq 0,01$	4,068	$p \leq 0,01$
3	Изучение индивидуальных особенностей учащихся	3,176	$P \leq 0,01$	5,126	$P \leq 0,01$	4,290	$p \leq 0,01$
4	Осуществление педагогического общения	3,232	$P \leq 0,01$	4,232	$P \leq 0,01$	2,619	$p \leq 0,01$
5	Профессиональное саморазвитие	2,507	$P \leq 0,01$	5,294	$P \leq 0,01$	3,455	$p \leq 0,01$
6	Осуществление педагогического творчества	3,343	$P \leq 0,01$	5,907	$P \leq 0,01$	4,569	$p \leq 0,01$
7	Осуществление педагогического исследования	3,677	$P \leq 0,01$	3,733	$P \leq 0,01$	3,120	$p \leq 0,01$
8	Профессиональное самопознание	2,173	$P \leq 0,01$	5,126	$P \leq 0,01$	2,896	$p \leq 0,01$
9	Сотрудничество с коллегами	2,396	$P \leq 0,01$	6,074	$P \leq 0,01$	3,677	$p \leq 0,01$
10	Профессионализм	3,176	$P \leq 0,01$	6,352	$P \leq 0,01$	5,126	$p \leq 0,01$

Динамика профессиональных самопрогнозов студентов на 10 лет в группах с разным уровнем самооценки
 Обозначения: М 1 – призвание; М 2 – мастерство; М 3 – диагностика;
 М 4 – общение; М 5 – саморазвитие; М 6 – творчество; М 7 – исследование;
 М 8 – самопознание; М 9 – сотрудничество; М 10 – профессионализм.

Самые низкие профессиональные самопрогнозы связаны с реализацией исследовательской педагогической деятельности, так как многие студенты (33%) считают, что в первые годы работы в школе не смогут заниматься исследовательской работой. Очень оптимистичные самопрогнозы по сотрудничеству с другими участниками учебно-воспитательного процесса – с коллегами-педагогами (58% студентов имеют прогнозы выше среднего уровня, и только 4% – ниже среднего уровня). Многие студенты (51% и 49%) прогнозируют, что будут успешно заниматься профессиональным саморазвитием и самопознанием, так как связывают свои дальнейшие профессиональные успехи с результативностью данных видов деятельности. 52% студентов прогнозируют успехи в осуществлении педагогического общения.

Профессиональные самопрогнозы личности на 10 лет достаточно высокого уровня. Большинство студентов считают, что к этому времени они уже состоятся как педагоги. Самые высокие показатели по осуществлению профессионального саморазвития личности. Большинство студентов (84%) прогнозируют, что через 10 лет станут самодиагностами, авторами «сценария» своей профессиональной жизни. Самые низкие прогнозы связаны со становлением себя как педагога-исследователя.

Мы считаем, что это связано с тем, что у студентов преобладает внутренний локус контроля и они возлагают большие надежды на свой личностный потенциал. Кроме того, большая часть студентов считает, что саморазвитие необходимо в современной жизни. Педагогическое творчество и исследовательская работа многим представляется как что-то неопределенное.

Затем мы сравнили профессиональные самооценки и самопрогнозы на 5 и 10 лет.

Для статистических расчетов мы воспользовались критерием Смирнова-Колмогорова (см. табл. 2). Было установлено, что существует статистически значимая разница ($p < 0,01$) между самооценками и самопрогнозами на 5 лет, между самооценками и самопрогнозами на 10 лет и между самопрогнозами на 5 лет и самопрогнозами на 10 лет.

Самые большие сдвиги в уровне успешности профессиональной деятельности за 10 лет прогнозируются в осуществлении педагогического сотрудничества, в овладении педагогическим мастерством, в умении реализовывать развивающие индивидуальные программы и синтезировать и применять все способы педагогического труда. Мы можем утверждать, что студенты прогнозируют, что по данным модулям будут совершенствоваться ближайшие десять лет. Прогнозируются очень существенные результаты по профессиональному самопознанию и саморазвитию. Но

следует отметить, что часть студентов прогнозирует, что на деятельность, связанную с профессиональным самопознанием, будет обращать больше внимания в ближайшие пять лет. Студенты прогнозируют существенные изменения в педагогическом саморазвитии на протяжении десяти лет (см. табл. 2).

Из таблицы видно, что в первые годы работы в школе и в оставшееся время учебы в институте студенты прогнозируют совершенствование в деятельности по всем модулям, но особенно ждут больших изменений в становлении себя как творческих педагогов, готовых заниматься исследовательской работой, как профессионалов, способных осуществлять педагогическое общение.

Для сравнения результатов по самопрогнозированию на 10 лет в группах студентов с разным уровнем профессиональной самооценки обратимся к рисунку.

Самопрогнозы на 10 лет характеризуются тем, что сближаются все показатели, профессиональные самопрогнозы студентов с низким уровнем профессиональной самооценки по некоторым параметрам становятся выше, чем у студентов со средним уровнем профессиональной самооценки. В самопрогнозах на 10 лет между группами с высоким и низким уровнями профессиональной самооценки личности не обнаружена статистически значимая разница по следующим показателям: осуществление педагогического исследования, сотрудничество с коллегами.

Следует отметить, что самопрогнозы на длительный период в большей степени связаны с тенденциями к саморазвитию, чем с профессиональными самооценками. Студенты с высоким уровнем профессиональной самооценки считают, что овладели навыками педагогического мастерства, для студентов со средним уровнем профессиональной самооценки характерна направленность на овладение педагогическим мастерством, в группе студентов с низким уровнем самооценки прослеживается направленность на педагогическое общение, самопознание и сотрудничество.

Результаты данного исследования позволяют педагогам, готовящим учителей реализовать дифференцированный и индивидуальный подход не по формальному признаку.

Примечания

1. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание [Текст] / Р. Бернс. М.: Прогресс, 1986. С. 46.
2. White, R. W. Motivation reconsidered: The concept of competence [Text] / R. W. White // Psychological Review. 1959. № 66. P. 297–333.
3. Первин, А. Психология личности: Теория и исследования [Текст] / А. Первин, О. Джон. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 207.
4. Маркова, А. К. Психология профессионализма [Текст] / А. К. Маркова. М.: Знание, 1996. С. 266–269.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Д. А. Калинина

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

В данной статье представлены результаты анализа системы политической ссылки через призму российского законодательства. Подобное рассмотрение даёт возможность понять, какой именно ссылка должна была быть по первоначальному замыслу и как она изменялась в условиях определённой местности и под воздействием человеческого фактора.

В XIX в. серьёзные расхождения во взглядах на дальнейший путь развития России привели к формированию оппозиции власти, с которой правительство боролось разными методами. Одним из наиболее действенных способов борьбы с опасным инакомыслием была высылка в отдалённые местности Российской империи. Ссылка как элемент государственной системы наказания была строго регламентирована. Правительству понемало, что справиться со всё возрастающим потоком лиц, действующих против государства, можно, только качественно организовав порядок высылки. Под ссылку была подведена основательная законодательная база.

С возобновлением принятия ссыльных под гласный надзор местной полиции 9 января 1897 г. в Вятской губернии вступило в действие «Положение о полицейском надзоре, учреждённом по распоряжению административных властей» [1], изданное 12 марта 1882 г. В основе этого документа лежали «Правила полицейского надзора за лицами, обнаружившими вредные политические стремления», подписанные 26 апреля 1863 г. императором Александром II, и «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» 14 августа 1881 г. [2]

Положение устанавливало, что полицейский надзор над лицами, вредными для общественного спокойствия, является только мерой «предупреждения преступлений против существующего государственного порядка» [3]. Как мера

наказания гласный надзор был не определён, однако фактически ссылка вбирала в себя функции наказания: изменение привычной жизненной среды, удаление от знакомого круга общения, ограничения в свободе передвижения, деятельности и так далее. Круг лиц, на которых распространялось действие Положения, включал в себя людей, совершивших государственное преступление и подвергнутых гласному полицейскому надзору.

Основная часть Положения о полицейском надзоре и масса циркуляров имели своей целью установление контроля над поднадзорными. Сведения, собираемые чинами полиции, на местах сходились к уездным исправникам и полицмейстерам. На губернском уровне контроль над ссыльными осуществлял губернатор, а централизующим звеном в этой цепи являлся Департамент полиции, куда стекалась информация о поведении каждого гласного поднадзорного.

Надзор со стороны Департамента полиции реализовывался посредством регулярного составления «Ведомостей о лицах, состоящих под надзором полиции в губернии по делам политического характера и вообще по распространению революционной пропаганды» [4].

Одной из основных составляющих ссылки являлось ограничение свободы передвижения и выбора места жительства. Регулированию вопросов, связанных с местом водворения и отлучками поднадзорных, посвящено десять статей Положения о полицейском надзоре и ряд циркуляров.

Лицо, совершившее государственное преступление, обязано было жить в определённом ему месте. По прибытии в губернию её глава назначал ссыльному в качестве места жительства город или село. Здесь воля губернатора ограничивалась циркуляром Департамента государственной полиции от 10 февраля 1883 г., в котором было отмечено, что необходимо избегать водворения поднадзорных «в городах и селениях, где имеются высшие и средние учебные заведения, а равно учительские семинарии» [5]. Высочайшее положение от 12 июня 1887 г. потребовало от начальников губерний назначать для ссылки «местности, расположенные вне крупных центров, городов с высшими учебными заведениями и вдали от места преступной деятельности обвиняемых» [6], целью данных ограничений стало стремле-

ние устранить возможность побегов и лишить политических ссыльных благодатных слушателей и вероятных сторонников из числа учащихся и студенчества.

С возобновлением ссылки в 1897 г. губернатор вместе с правом размещать ссыльных по своему усмотрению получил рекомендации выбирать места водворения вдали от железных дорог и средних учебных заведений. Железных дорог в 1897 г. в Вятской губернии не было [7], средние учебные заведения располагались в Вятке, Елабуге и Сарапуле. Однако губернский центр активно использовался как место ссылки, это можно объяснить увеличением потока лиц, совершивших политические преступления и направленных в губернию, и наличием достаточного полицейского аппарата.

Губернаторы также имели право по собственному усмотрению переводить состоящих под их надзором лиц из одного разряда местности в другой. Такой перевод, с одной стороны, мог использоваться как мера наказания в случае неблагонадёжного поведения гласного поднадзорного. Так, Ф. Э. Дзержинский и А. И. Якшин были переведены из Нолинска в отдалённое село Кай Слободского уезда. С другой стороны, многие ссыльные стремились переселиться ближе к цивилизации, в губернский центр. На такие перемещения губернатор шёл в редких случаях: по причине болезни, лечение которой возможно только в г. Вятке, либо в связи со скорым окончанием срока ссылки.

Ограничению свободы передвижения способствовало и то, что у отданного под надзор полиции отбирались все документы, вместо них выдавалось «свидетельство на проживание в назначенной ему для того местности, без означения, однако, в нём того, что лицо, его получающее, находится под надзором полиции» [8].

Гласный поднадзорный имел право отлучаться из места водворения, но только по разрешению в пределах уезда уездным исправником, в пределах губернии – губернатором, в другие губернии – министром внутренних дел. Из-за опасности побегов период прохождения отлучки был детально регламентирован. Ссылному, получившему разрешение на поездку, выдавалось проходное свидетельство, в котором указывалось место отлучки, её длительность, а также точный путь до места назначения. Поднадзорный не имел права останавливаться на пути следования. Только в случае болезни или по другим непреодолимым причинам политический ссыльный мог сделать непредвиденную остановку, немедленно известив при этом местное полицейское начальство [9].

Перед отправлением из места водворения и места отлучки и в течение дня после прибытия

поднадзорный обязан был явиться к местной полицейской власти и получить отметку в проходное свидетельство. По возвращении необходимо было вернуть проходное свидетельство и маршрут в полицейское управление. Без соблюдения этих формальностей ссыльный считался в самовольной отлучке. Строгое соблюдение данной процедуры позволяло контролировать ссыльного и за пределами назначенного ему места водворения. Надзор продолжал осуществляться и в месте временного пребывания ссыльного, и в случае предосудительного поведения гласный поднадзорный мог быть досрочно возвращён из отлучки.

В процессе применения Положения о полицейском надзоре возникли трудности с определением момента начала самовольной отлучки. Многие ссыльные часто выходили за пределы города или села поохотиться либо просто прогуляться, не спрашивая при этом разрешения у властей. Недоразумения возникли из-за отсутствия чётко определённых границ, очерчивающих зону, которая была разрешена для свободного перемещения ссыльных.

Губернатор 21 апреля 1900 г. приказал уездным исправникам и полицмейстерам «определить точно район, за пределы которого поднадзорные не могут отлучаться без особого на то разрешения» [10]. В течение мая – начала июля 1900 г. начальники полиции на местах определили границы в среднем на расстоянии 1–3 вёрст от города [11]. Решение губернатора вызвало волну протестов со стороны политических ссыльных, так как, ограничивая район, разрешённый для свободного перемещения, полицейские чины исходили из идеи исключения возможности побегов и забывали о естественных потребностях поднадзорных. В Нолинске большая часть территории в так называемой черте оседлости была непригодна для прогулок: кладбище, кожевенный завод, свалка нечистот, скотобойня [12].

Несмотря на меры предупреждения, которые были обозначены в Положении о полицейском надзоре, побегі всё же были. За период с 1897 по 1905 г. из Вятской губернии было совершено 22 побега. Вятский губернатор вину за побегі возлагал на местные полицейские чины, требуя принять меры к их предупреждению, однако без особого успеха [13].

Ссылка как мера ограничения свободы, более мягкая по сравнению с тюремным заключением, требовала от полицейских чинов приложения значительных усилий по установлению надзора за политическими ссыльными, поэтому в Положении 1882 г. были прописаны особые права полиции. Местная полицейская власть в любое время могла потребовать от поднадзорного не-

медленно явиться в полицию, она имела право входить в квартиру ссыльного во всякое время, а также производить обыски и выемки [14].

Проведение обысков было детально регламентировано. Сделано это было для того, чтобы предотвратить использование обыска со стороны местной полиции в качестве меры наказания. О каждом произведённом обыске или выемке должен быть составлен протокол с изложением причин обыска и его результатов. Обыск проводился исключительно в присутствии обыскиваемого лица. Например, обыск политических ссыльных в г. Уржуме производился старшим чиновником особых поручений князем Гагариным, который в своих рапортах подробно описал найденную литературу и бумаги, которые вызывали сомнение в благонадёжности. После тщательного изучения книги и бумаги, признанные разрешенными к пользованию, возвращались владельцам.

Надзор вёлся и за корреспонденцией гласных поднадзорных. Просмотру подвергалась переписка лишь отдельных лиц, и только по приказу министра внутренних дел. Однако на местах некоторые начальники жандармских управлений, неправильно истолковав Положение 1882 г., подвергли контролю переписку всех ссыльных. Циркуляром от 22 октября 1897 г. Департамент полиции разъяснил, что просмотр корреспонденции возможен лишь по согласию с министром внутренних дел [15]. В Вятской губернии с 1897 по 1905 г. подобный контроль был установлен над перепиской В. В. Воровского, отправлявшего письма за пределы империи, в г. Краков, Ф. Э. Дзержинского и А. И. Якшина за «проявление ими крайней неблагонадёжности и вредное влияние на других» [16]. В подобном случае детальному изучению подвергалось содержание корреспонденции, личности состоящих в переписке. Безотлагательному просмотру подлежали телеграммы, письма, бандерольные отправления, посылки поднадзорного.

Надо отметить, что правительство не пошло на ущемление прав лиц, свободных от надзора, в случае, если через них шла корреспонденция ссыльных, просмотр почты третьих лиц был запрещён [17]. Однако ничто не мешало МВД или Департаменту полиции подчинить этих лиц негласному надзору за неблагонадёжностью.

Над перепиской подавляющей части политических ссыльных осуществлялся негласный контроль, который выливался лишь в визуальный осмотр конверта и количественный подсчёт писем, присылаемых каждому поднадзорному. Так, К. И. Захарова была переведена из Вятки в г. Орлов за широкий объём корреспонденции. Благодаря этому ссыльные периодически получали послания с ярко выраженным политическим характером. Например, А. Н. Потресову в числе

литературных новинок присылали марксистские издания.

В Положении о полицейском надзоре были прописаны и способы наказания поднадзорных за невыполнение правил, установленных на период пребывания в ссылке. Статья 32 Положения заключает в себе исчерпывающий список наказаний: штраф; арест до трёх суток по постановлению местного начальника уездной или городской полиции, – до семи суток по распоряжению губернатора, – до 1 месяца по предписанию министра внутренних дел.

Вятский губернатор в своём циркуляре отмечал, что одной из целей ссылки является «подчинение лиц поднадзорных известной дисциплине» [18]. Эта задача решалась, по мнению губернатора, в процессе применения статьи 32 Положения, которая предоставляла властям право налагать на поднадзорных взыскание за все отступления с их стороны от правил надзора. Инструктируя уездных исправников на предмет наложения взыскания на ссыльных, губернатор подчёркивал, что «осмотрительное и согласное с справедливостью применение этого права без сомнений не может не принести плоды делу...» [19]. Таким образом, при наложении наказания на провинившегося ссыльного полицейские чины должны были руководствоваться также нормами морали, что позволило бы следовать поставленной цели поддержания дисциплины.

Цель применения гласного надзора – возвращение ссыльного в общество гражданином для него не опасным – должна была осуществиться через взаимодействие двух задач: подчинение лица высланного дисциплине, а также предоставление ему возможности вести правильную трудовую жизнь. Поощрение к труду считалось одним из наиболее действенных средств уравновешения лиц, подчинённых надзору. Причём речь шла о приискании средств существования: политические ссыльные, не имеющие собственных средств, обязаны были зарабатывать на жизнь своим трудом.

Особенность ситуации заключалась в том, что, с одной стороны, местная власть стремилась к вовлечению как можно большей части ссыльных в трудовую деятельность, усматривая в ней способ успокоения политически неблагонадёжного населения, а также возможность использования высококвалифицированных, интеллектуально развитых кадров на благо губернии, особенно, если данная местность испытывала недостаток в специалистах. С другой стороны, администрация губернии пыталась избежать возникновения регулярного личного общения гласных поднадзорных с местным населением и в особенности с молодёжью. Власть опасалась, что ссыльные окажут противоправительственное влияние на мест-

ное население и идеи, признанные вредными, будут распространяться дальше.

Исходя из обстоятельств, сфера деятельности политической ссыльных была ограничена. В 1863 г. поднадзорным была запрещена работа в губернских и уездных управлениях и только в особых случаях допускались исключения из правил. Циркуляром от 25 января 1865 г. гласные поднадзорные перестали допускаться к воспитанию детей в частных домах.

Положением 12 марта 1882 г. все ограничения в занятиях политических ссыльных были сведены в единый перечень. Поднадзорным была запрещена: государственная и общественная служба; педагогическая деятельность; обучение ремёслам; чтение публичных лекций, участие в публичных заседаниях учёных обществ и вообще всякая публичная деятельность; содержание типографий, литографий, фотографий; торговля книгами; содержание трактирных и питейных заведений [20].

Все остальные занятия поднадзорным разрешались. Однако губернатор имел право запретить ссыльному тот или иной вид деятельности. Этот запрет не мог быть безосновательным: воспрещение избранного занятия гласного поднадзорного было возможно, если оно служило «средством осуществления его предосудительных замыслов» [21], представлялось по местным условиям опасным для общественного порядка и спокойствия. Над подобной запретительной деятельностью губернаторов осуществлялся надзор со стороны министра внутренних дел, который мог отменить воспрещение на какой-либо вид деятельности для конкретного лица, если признает это необходимым.

В случае невозможности самостоятельного приобретения средств существования либо по причине слабого здоровья, либо неспособности найти работу по специальности, поднадзорные получали денежное пособие от казны.

Циркуляром от 30 декабря 1898 г. был чётко очерчен круг трат, которые могли быть отнесены на счёт казны: издержки на содержание лиц, на наём квартир в размере 1,50 руб. и только для привилегированных ссыльных; пособие на заготовление одежды, обуви, плата за лечение; на перевозку и содержание в пути лиц, высланных под надзор [22].

Положение от 12 марта 1882 г. установило правило выдачи денежного пособия, в том числе и членам семей высланных, последовавшим за ними в места водворения. Пособие выдавалось в размере 1,50 руб. для непривилегированных и 4,50 руб. для привилегированных лиц. С 1879 г. ссыльным, окончившим среднее или высшее учебное заведение, выдавалось пособие от казны 4,50 руб. [23]

Недовольство ссыльных скромностью пособия привело к тому, что губернаторы стали направлять в министерство внутренних дел ходатайства об увеличении денежного пособия от казны. Однако результатов это не принесло, и размер выплат остался прежним.

Пособие на одежду выдавалось отдельно, на него заводилась своя требовательная ведомость. Было предписано, что оно будет назначаться тем поднадзорным, которые пользуются пособием на содержание и лишь при действительной необходимости в этих вещах, если по прошествии определённого срока «вещи оказываются годными к носке, то заменяются новыми не прежде, как впадут в негодность» [24]. Нуждающиеся ссыльные также могли лечиться в больнице за счёт казны.

При отправлении требовательных ведомостей на предоставление кредита из казны губернаторам необходимо было указать, действительно ли ссыльный нуждается в средствах существования. С этой целью губернатор циркулярно предписал уездным исправникам подавать сведения о материальном положении гласных поднадзорных, претендующих на получение пособия. Тот факт, что в 1903 г. предписание было продублировано [25], говорит о его невыполнении исправниками, вероятно, вследствие сложности сбора подобных сведений. В целом количество ссыльных, обеспеченных даже таким небольшим пособием, было невелико.

Положением о полицейском надзоре предусматривалась возможность облегчения участи тех ссыльных, которые вели безупречный образ жизни и своим поведением показали готовность исправить свои политические ошибки. Подобные лица могли быть освобождены от ряда ограничений в выборе занятий и некоторых стеснительных мер надзора, но только разрешением министра внутренних дел.

По окончании срока ссылки или по получении распоряжения начиналась процедура освобождения лица от гласного надзора. Эта процедура была детально регламентирована Положением 1882 г. и рядом циркуляров.

Освобождённому под подписку объявлялось предписание об учреждении за ним негласного надзора на два года [26]. Негласный надзор являлся одной из мер «предупреждения государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной политической благонадёжности» [27]. 10 января 1904 г. негласный надзор был отменён министром внутренних дел Плеве как мера, недостаточная для возросшего количества негласноподнадзорных. К тому времени уже действовали розыскные органы политической полиции, которые вместе с чинами Жандармского управления и Охранных

отделений с большим профессионализмом и эффективностью, нежели чины общей полиции, стали осуществлять надзор за политически неблагонадёжными лицами.

Лицам, освобождённым от гласного надзора, начиная с 20 октября 1883 г. объявлялось о запрете на проживание в столицах Российской империи и Санкт-Петербургской губернии. В 1902 г. в число мест, запрещённых для жительства бывших гласных поднадзорных, была включена Московская губерния [28]. Это мотивировалось тем, что ввиду близости от столицы полицейским чинам сложно контролировать поездки в Москву лиц, на которых распространяется запрет.

Запрет на проживание в столицах и столичных империях первоначально был бессрочным. Но начиная с 1902 г. министерство внутренних дел ограничивалось пятилетним сроком воспрещения жительства в этих местностях для бывших ссыльных. 28 декабря 1904 г. министр внутренних дел Святополк-Мирский установил, что ограничения в выборе мест проживания будут устанавливаться в индивидуальном порядке и лишь после возбуждения ходатайства со стороны местной власти [29].

У отданного под гласный надзор полиции отбирались все документы. По окончании срока ссылки возникала задача возвращения документов. Циркуляром от 13 февраля 1882 г. было установлено, что документы освобождённого ему не возвращались, а пересылались по почте властям тех мест, куда бывшие ссыльные направлялись. Положение о полицейском надзоре от 12 марта 1882 г. устанавливало порядок немедленного возвращения документов лицам, срок надзора которых подошёл к концу.

Таким образом, после издания Положения о полицейском надзоре, циркуляр от 13 февраля 1882 г. потерял свою силу. Однако на практике действовал порядок, введённый упомянутым выше циркуляром. Так, вятский губернатор 20 октября 1883 г. писал уездным исправникам: «При отправлении освобождаемых от полицейского надзора административных ссыльных, документы означенных лиц от них отбирать и препровождать по почте начальствам тех мест, куда они отправляются» [30]. Лишь в 1905 г. [31] действие циркуляра от 13 февраля 1882 г. было отменено.

Итак, значительный опыт использования ссылки как меры наказания позволил разработать в конце XIX в. эффективную законодательную базу, которая успешно регулировала взаимодей-

ствие ссыльных и местной власти во всех уголках империи. Положение о полицейском надзоре с рядом разъясняющих и дополнительных циркуляров регламентировало жизнь политических ссыльных, начиная с момента объявления гласного надзора и заканчивая процессом возвращения в общество.

Надо отметить, что стройная и продуманная правовая основа гласного полицейского надзора на местах подвергалась определенной деформации. Коррективы вносили как природные и социально-политические особенности мест ссылки, так и личные качества начальников губерний и полицейских чинов, непосредственно реализующих данные нормы права. В результате это приводило к созданию напряжённой ситуации между политическими ссыльными и местной властью, что вылилось в радикализацию взглядов гласных поднадзорных, которые после освобождения приступали к активной политической деятельности.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 2–4.
2. ПСЗ–3. № 350. Закон продлялся в 1884, 1887, 1890, 1893, 1896 гг. и т. д.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 2.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 1–245; Оп. 159. Д. 71. Л. 1–91 и т. д.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 40.
6. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 149.
7. Пермь-Котласская железная дорога была проложена в 1899 г.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 2.
9. Там же. Л. 2об.
10. ГАКО. Ф. 715. Оп. 1 Д. 7. Л. 6.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 87. Л. 2–26.
12. *Луппов, П. Н.* Политическая ссылка в Вятский край [Текст] / П. Н. Луппов. М.: Всесоюзное общ-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 108.
13. ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 7. Л. 10, 23.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 3.
15. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 10. Л. 53.
16. *Луппов, П. Н.* Указ. соч. С. 99.
17. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 10. Л. 52.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 37. Л. 169.
19. Там же.
20. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 3–3об.
21. Там же. Л. 3об.
22. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 69об.
23. ГАКО. Ф. 582. Оп. 155. Д. 81. Л. 9.
24. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 70.
25. ГАКО. Ф. 582. Оп. 155. Д. 81. Л. 26.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 30.
27. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 10. Л. 37.
28. ГАКО. Ф. 718. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
29. ГАКО. Ф. 582. Оп. 155. Д. 81. Л. 30.
30. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 48.
31. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 14. Л. 63.

Е. П. Киселева

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ НАПРАВЛЕННОСТИ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И САОМОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье изложены история вопроса и результаты проведенного автором исследования, обосновано значение специальной работы со студентами.

Для диагностики самоотношения студентов мы использовали методику В. В. Столина, а для определения направленности мотивации – «Опросник направленности учебной мотивации», разработанный Т. Д. Дубовицкой.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что большинство студентов имеют внутреннюю направленность мотивации учебной деятельности. Они более активны, произвольны и сознательны в планировании учебной деятельности, нежели внешне направленные. Для большей части современных студентов вуза характерным является открытость, саморуководство, самоуважение, принятие себя и чувство ценности собственной личности, но у некоторых в то же время существует готовность поставить себе в вину собственные недостатки и переживание чувства конфликтности собственного «Я». Направленность мотивации учебной деятельности взаимосвязана с самоотношением студентов, с такими его параметрами, как самооценочность, самопринятие, саморуководство. Студенты, ценящие и принимающие себя, ощущающие собственное «Я» как внутренний стержень, организующий и интегрирующий его личность, имеют внутреннюю направленность мотивации учебной деятельности.

В числе психолого-педагогических проблем высшей школы одно из центральных мест принадлежит задачам организации учебной деятельности студентов (Е. Л. Афанасенкова, О. А. Чаденкова, Н. А. Павлова, Л. М. Разорина и др.). Для того, чтобы учебная деятельность протекала успешно, студент должен самостоятельно планировать, реализовывать и контролировать ее, у него должна быть выраженная мотивация учения. Важно, чтобы сама структура учебной мотивации обеспечивала верную направленность деятельности учения (А. Г. Бугрименко).

Изучение мотивов учебной деятельности обусловлено, прежде всего, тем, что у большинства современных студентов учебная деятельность приобретает формальный характер, она больше ориентирована не на усвоение новых знаний, а на успешную сдачу сессии любыми средствами

(О. А. Чаденкова). При этом у многих студентов отсутствуют творческий подход в решении учебных задач, желание работать с дополнительной литературой, самостоятельная постановка учебных целей, самоконтроль и т. д. [1]

В условиях перехода к многоуровневой системе образования от студентов требуется самостоятельность, умение правильно организовать работу, учитывать и распределять время. Решение этих вопросов существенно для совершенствования практики обучения в вузе, так как высокий уровень учебной мотивации, ее внутренняя направленность являются действенным средством повышения эффективности и качества учебного процесса. Мотивы являются главной движущей силой в деятельности человека, в процессе становления и развития его личности, в формировании будущего специалиста-профессионала (А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, А. К. Маркова, Д. И. Фельдштейн и др.).

Исследованием мотивации учебной деятельности студентов занимались Н. А. Павлова, Е. Л. Афанасенкова, С. Г. Чиркина, Л. С. Стародубцева, О. А. Чаденкова, Л. М. Разорина и др.

Е. Л. Афанасенкова, выявив особенности учебной мотивации студентов, составила обобщенную модель развития их мотивационной сферы и на ее основе разработала комплексную программу профессионально и личностно-ориентированного обучения, с целью оказания прямого позитивного воздействия на систему мотивов учения студентов. По данным Е. Л. Афанасенковой, мотивация учения студентов имеет следующую особенность: те из студентов, кто отрицательно мотивирован в учении, негативно относятся к процессу обучения в вузе и к людям, которые его контролируют (например, к преподавателям). Они, как правило, не намерены связывать свое профессиональное будущее с первоначально выбранной специальностью. Модель мотивационной сферы студентов, разработанная данным автором, включает в себя следующие элементы: высокую адаптивность, эмоциональную стабильность, высокий внутренний контроль, самоотношение, принятие других; ядром структуры является стремление к самосовершенствованию [2].

Отдельной темой в исследовании мотивации является изучение ее направленности. С. А. Рубинштейн отмечал, что, для того чтобы учащийся по-настоящему включился в работу, нужно сделать поставленные в ходе учебной деятельности задачи не только понятными, но и внутренне принятыми им, т. е. чтобы они приобрели значимость и нашли, таким образом, отклик и опорную точку в его переживании. Уровень сознательности существенно определяется тем, насколько личностно значимым для учащегося оказывается то, что объективно, общественно зна-

чимо [3]. Мотивация, по выражению С. А. Рубинштейна, есть детерминация деятельности «изнутри» личности, она понимается как побудитель человеческой активности.

Способность мотива вызвать действие зависит от условий и проявления мотива внутри или вовне. Мотив считается внешним, если основной причиной поведения является обретение чего-либо за рамками этого деятельного поведения (в студенческом возрасте такими мотивами могут выступить возможность будущего трудоустройства, отсрочка от армии и т. д.). При внутреннем мотиве человек получает удовлетворение непосредственно от самого поведения, самого действия (А. Б. Орлов). А. Г. Бугрименко к внутренней мотивации в студенческом возрасте относит познавательные и подлинно профессиональные мотивы, подвигающие субъекта к совершенствованию своей деятельности.

Анализ продуктивности учебной деятельности, побуждаемой внутренними и внешними учебными мотивами, представлен в работах ряда исследователей [4]. В. И. Чирков [5], делая обзор западных экспериментальных исследований влияния внешней и внутренней мотивации на деятельность человека, отмечает, что внешняя мотивация убывает с исчезновением внешнего подкрепления, снижает креативность, спонтанность. Она связана с преобладанием отрицательных эмоций, облегчает выполнение деятельности, имеющих алгоритм их реализации, однако снижает объем и качество решения эвристических задач. При этом люди с преобладанием внешней мотивации предпочитают выбирать простые задачи или только те, за которые они получают вознаграждение.

Внутренне мотивированное поведение может продолжаться достаточно долго при отсутствии видимых наград, положительно влияет на когнитивную гибкость, облегчает выполнение деятельностей, требующих эвристического метода, способствует креативности, вызывает эмоции интереса и радостного возбуждения. Преобладание внутренней мотивации повышает самоуважение, частоту предпочтения более трудных заданий (оптимальной трудности) [6].

Механизм возникновения внутренней мотивации зависит от двух видов ощущений, как полагают Р. Уайт и Р. де Чармс, – ощущение компетентности и ощущение самодетерминации. Ощущение компетентности – это ощущение всей полноты своих возможностей, ощущение «я знаю, я могу». Ощущение самодетерминации – это осознание себя причиной своих действий. Если же человек не может противостоять внешним требованиям, подчиняется им, – он теряет контроль над своей жизнью и ощущает при этом неудовлетворенность, страх перед будущим, что

характеризует неадекватный уровень его самоотношения (низкий уровень самоуверенности, высокий уровень самообвинения и др.) [7].

Вопросы направленности мотивации учебной деятельности студентов вуза исследовали Т. Д. Дубовицкая, А. Г. Бугрименко и другие. Т. Д. Дубовицкая разработала методику по изучению направленности учебной мотивации на определенные предметы, которая может использоваться в следующих целях: 1) анализ причин неуспеваемости учащихся; 2) выявление категорий учащихся в зависимости от направленности мотивации изучения предмета (доминирование внешней мотивации, внутренней мотивации или средний уровень); 3) обеспечение психологического сопровождения учащихся в процессе обучения; 4) исследование эффективности преподавания учебных дисциплин и поиска резервов ее повышения [8].

А. Г. Бугрименко с целью выявления специфики учебной мотивации студентов педагогического вуза, а также влияния на учебную деятельность внутренней и внешней учебной мотивации поставила вопрос о нахождении специальных методов диагностирования. Для диагностики внутренней учебной мотивации ею использовались три методики: «Методика измерения временных интервалов», методика «Составление учебного плана», «Экспертная оценка и самооценка выраженности внутренней и внешней учебной мотивации». Проведенное исследование позволило данному автору сделать вывод, что учебная деятельность внутренне и внешне мотивированных студентов различается. Преимущественно внутренне мотивированные студенты более «погружены», «включены» в учебный процесс, тогда как учебная деятельность мотивированных внешне студентов подчинена в большей степени внешним по отношению к процессу и результату учебной деятельности факторам [9].

Несмотря на большое количество работ по изучению мотивации учебной деятельности студентов вуза, практически отсутствуют исследования, рассматривающие особенности взаимосвязи направленности мотивации учебной деятельности и самоотношения студентов.

Вопросы об отношении субъекта образования к себе, о «претворении» адекватного самоотношения в процессе учебной деятельности стали актуальными для сферы образования в свете процессов гуманизации образовательного процесса в последние годы.

В. Ковалева пишет о том, что еще пятнадцать лет назад, выстраивая социально-психологический портрет так называемого «идеального» студента (термин условный, определяющий студента, с которым хотели бы работать большинство преподавателей), университетские педагоги на первое ме-

сто ставили преимущественно такие качества, как дисциплинированность, прилежание, отмечая в их реальном портрете недостаточный уровень развития желаемых качеств и наличие таких нежелательных качеств, как инфантилизм, социальная незрелость, учебная пассивность [10].

Современная ситуация требует личностей ярких, самодостаточных, испытывающих потребность в активной деятельности, способных к осознанному выбору, что предполагает в свою очередь такую характеристику, как «положительное отношение к себе»: имеется в виду положительное самовосприятие, готовность принимать себя и других, отсутствие тревожности и неуверенности в себе. Известно, что люди, обладающие высоким уровнем самопринятия, самоуважения, низким уровнем конфликтности и самообвинения относятся к другим с пониманием, а люди с противоположными характеристиками склонны к отсутствию понимания и принятия других людей (Р. Бернс).

В психологической литературе в настоящее время нет определенности в определении термина «самоотношение». Для обозначения содержания самоотношения используются такие термины, как самоуважение, самопринятие, любовь к себе, самоуверенность, самоуничижение, самообвинение и множество других. Как справедливо замечает С. Р. Пантеев, иногда за этими терминами стоят различия теоретических ориентаций исследователей, иногда – различные представления о феноменологическом содержании самоотношения, но чаще – просто различия в словоупотреблении, базирующиеся на плохо от-refлексированных предпочтениях [11].

Теоретическое изучение проблемы самоотношения наиболее полно представлено в трудах И. С. Кона, М. И. Лисиной, В. В. Столина, И. И. Чесноковой, Е. Т. Соколовой, С. Р. Пантеева, В. Ф. Сафина, А. А. Бодаева, А. Н. Леонтьева, К. Роджерса, К. Хорни, М. Розенберга, Р. Бернса и др. [12]

Терминологическую разницу в трактовке сущности и содержания самоотношения возможно преодолеть, если обратиться к пониманию самоотношения в контексте представлений о смысле «Я» (В. В. Столин, 1983; С. Р. Пантеев, 1993), поскольку смысл «Я» предполагает определенный способ его выражения, а разнообразие таких способов подразумевается спецификой используемого языка как отдельными индивидами, так и различными общностями.

С. Р. Пантеевым и В. В. Столиным было предложено понимание самоотношения как сложной уровневой эмоционально-оценочной системы. В качестве исходных названо 9 измерений (модальностей), которые наиболее существенно характеризуют самоотношение в адрес

собственного «Я»: открытость, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самоценность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение [13].

С целью выяснения особенностей взаимосвязи направленности мотивации учебной деятельности и самоотношения студентов вуза нами было проведено исследование, в котором приняли участие 244 студента Вятского государственного гуманитарного университета в возрасте от 17 до 24 лет (56 юношей и 188 девушек).

Для диагностики самоотношения студентов мы использовали методику В. В. Столина [14], а для определения направленности мотивации – «Опросник направленности учебной мотивации», разработанный Т. Д. Дубовицкой [15].

Результаты исследования показали, что у значительной части студентов внутренняя мотивация преобладает над внешней (62,1 и 37,9% соответственно). Значения по параметрам самоотношения в большинстве случаев находятся в средних и высоких пределах у положительно направленных параметров (открытость, самоуверенность, саморуководство, самоценность и т. д.) и в низких и средних – у отрицательно направленных (внутренняя конфликтность, самообвинение) (табл. 1).

Таблица 1
Значения параметров самоотношения у студентов

Параметры самоотношения	Уровни развития параметров самоотношения (%)		
	Низкий	Средний	Высокий
Открытость	7,4	80,2	12,3
Самоуверенность	15,6	67,9	16,5
Саморуководство	32,5	48,6	18,9
Отраженное самоотношение	23,5	59,7	16,9
Самоценность	5,8	51,9	42,4
Самопринятие	6,2	39,1	54,7
Самопривязанность	17,3	82,3	0,4
Внутренняя конфликтность	36,6	58,8	4,5
Самообвинение	54,7	40,3	4,9

Для количественного анализа особенностей взаимосвязи самоотношения и направленности мотивации учебной деятельности студентов нами использовался статистический пакет SPSS 11.0 for Windows (метод ранговой корреляции Спирмена, критерий хи-квадрат Пирсона).

Исследование показало значимую взаимосвязь целого ряда измерений самоотношения и направленности учебной мотивации. Отмечается положительная корреляция между направленностью мотивации и самоценностью ($r = 0,227$; $p \leq 0,05$),

самопринятием ($r = 0,203$; $p \leq 0,05$), саморуководством ($r = 0,131$; $p \leq 0,01$).

Студенты, внутренне направленные на учебную деятельность, в большей степени, нежели направленные внешне, переживают собственное «Я» как внутренний стержень, интегрирующий и организующий их личность, деятельность и общение, ценят себя, принимают свою личность.

Отсутствуют значимые связи направленности мотивации с такими измерениями самоотношения, как открытость, самопривязанность, самообвинение, внутренняя конфликтность, самоуверенность.

Заслуживает внимания динамика направленности учебной мотивации студентов в зависимости от курса. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Направленность мотивации учебной деятельности студентов по курсам их обучения

Курс	Направленность мотивации учебной деятельности у студентов (%)	
	Внешняя	Внутренняя
I	58,6	41,4
II	39,8	60,2
III	29,4	70,6
IV	11,5	88,5
V	25,0	75,0
В целом по выборке	37,9	62,1

От первого к пятому курсу отмечается рост внутренней направленности мотивации на учебную деятельность. Пик преобладания внутренней мотивации приходится на IV курс, когда студенты более всего задумываются о важности применения знаний в профессиональной деятельности. На V курсе происходит небольшой спад внутренней направленности учебной деятельности, что может быть связано с большей профессиональной направленностью студентов-выпускников.

В результате проведенного исследования оказалось возможным выявить психологические особенности взаимосвязи направленности мотивации учебной деятельности и самоотношения у студентов вуза. Большинство студентов имеют внутреннюю направленность мотивации учебной деятельности. Они более активны, произвольны и сознательны в планировании учебной деятельности, нежели внешне направленные. По параметрам самоотношения у большинства студентов средние и высокие показатели по положительно направленным параметрам (открытость, самоуверенность, саморуководство, самооценочность и т. д.) и низких и средних – по отрицательно направленным (внутренняя конфликтность, самообви-

нение). Это говорит о том, что характерным для современных студентов вуза является открытость, саморуководство, самоуважение, принятие себя и чувство ценности собственной личности. В то же время преобладание средних показателей по шкалам «Самообвинение» и «Внутренняя конфликтность» говорит о наличии готовности поставить себе в вину собственные недостатки и переживании чувства конфликтности собственного «Я». Направленность мотивации учебной деятельности взаимосвязана с самоотношением студентов, с такими его параметрами, как самооценочность, самопринятие, саморуководство. Студенты, ценящие и принимающие себя, ощущающие собственное «Я» как внутренний стержень, организующий и интегрирующий его личность, имеют внутреннюю направленность мотивации учебной деятельности.

Можно предположить, что специальная работа, направленная на оптимизацию самоотношения, в частности, таких параметров, как самооценочность, самоотношение, саморуководство, поможет увеличить количество студентов, внутренне мотивированных, и, как следствие, поможет студентам более успешно справляться с учебной нагрузкой, стать активными субъектами собственной профессиональной подготовки.

Примечания

1. Чаденкова, О. А. Психолого-педагогические особенности мотивов учебной деятельности студентов различных вузов [Текст] : дис. ... канд. психол. наук / О. А. Чаденкова. Самара, 2003. 158 с.
2. Афанасенкова, Е. Л. Мотивы учения и их изменение в процессе обучения студентов вуза [Текст] : дис. ... канд. психол. наук / Е. Л. Афанасенкова. М., 2005. 265 с.
3. Зимняя, И. А. Педагогическая психология [Текст] / И. А. Зимняя. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 480 с.
4. Чаденкова, О. А. Указ. соч.; Афанасенкова, Е. Л. Указ. соч.; Климчук, В. А. Тренинг внутренней мотивации [Текст] / В. А. Климчук. СПб.: Речь, 2006. 76 с.; Маркова, А. К. Формирование мотивации учения [Текст] / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. М., 1990; Бугрименко, А. Г. Внутренняя и внешняя мотивация у студентов педагогического вуза [Текст] / А. Г. Бугрименко // Психологическая наука и образование. 2006. № 4. С. 51–59.
5. Чирков, В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека [Текст] / В. И. Чирков // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 116–132.
6. Маркова, А. К. Указ. соч.
7. Климчук, В. А. Указ. соч.
8. Дубовицкая, Т. Д. К проблеме диагностики учебной мотивации [Текст] / Т. Д. Дубовицкая // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 73–78.
9. Бугрименко, А. Г. Указ. соч.
10. Ковалева, В. Студент и преподаватель глазами друг друга [Электронный ресурс] / В. Ковалева // Режим доступа: <http://www.informika.ru>. Загл. с экрана.
11. Пантिलеев, С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система [Текст] / С. Р. Пантिलеев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 110 с.

12. Пантилеев, С. Р. Указ. соч.; Кон, И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание [Текст] / И. С. Кон. М.: Политгиздат, 1984. 335 с.; Маралов, В. Г. Основы самопознания и саморазвития [Текст] / В. Г. Маралов. М.: Академия, 2002. 256 с.; Столин, В. В. Самосознание личности [Текст] / В. В. Столин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.; Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии [Текст] / И. И. Чеснокова. М.: Наука, 1977. 143 с.
13. Пантилеев, С. Р. Указ. соч.
14. Маралов, В. Г. Указ. соч.
15. Дубовицкая, Т. Д. Указ. соч.

С. И. Смирнова

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА УЧАЩИХСЯ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СРЕДНЮЮ ШКОЛУ

В статье представлены подходы исследователей к актуальной проблеме психологии – изучению переходных периодов и осмыслению их роли в возрастном развитии личности, в частности учащихся с задержкой психического развития в момент их перехода из начальной школы в основную.

На современном этапе перестройки образовательной системы особо возрастает интерес к непрерывному учебно-воспитательному процессу, в том числе и к периоду перехода детей из начальной школы в среднюю. Поскольку с переходом в основную школу коренным образом изменяются условия обучения, большинство учащихся переживают этот момент сложно, что может проявиться в снижении интереса к учению, в появлении негативизма в поведении, изменении социального статуса ребенка и многом другом. При этом незначительная часть детей использует переход с одной ступени обучения на другую как возможность изменить свои отношения с одноклассниками, учителями, повысить свой учебный потенциал. По утверждению ряда исследователей (А. М. Прихожан, Т. И. Юферева и др.), в этот период для части детей характерно стремление к переменам, причем в лучшую сторону, основу которого составляет не реальная успешность в учебной деятельности, а субъективное отношение к ней (И. В. Дубровина, Д. И. Фельдштейн и др.).

В то же время исследования показывают, что значительную трудность для ребенка представляет смена социальных отношений. Дети, обучающиеся некоторое время у одного учителя, встречаются в средней школе многих педагогов с разными характерами, стилем общения и, главное, разными требованиями к учащимся. Анализ теоретических исследований по проблеме периода

перехода детей из начальной школы в среднюю показал различия в подходах к его изучению. Само понятие «переходный период (возраст)» трактуется неоднозначно и часто употребляется как синоним понятия «возрастной кризис».

Первоначальный интерес к феномену возник в связи с изучением проблемы периодизации психического развития в детском возрасте, при построении которой авторы опирались на разные критерии.

Согласно А. С. Выготскому, суть переходных периодов – это смена социальной ситуации развития, которая заключается в коренной перестройке всей системы отношений ребенка, связанной с осмысленной ориентировкой в собственных переживаниях, изменяющих его отношение к среде, окружающим людям и самому себе [1].

А. И. Божович любой переходный период связывает с существенным изменением внутренней позиции ребенка, касающейся, в первую очередь, сферы его взаимоотношений с другими значимыми взрослыми и со сверстниками. Общение с последними дает ребенку возможность сравнивать себя с другими, что является важнейшим условием роста интереса к самому себе, развития самосознания.

По мнению А. И. Божович, каждый из возрастов характеризуется совокупностью условий жизни и деятельности детей, с одной стороны, и формирующимися под их влиянием психологическими особенностями, с другой стороны. Эти психологические особенности на каждом возрастном этапе исследователь соотносит со сферой потребностей ребенка, структурой его сознания и системой отношений с миром [2].

А. Н. Леонтьев, вслед за А. С. Выготским, отмечает, что каждая стадия психического развития характеризуется определенным, ведущим на данном этапе отношением ребенка к деятельности и что эта система отношений реализуется в ведущем виде деятельности. Главным признаком переходного периода является изменение ведущего вида деятельности, а вместе с ней начинается и новая стадия развития, связанная с дальнейшим становлением самосознания [3].

Таким образом, ведущая деятельность, благодаря А. Н. Леонтьеву, рассматривается и как критерий периодизации психического развития, и как показатель психического возраста ребенка.

В периодизации возрастного развития личности А. В. Петровского акцент выстраивается на особенностях системы взаимоотношений ребенка с референтной группой как наиболее значимой для него в каждый возрастной период. Исследователь подчеркивает, что к 11 годам ребенок «проходит» период младшего школьного возраста и переходит к отрочеству, и если он

взаимодействует с одной и той же группой, то в своем развитии преодолевает ряд фаз: адаптацию, индивидуализацию и интеграцию. Переходный период от младшего школьного возраста к подростковому определяется по этой логике между процессами адаптации и индивидуализации, что позволяет его рассматривать как сложный и противоречивый [4].

Д. Б. Эльконин, формируя идею о периодичности процессов психического развития, приходит к выводу о том, что существуют основания для выделения 2 разных периодов в этом развитии детей и один из них – это переход от младшего школьного возраста к подростковому. Одну из причин данного явления он видит в стремлении ребенка к самостоятельности, независимости от взрослого, а в целом – в стремлении к построению новой системы отношений со взрослыми [5].

По мнению И. С. Кона, переходный и критический периоды следует рассматривать отдельно друг от друга. Он вводит понятие «социальный переход» и связывает его с переходом ребенка из одного социального состояния в другое [6].

В периодизации Д. И. Фельдштейна младший школьный возраст (6–9 лет) характеризуется позицией «Я в обществе», а подростковый (10–15 лет) – позицией «Я и общество». Переходный период от младшего школьного возраста к началу подросткового характеризуется сменой позиций, «ломкой» отношений и поэтому представляет определенную трудность для ребенка, особенно, на наш взгляд, сложно идет процесс усваивания новых норм человеческих взаимоотношений [7].

В настоящее время просматривается тенденция к интеграции различных подходов для объяснения закономерностей психического развития. Исследователь К. Н. Поливанова объединила взгляды В. В. Давыдова, Д. Б. Эльконина, Д. И. Фельдштейна и пришла к выводу, что проектирование образовательного пространства на основе знаний о ведущем виде деятельности является перспективным направлением развития системы образования в целом. Школьники, перешедшие в основную школу, осваивают новое образовательное пространство и их переживания, в основном, связаны с учебной деятельностью, и именно на этом этапе возникает возрастной кризис «Я» [8].

Среди зарубежных авторов наиболее востребованной является периодизация возрастного развития Э. Эриксона, существенно расширившая взгляды исследователей на развитие личности. Обращение отечественных психологов к его исследованиям возможно объяснить тем фактом, что Эриксон рассматривал развитие ребенка в системе социальных отношений, основанной на взаимодействии внутренних и внешних факторов. Эриксон определяет возраст 10–11 лет в рамках

латентной стадии (6–12 лет). Позитивный результат на этой стадии – приобретение чувства компетентности [9].

Т. Н. Князева (2004), анализируя работы ряда авторов, отмечает, что они по-разному оценивают переходный период от младшего школьного возраста к подростковому: «как часть критического подросткового возраста (Л. И. Божович, А. М. Прихожан, Н. И. Толстых); как стабильное начало этого периода (М. Кле); окончание возраста детства (Ф. Дольто); начало негативной фазы критического развития (Ш. Бюллер); начальный этап кризиса между младшим школьным и подростковым возрастом (Д. Б. Эльконин); пред-подростковый кризис (К. Н. Поливанова)» [10].

Тем не менее, как отмечает Г. А. Цукерман, интервал 10–12 лет в возрастном развитии – это «ничья земля»; что связывается автором с отсутствием фундаментальных исследований, посвященных этому возрасту [11].

Г. А. Цукерман отмечает, что этот период развития ребенка характеризуется особым видом ведущей деятельности, которая «вводит» ребенка в мир социальных и интимно-личностных отношений.

Ряд исследователей (К. С. Лебединская, Г. В. Грибанова, В. И. Лубовский, А. В. Кузнецова, Т. Н. Князева и др.) в своих многочисленных работах показывают, что наибольшие трудности в возрасте 10–12 лет возникают у детей, имеющих задержку психического развития (далее – ЗПР).

Для детей этой группы характерны нарушения регуляции поведения и низкий уровень самоконтроля, проявляющийся как в учебной деятельности, так и в поведении. У учащихся с ЗПР в поведении могут проявляться психогенные реакции и, вместе с тем, отсутствуют реакции эмансипации, группирования. Дети с ЗПР не имеют должного уровня развития самосознания, что определяет незрелость мотивационной сферы и системы ценностных ориентаций. По данным исследования В. Н. Брайтфельд, дети с ЗПР 11–13 лет показали два вида учебной мотивации, отнесенной автором к среднему и средне-низкому уровню развития [12].

Позднее формируется у этой группы детей и способность к рефлексивному самоанализу и анализу социальных отношений. Для них характерно более упрощенное представление об окружающем мире и своем месте в нем.

Большинство детей с ЗПР обнаруживают низкие показатели саморегуляции. Самооценка выполняемой деятельности, как правило, завышается. Учащиеся в процессе деятельности допускают большое количество ошибок, но не стремятся их исправить. Некоторые исследователи отмечают в этот переходный период кризис самооценки. При-

чем у детей, развивающихся в норме, этот кризис характеризуется недовольством собой в таких сферах, как общение со сверстниками и учебная деятельность. У детей с ЗПР обострение критического отношения к себе актуализирует потребность в общей положительной оценке своей личности другими людьми, прежде всего родителями, учителями и сверстниками.

Итак, переход учащихся из начальной в основную школу рассматривается в психологии как один из наиболее сложных этапов в обучении и развитии детей. Рассматривая последовательную смену одних периодов другими, такие авторы, как Л. С. Выготский, А. И. Божович, Д. Б. Эльконин, А. Н. Леонтьев, В. В. Давыдов, Д. И. Фельдштейн, И. С. Кон, К. Н. Поливанова и другие, выделили теоретические и практические аспекты данной проблемы.

Теоретические аспекты связываются исследователями, в основном, с вопросами о кризисах возрастного развития. Практические – с системой образования, точнее, с возможностями ее реорганизации с целью более глубокого и последовательного развития детей, в том числе и учащихся с ЗПР.

Методологические подходы к пониманию «кризисов возрастного развития» были заложены Л. С. Выготским, который рассматривал их как отдельные периоды в непрерывном процессе самодвижения. Он подчеркивал, что при переходе от одного возраста к другому растут и развиваются не столько отдельные частичные стороны сознания, отдельные его функции или способы деятельности, сколько изменяется в первую очередь общая структура сознания, которая в каждом отдельном возрасте характеризуется прежде всего определенной системой отношений и зависимостей, имеющих между отдельными его сторонами, отдельными видами деятельности.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сформулировать следующие выводы:

1. Переход учащихся из начальной школы в основную изучается в контексте периодизации возрастного развития и периодов перехода от одного возраста к другому.

2. Системные исследования по проблеме перехода учащихся в среднюю школу практически отсутствуют, что требует дальнейшего практического и теоретического осмысления проблемы (относительно детей как с нормальным, так и с задержанным психическим развитием).

3. «Граница», разделяющая эти возрастные группы, представлена в научных исследованиях

как переходный возраст или, по образному определению Г. А. Цукерман, «ничья земля».

4. Младший школьный и подростковый возраст являются сензитивными для развития практически всех психологических образований, что, естественно, распространяется на переходный период.

5. У детей с ЗПР личностные отклонения, проявляющиеся в этот период, как правило, являются вторичными.

6. В последнее время в общеобразовательных школах обучаются все больше детей с ЗПР не только в начальной школе, но и в основной. В связи с этим возникла необходимость изучения их особенностей в переходный период с одной ступени образования на другую.

7. Существует необходимость в совершенствовании психолого-педагогического сопровождения учащихся с ЗПР.

Примечания

1. *Выготский, Л. С.* Собр. сочинений [Текст] : в 6 т. Т. 4. Детская психология / Л. С. Выготский; под ред. В. Б. Эльконина. М., 1984. 432 с.

2. *Божович, А. И.* Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности [Текст] / А. И. Божович; под ред. Д. И. Фельдштейна. М., 1995. 212 с.

3. *Леонтьев, А. Н.* Проблемы развития психики [Текст] / А. Н. Леонтьев. М., 1972.

4. *Петровский, А. В.* Психология о каждом из нас [Текст] / А. В. Петровский. М.: Изд-во Российского открытого университета, 1992. 332 с.

5. *Эльконин, Д. Б.* Детская психология [Текст] / Д. Б. Эльконин. М., 1960.

6. *Кон, И. С.* В поисках себя: Личность и её самосознание [Текст] / И. С. Кон. М.: Политиздат, 1984. 335 с.

7. *Фельдштейн, Д. И.* Психология современного подростка [Текст] / Д. И. Фельдштейн. М.: Педагогика, 1987. 87 с.

8. *Поливанова, К. Н.* Психология возрастных кризисов [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / К. Н. Поливанова. М.: «Академия», 2000. 184 с.

9. *Эриксон, Э.* Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон. М., 1996.

10. *Князева, Т. Н.* Психологическая готовность к обучению в основной школе детей с задержкой психического развития: Теория и практика исследования [Текст] : монография / Т. Н. Князева. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2004. 196 с.

11. *Цукерман, Г. А.* Переход из начальной школы в среднюю как психологическая проблема [Текст] / Г. А. Цукерман // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 19–34.

12. *Формирование личности в переходный период: От подросткового к юношескому возрасту [Текст] / под ред. И. В. Дубровиной. М.: Педагогика, 1987. 184 с.*

С. В. Ленина

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕЗЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВЛИЯНИЯ

В данной статье рассматривается проблема развития языкового поля немецкой культуры в рамках англоязычного воздействия, отразившего конкретную сферу заимствования в национальном языке Германии. Обозначены ключевые области распространения, степень и качество влияния англицизмов на культурно-генетический, словарный фонд немецкого языка.

Иоганн Готфрид Гердер национальное понимал как часть общечеловеческого, национальную культуру – как своеобразную и равноправную форму проявления общечеловеческой культуры [1]. Немецкий язык, в выведенном силлогизме, утверждается как культурный язык, общественный институт индоевропейской семьи языков, в котором индоевропейские и германские слова явились древнейшей основой немецкого словарного фонда.

Развиваясь на данной базе, отличающейся большей устойчивостью, словарный состав немецкого языка (чуткий к изменениям общественной, культурной жизни) пополнялся неологизмами, созданными и вводимыми коллективным общественным опытом народа, культурного носителя языка [2].

Основные этапы истории развития немецкого языка прослеживаются от древнейших исторических памятников германской культуры, эпохи реформации и образования нормы национального литературного языка, иллюстрируются борьбой с языковым сепаратизмом в XVI–XVII вв., проблемой языкового объединения в XVIII–XIX вв., концентрацией местных диалектов в единый национальный язык [3] до отражения его современного состояния в эпоху глобализации.

В связи с этим немецкими исследователями отмечается в большей степени употребление англо-американских заимствований в национальном языке. Со времён Германа Дунгера [4] пуристами проводились языковые полемики, однако не наблюдалось признаков сокращения употребления англицизмов в немецком языке. Названия *Germisch* [5], *Germerican*, *Engleutsch*, *Denglisch*, скопированные по образцу *Français*, комичны и не отождествляются с научной терминологией. Дэвид Хилд в 1978 г. сделал попытку ответить на вопрос, есть ли у немецкого языка будущее: «‘Deutschlich’ or ‘Engleutsch’ – Has German a Future?» Констатируя загрязнённость немецкого

лексикой английского языка, Хилд пишет о том, что в своей решимости оказать сопротивление у немецкого языка появится будущность [6].

Перейдём к следующим центральным вопросам статьи, а именно:

1. Где главным образом обнаруживают англицизмы в немецком языке: в общенациональном или профессиональных языках, или в обеих областях?

2. В какой степени немецкие тексты и речь носителей в действительности подвержены воздействию английских слов, выражений, пропозиций?

3. Является ли англицизм настолько сильно действующим негативным элементом в немецкой культурно-языковой среде или возможно обнаружить положительные следы влияния?

Первый комплексный вопрос подводит нас к работам Дунгера, которому как пуристу уже в то время бросались в глаза многочисленные англицизмы в профессиональных языках. Приводимые примеры были связаны с хозяйственной и общественной жизнью (*five o'clock tea*, *Parlament*, *Meeting*, *Boss*), кулинарией (*Pudding*, *Beefsteak*, *Vealsteak*, *Toast*), одеждой и материями (*Frack*, *Smoking*, *Schlips*), с терминологией (*Export*, *Trust*, *Börsenjobber*), касались промышленности и торговли (*Film*, *Puzzle*, *Spray*), затрагивали мореходный язык (*Crew*, *Pantry*, *Dock*), транспортные средства и участников движения (*Globetrotter*, *Tram*, *Waggon*, *Lokomotive*), входили в состав технической и научной лексики (*Zement*, *Lift*, *Sprinkler*, *Folklore*, *Slang*, *Nonsense*, *Dentist*), использовались в литературоведческих трудах (*Essay*, *Ballade*, *Leitartikel*), цирковыми наездниками и артистами (*Clown*, *Manager*, *Artist*), включали категорию спорта (*Automobilisport*, *Training*, *fit*, *Match*, *Kicker*, *Team*, *passen*) [7]. Здесь многие из английских заимствований, по мнению Б. Карстенсена и Ф. Дебуса, интегрировались в культурно-языковой слой немецкого настолько, что часто не распознаются в качестве инородных элементов [8].

Важно обратить внимание, при данных обстоятельствах, на то, что повышение уровня технической оснащённости в глобализационной среде вызывает постоянное, интенсивное развитие и проявление новой лексики, по преимуществу англицизмов и американизмов, в профессиональных языках наряду с профессиональным арго, а также на широкий диапазон языковых оттенков между теоретическим (научным) и предметно обиходным (разговорным) языком.

Следующие примеры иллюстрируются как списками слов, так и целыми текстами: В *медицинской* терминологии можно встретить *Clearance*, *Dumping-Syndrom*, *Feedback*, *Tranquilizer*; в *музыкальной* – *Pocketsounder*,

Headplayer, Carrycord; в *туризме* – Airport, Arrival, Departure, VIP, First/Economy Class, Ticket; при обработке *компьютерных* данных – Computer, Display, Hardware, Chip, Floppy-Disk, Diskette, String.

Вопрос, какие именно англицизмы из профессиональных языков и каким образом переходят в общенациональный язык, по обоюдному согласию исследователей (Б. Карстенсен, Ф. Дебус, Х. Генн, Ф. П. Поленц, Д. Штельмахер, Г. Вейнрих) должен быть подвержен дальнейшему изучению. При этом ими чётко выделяется понятийный аспект и утверждается проблемное восприятие английской специализированной лексики среднестатистическим немцем. Так, в текстуальных примерах мы зачитываем:

So sind im Oktober, dem ersten Handelsmonat für diese neue Geldanlage, durchschnittlich 2000 *Puls und Calls* täglich gehandelt worden... («Wirtschaftswoche» 26.11.1982 : 102). Im Zentrum von *Sunny Beat* stehen die *Yoroba-talking drums*, die oft mit *Syn-Drums* und *Synthesizern* korrespondieren, und die Gitarren (die beim Juju die gleiche Rolle spielen wie Bläser beim *Higblife*) – und was für Gitarren! («Stereoplay» 12/1982). *Hi Fans, Sweethearts, Darlings!* Euer *Smarty* ist wieder da mit einer Super-super-*Story*. *News* für alle, die «in» sind: ich hatte soeben ein *Meeting* mit *Fooley* und seiner *Big Band*... *Bye-bye* für heute und *so long!* («Praxis Deutsch» 1981: 39).

Неоспоримым является тот факт, что английский язык как язык межнационального общения составляет значительную часть немецкого словарного состава. С другой стороны, констатируется лишь один процент английских слов в немецком литературном языке [9], что ослабляет характер англо-американского влияния на культурный арсенал языка повседневности в Германии.

Второй комплексный вопрос учитывает именно степень интенсивности англоязычного влияния, «англизации» письменного и устного речевого рисунка немецкого языка (главным образом в сфере профессиональной лексики).

В своей работе, датированной 1966 г., Клаус Геллер [10] привёл первые статистические данные, касающиеся процентного соотношения присутствующих иноязычных слов в вокабуляре немецкого языка. В газетных публикациях за 1962 г. им было выделено 8,7%. Однако «если соотнести количество иностранных слов в тексте только со словами с абстрактным значением, то процентное соотношение увеличится приблизительно вдвое» [11].

Подобные подсчёты, в первую очередь следует отметить Г. Буса [12], считаются проблематичными, и, следовательно, они принимают во внимание лишь пласт внешних заимствований и уста-

навливают исключительно процентную часть англицизмов в общем тексте, исключая точную дифференциацию текстуальности, тематической направленности, использованных первоисточников.

Возможна попытка выяснить у читаемой машиной корпоры (как, например, разработанный Ингер Розенгрэн «Лундский Корпус»), с какой абсолютной частотностью какие английские сочетания встречаются в немецком языке [13]. При внимательном рассмотрении из свыше трёх миллионов словарных форм, охватывающих «Лундский Корпус», форм, которые прослежены и подтверждены более 50 примерами в газете der «Welt» за 1966/67 гг. (приблизительно 2,5 миллиона текущих немецких слов), найдены 14 «чистых» англицизмов или вариантов внутренних заимствований, при которых очевидно влияние английского языка (Export, Import, Trend, Interview, Club, Boot). В противоположность этому выдвинута сравнительно объёмная группа, состоящая из английских имён собственных и их частей или акронимов (USA, Dollar, NATO, York, Times, Boeing, Company); а также широко употребительные англицизмы (по негласной конвенции: Charter, Farm, Know-how, Kreditkarte, Look, Striptease и др.), выстроенные по периферийному кругу в частотной шкале.

Дискуссионным моментом при автоматической обработке результатов, определении численных значений остаётся исторически заложённая словарная форма как графическая единица и случаи полисемии с уже имеющимися или новыми развивающимися значениями от заимствованных английских слов, не адаптированных для процессов восприятия и понимания.

Несмотря на это, упомянутые выше ограничения (с чем соглашается Бродер Карстенсен) хорошо определили то, что на основе существующих исследований, включая письменную речь немецкого языка, процент англицизмов отнюдь не велик, в отличие от оппозиции тех, кто борется за «чистоту» родного языка.

В ракурсе выносимых ключевых проблем мы переходим к третьему комплексному вопросу о возможности положительных следов влияния англицизмов на немецкий культурно-языковой фонд.

Количество двухсложных и многосложных слов, которые нанизывают корневую структуру немецкого языка, незначительное, но подобные заимствования, как Windjammer, pullen, trimmen, Kutter, Klipper, Kreuzer, Lotse, Radar, едва ли можно обозначить как лексику не немецкого происхождения. По-иному оформлены Jogging, Jumbo, Job-Sharing, однако они не доставляют носителям существенных трудностей перевода.

Следовательно, англицизмы не существуют настолько ярко в качестве инородных образова-

ний в немецком, что бы не утверждали пуристы. Если прослеживается схожесть или полная идентификация английской лексики немецкой, то это позволяет наглядно продемонстрировать расширение словарного состава, его обогащение синонимичными формами, стилистическими вариативными возможностями посредством определённых нюансов (насмешка, ирония и др.). Не забывая о языковой мотивированности, об общем знаменателе, немецкий язык подтверждает близкое родство с английским, доминантой германской группы в глобализационное время.

Возникает также вопрос, интегрировались ли семантически англицизмы в немецкий язык и каким образом. Это лучше всего перепроверить на исследовании поведения англицизма при и после принятия его в словарное(ые) поле(я). В первую очередь устанавливается немногочисленное количество полей, в которых заимствованная английская лексика занимает прочную позицию. Другая крайность, отражающая вытеснение или её тенденцию, возвращение или стирание немецкого слова английским, считается редким явлением. *Teenager* безусловно чаще встречается, чем *Backfish*, *Kapelle* перенесло своё значение на *Band*, не оставляя вносимые дифференцированные возможности.

Принятие того факта, что англицизмы заимствуются во многом благодаря технической модернизации, верно, но оно не объясняет причину значительности английских слов *Team* и *Crew* в словарном поле *Mannschaft*, соседства традиционно немецкого *Schau* с *Show*, появления *Frust* в культурно-языковом поле немецкого языка. Дается только один ответ, провозглашающий английский язык, в своём трансатлантическом варианте, языком мирового значения [14].

Вынося суммарную оценку влиянию английского языка на немецкий, мы завершаем статью обращением к Бродеру Карстенсену, который писал: «В принципе, данное влияние не следует переоценивать. Политические, экономические, технические и языковые факторы подвели к совсем не так уж неожиданному факту, что с продвижением и распространением английского языка в качестве международного наблюдается всё большее проникновение иноязычного материала в немецкий язык».

В 1984 г. Б. Карстенсен утверждает, что *Denglisch* не представляет собой к настоящему моменту никакой опасности для немецкого языка. С другой стороны, английский как язык межнационального общения воздействует на свой родственный германский язык сильнее, чем когда бы то ни было прежде, приобретая заметное влияние в некоторых профессиональных языках. При этом, особенно в общенациональном языке, некоторые слова могут быть излишними, модны-

ми и поэтому недолговечными. Но некоторые из них привносят новые нюансы и расширяющие, обогащающие возможности выражения в немецкий язык, который когда-то как язык международного общения играл значительно большую роль, чем сейчас, так как он старается компенсировать потерю мирового значения через приспособление к другим языкам мира и, прежде всего, к языку глобализации, и не только из модного подражания, но также из-за внутренней языковой необходимости облегчить международную коммуникацию.

Примечания

1. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества [Текст] / И. Г. Гердер // Памятники исторической мысли / Акад. наук СССР. М.: Наука, 1977. С. 116, 123, 170, 199, 469, 616.

2. Жирмунский, В. М. История немецкого языка [Текст]: учебник для ун-тов, пед. ин-тов иностр. яз. и фак. иностр. яз. пед. ин-тов / В. М. Жирмунский. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Изд-во литературы на иностр. яз., 1956. С. 13–109, 342–382.

3. См.: Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст] / А. Мейе. М.; Л.: Соцэкгиз, 1938. С. 107; Энгельс, Ф. К истории древних германцев [Текст] / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: в 30 т. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1961. Т. XVI. Ч. I. С. 339, 376. Энгельс, Ф. Заметки о Германии. Введение. 1500–1789 [Текст] / Ф. Энгельс // Архив Маркса и Энгельса: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1948. Т. IX–X. С. 343–348; Ломоносов, М. В. Полн. собр. соч. [Текст] / М. В. Ломоносов // Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 7. С. 590; Кацнельсон, С. Д. Образование немецкого национального языка [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Учёные записки Ивановского педагогического института. Иваново, 1954. Т. VI; Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Языки славянской культуры. М., 2001. (Классики отечественной филологии); Панов, В. И. Об отличиях национального языка от языка народности (Критический разбор взглядов проф. Г. Д. Санжеева) [Текст] / В. И. Панов // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 120–125; Смирницкая, С. В. Труды по германистике и истории языкознания [Текст] / С. В. Смирницкая; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2002. С. 245–312; Языки мира: Германские языки [Текст] / Рос. акад. наук; Ин-т языкознания. М.: Academia, 2000.

4. В 1882 г. Г. Дунгер составил и издал словарь «Wörterbuch von Verdeutschungen entbehrllicher Fremdwörter» («Словарь онемечивания ненужных иностранных слов»); в 1899 г. на заседании членов ADSV (Allgemeiner Deutsche Sprachverein – Общенемецкий языковой союз в защиту немецкого языка, созданный в Дрездене 10 сентября 1885 г. Издавал специальные журналы и словари онемеченных иностранных слов, «Verdeutschungswörterbücher») Дунгер сделал доклад «Против англицизмов в немецком языке» и впервые обратил внимание именно на заимствования из английского языка, переводные английские слова и выражения (кальки), англицизмы в профессиональном жаргоне моряков, влияние английского языка на уст-

ную и письменную немецкую речь, аббревиатуры и сокращения на английский манер. *Dunger, H.* Wider die Engländerei in der deutschen Sprache [Text] / H. Dunger // Sprache Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins. 1899. № 12. S. 241–251; *Dunger, H.* Engländerei in der deutschen Sprache [Text] / H. Dunger // Zweite umgearbeitete und stark vermehrte Auflage des Vortrags «Wider die Engländerei in der deutschen Sprache». Berlin: Verlag des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins, 1909.

5. В марте 1983 г. «Sunday Times» в ироничной манере задала вопрос канцлеру Колю: «Sprechen Sie Germisch?» (= German + English). См.: *Fink, H.* Amerikanismen im Wortschatz der deutschen Tagespresse, darstellt am Beispiel dreier überregionaler Zeitungen (Süddeutsche Zeitung, Frankfurter Allgemeine Zeitung, die Welt) [Text] / H. Fink // Mainzer Amerikanistische Beiträge. 1970. № 11. S. 212.

6. *Heald, D.* «Deutschlich» or «Engleutsch» – Has German a Future? [Text] / D. Heald // Modern Languages. 1978. LIX. 139–143.

7. Подробная групповая классификация представлена Дунгером (1909).

8. См.: *Carstensen, B.* Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945 [Text] / B. Carstensen // Beihefte zum Jahrbuch für Amerikastudien. Hg. Ernst Fraenkel, Hans Galinsky, Dietrich Gerhard und H. J. Lang. 13. Heft. Heidelberg: Winter, 1965. S. 271; *Carstensen, B.* Englisch im Deutschen: Zum Einfluss der englischen Sprache auf das heutige Deutsch [Text] / B. Carstensen // Paderborner Studien. 1973–1974. № 3. S. 11; *Carstensen, B.* Crew in deutschen Wörterbüchern [Text] / B. Carstensen // Muttersprache. 1977. № 87. S. 302–313; *Carstensen, B.* Morphologische Eigenwege des Deutschen bei der Übernahme englischen Wortmaterials [Text] / B. Carstensen // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 1979. № 2. S. 155–170; *Carstensen, B.* Evidente und latente Einflüsse des Englischen auf das Deutsche [Text] / B. Carstensen // Fremdwort-Diskussion / hg. P. Braun. München, 1979. S. 90–94; *Carstensen, B.* Zur Intensität und Rezeption des englischen Einflusses [Text] / B. Carstensen // Fremdwort-Diskussion / hg. P. Braun. München, 1979. S. 321–326; *Carstensen, B.* Semantische Scheinentlehnungen des Deutschen aus dem Englischen [Text] / B. Carstensen // Studien zum Einfluss der englischen Sprache auf das Deutsche = Studies on the Influence of the English Language on German / hg. W. Viereck // Tübinger Beiträge zur Linguistik. 1980. № 132. S. 77–100; *Carstensen, B.* Lexikalische Scheinentlehnungen des Deutschen aus dem Englischen [Text] / B. Carstensen // Kontrastive Linguistik und Uebersetzungswissenschaft. Akten des Internationalen Kolloquiums Trier/Saarbrücken 25–30.09.1978 / hg. W. Kuehlwein, G. Thome, W. Wilss. Muenchen, 1981. S. 175–182; *Carstensen, B.* Informationen zum geplanten Anglizismen-Woerterbuch [Text] / B. Carstensen // Der fremdsprachliche Unterricht. 1981. № 15. S. 218–220; *Carstensen, B.* Englisch im Deutschen: Bericht über

Planung und Vorarbeiten zu einem Anglizismen-Wörterbuch als Schwerpunkt eines Forschungsprojekts [Text] / B. Carstensen // Anglistentag 1980 Giessen: Tagungsbeitraege und Berichte im Auftrag des Vorstandes hrsg. von H. Grabes. Großen-Linden: Hoffmann, 1981. S. 13–48; *Debus, F.* Entwicklungen der deutschen Sprache in der Gegenwart – und in der Zukunft? [Text] / F. Debus // Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz; Stuttgart: Steiner, 1999. S. 15–56.

9. CIP-Kurztitelaufnahme der Deutschen Bibliothek. Die deutsche Sprache der Gegenwart: Vorträge gehalten auf der Tagung der Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften [Text] / von B. Carstensen, F. Debus, H. Henne, P. von Polenz, D. Stellmacher und H. Weinrich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1984. S. 48 (начало 3-го глобализационного этапа).

10. *Heller, K.* Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart: Untersuchungen im Bereich der Gebrauchssprache [Text] / K. Heller; VEB Bibliographisches Institut. Leipzig, 1966.

11. «Setzt man die Fremdwortzahl eines Textes nur mit den Wörtern ins Verhältnis, die eine begriffliche Bedeutung tragen, so liegen die Prozentsätze etwa doppelt so hoch» (Heller, K. Op. cit. S. 27).

12. *Bus, H.* Amerikanisches Englisch und deutsche Regionalpresse: Probleme lexikalischer Interferenzforschung am Beispiel einer Zeitung des Rhein-Main-Gebietes [Text] / H. Bus // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche. Studies on the Influence of the English Language on German / hg. W. Viereck // Tübinger Beiträge zur Linguistik. 1980. № 132. S. 25–36.

13. *Rosengren, I.* Ein Frequenzwörterbuch der deutschen Zeitungssprache [Text] / I. Rosengren // Die Welt-Süddeutsche Zeitung. CWK Gleerup: Lund., 1972. Bd. 1. 1977. Bd. 2.

14. Примеры: в 1993 г. тема дискуссии годового заседания института немецкого языка была следующей: «О будущем немецкого языка в Европе. Почему бы не английский?» Zur Zukunft der deutschen Sprache in Europa. Warum nicht gleich Englisch? [Text]. Rostok: Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1996. S. 145. Д. Циммер выражает опасение, что наводнённый американцами жаргон хакеров и пользователей Интернета вскоре станет повседневным языком всей Германии Wörter der Jahre 1985–1995: Aktuelle Lexik – dargestellt in Situationen und Kontexten für Deutschlehrende und Deutschlernende in der Russischen Föderation und anderswo. Berlin, 1996. S. 183; Вальтер Крамер отмечает «Urwaldsprache» (язык джунглей) – англоязычный жаргон современной городской молодёжи. Nerd statt Niete: ein «Duden» für die Fremdsprache. Szene-Deutsch [Text] // Focus. 2000. № 12. S. 66. Немецкие эксперты отмечают, что если в начале XX в. выходило примерно одинаковое количество публикаций на немецком, английском и французском языках, то сейчас абсолютное первенство принадлежит английскому: Kulturreport [Text] // Deutsche Welle. 1999. № 18. August (радиоматериалы).

Ю. В. Березина

**ФАКТОРЫ РУССКО-НЕМЕЦКОГО
ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье рассматриваются особенности взаимодействия немецкого и русского языков: билингвизм и его стадии (экстралингвистические факторы); а также контакт языков и следствия их взаимодействия (внутрилингвистические факторы).

Экстралингвистический фактор

Отметим, что немецкие переселенцы прибыли в места депортации в Верхнекамский район Кировской области из Поволжья и с Украины. Они владели разговорной языковой формой – одним из немецких диалектов и официальной языковой формой – диалектно окрашенным литературным немецким языком, изученным в немецкой школе и постоянно используемым в дальнейшем. Подавляющее большинство немецкого населения оставалось монолингвальным до начала 40-х гг. [1].

Двуязычие – это категория не статическая, а постоянно развивающаяся, изменяющаяся [2].

В. Киршнер предложил классификацию исторического развития двуязычия российских немцев применительно к регионам проживания немцев бывшего Советского Союза, связанную с основными периодами истории проживания российских немцев, и выделил соответственно три стадии билингвизма: 1) стадию индивидуального двуязычия (предреволюционный период); 2) стадию коллективного двуязычия (период после 1917 г. до начала Великой Отечественной войны); 3) стадию массового двуязычия (период, начавшийся с момента депортации немцев в 1941 г.).

Стадия индивидуального двуязычия может быть продолжена до начала 40-х годов. Актуально она воплотилась в выделенной для анализа старшей возрастной группе опрошенных, родившихся до 1933 г. Данные информанты – этнические немцы – родились в немецких колониях России и Украины. Население в селах происхождения было гомогенным в этническом и монолингвальным в языковом отношении. Поскольку немецкие островные поселения располагались в иноэтническом и иноязыковом окружении, где в качестве контактного языка выступал русский язык, двуязычие распространялось или начало распространяться на немецкоязычное население. Однако двуязычие в этот период следует харак-

теризовать как индивидуальное, потому что оно не охватывало всей немецкой общины, которая в большинстве оставалась монолингвальной. Опрошенные немцы, принадлежащие к старшей возрастной группе, до начала 40-х гг. русским языком не владели.

Стадия коллективного двуязычия совпадает с периодом депортации, когда немцы оказались в иной этнической и языковой среде. Усвоение русского языка стало жизненно необходимым. Немцам Верхнекамского района, по их признанию, пришлось осваивать не только русский язык, но и его местную разновидность – кайский говор, преимущественно на уровне фонетики и лексики. На данной стадии всеми немцами осуществлялся переход от немецкого монолингвизма к немецко-русскому билингвизму. Коллективное двуязычие отразилось на старшей возрастной группе и на большей части средней. Различие между группами по шкале Р. Бони заключалось в том, что представителям старшего поколения было свойственно состояние активного немецкого и русского билингвизма, в то время как для среднего поколения было типично состояние пассивного немецкого и активного русского билингвизма.

Третий этап, а именно стадия массового двуязычия, начался с конца 50-х гг. и продолжается по сей день. Процессы миграции и языковой ассимиляции этнических немцев повлияли негативно на сохранение немецкого языка [3]. Для этого периода характерен, особенно с начала 90-х гг., переход к субординативному билингвизму на новом уровне с доминантной формой – русским языком. Происходит расширение функций русского языка, преобладающего как на официальном, так и неофициальном межгрупповом и внутригрупповом уровне общения [4]. Языковая ситуация в Кировской области, а именно в Верхнекамском районе, где проживает большинство этнических немцев, меняется очень быстро. Таким образом, от чисто немецкого монолингвизма через немецко-русский билингвизм развитие языка российских немцев преимущественно находится в фазе русско-немецкого билингвизма и неизменно движется далее к русскому монолингвизму.

Внутрилингвистический фактор

Следствием любых языковых контактов может быть интеркалякция и интерференция. Оба эти явления наблюдаются в речи выделенной для анализа группы информантов на разных уровнях речи. Прежде чем перейти к актуальному описанию примеров интеркалякции и интерференции в ситуации русско-немецкого билингвизма, нужно определить, что стоит за этими понятиями. Так, под интеркалякцией понимается отклонение от нормы, возникающее в речи билинг-

ва (русский немец) на его родном языке (идиолекты немецкого языка) под влиянием второго языка, которым он владеет (русский язык). Под интерференцией подразумевают отклонения от нормы, возникающие в речи билингва (русский немец) на втором языке, которым он владеет (русский язык), под влиянием его родного языка (идиолекты немецкого языка) [5].

Частые переселения и дисперсный характер проживания немцев как в России, так и в Кировской области стали прочной основой для контактов между русским и немецким языками, где русскому языку изначально отводилась ведущая роль. Помимо этого происходило междиалектное смешение немецких говоров, особенно в Поволжье. Речь двуязычных немцев Кировской области, использующих свои идиолекты и русский язык, подверглась сильному влиянию последнего.

Явление **интеркалькиции** представлено на фонетическом, грамматическом, лексическом уровнях.

Фонетический уровень

Один из существеннейших признаков немецких гласных – это их длительность. Данная особенность не является принципиальной для русского языка, где более или менее протяжное произношение гласного звука не влияет на изменение смысла в отличие от немецкого языка, в котором данный факт является смыслообразительным признаком. Так, под воздействием русского языка носитель немецкого в некоторых случаях утрачивает чувство долготы и краткости немецких гласных. Таким образом, происходит «недоразличение» (under-differentiate) [6]. Обычно длительность немецкого гласного, как краткого, так и долгого, под интеркалирующим влиянием русского языка в речи российских немцев увеличивается: *iç* – ich (я); *šlɑ:ŋə* – Schlange (змея); *gɔ:t* – Gott (Бог); *hau:s* – Haus (дом); *šlɑ:gən* – schlagen (бить).

Как можно судить по результатам формантного анализа, средняя длительность краткого [a] в говорах составляет 153 мс [7]. Фонетический анализ материала показал, что [a] в ряде лексем в говорах длится в среднем 220 мс: *ga:sə* – Gasse (улица), *ka:sə* – Kasse (касса), что приближает этот звук к долготу [a:], чья длительность в говорах равна 293 мс [8].

Грамматический уровень

Рамочная конструкция, характерная черта немецкого синтаксиса, которая отличает структуру предложения в немецком языке от русского, где положение неспрягаемой части сказуемого совершенно свободно, нарушается: *iç bin gəbo:rən im ja:rə na:ntsiçhundərtfɪnfunddrai:siç in saratovskaja obl'ast'* (я родился в 1935 году в Саратовской области); *da ha:p iç gəbo:rən / ha:p da gəvo:nt / bis tsum tsvaitən dɛtsɛmbər nointse:nhundərttsvaiunddrai:siç* (я тут родился, тут жила до второго декабря 1932 года);

untərve:gs ha:t er angəstekt tifus (в дороге он заразился тифом); *vi:r kontən uns kaofən kartofəl* (мы могли покупать себе картофель). В изучаемых немецких идиолектах вспомогательный глагол и причастие второе (*bin geboren, hat angesteckt*) или модальный глагол и инфинитив (*konnten kaufen*) не образуют рамки, а располагаются в непосредственной близости друг от друга, представляя собой единую словоформу, за которой закреплено одно (а не два) место в предложении, что характерно для русского порядка слов.

В главном повествовательном предложении в немецком языке глагол стоит на втором месте. Информанты-билингвы ставят изменяемую часть сказуемого в данном типе предложения на первое место: Такой порядок слов возможен в русском языке и не характерен для немецкого: *va:rən tsvai odr drai familij rusiř, no di ham əl dəitř gəřpro:xə* (были две или три русские семьи, но они все говорили по-немецки); *ha:t di: zonə aŋgəfaŋt tsu šainən* (стало светить солнце).

Лексический уровень более всех подвержен интеркалирующим процессам. Очевидно достаточно сильное влияние русского языка на немецкую речь двуязычных немцев. В результате контактов языков произошел перенос большого массива слов из русского языка в немецкий:

1) Лексические заимствования, связанные с жизнью в довоенных колониях: *kolxo:z/kolxo:zi* – колхоз/колхозы; *oblast'* – область, гаеон – район.

2) Заимствование реалий, отражающих жизнь в депортации: *trudarme:* – трудармия (также *trudarmijə/arbeitsarmee*); *vojenijə* – военные; *vojeni zavod* – военный завод; *komissijə* – комиссия; *komendant* – комендант; *otmetka* – отметка; *opřezhitijə* – общежитие; *lapti* – лапти; *řtabelja* – штабеля; *fɛ:zɛ:o* – ФЗО (фабрично-заводское обучение); *zimovkə* – зимовка; *sabotazhniki* – саботажники; *unizhenijə* – унижение; *zavaru:xa* – заваруха.

3) Заимствования бытовых и общественных реалий послевоенного времени: *kolxo:znaja kontora* – колхозная контора; *nagra:di* – награды; *gra:moti* – грамоты; *banja* – баня; *paritsa* – париться; *spitschfabrika* – спичфабрика; *lezhnjovka* – лежневка; *otschered'* – очередь; *tal'oni* – талоны.

Появление целого комплекса русских слов в немецкой речи обусловлено тем, что в указанных сферах общения переселенцами используется русский язык [9]. Данные слова прочно вошли в словарный запас, адаптировались грамматически и фонетически. Некоторые заимствования из русского лексики используются в соответствии со всеми правилами морфологии: *ainmal in di sutki* – раз в сутки; *in finf vago:nən* – в пять вагонов; *unzər kolxo:z va:r milione:r* – наш колхоз был миллионером; *mit tšchemodanən* – с чемоданами; *di predprijatijə* – предприятия; *di viveski* – вывески; *dər tsvaitə posjolok* – Второй поселок; *drai sotki* – три сотки;

zi:bənnunttsvantsiç sotok – двадцать семь соток; in den barakən – в бараках. Перечисленные примеры перенесены в немецкий язык из русского с соблюдением форм артикля, притяжательных местоимений. Словоизменение здесь происходит соответственно законам, принятым в немецком языке.

Однако в подавляющем большинстве примеров русские слова используются в речи этнических немцев без морфологической адаптации. Сюда относятся слова, обозначающие сугубо российские реалии. Чаще всего происходит включение в немецкую фразу русского слова, словосочетания и т. д. [10], так называемое кодовое переключение внутри синтаксической конструкции, которое осуществляется как на «минимальном», так и на «максимальном» уровне. Кодовое переключение с «минимальным количеством составляющих» наблюдается в случае проникновения в языковую систему единичных лексических элементов (существительных, прилагательных, глаголов и т. д.): ha:m alə štabelə gəma:xt (все укладывали штабеля); damals va:r dox masovo eřsoəp (тогда же массово расстреливали). Кодовое переключение с «максимальным количеством составляющих» наблюдается в случае проникновения из одного языка в другой целых словосочетаний, союзных конструкций, фразеологических единиц и т. д. [11]: grat va:r zavaruxa kak eto po ruski govoritša, nu vot, kolxo:zi zint grat gəbilt gəvorn (как раз была заваруха, как это по-русски говорится, ну вот, колхозы как раз возникли); vir ha:bə gəlernt tchisto literaturno (мы изучали чисто литературный язык).

Российские немцы систематически используют в немецкой речи в качестве соединительных элементов русские служебные слова *ну, вот, (ну) ладно, конечно, но факт то, что*: unt spræ:tər konetchno var s šon bəsər (и позже, конечно, стало лучше).

Примечательны случаи калькирования предложного управления с русского языка: auf Pension sein, auf Weihnachten (быть на пенсии, на Рождество). В немецком языке имеются свои точные эквиваленты перечисленным сочетаниям: Rentner sein (in Pension sein), zu Weihnachten.

Копией русской конструкции обозначения числа, встречающейся в языковом материале, является факт, когда информанты употребляют близкие к русским конструкции: main fa:tər ist gštorbən in draiuntdraisiç (отец умер в тридцать третьем) – информант добавляет предлог *в* (in), отсутствующий в немецком языке при передаче дат: tauzenthundertzi:benunttsvantsiç (тысяча *девятнадцать*)сот двадцать седьмой) – построение числительного близко к русской модели за отсутствием компонента «neun» (*девять*); in zi:bənnuntdraisiçstə ja:r (в примере употреблен предлог «в», а также порядковое числительное образовано по типу русской модели).

В речи немцев отмечены примеры, в которых немецкие слова меняют свое значение: zusammenschreiben обозначает в немецком языке «писать слитно», в устных рассказах информантов приобретает значение «расписаться, зарегистрировать брак». Глагол vortragen имеет значение «докладывать, излагать, читать вслух». Российские немцы употребляют его в значении «преподавать» – Geschichte vortragen.

Калькой с русского являются образованные по аналогии с русским языком сочетания слов: Verstehung haben – иметь понятие (по-немецки Bescheid wissen, im Bilde sein); er hat gesetzt – он сидел в тюрьме (по-немецки er war eingesperrt).

Изложенные факты языкового взаимодействия зафиксированы в индивидуальной речи российских немцев Кировской области и относятся к бытующим в регионе немецким идиолектам. Судя по ранее проведенным исследованиям речи российских немцев Таджикистана (Смирницкая, Баротов 2002), Свердловской области (Тренина 1999), Алтая (Москалюк 2002), случаи взаимодействия языков обладают известной универсальностью, отражая общие тенденции влияния русского языка на идиолекты этнических немцев на уровне слова, словосочетания и предложения [12].

Интерференция как взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного.

Наблюдения над речью российских немцев показали, что явление интерференции в их речи происходит на фонетическом и грамматическом уровнях. Главный источник интерференции – расхождение в системах взаимодействующих языков.

Грамматическая интерференция связана с различным составом грамматических категорий и различными способами их выражения [13]. В данном случае – с различиями в правилах согласования немецкого и русского языков [14]. Отклонения в речи двуязычных немцев, происходящее в результате влияния интерференции, представлены в отдельных примерах, когда немцы в своей речи на русском языке используют немецкие грамматические конструкции: он сейчас восемьдесят лет стал; мать умерла / я два года была; и т. д. Данные фразы построены по принципу, отражающему немецкую грамматическую модель: er ist 80 geworden; meine Mutter starb, ich war 2 Jahre alt. Причиной построения следующих фраз – она нас сейчас ухаживает; говорить русский (sie pflegt uns jetzt; russisch sprechen) – является отсутствие однозначных соответствий падежных форм в русском и немецком языке, приводящее к ошибкам в управлении слов [15].

В русском языке склонение имен существительных отражается в наличии различных окончаний, а в немецком языке, как известно, выра-

жение падежных отношений в предложении ложится на артикль (далее на местоимение, прилагательное). Не редки случаи, когда информанты не изменяют слова по падежам: много народ; мужики не было; из деревня; они нам и поросёнок резали и т. д. В таких примерах налицо некорректное употребление формы падежа.

Фонетическая интерференция связана с различным составом фонем, их сочетаемостью и позиционными реализациями. Фонетическая интерференция описывается как перенос звуков, приводящих к акценту в речи на неродном языке, при этом наблюдается такая фонетическая реализация фонем неродного языка, которая нарушает его фонематический строй [16]. В области вокализма большинству информантов – российских немцев – свойственен акцент. Звуки, не имеющие эквивалентов в фонологической системе немецкого языка: ы, е, й, я, ё, ю, – заменяются немецкими звуками: э, æ – е, і, а, ö, u. Например: по-русски – по русскэ; университет – университе:т; взяли – взали, зелёный – zel'onі.

В области консонантизма также сказались различия в фонетических системах. Известно, что в русском языке перед гласными заднего ряда произносится непалатализованный [ʃ]. Однако в русской речи информантов фиксируется немецкий [ʃ], находящийся между твердым [ʃ] и мягким [ʃ'], который в русской речи на слух воспринимается как мягкий: обл'ась, л'опата, мол'ния. Также двуязычные немцы переносят в русскую речь палатализованный [ʃ'] в позиции конца слова: работа', искал', факел'. Русский ч, также не имеющий эквивалента в немецком языке, передается как бифонемное сочетание [tʃ]: чисто – тш' (tʃ)исто.

Записанная немецкая и русская речь двуязычных немцев Кировской области, как показывает анализ, не является чистой. Преобладание ситуаций, в которых требуется использование русского языка, в немецкой речи информантов постепенно ведет к утрате немецкого языка под влиянием интеркалирующих процессов.

На протяжении всей жизни языковая компетенция обследуемых информантов-билингвов менялась: от монолингвизма к билингвизму с доминирующим немецким языком, затем к билингвизму с доминирующим русским языком. Это объясняется причинами экстралингвистического характера: депортация; смерть близких, родственников или их отъезд в Германию. В Верхнекамском районе нет теле- и радиовещания на немецком языке, немецкоязычной прессы, культурных обществ и центров. Несмотря на объективно обус-

ловленное забывание немецкого языка, опрошенные немцы осознают себя немцами и считают немецкий язык своим родным языком, языком родителей и родственников.

Примечания

1. Москалюк, Л. И. История факторов, влияющих на распространение сфер употребления языка билингвов [Текст] / Л. И. Москалюк // Немцы Сибири: История, язык, культура: тезисы междунар. науч. конф., г. Красноярск, 13–16 апреля 2004 г. / отв. ред. В. А. Дятлова. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. С. 152–153.

2. Волкова, М. О. Социолингвистическая характеристика речи русских, говорящих на адыгейском языке (фонетико-фонологический и акцентологический уровни) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. О. Волкова. Краснодар, 2007. С. 3.

3. Смирницкая, С. В. Труды по германистике и истории языкознания [Текст] / С. В. Смирницкая. СПб.: Наука, 2002. С. 187–188.

4. Москалюк, Л. И. Указ. соч. С. 154.

5. Карлинский, А. Е. Проблема теории языковых контактов [Текст] / А. Е. Карлинский // Языковые контакты и интерференция. Алма-Ата, 1985. С. 110–114; Тренина, О. С. Взаимодействие немецкого и русского языков. Внутрilingвистический аспект (на материале речи российских немцев Свердловской области) [Текст] / О. С. Тренина // Актуальные проблемы романо-германской филологии: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1999. Вып. 1. С. 14.

6. Вайнрайх, У. Языковые контакты [Текст] : пер. с англ. / У. Вайнрайх. Киев, 1979. С. 33.

7. Байкова, О. В. Немецкие говоры Кировской области и особенности их вокализма [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Байкова. Киров, 2004. С. 111.

8. Kobler, Klaus J. Einführung in die Phonetik des Deutschen [Текст] / Klaus J. Kohler; von Klaus J. Kohler. – 2., neubearb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 1995. С. 50; Байкова, О. В. Указ. соч. С. 112.

9. Тренина, О. С. Указ. соч. С. 17.

10. Смирницкая, С. В. Указ. соч. С. 219.

11. Poplack 1990; Небайкина, А. В. К вопросу о двуязычном переключении кодов (на материале текстов газет поволжских немцев “Der Kolonist” 1917–1918 годов) [Текст] / А. В. Небайкина // Язык и культура российских немцев: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 4.

12. Смирницкая, С. В. Указ. соч. С. 222–223.

13. Языкознание [Текст] : большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1998. С. 197.

14. Тренина, О. С. Указ. соч. С. 19.

15. Иванова, Н. И. Грамматическая интерференция: нарушение норм управления в устной русской речи билингвов-саха [Текст] / Н. И. Иванова // Бюллетень фонетического фонда № 9. Исследования по языковой интерференции (Европейская часть России, Сибирь, Дальний Восток). Бохум, 2004. С. 59.

16. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика [Текст] / В. Ю. Розенцвейг. Л.: Наука, 1972. С. 13–14.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«РУССКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ ВЯТКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ»

Так называется международный научно-исследовательский проект по изучению одного из региональных вариантов русского языка – речи жителей Вятского края. Проект инициирован Лабораторией экстралингвистических исследований ВятГГУ и Семинаром славистики Рурского университета (Бохум, Германия).

Историческая территория Вятки была зоной формирования финно-угорских племён, к которым принадлежат местные удмурты и марийцы. Юг области испытывал на себе влияние культуры Волжской Булгарии и Казанского ханства. Являясь своеобразным мостом между центром страны и Уралом, Русским Севером и Поволжьем, Вятка была в исторические времена в то же время изолирована на безопасном расстоянии в лесах и болотах от влиятельных соседей. Именно это обстоятельство способствовало созданию своеобразной местной крестьянской культуры и языка. В настоящее время на территории Кировской области проживают представители более ста национальностей. К основным этническим группам относятся русские, татары, марийцы, удмурты, украинцы, немцы. Данные характеристики делают Вятский край интересным и важным объектом для лингвистических и социолингвистических исследований различных пластов культуры и языка.

Лаборатория экстралингвистических исследований ВятГГУ создана на базе кафедры русского языка, работающей в русле формирующейся научной школы функциональной и интерпретационной лингвистики (проф. С. В. Чернова). Экстралингвистическими называются исследования, которые выходят за рамки обычных языковедческих работ в традициях системной лингвистики. Они выполняются на стыке лингвистики с другими науками, то есть носят междисциплинарный характер. Здесь включается весь спектр дискурсивного анализа.

Подготовка выпусков «Областного словаря вятских говоров», пополнение и изучение фонетического фонда региональной речи – основные направления в работе Лаборатории. Богатая картотека вятских говоров, содержащая лексические и этнографические материалы, отражающие многовековые контакты русских с коми, марийцами, татарами и удмуртами, и фонетический фонд (бо-

лее 200 часов записей бесед с диалектоносителями различных районов Кировской области) дают возможность описывать фонетические и грамматические особенности отдельных групп вятских говоров, рассматривать тематические группы диалектной лексики, изучать языковую личность русского вятского крестьянина, наблюдать особенности взаимоотношений между старшим и младшим поколениями диалектоносителей и т. д. Кроме того, у ряда сотрудников лаборатории вызывает интерес русская речь немцев, депортированных на Вятку в 40-х гг. XIX в., для которых использование русского языка в качестве основного коммуникативного средства в условиях этнической пестроты является просто необходимым.

Семинар славистики Рурского университета имеет богатый опыт в исследовании звучащей речи с помощью различных компьютерных программ. Объектом исследования для зарубежных ученых являются записи образцов диалектной речи, полученные в 1993–2006 гг. в совместных с российскими вузами экспедициях по Кировской области и по Российской Федерации в целом. Такого рода материалы представляют интерес для лингвистических, социолингвистических и лингвокультурологических исследований, проводимых сотрудниками Семинара. Особое внимание уделяется изучению фонологических изменений, интонации как особому фонду средств для оформления прагматических и дискурсивных категорий (см. сайты http://www.ruhr-uni-bochum.de/rubin/rbin2_06/index.html и www.rub.de/LiLab).

При изучении региональных языковых черт необходимо учитывать особенности повседневного употребления языка его носителями в самых различных ситуациях общения, обусловленных социальными, психологическими, этнокультурными обстоятельствами и причинами. Для того чтобы делать выводы о региональных вариантах языковой коммуникации, необходимо зафиксировать и проанализировать звуковые формы их реализации. Переход от письменно зафиксированных форм коммуникации к устной речи – это для исследователя не простая задача, приходится, во-первых, фиксировать объект анализа и, во-вторых, осваивать методологию технической и экспериментальной трактовки акустического сигнала.

Предметными областями социолингвистических исследований являются: лингвистическая демография, языковое планирование, социальные факторы грамматических и фонологических из-

менений, двуязычное и многоязычное поведение, социальное расслоение языка, отношение к языку, языковая вариантность и др. (см. обзор предметных областей социолингвистики в [1]).

Проект «Русская региональная речь Вятки: лингвистический и социолингвистический аспекты» оснащается профессиональной звукозаписывающей техникой при поддержке ДААД (Deutscher Akademischer Austauschdienst). В исследовательскую группу входят 10 студентов, интересующихся данной тематикой. Кроме того, к работе в рамках проекта привлечены учащиеся Вятской православной гимназии под руководством Е. Н. Мошкиной. Цель включения школьников – возбуждение интереса к своему региону и его культурному облику на раннем этапе развития личности. Преследуются и вторая цель – дать возможность студентам тренировать свою компетенцию на платформе дидактики. Проект рассчитан на 2007–2008 гг. Вся учебная и исследовательская деятельность разделена на три блока по шесть недель. Каждый блок предусматривает четырёхнедельный лекционный и семинарский курс и двухнедельную полевою практику. Планируется также проведение индивидуальных консультаций. Предусмотрены сессии по научным предметам, подготовка и проведение презентаций, симпозиум с обсуждением дискуссионных вопросов.

Полевая работа предполагает запись языкового материала с применением аудиотехники. Поскольку региональный язык представляет собой сложный и неоднородный объект, сбор материала будет вестись по трём направлениям:

Прежде всего, это диалектно выраженная речь жителей деревень. В лаборатории уже имеется фонетический фонд диалектной речи жителей Кировской области, пополнение его будет вестись с учетом бесед с информантами разных поколений. Второе направление в сборе материала связано с выявлением региональных черт литературного языка в городе Кирове. Толчок к изучению региональных особенностей речи города Кирова дал еще Н. М. Каринский (см. [2]). Предполагается также изучение особенностей профессиональной речи, профессиональных жаргонов.

После завершения первого этапа проекта, прошедшего на базе ВятГГУ в компьютерном классе с дистанционным обучением под руководством немецкого профессора К. Саппока, студенты овладели навыками работы с аудиотехникой, усвоили методику сегментирования, анализа и презентации языкового материала с помощью следующих компьютерных программ: GOLDWAVE для сегментации языкового материала, PRAAT для компьютерного анализа интонации и звука, POWERPOINT для презентации полученных результатов. Итоги закончившегося первого этапа представлены в Презентации «Русская региональ-

ная речь Вятки: диалог поколений». Материалы презентации см. на сайте Вятского государственного гуманитарного университета.

Работа со студентами ведется по следующим направлениям.

1. Речевые ситуации, влияющие на появление в речи региональных особенностей.
2. Сравнительные особенности диалектной речи старшего и среднего поколений.
3. Виды обращений, используемых в региональной речи Вятки.
4. Различные концепты языковой личности и их оценка на конкретном языковом материале.
5. Диалектная речь и имидж: сравнение восприятия диалектных текстов с диалектными текстами из других регионов.
6. Отношение вятчан к своим диалектам.
7. Межличностная коммуникация. Речевое взаимодействие старшего и младшего поколений.
8. Интонационные особенности региональной речи Вятки.
9. Межкультурная коммуникация на территории Кировской области.
10. Влияние родных немецких диалектов на русскую речь российских немцев.
11. Анализ языковой ситуации на территории Кировской области.
12. Речь образованной части населения Вятки в начале XX в. и в настоящее время.

Поскольку проект преследует цель пробудить общественный интерес к осознанию индивидуальной и групповой языковой идентичности области, предполагается его материалы поместить на интернет-сайт. В основе организации работы проекта лежит коммуникативно-деятельностный подход, суть которого заключается в том, что студент является не столько объектом обучения, сколько субъектом, деятельность которого направлена на собственное речевое и интеллектуальное развитие, на формирование способности к исследовательской деятельности.

Примечания

1. Вахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка [Текст] / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головки. СПб., 2004.
2. Каринский, Н. М. Язык образованной части населения города и народные говоры [Текст] / Н. М. Каринский // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. (РАНИОН). 1928. Т. 3. С. 43–66.

О. В. Байкова,
кандидат филологических наук,
доцент по кафедре романо-германской
филологии ВятГГУ;
К. Саппок,
доктор, профессор Семинара славистики
Рурского университета (г. Бохум, Германия);
З. В. Сметанина,
кандидат филологических наук,
доцент по кафедре русского языка ВятГГУ

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

16–17 октября 2007 г. в г. Кирове прошла все-российская научно-практическая конференция «Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии», организованная Кировской областной научной библиотекой им. А. И. Герцена и Вятским государственным гуманитарным университетом. Конференция была посвящена 140-летию со времени открытия в нашем регионе земских учреждений – органов местного самоуправления, с которыми неразрывно связаны многие позитивные социально-экономические и культурные изменения во второй половине XIX – начале XX в., способствовавшие развитию актуальных и в наши дни ориентиров общественного развития, таких, как построение гражданского общества, реализация гуманитарных проектов, воспитание чувства долга, ответственности, любви к малой Родине и стране в целом.

В изучении опыта земской деятельности в Вятско-Камском регионе сложились определенные традиции, которые своими корнями уходят еще в досоветский период. В последние десятилетия большой вклад в исследование этой проблемы внесла кандидат исторических наук, доцент И. И. Стефанова, чья преподавательская и научная деятельность связана с историческим факультетом нашего вуза. С 1997 г. в Кирове по вопросам истории земского самоуправления проводятся научно-практические конференции, известные и за пределами региона. Настоящая конференция – третья по счету, ее основная цель заключалась в обобщении результатов научных и краеведческих изысканий современного периода. Организаторы ставили задачу показать историю земства во всем многообразии, с привлечением новых документальных материалов и методологических подходов. Ее участниками стали ученые из Москвы, Нижнего Новгорода, Йошкар-Олы, Перми, Набережных Челнов, Кирова.

С приветственным словом, акцентируя внимание на актуальность и научную значимость темы конференции, к ее участникам обратились директор библиотеки, заслуженный работник культуры РФ Н. П. Гурьянова, проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ, доктор исторических наук, профессор В. Т. Юнгблуд и заместитель главы департамента культуры и искусства Кировской области В. Г. Пырегов. На пленарном заседании прозвучали доклады о роли земства в формировании гражданского общества в дореволюционной России (к. ист. н., доцент Ю. А. Бальбердин), о месте земства в истории Вятской публичной библиотеки (Н. П. Гурьянова), о составе фонда Вятской уездной земской управы Государственного архива Кировской области

(А. В. Колотов), об участии земств Поволжского и Уральского регионов в развитии начального образования (к. ист. н., доцент М. С. Низамова, Набережные Челны), об организации земствами сельскохозяйственного просвещения населения Вятской губернии в годы столыпинской аграрной реформы (к. ист. н., доцент Е. Г. Костина), об оценке в дореволюционной и современной историографии Городового положения 1892 г. (к. ист. н. О. А. Далина, Москва) и другие. Выделяя особенности земских учреждений Вятской и других губерний России, динамичность и многогранность их работы, выступавшие были единодушны в признании опыта земской работы уникальным и говорили о необходимости его дальнейшего, более целенаправленного осмысления.

Последующая работа конференции проходила по секциям. На первой – «Вятское земство: история и персоналии» – речь шла об основных направлениях деятельности земских учреждений, о земском либеральном движении, о взаимодействии земств с государственными органами, об оценке деятельности земских учреждений современниками, о забытых земцах. Эти темы нашли отражение в докладах к. ист. н., доцента А. А. Соловьева (Йошкар-Ола), д. пед. н., профессора В. Б. Помелова, к. филос. н., доцента В. А. Криужиной, научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева А. Г. Акшикова (Йошкар-Ола), к. пед. н., доцента А. А. Хохлова, аспирантов кафедры отечественной истории ВятГГУ (А. А. Маркова, Е. И. Вознесенской, Д. А. Калининой) и других участников конференции. Выступавшие обращали внимание на многие проблемы, с которыми в повседневности сталкивались земские деятели (трудности с финансированием различных проектов, равнодушие к общественным нуждам властей, нежелание последних расширять полномочия уездных и губернских земств и т. д.), но вместе с тем они умели находить возможности их решения с учетом прежде всего интересов населения. Важным представляется общий настрой, характерный для работы земств. На свою деятельность они смотрели как на «условие государственной мощи и благоденствия страны».

Вторая секция – «Земства, народное образование и библиотечное дело» – собрала специалистов в области педагогики и библиотечной работы. В докладах подчеркивалась тесная взаимосвязь в развитии земского школьного и библиотечного дела, особо говорилось об энтузиазме и порой самоотверженности учителей и библиотечарей, работавших в системе земского самоуправления. Особо также отмечалось, что просветительское направление, хотя по закону и не входило в категорию обязательных, в Вятской

губернии стало определяющим уже с первых лет деятельности земств и получило наибольшее развитие в 1890-е гг., когда председателем губернской управы стал А. П. Батуев, человек неумной энергии и трагической судьбы. На секции прозвучали доклады исследователей из Кировской области (С. Н. Паньковой, Т. К. Николаевой, В. С. Жаравина, Т. А. Дворецкой и др.) и Пермского края (к. филол. н., доцента С. В. Шепелевой, к. пед. н., доцента К. П. Чуприна).

На конференции работали две выставки: на первой – «Земство Вятской губернии. 1867–1918 гг.» – были представлены документы из фондов Государственного архива Кировской области, на второй – «Вятское земство среди других земств России» – дореволюционная литература, издания XX в. и современного периода из фондов областной библиотеки.

В рекомендациях, принятых по итогам конференции, поддержано предложение организаторов провести в 2012 г. научно-практическую конференцию, посвященную 145-летию Вятского земства с целью дальнейшего обобщения богатого исторического опыта местного самоуправления. Было решено ознакомить с материалами конференции представителей государственной власти и местного самоуправления.

Остается добавить, что к началу конференции издан сборник «Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии» (Киров, 2007. 224 с.).

*М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ*

**ВХОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА
ПРЕДШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
В СИСТЕМУ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ПОЗИЦИИ РЕБЕНКА,
РОДИТЕЛЯ И ПЕДАГОГА
(по материалам Всероссийской
научно-практической конференции,
проходившей при финансовой поддержке
РГНФ, проект № 07-06-14109 г)**

В проекте Министерства образования и науки РФ «О приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации» в целях повышения доступности качественного общего образования рекомендуется включить в эту систему дополнительную ступень – «предшкольное образование». В связи с этим в настоящее время возникают новые для дошкольной педагогики понятия, такие, как «дети предшкольного возраста» и «программы предшкольного обучения». Следует отметить, что под детьми дошколь-

ного возраста в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 годы) понимаются дети 5–6 лет, то есть старшие дошкольники. Введение предшкольного образования искусственно делит целостный период развития ребенка от рождения до 7 лет на две части: собственно дошкольное детство и период усиленной подготовки ребенка к школе. Второй период как бы вне связи с развитием ребенка до 5 лет предлагает какую-то систему предшкольного образования, которое большинством педагогов и родителей понимается как обязательное целенаправленное обучение детей письму, чтению, математике, то есть школьным предметам.

Возникает ряд закономерных вопросов: где целесообразно эту работу проводить? Как организовать эту работу? По каким программам следует осуществлять работу с детьми? Кто имеет право и должен работать с этими детьми? Несмотря на кажущуюся разнородность, эти вопросы легко укладываются в общеизвестный список вопросов, позволяющих грамотно, научно организовать любую работу, следует лишь обосновать ответы на них, присовокупляя еще ряд вопросов: почему именно там? Почему именно так? Почему именно эти люди? На эти вопросы искали ответы участники конференции, которая проходила 16–19 октября 2007 г. на педагогическом факультете.

Целью конференции являлось обсуждение проблем создания психолого-педагогических условий благоприятного вхождения ребенка в систему образования в рамках реализации разнообразных вариантов модернизации российского дошкольного и начального образования.

Задачи, решаемые в процессе конференции:

- обсудить особенности модернизации системы общего образования (дошкольное и начальное звено);
- способствовать поиску новых моделей, способов, технологий, форм организации начальных ступеней непрерывного образования;
- организовать обмен информацией, мнениями и идеями в области предшкольного образования.

В работе конференции приняли участие преподаватели вузов городов России, педагогических колледжей г. Кирова и области, руководители, педагоги и психологи школ и детских садов, студенты педагогического факультета ВятГГУ.

Конференцию открыл проректор по науке ВятГГУ, профессор В. Т. Юнгблюд, отметивший значимость предшкольного образования для всего последующего развития ребенка, а также роль педагогов в этом процессе. С приветственным словом к участникам конференции обратился декан педагогического факультета, профессор В. Б. Помелов.

На пленарном заседании прозвучали интересные и содержательные доклады. В числе наиболее значимых были выступления:

– «Реализация инновационного образовательного проекта Московского педагогического государственного университета по подготовке кадров для дошкольного образования» – декан факультета дошкольной педагогики и психологии МПГУ, кандидат педагогических наук, профессор кафедры дошкольной педагогики Л. М. Волобуева;

– «Психолого-педагогическое видение современной позиции личности ребёнка и педагога» – доктор педагогических наук, профессор Н. С. Александрова;

– «Развитие устной речи – путь стимулирования интеллекта дошкольников и младших школьников» – доктор педагогических наук, профессор Г. А. Бакулина.

Вторую половину дня участники конференции активно работали в секциях по следующим направлениям: «Детство как уникальный, самоценный период жизни человека», «Социальная адаптация детей в современном обществе», «Целостное образовательное пространство семьи, ДОУ и школы», «Ребенок как субъект детских видов деятельности (интеллектуальное развитие)», «Ребенок как субъект детских видов деятельности (художественно-эстетическое развитие)», «Становление начальных ключевых и специальных компетентностей ребенка дошкольного возраста», «Подготовка педагогов дошкольного образования».

Секционные заседания проходили на педагогическом факультете ВятГГУ и в образовательных учреждениях г. Кирова: МОУ Кировский физико-математический лицей, МОУ СОШ № 3 им. А. Грина, ДОУ № 74, 122, 207. Работа всех секций отличалась позитивным познавательным настроением, взаимосвязанными выступлениями как представителей науки, так и педагогов-практиков. Секции проводились в форме научно-практического диалога с применением наглядности, мультимедиа, элементов интерактивного общения. Участники конференции проявили заинтересованность, инициативность и творческий подход к обсуждению заявленных проблем.

Важное место в работе конференции заняли мастер-классы по подготовке педагогов для разных форм дошкольного образования со студентами третьего и четвертого курсов педагогического факультета.

Повышенный интерес вызвала обучающая деловая игра «Общественный совет по организации дошкольного образования», проведенная профессором МПГУ Т. И. Ерофеевой, в процессе которой определены позиции родителей, воспитателей, учителей начальной школы, медицинских работников и педагогов дополнительного образования, выявлены достоинства и недостатки разных форм дошкольного образования, а также даны рекомендации по его совершенствованию. В ходе проведения профессором Н. С. Александровой мастер-класса «Психология и педагогика взаимодействия ребенка, родителя и педагога» была представлена авторская позиция моделирования взаимодействия ребенка, родителя и педагога, слабые и сильные стороны взаимодействия. В дебатах «Дошкольное образование: за и против», подготовленных студентами педагогического факультета под руководством доцентов Л. Н. Вахрушевой и С. В. Савиновой, были определены разные точки зрения на проблему подготовки детей к обучению в школе, высказаны аргументы и контраргументы относительно дошкольного образования.

Знаменательным событием работы конференции стало подписание договора с Московским государственным педагогическим университетом о сотрудничестве между вузами в области научно-методической деятельности и в сфере повышения квалификации преподавателей и переподготовки кадров.

Итоги работы конференции подведены на круглом столе, участники которого обсудили разные точки зрения на проблему дошкольного образования, были высказаны предложения по организации более тесного сотрудничества разных учреждений (ДОУ, школ, средних профессиональных учебных заведений) с кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования.

По результатам конференции был подготовлен сборник материалов.

*Л. Н. Вахрушева,
канд. пед. наук, доцент,
зав. кафедрой педагогики и методики
дошкольного и начального образования ВятГГУ;*

*С. В. Савинова,
канд. пед. наук, доцент по кафедре
педагогики и методики дошкольного
и начального образования ВятГГУ*

РЕЦЕНЗИИ

О КАНАДСКОМ ФЕДЕРАЛИЗМЕ

Ившина, И. Н. Становление и развитие канадского федерализма [Текст] : монография / И. Н. Ившина. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. 179 с.

К сожалению, право и государство Канады находится на периферии научных интересов отечественных юристов. Иногда Канада рассматривается чуть ли не как придаток Соединенных Штатов Америки. Это не справедливо и, главное, не соответствует действительности. Канада имеет свой уникальный опыт государственного строительства, который заслуживает внимательного изучения. Копировать его не нужно, да и невозможно, но знать и учитывать необходимо.

В этом смысле исследование, предпринятое И. Н. Ившиной, весьма полезно. Одной лакуной в историко-правовой науке меньше. Что касается качества исследования, то оно достаточно высокое. Подчас историко-правовые работы грешат крайностями: авторы делают крен либо в сторону общеисторических проблем, либо, стараясь подчеркнуть свою принадлежность к юридическому цеху, склоняются к юридико-догматическому исследованию. И. Н. Ившиной удалось избежать этого порока. В ее монографии историческое и юридическое сосуществуют гармонично, дополняя и оттеняя друг друга. Содержание монографии полностью соответствует названию, что происходит не всегда.

И. Н. Ившиной удалось не просто описать процесс эволюции (становление и развитие) канадского федерализма, но вскрыть его историческую и юридическую логику. Так, например, автор справедливо называет сложившийся национальный дуализм и дофедеративный опыт автономного самоуправления Верхней Канады и Нижней Канады объективными историческими предпосылками, которые неизбежно привели к юридическому оформлению федерализма. И. Н. Ившина также логично выделяет последовательность этапов эволюции канадского федерализма: этап централизации (1867 год – начало 1960-х годов), связанный с длительным становлением системы федеративных отношений, и этап относительной децентрализации (с начала 1960-х годов), связанный с ее развитием в новых экономических и политических условиях.

Автором также проведена четкая классификация статутах (с. 28–35), показана чреватость конфликтами сферы совместных полномочий (с. 125 и след.), дан тонкий анализ деятельности федерально-провинциальных конференций (с. 128 и след.), отражен процесс формирования территориально-субъектного состава канадской федерации и т. д.

Каких-либо принципиальных, концептуальных ошибок в монографии нет, однако присутствуют некоторые неоправданные заявления и цитаты. Например, на с. 8 приводится «общая дефиниция федерализма, данная американскими авторами», которая звучит так: «федерализм – это форма распределения власти между центральными государственными органами и органами штатов». Автор ссылается на решение Верховного суда от 1819 года. Должен сказать, что это почти буквальная цитата из А. Гамильтона (см. «Федералист» № 33), чего судьи и не скрывали. На с. 39 сообщается, что в результате войны за независимость в США установилась республиканская форма правления, и этот факт подтверждается ссылкой на United States Code. По-моему, это сродни ссылке на Галилея для подтверждения формы Земли. Автор полагает, что государства англосаксонской правовой системы традиционно не имеют писаных конституций (с. 25). Но на этой же странице мы узнаем, что США, Канада и Австралия имеют писанные конституции. В этот список можно добавить ЮАР, а не включать в него только Новую Зеландию и само Соединенное королевство, т. е. эти страны традиционно имеют писаную конституцию.

В заключение работы (с. 163) И. Н. Ившина категорически требует реформирования или упразднения некоторых органов власти Канады. Думаю надо быть мягче, пусть канадцы сами решат. (Хотя, по существу, она, наверное, права.)

Перед нами весьма ценное пособие для всех интересующихся проблемами федерализма вообще и канадского в частности.

*И. Ю. Козлихин,
доктор юридических наук,
профессор по кафедре истории
и теории права и государства
Санкт-Петербургского государственного
университета*

**НОВАЯ МОНОГРАФИЯ О СВОЙСТВАХ
И ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СЕРЫХ ЛЕСНЫХ
АВТОМОРФНЫХ И ПОЛУГИДРОМОРФНЫХ
ПОЛИГЕНЕТИЧЕСКИХ ПОЧВ
ВЯТСКОГО ПРИКАМЬЯ**

Прокашев, А. М. Серые лесные полигенетические почвы Вятского Прикамья [Текст] / А. М. Прокашев. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. 187 с; ил.

Книга А. М. Прокашева опубликована в 2006 г. и посвящена проблеме изучения особенностей палеоэкологии формирования и развития этих почв на протяжении последних 12 тыс. лет. Справедливость тезиса «Почва – зеркало и память ландшафта», вынесенного в эпиграф монографии, убедительно доказывается данными экспериментального изучения свойств серых лесных полигенетических почв, имеющих в строении профиля остаточные или погребенные гумусовые горизонты. Именно они являются отражением своеобразного (переходного) положения ландшафтов на стыке леса и степи, а также их развития в голоцене. Автор хорошо аргументировал и тезис о том, что Вятское Прикамье, где располагается один из наиболее северных форпостов распространения серых лесных почв, имеет много особенностей как в современном положении, так и в палеогеографическом, биоклиматическом и геогенном плане.

Основной целью работы А. М. Прокашева стало познание истории становления современных серых лесных автоморфных и полугидроморфных почв Вятского Прикамья как полигенетических почвенных образований. А основной задачей исследования стало изучение особенностей минеральной и органической фаз, а также природы консервативных и актуальных свойств серых лесных почв различной подтиповой принадлежности. Актуальность исследования автора дополняется еще тем, что эти почвы служат надежным индикатором палеогеографической реконструкции ландшафтов современной южнотаежной подзоны и смежной с ней зоны востока Русской равнины. Но в современном, экологически несбалансированном землепользовании серые лесные полигенетические почвы быстрыми темпами трансформируются в агроземы и как памятники природы исчезают с современных почвенных карт Вятского Прикамья. Сохранение в первоизданном или слабонарушенном виде ареалов серых лесных почв как зеркала древних голоценовых и позднеледниковых почв востока европейской России должно войти в практику работы агрономических и природоохранных служб.

Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. Библиографический список включает в себя 257 проанализированных литературных источников, из них 27 авторских, посвященных той или иной стороне изучаемой проблемы. Автор выделяет два основных этапа формирования и развития

почв: протопедогенетический (подготовительный) и собственно педогенетический. На первом этапе ведущая роль принадлежала геологическим процессам в перигляциальных условиях Валдайской эпохи оледенения. Но определяющим периодом в эволюции серых лесных почв Вятского Прикамья, по мнению А. М. Прокашева, является собственно педогенетический этап, совпадающий с голоценом. Основными в это время были две стадии: ранне-среднеголоценовая (почвы формировались в режиме типичного аккумулятивного почвообразования) и средне-позднеголоценовая (почвы вступили в аккумулятивно-элювиальную фазу педогенеза).

Серые лесные почвы со сложным органо-минеральным профилем в современных биоклиматических условиях Вятского Прикамья стали памятью древних бореально-атлантических ландшафтов востока Русской равнины. Они запечатали и донесли до наших дней следы различных эпох почвообразования. В последние три столетия наметилось четкое обособление специфической – антропогенной фазы почвообразования. По мнению автора, наложение на относительно «медленные» естественные элювиальные процессы более «быстрых» антропогенных (также деградационных по сути) грозит полным исчезновением этих самобытных почв. Вот почему так важно выявить и сохранить для потомков последние островки целинных и некоторых пахотных участков с серыми лесными почвами со сложным органо-профилем путем организации специальных почвенных микрозаказников и микрозаповедников. А в будущей Красной книге почв – это один из первых кандидатов среди почв, представляющих научно-познавательную, природоохранную и эколого-воспитательную ценность.

В заключение следует еще раз подчеркнуть комплексный подход и высокую надежность тех положений, которые А. М. Прокашев приводит в своей монографической работе, хотя временами и увлекается использованием научной терминологии. Все выводы базируются на данных экспериментального изучения свойств серых лесных полигенетических почв, имеющих в своих профилях остаточные или погребенные гумусовые горизонты. Монография в достаточной мере иллюстрирована картами, фото, рисунками и таблицами, которые расположены в соответствии с текстом и хорошо дополняют его. Таблицы и рисунки удачно скомпонованы, легко читаемы и подтверждают теоретические заключения и выводы автора. Работа будет востребована специалистами различного профиля: почвоведрами, географами, биологами, агрономами, экологами, лесоводами, краеведами, преподавателями и студентами высших и средних учебных заведений, учителями школ и др.

*Н. А. Охорзин,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент по кафедре географии ВятГГУ*

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 3 (18)

Подписано в печать 23.11.2007
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Тираж 999. Заказ № 821.

Издательский центр ВятГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674